

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)

ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024

Том 23. № 4

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024

Volume 23. No. 4

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024

Том 23. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024

Volume 23. No. 4

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024. Vol. 23. No. 4

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd);

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *I.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *O.A. Radyush* (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova*,

Yu.I. Nedelkina

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Nov. 7, 2024.

Date of publication: , 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 20.7. Published pages 22.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 111. «C» 33.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024. Т. 23. № 4

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зилвинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); канд. ист. наук, проф. *И.И. Мар-*

ченко (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мо-*

нахов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргу-*

нова (г. Оренбург); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недаш-*

ковский (г. Казань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

О.А. Радюш (г. Москва); канд. ист. наук *Б.А. Раев*

(г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин*

(г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн,

Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэ-

диссон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов*

(г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова,*

Ю.И. Неделькина

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 07.11 2024 г.

Дата выхода в свет: . 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,7.

Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 111. «С» 33.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Балабанова М.А., Дьяченко А.Н.*
Археологические и антропологические аспекты
исследования погребений предскифского времени
Волго-Донского междуречья 5
- Демиденко С.В., Сиротин С.В.* Военское
кочевническое погребение с бронзовым котлом
из некрополя Переволочан 1
на Южном Урале 28
- Грачев М.А., Зимина О.Ю., Приходько Н.В.,
Шарапова С.В.* Курганы саргатской культуры
Среднего Прииртышья: новые подходы
к оценке социального ландшафта 53
- Радюш О.А.* Происхождение и атрибуция предметов
стиля восточноевропейских выемчатых эмалей
(конец II – IV в. н.э.), найденных к югу и востоку
от основного днепровского ареала 75
- Ковалева К.С.* Определение порога
«загрязнение / лигатура» свинцом сплавов
на основе меди золотоордынских памятников
Нижнего Поволжья 115

ПУБЛИКАЦИИ

- Кияшко А.В.* Родовые склепы
раннекатакомбного времени на Нижнем Дону
и вопросы генезиса катакомбного обряда 127
- Сиротин С.В., Окорокоев К.С., Богачук Д.С.*
Воинский комплекс из некрополя
«Высокая Могила – Студеникин Мар»:
новые находки защитного вооружения
ранних кочевников на Южном Урале 156

КРИТИКА И ДИСКУССИИ

- Засецкая И.П.* По следам исследований. Часть II 189

ИНФОРМАЦИЯ О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

- Очередной А.К., Ремизов С.О., Иванов Я.Д.,
Смолкина В.С., Кезина Е.М., Курбанов Р.Н.,
Идрисов И.А.* Новые данные
о среднепалеолитическом памятнике Челюскинец II
(по результатам работ 2024 г.) 209

ПЕРСОНАЛИИ

- Памяти Марины Глебовны Мошковой (1929–2024)
(*Демиденко С.В., Малашев В.Ю., Сиротин С.В.*) 219

CONTENTS

ARTICLES

- Balabanova M.A., Dyachenko A.N.*
Archaeological and Anthropological Aspects
of the Study of the Pre-Scythian Burials
from the Volga-Don Interfluvium 5
- Demidenko S.V., Sirotnin S.V.* The Nomadic
Military Burial with a Bronze Cauldron
from the Necropolis of Perevolochan 1
in the Southern Urals 28
- Grachev M.A., Zimina O.Yu., Prikhodko N.V.,
Sharapova S.V.* Kurgans of the Sargat Culture
in the Middle Irtysh River Basin: New Approaches
in Estimation of Social Landscape 53
- Radyush O.A.* Origin and Attribution of the Items
in Eastern European Champlévé Enamels Style
(Late 2nd – 4th Centuries) Found South-Eastward
of the Main Dnieper Area 75
- Kovaleva K.S.* Lead “Contamination / Ligature”
Threshold Evaluation in Copper-Based Alloys
of the Golden Horde Monuments
from the Lower Volga Region 115

PUBLICATIONS

- Kiyashko A.V.* Clan Crypts
on the Lower Don of the Early Catacomb Time
and Genesis Issues of the Catacomb Rite 127
- Sirotnin S.V., Okorokov K.S., Bogachuk D.S.*
Warrior Burial
from “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis:
New Finds of Defensive Armor
of the Southern Urals Early Nomads 156

CRITICISM AND DISCUSSION

- Zasetskaya I.P.* Following the Research. Part II 189

INFORMATION ON FIELD STUDIES

- Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D.,
Smolkina V.S., Kezina E.M., Kurbanov R.N.,
Idrisov I.A.* New Data
on the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II
(Based on 2024 Fieldwork Results) 209

PERSONALIA

- In Memory of Marina Glebovna Moshkova (1929–2024)
(*Demidenko S.V., Malashev V.Yu., Sirotnin S.V.*) 219

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

UDC 903'1(470.4)
LBC 63.442.7(235.47)

Submitted: 23.03.2024
Accepted: 26.09.2024

**ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS
OF THE STUDY OF THE PRE-SCYTHIAN BURIALS
FROM THE VOLGA-DON INTERFLUVE**

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexander N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper is devoted to a study of archaeological and anthropological features of the four Pre-Scythian burials from the burial grounds of the Volga-Don interfluves. *Material and Methods.* In the course of the study, materials from the monuments Marinovka, Kurgan 1, burial 17 have been examined; Pervomaisky VII, kurgan 46, burial 8; Pervomaisky VIII, kurgan 5, burial 1 and Baranovka I, kurgan 10, burial 11. In order to evaluate the archaeological context, a typological research method and the results of radiocarbon dating are applied; for the purpose of studying anthropological features, craniological analysis and pathological conditions analysis were conducted. *Analysis and Discussion.* The study of the funeral rite and the material culture grave goods of the Pre-Scythian period made it possible to attribute the three burials to the so-called “Chernogorovsky type” and one to the “Novocherkassk type”. The dates comparison obtained by the relative chronology method with radiocarbon dating showed some underestimation of the existent burials timing in absolute dates. Individual skulls features revealed heterogeneity of composition which is associated with both the previous Late Bronze Age population from this territory who practiced the crouched position of the deceased in funeral rituals, and with newcomer groups morphologically similar to the population of the Bronze Age of Southern Siberia (Karasuk) who use elongated bones practice in the funeral rite. Furthermore, a series of the skulls pathological features showed their similarity to the population of the Sauromatian-Sarmatian period who practiced nomadic lifestyle. *Conclusions:* The materials from the monuments of the Volga-Don interfluve described in the paper illustrate the burial traditions similarity and morphological specificity of the Pre-Scythian population from the Northern Black Sea, the Lower Don and the Ciscaucasia regions.

Key words: physical type, Srubnaya culture, Pre-Scythian time, craniology, Lower Volga region, burial ground, burial, radiocarbon dating.

Citation. Balabanova M.A., Dyachenko A.N., 2024. Arheologicheskie i antropologicheskie aspekty issledovaniya pogrebeniy predskifskogo vremeni Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [Archaeological and Anthropological Aspects of the Study of the Pre-Scythian Burials from the Volga-Don Interfluve]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 5-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена обсуждению археологического и антропологического аспектов четырех погребений предскифского времени из могильников Волго-Донского междуречья. *Материалы и методы.* В процессе исследования рассматриваются материалы из памятников: Мариновка, курган 1, погребение 17; Первомайский VII, курган 46, погребение 8; Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 и Барановка I, курган 10, погребение 11. Для оценки археологического контекста используется типологический метод исследования и результаты радиоуглеродного датирования; для антропологического – краниологический анализ и анализ патологического состояния. *Анализ и обсуждение.* Изучение погребального обряда и элементов материальной культуры погребений предскифского времени позволило отнести три погребения к «черногоровскому» типу и одно – к «новочеркасскому». Сопоставление дат, полученных методом относительной хронологии, с радиоуглеродными датами показало некоторое занижение времени существования погребений в абсолютных датах. Индивидуальная характеристика черепов выявила неоднородность состава, которая связана с компонентами как предшествующего позднебронзового населения этой территории, практиковавшего в погребальной обрядности скорченное положение умершего, так и с пришлыми группами, морфологически сходными с населением эпохи бронзы Южной Сибири (карасукским), практиковавшими вытянутое положение погребенных. Комплекс признаков патологического состояния черепов показал их сходство с населением савромато-сарматского времени, являющимся по хозяйственному типу кочевниками. *Выводы.* Описанные в статье материалы памятников Волго-Донского междуречья иллюстрируют сходство погребальных традиций и морфологическую специфику населения предскифского времени Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Предкавказья.

Ключевые слова: физический тип, срубная культура, предскифское время, краниология, Нижнее Поволжье, могильник, погребение, радиоуглеродное датирование.

Цитирование. Балабанова М. А., Дьяченко А. Н., 2024. Археологические и антропологические аспекты исследования погребений предскифского времени Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

Введение

Начало раннего железного века в Восточно-Европейских степях принято обозначать как «предскифский период», его дата определена в границах IX–VII вв. до н.э. По результатам многолетних исследований была выделена «киммерийская» археологическая культура, название которой является условным, но оно широко используется специалистами, историками и археологами. Для Северного Причерноморья и Северного Кавказа эта культура соотносится с предскифским населением, фигурировавшим в античных и вос-

точных источниках под этнонимом «киммерийцы» [Дударев, 1999; Лукьяшко, 1999; Потапов, 2000; Махортых, 2005; и др.].

Если в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе памятники предскифского времени представлены массовым материалом, то в памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья эта эпоха отражена относительно слабо. Работ, посвященных комплексам указанного времени, не так много, а имеющиеся зачастую носят характер предварительных публикаций.

За последние 30–50 лет на территории Волго-Донских степей было открыто около

двух десятков подкурганых захоронений, датирующихся предскифским временем (IX–VII вв. до н.э.). Вместе с выявленными ранее, хорошо известными предскифскими погребениями они составляют представительную источниковую базу памятников так называемого переходного периода. В то же время остается нерешенным ряд проблем, связанных с интерпретацией памятников этого времени. Дискуссионными являются вопросы происхождения степного предскифского археологического комплекса (именуемого иногда «киммерийским»), соотношения погребений «черногоровского» и «новочеркасского» типов и, наконец, хронологии погребений указанного периода. Последнее осложняется малым количеством радиоуглеродных дат, что особенно актуально для нижневолжских памятников в целом.

В представленной статье анализируется археологический и антропологический материал четырех погребений предскифского времени, обнаруженных при раскопках курганных могильников Мариновка (кург. 1, погр. 17), Первомайский VII (кург. 46, погр. 8), Первомайский VIII (кург. 5, погр. 1) и Барановка I (кург. 10, погр. 11). Обозначенные объекты археологии располагались на территории Волгоградской области, в северо-восточной и южной частях Волго-Донского междуречья, на береговых и водораздельных участках, приуроченных к донскому левобережью (рис. 1, 1). Их исследование было проведено в 70–90-е гг. прошлого века, по результатам которых были сделаны предварительные публикации, носившие в основном описательный характер.

В 2022 г. для указанных погребальных комплексов были получены радиоуглеродные даты, выполненные в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН. В этой связи появилась возможность уточнения их культурной принадлежности, корректировки хронологии в свете современных тенденций радиоуглеродного датирования памятников предскифского времени степной Евразии, а также морфологического анализа краниологической серии и определения патологических состояний костных останков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования являются четыре погребения, относящиеся к предскифскому времени, их археологические и антропологические составляющие, а также имеющиеся радиоуглеродные даты. При исследовании материалов погребений и их археологической атрибутики использовалась общепризнанная типологическая методика с применением метода датированных аналогий.

Относительная датировка комплексов сопоставлялась с датами, полученными по результатам радиоуглеродного анализа. Принципы радиоуглеродного датирования подробно приводятся в статье Э.П. Зазовской [2016]. Соответствующие работы были проведены в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э.П. Зазовской [2022].

Половозрастная диагностика и индивидуальная краниологическая характеристика черепов проводились на основе принятых в отечественной антропологии методик. Измерительная и описательная программа состояла из более чем 90 признаков [Алексеев, Дебец, 1964; Рогинский, Левин, 1978; Козинцев, 1988; Мовсесян, 2005].

Индивидуальные значения краниометрических, краниоскопических и признаков патологического состояния впервые вводятся в научный оборот. Краниологические измерения представлены в таблице 1, а фото черепов – на рисунках 4–6.

Анализ и обсуждение результатов

Археологический контекст

Могильник Мариновка, курган 1, погребение 17. Могильник располагался в окрестностях с. Мариновка Калачевского района Волгоградской области. Раскопки проведены в 1978 г. Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В.И. Мамонтова [Мамонтов, 1983]. Предскифское погребение 17 было впущено в центральную часть кургана, совершено в подбойной могиле, ориентированной продольной осью по линии З – В. Скелет взрослого человека лежал на дне под-

боя на спине с подогнутыми ногами, черепом ориентирован на восток, правая рука согнута в локте, левая вытянута. Под костяком отмечены остатки органической подстилки (рис. 1,2).

В могиле погребенного сопровождали следующие предметы.

1. Короткий бронзовый однолезвийный нож с горбатой спинкой, лежащий на ребрах левой стороны туловища. Длина – 4,8 см, длина черенка – 1,4 см (рис. 1,10).

2. Бронзовые обкладки какого-то деревянного предмета, возможно сосуда, находились в районе правого плеча и головы погребенного; края загнуты, на концах отмечены узкие отверстия, сквозь которые тонкими гвоздиками обкладки крепились к деревянной основе (рис. 1,3–5,8).

3. Бронзовый перстень с овальным щитком, обнаруженный у локтевого сгиба правой руки, концы обломаны (рис. 1,7).

4. Необработанный обломок кремня, покрытый трещинами, найденный у южной стенки подбоя.

5. Альчик барана – у левого плеча погребенного.

6. Небольшой фрагмент горловины сероглиняного сосуда, находившийся рядом с предплечьем правой руки, венчик слегка отогнут наружу, в тесте отмечена толченая ракушка (рис. 1,6).

7. Кости барана в сочленении (тазовая кость и часть ноги) – около левого плеча погребенного.

Автор раскопок соотносил это погребение с «киммерийским хронологическим пластом» и датировал его VIII–VII вв. до н.э. [Мамонтов, 1983, с. 160].

Могильник Первомайский VII, курган 46, погребение 8. Могильник располагался в 7,5 км к ЮЮЗ от пос. Первомайский Калачевского района Волгоградской области на мысовом выступе левого берега Дона (Цимлянское водохранилище). Курган 46 находился в западной части могильника. Его раскопки проведены Донской экспедицией Волгоградского педагогического университета под руководством В.И. Мамонтова в 1995 г. [Мамонтов, 2000].

Предскифское погребение 8 впускное, совершено в прямоугольной яме, ориентиро-

ванной продольной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ. Скелет мужчины лежал на левом боку в скорченном положении, черепом ориентирован на ЗСЗ. Левая рука вытянута к бедрам; правая рука, вероятно, была согнута в локте (плечевая кость не сохранилась), ее предплечье лежало на поясничном отделе позвоночника. Ноги согнуты в коленях под острым углом (рис. 2,1).

Погребенного сопровождали следующие предметы.

1. В ногах – небольшой лепной сосуд, имевший реповидное тулово с коротким прямым горлом и плоское дно с выделенной закраиной. В тесте отмечена примесь битой ракушки. Высота сосуда – около 10 см (рис. 2,3).

2. За головой погребенного – развал крупного лепного сероглиняного сосуда, имевшего вазообразное тулово с высоким горлом (венчик утрачен в древности) и плоское неширокое дно. Сосуд орнаментирован врезным геометрическим узором, состоящим из круговой прочерченной линии и горизонтального ряда треугольников у основания горловины, широких круговых зигзаговидных полос в средней части тулова; треугольники и полосы заполнены косыми тонкими линиями, тулово местами подлощено, в тесте отмечена примесь песка, на внутренних стенках – налет от остатков пищи, высота сосуда – 28 см (рис. 2,4).

3. В грунтовом выбросе найден фрагмент окончания бронзовых стремевидных удил длиной 3,7 см (рис. 2,2).

Автор раскопок относил данное погребение к «киммерийскому периоду» и датировал его VIII–VII вв. до н.э. [Мамонтов, 2000, с. 82–83].

Могильник Первомайский VIII, курган 5, погребение 1. Могильник располагался в 2 км к ЮЮЗ от пос. Первомайский Калачевского района Волгоградской области на целинном участке левобережной террасы Цимлянского водохранилища. Раскопки проведены Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР и Донской экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством В.И. Мамонтова в 1987 и 1990 гг. [Мамонтов, 2001].

Погребение 1 предскифского времени было обнаружено в кургане 5. Погребение основное, совершено в небольшой яме подтреугольных очертаний. Скелет мужчины 40–

45 лет лежал скорченно на левом боку, черепом на запад. Слегка согнутые в локтях руки вытянуты перед туловищем к бедрам, кисти сведены вместе. Ноги сильно согнуты в коленях, ступни прижаты к тазу (рис. 2,5).

Под левой частью грудной клетки обнаружен бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы длиной 3,7 см. Перо ромбовидное, по нему проходит валик, переходящий во втулку (рис. 2,6).

Автор раскопок датировал наконечник стрелы, как и весь комплекс, «новочеркасским» этапом предскифского периода [Мамонтов, 2001].

Могильник Барановка I, курган 10, погребение 11. Могильник располагался на правом берегу р. Иловли (левый приток Дона) близ пос. Петров Вал и с. Барановка Камышинского района Волгоградской области. Раскопки кургана 10, самого крупного в могильнике, проведены в 1989 г. экспедицией Волгоградского госуниверситета под руководством И.В. Сергацкова [1991].

Погребение 11, датируемое предскифским временем, было впущено в центральную часть кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, продольной осью ориентирована по линии 3 – В. В заполнении встречены остатки деревянного перекрытия и камни. На дне вытянуто на спине лежал скелет мужчины 35–40 лет, черепом на запад. Погребальный инвентарь сконцентрирован в юго-западном углу ямы, у правого плеча погребенного (рис. 3,1).

В вещевой набор входили следующие предметы.

1. Бронзовые длинновтульчатые наконечники стрел с ромбовидной головкой (рис. 3,2–13); два железных наконечника стрел, один из которых со штыревидной головкой, другой – втульчатый двухлопастной с ромбовидной головкой (рис. 3,14,15); четыре костяных наконечника, квадратных в сечении, с внутренней втулкой (рис. 3,22,23); три деревянных заточенных древка без наконечников и фрагмент деревянного штырька с кольцевым желобком, возможно также являющийся древком стрелы (рис. 3,16,21,24–26); все наконечники и древки находились в кожаном колчане, сохранившемся во фрагментах.

2. Рядом с колчаном вертикально стоял роговой стержень с тремя вырезанными рельефными кольцевыми поясками, украшенными врезными концентрическими кругами; вверху стержня находилась петля, на нижнем заостренном конце были проточены семь продольных желобков, а поверх надеты два съемных костяных кольца, также орнаментированных врезными кругами, орнамент заполнен красной краской (рис. 3,17–19).

3. Рядом со стрелами острием на запад лежал железный наконечник копья с пером лавровидной формы, продольным ребром и остатками древка во втулке, общая длина наконечника – 32 см (рис. 3,20).

Автор раскопок соотносил данное погребение с историческими киммерийцами и датировал его VIII – началом VII вв. до н.э., в рамках «новочеркасского» этапа предскифского периода [Сергацков, 1991, с. 243].

Какое же место занимают представленные комплексы в системе предскифских древностей степной полосы и какова корреляция их относительной хронологии с имеющимися абсолютными датами?

Почти все публикуемые погребения, как и большинство синхронных с ними, впущены в курганы бронзового века, как правило – в центральные части курганных насыпей. Исключение составляет погребение 1 в кургане 5 могильника Первомайский VIII, являющееся основным. Могильные конструкции типичны, преобладают простые подпрямоугольные ямы. Позиция погребенных самая разная – от положения скорченно и полускорченно на боку с ориентировкой головой на восток или на запад до положения вытянуто на спине с преобладающей ориентировкой на запад.

Исходя из форм могильных сооружений, особенностей погребального обряда и сопутствующего инвентаря, культурно-хронологическая интерпретация публикуемых археологических комплексов представляется достаточно очевидной.

Первые три погребения выборки (могильники Мариновка, Первомайский VII и VIII) хорошо вписываются в круг древностей так называемой черноговровской культуры, представляющий ранний этап предскифского периода, охватывающий широкие простран-

ства степной Евразии во временных границах последней трети IX – VIII в. до н.э.

Более ранними, на наш взгляд, являются погребение 1 кургана 17 могильника Мариновка и погребение 8 кургана 46 могильника Первомайский VII. Они соотносимы с известными раннечерногоровскими погребальными комплексами так называемой северо-восточной зоны черногоровских погребений [Вальчак и др., 1996; Потапов, 2000; Дубовская, 1994]. В мариновском погребении зафиксирована достаточно архаичная и редко встречаемая в нижневолжских памятниках подбойная форма могильного сооружения, в которой погребенный покоится в полускорченном положении, головой на восток, что для погребений предскифского времени считается относительно ранним признаком [Дворниченко, 1982; Лукьяшко, 1999, с. 129–144]. В сопровождающем инвентаре этого погребения также присутствуют характерные для ранних комплексов предскифского времени предметы: бронзовые обкладки или оковки деревянного сосуда (?), короткий бронзовый нож с горбатой спинкой типа «камышеваха», кости животных. Погребение 8 кургана 46 могильника Первомайский VII с положением погребенного скорченно на боку головой в западную сторону также отнесено к раннечерногоровским захоронениям. Здесь ярким хронологическим репером является фрагмент бронзовых удил со стремевидным окончанием и гладким стержнем. Данный тип удил один из самых ранних и самых распространенных в предскифское время, встречается в черногоровских комплексах как на западе степной Евразии, так и на востоке [Тереножкин, 1976, с. 49, 54; Вальчак и др., 1996; Вальчак, 2009, с. 92–94]. Отметим, что целое звено аналогичных бронзовых удил найдено в насыпи кургана 12 того же могильника, над погребением 8, атрибутированным автором раскопок как «киммерийское» [Мамонтов, 2000, с. 15, рис. 19, 16].

Интересна керамическая посуда из погребения 8 кургана 46, обнаруживающая близкие аналоги в инокультурных погребальных памятниках. Речь идет о лепном реповидном горшке на поддоне и вазообразном сосуде типа «корчага» с врезным геометрическим орнаментом на тулове (рис. 2, 3, 4). Форма и структура глины, а также приемы лощения и

орнаментации этих сосудов не имеют аналогов в местной нижневолжской керамике предшествующего периода поздней и финальной бронзы. В то же время прототипы и полные соответствия нашей керамике хорошо известны в поселенческих материалах финальной бронзы Северного Причерноморья и предскифского периода Нижнего Подонья, в частности в керамическом комплексе белозерской и кобьяковской культур [Ванчугов, 1982; Шарафутдинова, 1980, с. 8, 9, табл. XVIII].

Вероятно, не позднее рубежа IX–VIII вв. до н.э. указанный тип керамики распространяется в степях Подонья и Нижнего Поволжья, в известной степени маркируя направленность культурогенетических процессов.

Более позднюю позицию в выборке черногоровских погребений занимает погребение 1 кургана 5 могильника Первомайский VIII. Позиция погребенного, его ориентировка головой в западную сторону (признак, характерный для поздних черногоровских и новочеркасских погребений), а также наличие в инвентаре бронзового ромбовидного наконечника стрелы с удлиненной втулкой – все это отодвигает дату этого погребения к середине – третьей четверти VIII в. до н.э. [Тереножкин, 1976, с. 192, 193; Потапов, 2000, с. 11–12].

Таким образом, наиболее приемлемый хронологический интервал для черногоровских погребений выборки – конец IX – первая половина VIII в. до н.э., со смещением верхней даты погребения из Первомайского VIII во вторую половину VIII в. до н.э.

Как отмечалось выше, для публикуемых погребений недавно были получены радиоуглеродные даты, выполненные в Институте географии РАН [Зазовская, 2022].

Усредненные вероятные даты черногоровских погребений (по σ_2) выглядят следующим образом:

Первомайский VII, курган 46, погребение 8 – 821 г. до н.э.

Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 – 827 г. до н.э.

Мариновка, курган 1, погребение 17 – 869 г. до н.э.

В целом эти даты соответствуют археологической хронологии, проведенной на основе сравнительно-пространственного анализа. Вызывают лишь некоторые вопросы занижен-

ные временные показатели комплексов из Первомайского VIII и Мариновки. В то же время, учитывая тенденции к удревнению предскифского периода, что может быть связано с постоянной корректировкой калиброванных значений, эти даты вполне могут быть корректными [Зазовская, 2016].

Позднейший этап предскифского (предсавроматского) времени в наших материалах представляет погребение 11 кургана 10 могильника Барановка I (рис. 3), совершенно справедливо автором раскопок отнесенное к кругу памятников новочеркасского типа [Сергацков, 1991]. Яркий вещевой комплекс этого погребения, безусловно, отражает этнокультурные связи с населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа в предскифское время. Элементы обряда и вещевой материал барановского захоронения находят многочисленные аналогии в степных памятниках Восточной Европы, датирующихся предскифским или «киммерийским» временем [Сергацков, 1991, с. 241–243]. В то же время погребальный инвентарь этого комплекса – бронзовые, костяные и железные наконечники стрел, наконечник железного копья и заостренный роговой стержень, интерпретированный О.Р. Дубовской как рукоятка плети-нагайки [Дубовская, 1989; 1997, с. 58–59], демонстрирует его воинский характер, указывая направление возможных вторжений киммерийских военных формирований.

Дату барановского погребения автор первой публикации помещает в широкие временные границы VIII – начала VII в. до н.э. [Сергацков, 1991, с. 243]. В целом, соглашаясь с указанной хронологией, отметим, что полученная радиоуглеродная дата несколько удревняет это погребение, определяя его в диапазоне 783–780 гг. до н.э. (по $\sigma 2$), то есть в границах первой четверти VIII в. до н.э. Допуская хронологический «перехлест» новочеркасских погребальных памятников с черноморовскими, мы все-таки относим барановское погребение 11 к более позднему времени по сравнению с черноморовскими погребениями представленной выборки. Вероятный временной интервал погребения 11 из кургана 10 могильника Барановка I, с учетом современных тенденций в радиоуглеродном датировании опорных степных памятни-

ков предскифского времени, – вторая половина VIII в. до н.э.

Что касается соотношения черноморовских и новочеркасских археологических комплексов, то для нижневолжского региона черноморовский культурный тип представляется четко выраженным и относительно консолидированным, с устоявшимся набором культурообразующих элементов. Сменивший его новочеркасский культурный тип (возможно, какое-то время сосуществующий с первым) предстает явлением разобленным и аморфным. Региональные новочеркасские памятники чаще всего представлены либо случайными единичными находками, иногда в виде распаханых безкурганых комплексов или кладов престижных вещей, либо невнятными погребениями без четких хронологических привязок. В этом отношении погребение из Барановки I является уникальным, не имеющим аналогов в нижневолжских памятниках. Его материалы демонстрируют неординарный статус погребенного и явно привнесенный со стороны милитаризованный характер всего вещевого комплекса.

Индивидуальная характеристика черепов

Курганный могильник Мариновка, курган 1, погребение 17 (инв. № ВолГУ: 36–22, табл. 1,3, рис. 4). Череп хорошей сохранности, при определении пола был выделен комплекс признаков полового диморфизма, что позволило определить его как мужской. В этот набор входила относительная общая его массивность; сильно наклонный лоб; хорошо развитый лобный рельеф с крупными надбровными дугами и сосцевидными отростками; мощный наружный затылочный бугор и др. [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39]. Затылочная область уплощенная, возможна непреднамеренная искусственная деформация (?).

При определении возраста принималось во внимание общее физическое состояние черепа на момент смерти, которое включало сочетание степени стертости зубов и облитерации черепных швов. Их состояние позволило определить биологический возраст мужчины в пределах 25–35 лет. Несмотря на это, отмечается преждевременная полная облитерация

черепных швов как со стороны эндокрана, так и снаружи; степень стертости зубов по всем методическим пособиям не позволяет определить возраст мужчины старше 30–35 лет.

По набору краниометрических признаков череп крупный, средней длины и узкий, по указателю долихокранный [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117]. Черепной свод высокий от базион-брегма и средней высоты от порион-порион, по указателям гипсикранный и акрокранный. Основание черепа длинное и широкое. Вид черепа сверху ближе к овоидной форме. Рельеф на черепе развит выше среднего. У него очень массивные надбровные дуги и сосцевидные отростки.

Лобная кость широкая в наименьшей части и средней ширины в наибольшей. Угол поперечного изгиба лба резкий, а угол профиля от назион-метопион меньше 80° , что классифицирует лоб как покатый [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Хорда и дуга лобной кости средней длины. У теменной кости хорда и дуга короткие. Затылочная кость широкая, с короткой хордой и длинной дугой.

Лицевой скелет крупный, высокий и широкий по скуловой и верхней ширине, среднеширокий в средней части. Горизонтальная профилировка лица на обоих уровнях резкая, а вертикальная – ортогнатная. Альвеолярная дуга длинная и среднеширокая, а небо узкое и длинное. Нос мезоморфный и по высоте, и по ширине, и по пропорции (мезоринный). Нижний край грушевидного отверстия сформирован по типу предносовые ямки. Передненосовая ость длинная. Глазницы очень широкие и низкие, и по абсолютной ширине, и по указателю хамэконхные. Переносье и носовые кости среднеширокие и очень высокие. Угол выступания носа очень большой. По глубине клыковой ямки наблюдается асимметрия, несмотря на то что оба размера попадают в малые величины: слева – 2,5, справа – 4,2 мм.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить наличие надглазничных, теменных, сосцевидных и заднемышечковых отверстий, отверстий на скуловых костях, а также двусоставные затылочные мышелки, подглазничный узор, сформированный по типу I с обеих сторон; кость астерион с двух сторон и III тип небного шва [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988, с. 73–75, 103].

Из аномалий на черепной коробке следует выделить незначительные остеомы на теменных костях.

Из патологий Е.В. Перерва [2018] отмечает наличие S-образного искривления носовой перегородки, которое могло возникнуть в результате прижизненной травмы.

Курганный могильник Первомайский VII, курган 46, погребение 8 (инв. № ВолГУ: 17–108, табл. 1,1, рис. 5). Определение пола по черепу индивида, погребенного в этом комплексе, вызвало некоторое сомнение. Комплекс признаков полового диморфизма представлен нечетко. Несмотря на это, пол был определен предположительно как женский. Об этом свидетельствует как относительная общая грацильность черепа и сглаженность рельефа, так и отдельно взятые признаки, сформированные по женскому типу [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39]. Общее физическое состояние черепа на момент смерти, а также состояние степени стертости зубов и облитерации черепных швов – все это позволяет определить возраст в пределах 25–30 лет.

В процессе реставрационных работ череп удалось собрать почти полностью, за исключением левой скуловой кости, глазничной и носовой областей левой верхнечелюстной кости, которые отсутствовали

Череп длинный и широкий, по указателю брахикранный [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122]. Его свод высокий по обоим высотным размерам (17 и 20), основание крупное, длинное и широкое. Вертикальная норма черепа ближе к пентагоноидной форме. Рельеф на черепе развит слабо, кроме надпереносья и передненосовой ости, которые развиты выше среднего. Лобная кость средней ширины по наименьшей ширине и широкая по линии стефанион-стефанион, угол ее перегиба по линии фронтотемпоральных точек резкий. Вертикальная профилировка лба по линии назион-метопион почти прямая [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. У всех трех костей – лобной, теменной и затылочной – хорда и дуга длинные. Ширина затылка большая.

Лицевой скелет широкий по всем трем признакам: по скуловой, верхней и средней ширине. Высота лица большая с умеренной горизонтальной профилировкой на уровне глазниц. Вертикальный профиль лица ортогнатный.

Альвеолярная дуга короткая и широкая, а небо – широкое и длинное. Нос среднеширокий и высокий с антропинной формой грушевидного отверстия, мезоринный по пропорции. Передненосовая ось по Брока достигает 3 баллов. Размеры орбиты приводятся по правой стороне, которая мезоморфного строения как по абсолютным размерам, так и по указателю (мезоконхная). Переносье и носовые кости узкие и высокие, умеренно выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка глубокая.

Нижняя челюсть достаточно грацильная и по многим размерам попадает в категорию малых величин, кроме мышечковой ширины, которая большая, угловой и передней ширины, которые средних размеров.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить преждевременную облитерацию черепных швов, отсутствие надглазничного отверстия с обеих сторон, наличие теменных отверстий с обеих сторон, дополнительных косточек в лямбдовидном и затылочно-сосцевидном (справа) швах, отверстия на скуловых костях (справа) и подглазничный узор, сформированный по типу I, справа [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988].

Из аномалий на черепной коробке следует выделить наличие на правой теменной кости в области теменного бугра небольшой остеомы размером 4×3 мм и незначительные ореховидные вздутия на верхней и нижней челюстях. На нижней челюсти с правой стороны между клыком и первым премоляром наблюдается диастема шириной около 4 мм, там же зафиксирована гиподонтия 3-го моляра (зуб не вырос).

Курганный могильник Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 (инв. № ВолГУ: 17–104; табл. 1, 2, рис. 6). При определении пола по черепу индивида, погребенного в этом комплексе, не вызывала сомнения его принадлежность к мужскому полу, о чем свидетельствует как относительная общая его массивность, так и отдельно взятые признаки, сформированные по мужскому типу. Комплекс признаков полового диморфизма четко представлен [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39].

Для определения возраста рассматривалось общее физическое состояние черепа на момент смерти. Состояние степени стертости зубов и облитерации черепных швов

позволяет определить возраст мужчины – около 50 лет.

Череп длинный и среднеширокий, по указателю долихокраний [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117]. Его ушная высота средняя, а основание черепа широкое. Вертикальная норма черепа ближе к эллипсоидной форме. Рельеф на черепе развит средне, кроме надпереносья, которое хорошо развито.

Лобная кость средней ширины по обоим размерам, ее горизонтальная профилировка по линии фронтотемпоральных точек слабая, вертикальная профилировка по углу профиля лба от назион-метопион покатая [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Лобная хорда средней длины, а дуга короткая. У теменной кости хорда и дуга средней длины. Затылочная кость широкая с короткой хордой и среднелонной дугой.

Лицевой скелет по скуловой ширине попадает в категорию очень больших величин, а по верхней и средней ширине – в большие. Высота лица средняя с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне глазниц и резкой профилировкой на среднем уровне. Вертикальный профиль лица мезогнатный. Альвеолярная дуга длинная и широкая, а небо средней длины. Нос средневысокий и очень широкий как по абсолютной ширине, так и по носовому указателю (платиринный). Нижний край грушевидного отверстия имеет форму преднососовые ямки. Орбита очень широкая, средняя по абсолютной высоте и низкая по указателю (хамэконхная). Переносье узкое и высокое, а носовые кости средней ширины и высокие, резко выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка средней глубины.

Большая часть размеров нижней челюсти укладывается в среднемировые значения, кроме большой длины ее от мышечков и высоты симфиза, а также малой толщины тела.

Из дискретно-варьирующих признаков на черепе присутствуют: надглазничные отверстия; дополнительные косточки в венечном (*os Wormii suture coronalis*) и сагиттальном швах («*os suture sagittalis*»), располагаясь ближе к лобной кости; в затылочном шве «*os apices Lambdae*», а также множественные кости «*os Wormii sut. Lambdoidea*». Подглазничный узор сформирован по типу II [Козинцев, 1988, с. 75]. На правой половине лобной кости

в 17 мм от венечного шва и в 12 мм от лобного гребня присутствует остеома овальной формы, длинной осью ориентированная по стреловидному шву размером 11 × 8 мм.

Курганный могильник Барановка I, курган 10, погребение 11 (инв. № ВолГУ: 2–9; табл. 1, 4). Череп плохой сохранности. В процессе реставрации удалось собрать мозговую капсулу и часть лицевого скелета. К тому же на черепе заметна левосторонняя по смертная деформация, которая в какой-то степени исказила большую часть признаков мозгового отдела черепа, в таблице они даются под вопросом. Несмотря на плохую сохранность, на черепе присутствуют признаки, которые позволяют его диагностировать как мужской. Об этом же свидетельствуют находки в погребении, которые определяют его статус как воинский [Сергацков, 1991]. Степень зарастания черепных швов в сочетании со степенью стертости зубов позволяет определить биологический возраст мужчины на момент смерти в пределах 20–30 лет.

По тотальным размерам мозговой коробки череп средней длины и широкий, с низким сводом; по пропорциям – брахикранный, хамэкранный и тапейнокранный. Видимо, из-за молодого возраста места прикрепления мышц слабо прослеживаются, а рельеф сглажен, кроме среднеразвитого наружного затылочного бугра и сосцевидных отростков. Вид черепа сверху – сфеноидный, основание черепа широкое. Лобная кость широкая по наименьшей ширине и узкая по наибольшей. Ее профилировка по линии фронтотемпоральных точек плоская. У теменной кости дуга средней длины, а хорда длинная. Затылочная кость очень широкая, ее дуга и хорда средней длины.

Лицевой скелет средневысокий и широкий по верхней ширине. Альвеолярная дуга средней длины и широкая, небо тоже широкое, а нос узкий с антропинной формой нижнего края грушевидного отверстия.

Всего работ, посвященных краниологии ранних кочевников IX–VII вв. до н.э., четыре [Балабанова, 2005; Балабанова, Пилипенко, 2023; Батиева, 2011; Круц, 2017]. Тем не менее была выделена антропологическая специфика данного населения, которая отличается, прежде всего, внутригрупповой неоднородностью. С.И. Круц ее связала с культурными

традициями при изучении серии из Северного Причерноморья [2017, с. 85–91].

По мнению этого автора, «черногоровский вариант», сочетающий мезодолихоцефальный тип с резким лицевым горизонтальным профилем, имеет аналогии с типом скифов Нижнего Поднепровья и с населением поздней бронзы Закавказья. Что касается местных срубных и белозерских племен, то с ними связи не обнаруживаются.

«Новочеркасский вариант» резко отличается от черногоровского и сочетает мезобрахикефалию с широким лицом. Он обладает морфологическим сходством с позднекатакомбными племенами, с «таврским населением» Крыма, с карасукским и ближневосточным населением.

Серия предскифского времени из могильников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона также неоднородна, выделяется как минимум три компонента, которые образуют полиморфизм населения [Балабанова, 2005, с. 159–170].

Первый компонент сочетает долихокранию с резкими европеоидными чертами средиземноморского облика и имеет аналогии с позднебронзовым субстратом, племенами срубной культурно-исторической общности.

Второй – брахикранный, с незначительной или существенной уплощенностью лицевого скелета на верхнем уровне. Данное сочетание признаков встречается в сериях эпохи бронзы Сибири: у карасукского населения Минусинской котловины и андроновского (федоровского) населения Минусинской котловины, Восточного Казахстана и др.

Третий компонент – массивный мезокранный тип в сочетании с крупными чертами лицевого скелета. Он также встречается в сериях эпохи бронзы Сибири.

Кроме того, в работе [Балабанова, 2005] была отмечена связь морфологического типа с погребальными традициями. В серии со скорченным положением костяка преобладал мезо-долихокранный европеоидный тип; в серии с вытянутым положением костяка – мезобрахикранный вариант с тенденцией к уплощению горизонтального лицевого профиля на верхнем уровне. Последний тип впоследствии у населения савромато-раннесарматской эпохи будет преобладающим.

Е.Ф. Батиева [2011, с. 20–25], изучившая серию из 9 черепов предскифского времени Нижнего Дона, пришла к выводу, что они отличаются от черепов черноголовского варианта Украины. Эта серия характеризуется более широкой мозговой коробкой и лицом, которое уплощенное в горизонтальной плоскости, а нос слабее выступает. Сходство нижнедонской серии она находит с сериями ранне- и среднебронзового века Подонья, Поволжья и Украины. Отмечает почти полное отсутствие какой-либо связи как с населением срубной, так и с населением кобанской и кобяковской культур. Кроме того, автор указывает на сходство их с сериями, которые могли иметь отношение к киммерийской истории («тавры Крыма» и карасукское население).

Таким образом, все три автора отмечают возможное влияние карасукского населения на формирование антропологического облика населения предскифского времени Восточно-Европейских степей. Эта гипотеза получила подтверждение и в недавнем нашем исследовании [Балабанова, Пилипенко, 2023, с. 15]. Морфологические аналогии наблюдаются с той частью населения, которая практиковала обряд погребений с вытянутыми костяками. Данный обряд не встречался в могильниках поздней бронзы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но имел место в карасукской культуре. К тому же современные разработки хронологии и периодизации памятников как карасукской культуры, так и ранних кочевников IX–VII вв. до н.э. Южного Приуралья и Нижнего Поволжья не противоречат этому, так как верхняя дата карасукской культуры (IX в. до н.э.) является нижней датой предскифского периода.

Сочетание брахикранного типа с ослабленной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и вытянутое положение костяка в погребении встречаются и в исследуемой группе черепов. В серии из четырех черепов два черепа имеют брахикранную форму и два долихокранную. Как мужской, так и женский череп брахикранной формы имеют большие размеры поперечного диаметра. Долихокранные формы были определены на двух мужских черепах, один из которых имел длинную и среднеширокую мозговую коробку (Первомайский VIII, курган 5, погребение 1), а вто-

рой (Мариновка, курган 1, погребение 17) среднелиннкую и узкую. Череп из могильника Барановка I, курган 10, погребение 11 был с низким сводом, а из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII и погребения 17 кургана 1 могильника Мариновка – с высоким.

Что касается лицевого отдела черепа, то все черепа имеют широкое и высокое лицо, кроме черепа из могильника Барановка I. На двух из трех черепов горизонтальный профиль на уровне глазниц уплощенный. Несмотря на это, переносье и носовые кости высокие, а угол носа выступает резко к линии профиля. Только на женском черепе профиль носа средний. Таким образом, почти все черепа демонстрируют некоторую специфику по набору признаков, характерных для савромато-раннесарматской эпохи [Балабанова, 2018, с. 40–48; Китов, Мамедов, 2014, с. 160–166].

Палеопатологическое обследование населения предскифского времени с территории Восточно-Европейских степей проводил Е.В. Перерва [2018, с. 87; 2022, с. 12]. В процессе исследования удалось установить, что по частоте встречаемости маркеров стресса население Нижнего Поволжья IX–VII вв. до н.э. близко группам савроматского и сарматского времени с этой же территории.

Основными характеристиками исследуемой группы по комплексу патологических состояний зубочелюстной системы являются высокие показатели встречаемости зубного камня, пародонтоза и сколов эмали. Серия также характеризуется отсутствием кариеса [Перерва, 2018, с. 84]. Данный набор признаков указывает на то, что рацион исследуемых индивидов базировался на диете, богатой белком (мясомолочный комплекс). Кроме того, автор отмечает наличие в серии гормональных нарушений в виде следов лобного гипертостоза, а также маркеров холодового стресса, следы дегенеративных изменений и, что очень важно, у четырех мужчин наличие патологического комплекса, связанного с верховой ездой (комплекс всадничества). Еще одной специфической особенностью группы является наличие на трех черепах доброкачественных образований в виде костных остеоидов, различных по размерам и локализации, а также у двух индивидов на нижней челюсти

обнаружены ореховидные вздутя – «torus mandibularis».

Основные выводы

Начало I тыс. до н.э. стало важнейшей эпохой в жизни населения степной Евразии. Главное содержание этой эпохи – окончательный переход к кочевничеству и утверждение нового хозяйственно-культурного типа, основанного на подвижных формах скотоводства. Это было время распада старых культурных связей, уходящих своими корнями в позднебронзовый век, и становления новых направлений связи и развития для скотоводческих популяций, обитающих в одинаковых географических условиях. Не случайно этот сложный период, предшествующий утверждению культур скифо-сарматского облика в степной Евразии, К.Ф. Смирнов назвал *переходным* [1964, с. 26–33].

Почти все представленные археологические материалы, как и большинство открытых в предшествующее время комплексов предскифского времени на территории Нижнего Поволжья и граничащих с ним соседних регионов, рассматриваются в рамках черноротовской культуры РЖВ. Как известно, формирование этого феномена протекало на широкой этнокультурной основе, с участием разных групп населения юга Восточной Европы [Потапов, 2000; Лукьяшко, 1999]. О многокомпонентном характере культуры предскифского времени исследуемого региона свидетельствуют не только археологические матери-

алы (формы могильных сооружений, варианты труположения, вещевой комплекс), но и данные палеоантропологических исследований.

Существование различных антропологических типов, наряду с разнообразием основных элементов погребального обряда, может свидетельствовать об участии самых разных этнических групп и объединений в формировании населения предскифского времени и на территории Нижнего Поволжья [Балабанова, 2005].

Антропологический материал, представленный в работе, позволяет отметить специфику населения, которая не выпадает из общего контекста и предполагает наличие пришлового компонента. Он становится преобладающим в последующую савроматскую эпоху и имеющим аналогии с южносибирскими антропологическими формациями.

Зафиксированные различные индикаторы специфического и эпизодического стресса, комплекс патологий зубочелюстной системы, отсутствие следов распространения инфекций и кариеса, наличие маркеров холодного стресса и неполный набор признаков, маркирующих стресс, а также комплекс признаков, вызванный верховой ездой, – все это позволяет характеризовать данное население как связанное с кочевным способом хозяйствования [Перерва, 2018, с. 85, 88].

Весь вышеприведенный перечень патологических состояний характерен для большей части ранних кочевников савромато-сарматского времени и средневекового кочевого населения Нижнего Поволжья.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные размеры и показатели черепов из погребений предскифского времени (IX–VII вв. до н.э.)

Table 1. Individual sizes and indexes of the skulls from the Pre-Scythian burials (9th – 7th centuries BC)

№ по Мартину и др.	Линейные размеры					№ по Мартину и др.	Угловые размеры				
		1	2	3	4			1	2	3	4
	пол	Ж.	М.	М.	М.	74	Угол альвеолярной части	80	78	81	
	возраст	20–30	Ст. 50	25–35	20–25	75	Угол наклона носовых костей	65	54	48	–
1	Продольный диаметр	178	189	181	184?	75(1)	Угол выступания носа	22	30	41	–
8	Поперечный диаметр	143	138	135	149?	43(1)	Биорбитальная ширина	94,5	100	101,5	–
17	Высотный диаметр (ba-br)	142	–	138	128?		Высота назиона над биорбитальной высотой	16,4	16,6	20	–
20	Ушная высота (ро-ро)	120	115	116	–	77	Назомаллярный	141,6	143,3	137	–
5	Длина основания черепа	102	–	104	–		Зигомаксиллярная хорда	–	100	99	–
9	Наименьшая ширина лба	94	98	103	102?		Высота subspinale над зигомаксиллярной хордой	–	23,5	23,2	–
10	Наибольшая ширина лба	117	119	118	114?	<Zm	Зигомаксиллярный угол	–	129,7	129,8	–
11	Ширина основания черепа	128	131	132	138?		Угол поперечного изгиба лба	134,4	140,2	136	151,5
Указатели											
12	Ширина затылка	108	112	115	121?	8:1	Черепной	80,3	73	74,6	81,0
25	Сагиттальная дуга	377	256	370	–	17:1	Высотноподольный	79,8	–	76,2	69,6
26	Лобная дуга	126	120	127	–	17:8	Высотнопоперечный	99,3	–	102,2	85,9
27	Теменная дуга	135	123	122	128	20:1	Высотноподольный от порион-порион	67,4	–	64,1	–
28	Затылочная дуга	116	113	121	110	20:8	Высотнопоперечный от порион-порион	83,9	–	85,9	–
29	Лобная хорда	113	111	114		9:8	Лобнопоперечный	65,7	71	76,3	68,5
30	Теменная хорда	116	110	109	119	9:43	Фронтально-малярный	93,1	89	91,1	–
31	Затылочная хорда	100	92	92	110	40:5	Выступания лица	92,2	–	90,4	–
40	Длина основания лица	94	–	94	–	48:45	Верхнелицевой	53,1	50,7	53,6	–
43	Верхняя ширина лица	101	110	113	115?	47:45	Общелицевой	81,5	–	–	–
45	Скуловой диаметр	130?	144	138	140?	52:51	Орбитный	81,7	75,6	66,7	–
46	Средняя ширина лица	–	103	97	–	54:55	Носовой	48,1	54,7	48,1	–
47	Полная высота лица	106		–	–	61:60	Альвеолярный	134	114	114,3	120,4
48	Верхняя высота лица	69	73?	74	69?	63:62	Небный	83,3	–	73,1	–
51	Ширина орбиты	41	45	45	–	SS:SC	Симотический	76,3	87,5	75	–
52	Высота орбиты	33,5	34	30	–	MS:MC	Максиллофронтальный	51,8	51,7	47,2	–
54	Ширина носа	25	29	25	19?	DS:DC	Дакриальный	62,4	76,3	65,6	–
55	Высота носа	52	53	52	–		Нижняя челюсть:				
60	Длина альвеолярной дуги	50	57	56	54	65	Мышечковая ширина	116	122	–	–
61	Ширина альвеолярной дуги	67	65	64	65	66	Угловая ширина	92	101	–	–
62	Длина неба	48	50	52	–	67	Передняя ширина	43,5	48,5	–	–
63	Ширина неба	40	–	38	43	68	Проекционная длина от углов	99	79	–	–
SC	Симотическая ширина	5,9	8	8	–	68(1)	Длина от мышечков	92	111	–	–

Примечание. 1 – Первомайский VII, курган 46, погребение 8; 2 – Первомайский VIII, курган 5, погребение 1; 3 – Мариновка, курган 1, погребение 17; 4 – Барановка I, курган 10, погребение 11.

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ по Мартину и др.	Линейные размеры					№ по Мартину и др.	Угловые размеры				
		1	2	3	4			1	2	3	4
SS	Симотическая высота	4,5	7	6	–	69	Высота симфиза	25,5	35	–	–
MC	Максиллофронтальная ширина	16,8	18	18	–	69(1)	Высота тела	26,5	30,5	–	–
MS	Максиллофронтальная высота	8,7	9,3	8,5	–	69(3)	Толщина тела	9,5	10,5	–	–
DC	Дакриальная ширина	17,8	19	23	–	70	Высота ветви	48	60	–	–
DS	Дакриальная высота	11,1	14,3	15,1	–	71a	Наименьшая ширина ветви	28,5	40	–	–
FC	Глуб. клыковой ямки	7,3	5,5	2,5	–	Описательные признаки					
Sub.NB	Высота изгиба лба	26,2	19	23	–	Форма черепа сверху	Pentag.	Ellips.	Sphaen.	Sphaen.	
	Высота изгиба затылка	24,6	26,3	26,7	–	Надпереносье	3	4	5	–	
Угловые размеры						Надбровные дуги	1	2	3	–	
32	Угол профиля лба от назиона	89	69	78	–	Наружный затылочный бугор	0,5	2	3	3	
	Угол профиля лба от глабеллы	84	63	68	–	Сосцевидные отростки	1	2	3	2	
72	Общий лицевой угол	87	84	89	–	Нижний край грушевидного отверстия	Anthr.	Fossa pr.	Fossa pr.	Anthr.	
73	Средний лицевой	89	86	92		Передняя носовая ость	3	2	4		

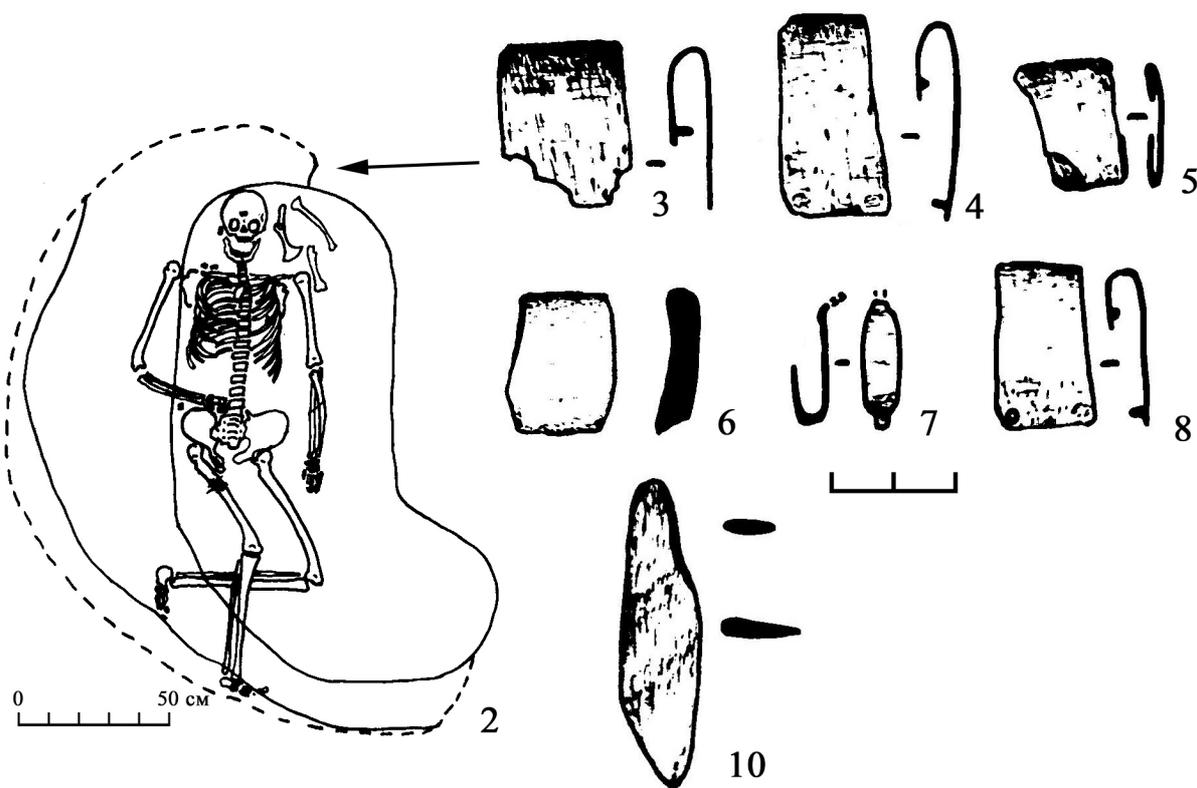
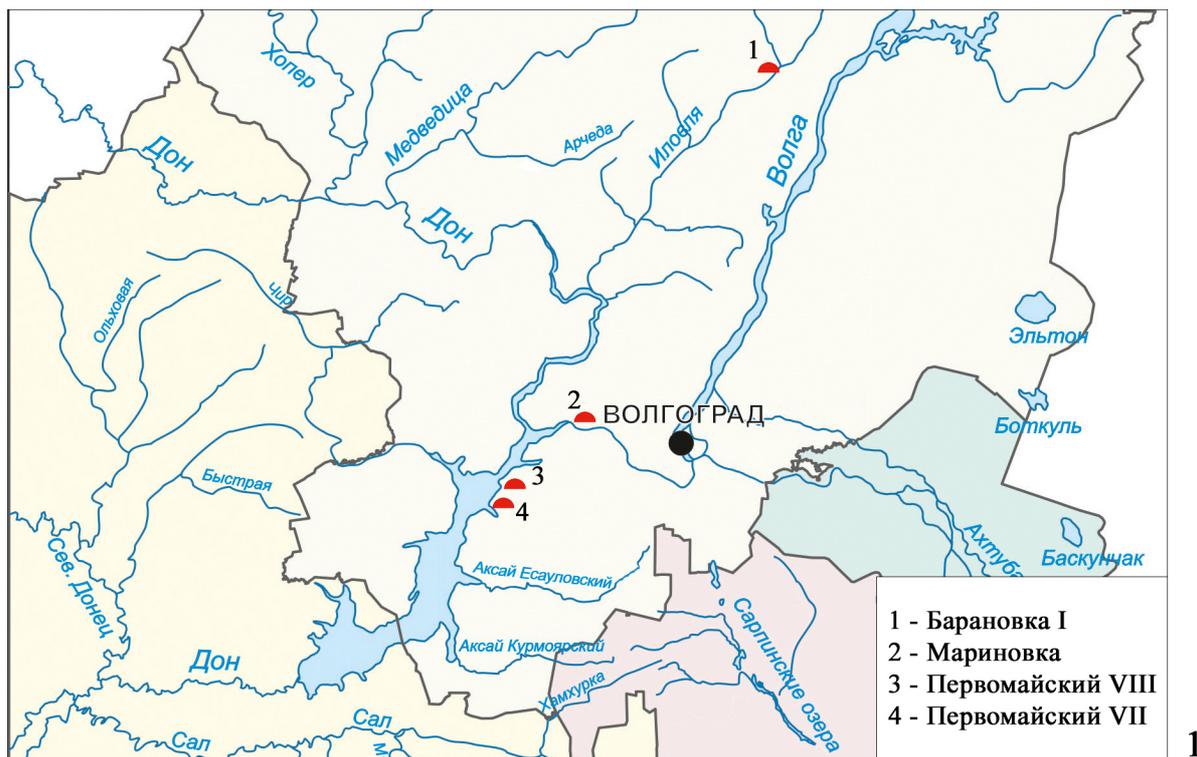

Рис. 1. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1 – карта-схема расположения курганных могильников;
 2–10 – Мариновка, курган 1, погребение 17 (план погребения и инвентарь по: [Мамонтов, 1983])

Fig. 1. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvie:

1 – map of the kurgan cemeteries; 2–10 – Marinovka, kurgan 1, burial 17 (plan and inventory after: [Mamontov, 1983])

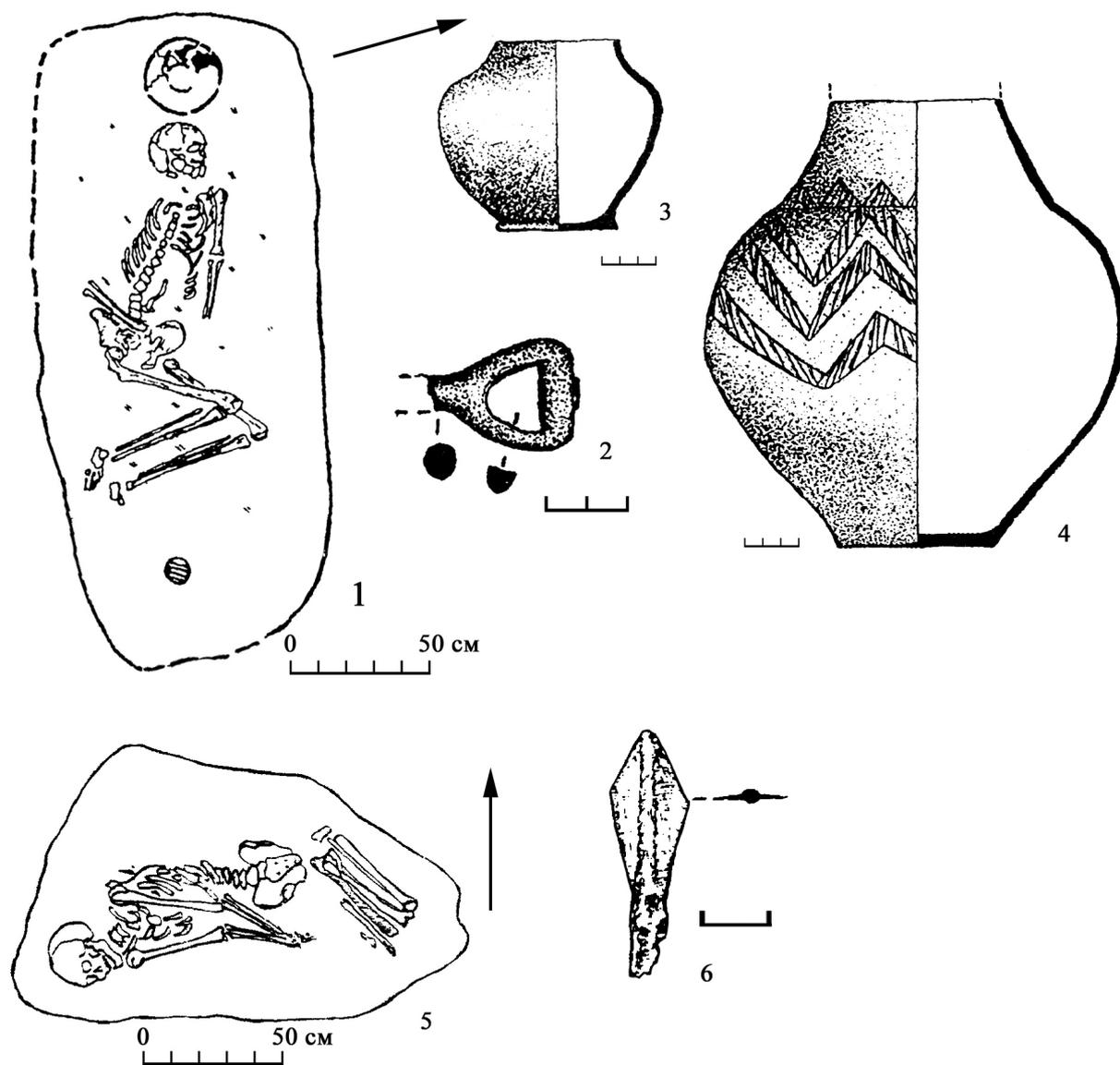

Рис. 2. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1–4 – Первомайский VII, курган 46, погребение 8 (по: [Мамонтов, 2000]);

5–6 – Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 (по: [Мамонтов, 2001])

Fig. 2. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvium:

1–4 – Pervomaysky VII, kurgan 46, burial 8 (after: [Mamontov, 2000]);

5–6 – Pervomaysky VIII, kurgan 5, burial 1 (after: [Mamontov, 2001])

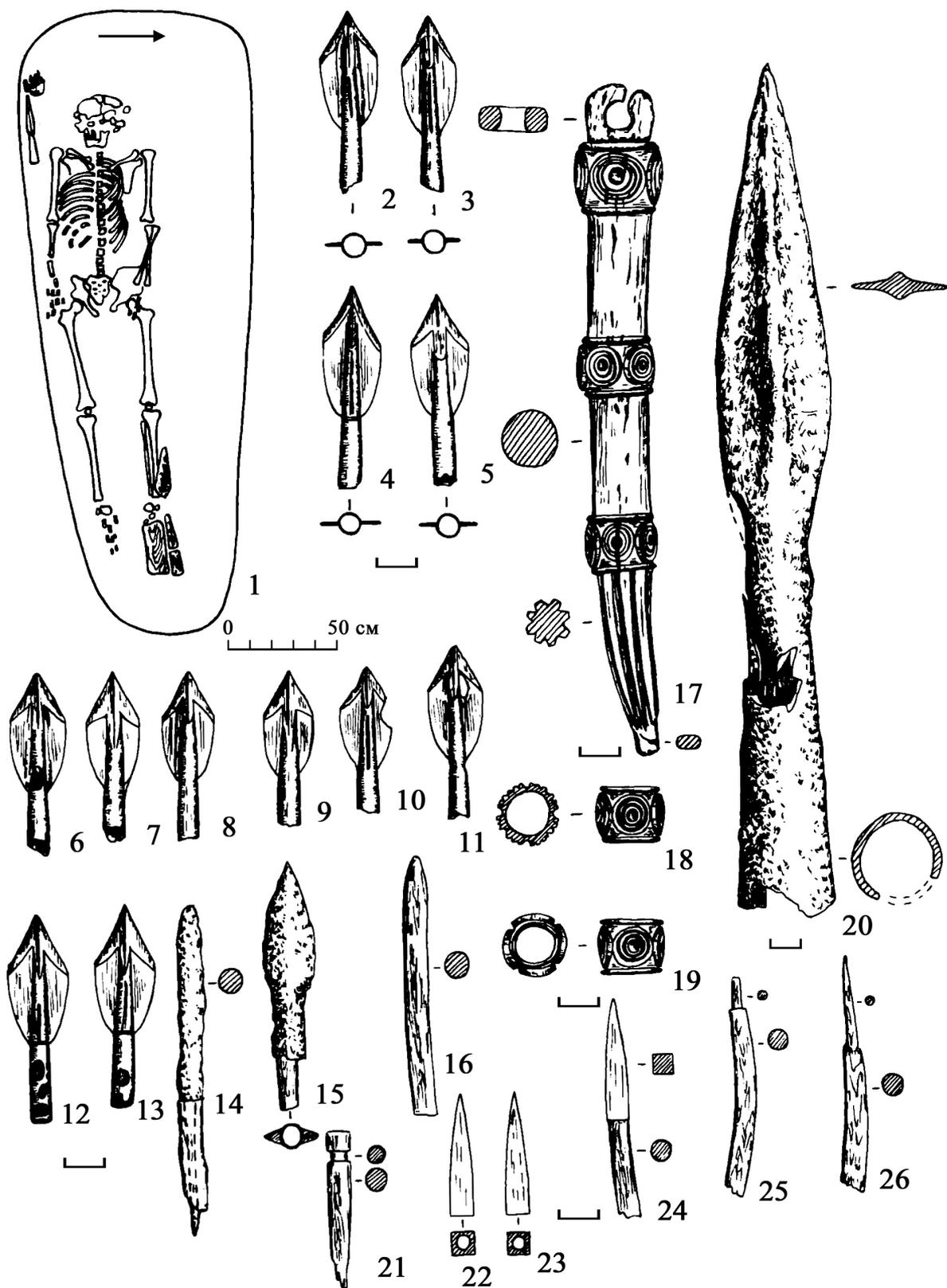

Рис. 3. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1–26 – Барановка I, курган 10, погребение 11 (план погребения и инвентарь по: [Сергачков, 1991])

Fig. 3. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvium:

1–26 – Baranovka I, kurgan 10, burial 11 (plan and inventory after: [Sergatskov, 1991])

Рис. 4. Череп мужчины (25–35 лет) из погребения 1 кургана 17 могильника Мариновка
Fig 4. Male skull (25–35 years old) from the burial 1, kurgan 17, Marinovka burial ground

Рис. 5. Череп женщины (20–30 лет) из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII
Fig. 5. Female skull (20–30 years old) from the burial 8, kurgan 46, Pervomaysky VII burial ground

Рис. 6. Череп мужчины (старше 50 лет) из погребения 1 кургана 5 могильника Первомайский VIII
Fig. 6. Male skull (over 50 years old) from the burial 1, kurgan 5, Pervomaysky VIII burial ground

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия : Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время // II Городцовские чтения : материалы науч. конф. Труды ГИМ. Вып. 145. М. : ГИМ. С. 156–170.
- Балабанова М. А., 2018. Этногенетические связи ранних кочевников VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>
- Балабанова М. А., Пилипенко А. С., 2023. Два варианта культуры киммерийского времени: антропологический аспект // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 8–23.
- Батиева Е. Ф., 2011. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 160 с.
- Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М. : Таус. 292 с.
- Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир ; Москва : [б. и.]. С. 23–44.
- Ванчугов В. П., 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова Думка. С. 44–52.
- Дворниченко В. В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 170. С. 59–64.
- Дубовская О. Р., 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // Советская археология. № 1. С. 63–69.
- Дубовская О. Р., 1994. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // Российская археология. № 2. С. 15–29.
- Дубовская О. Р., 1997. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. № 1. М. : ИА РАН. С. 57–61.
- Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир : Армавир. полиграфпредприятие. 405 с.
- Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование – современное состояние: проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (32). С. 151–164.
- Зазовская Э. П., 2022. Отчет по договору НИР № 2022-01-1 от 01.02.2022 на тему «Радиоуглеродное датирование образцов костного материала и исследование изотопного состава углерода и азота в коллагене костей человека». М. 11 с.
- Китов Е. П., Мамедов А. М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.
- Козинцев А. Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л. : Наука. 168 с.
- Круц С. И., 2017. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев ; Берлин : Видавель Олег Філюк. 202 с.
- Лукияшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 7. Азов : Азов. краевед. музей. 240 с.
- Мамонтов В. И., 1983. Погребения из курганов у пос. Мариновка Волгоградской области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. С. 155–164.

- Мамонтов В. И., 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 194 с.
- Мамонтов В. И., 2001. Курганный могильник Первомайский VIII // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. С. 179–195.
- Махортых С. В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев : Шлях. 380 с.
- Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М. : Унив. кн. 272 с.
- Перерва Е. В., 2018. Антропология населения предсавроматского времени из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Genesis: исторические исследования. № 8. С. 81–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Перерва Е. В., 2022. Кочевники раннего железного века (IX–VII и VI–IV вв. до н.э.): сравнительный анализ по данным палеопатологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27, № 5. С. 6–26. DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Потапов В. В., 2000. Предскифские племена Восточной Европы // Донская археология. № 1 (6). С. 5–21.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1978. Антропология. М. : Высш. шк. 528 с.
- Сергацков И. В., 1991. Погребение предскифского времени на Иловле // Советская археология. № 2. С. 240–244.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М. : Наука. 376 с.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев : Наукова Думка. 223 с.
- Шарафутдинова Э. С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Свод археологических источников. В1-11. Ленинград : Наука. 128 с.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Anthropological Research Methodology]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Balabanova M.A., 2005. Antropologiya naseleniya Vostochnoyevropeyskikh stepey v predskifskoye vremya [Anthropology of the Population of the Eastern European Steppes in Pre-Scythian Times]. *II Gorodtsovskiy chteniya: materialy nauch. konf. Trudy GIM* [II Gorodtsov Readings. Scientific Materials Conferences. Proceeding of State Historical Museum], iss. 145. Moscow, State Historical Museum, pp. 156-170.
- Balabanova M.A., 2018. Etnogeneticheskiye svyazi rannikh kochevnikov VI–I vv. do n. e. (po materialam mogil'nikov Zapadnogo Kazakhstana, Yuzhnogo Priural'ya, Nizhnego Povolzh'ya i Nizhnego Dona) [Ethnogenetic Connections of Early Nomads in the 6th – 1st cc. BC (Based on the Materials of Burial Mounds of Western Kazakhstan, the Southern Cisurals, the Lower Volga Region and the Lower Don Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 3, pp. 37-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>
- Balabanova M.A., Pilipenko A.S., 2023. Dva varianta kul'tury kimmeriyskogo vremeni: antropologicheskiy aspekt [Two Versions of the Cimmerian Time Culture: Anthropological Aspect]. *Regional'nyye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A. S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 8-23.
- Batieva E.F., 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don in the 9th Century BC – 4th Century AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 160 p.
- Val'chak S.B., 2009. *Konskoye snaryazheniye v pervoy treti I-go tys. do n.e. na yuge Vostochnoy Yevropy* [Horse Equipment in the First Third of the 1st Millennium BC in the South of Eastern Europe]. Moscow, Taus Publ. 292 p.
- Val'chak S.B., Mamontov V.I., Sazonov A.A., 1996. Ranniye pamyatniki chernogorovskogo etapa v Vostochnoy Yevrope: proiskhozhdeniye i khronologiya [Early Monuments of the Chernogorovskiy Stage in Eastern Europe:

- Origin and Chronology]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh (Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya)* [Historical and Archaeological Almanac (Armavir Museum of Local Lore)], iss. 2. Armavir, Moscow, pp. 23-44.
- Vanchugov V.P., 1982. O poyavlenii korchag v pamyatnikakh epokhi pozdney bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On the Appearance of Pots in the Monuments of the Late Bronze Age of the North-Western Black Sea Region]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Archaeological Monuments of the North-Western Black Sea Region]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 44-52.
- Dvornichenko V.V., 1982. Pogrebeniya predskifskogo vremeni na Nizhney Volge [Burials of the Pre-Scythian Time on the Lower Volga]. *Kratkiye soobshcheniya Institutu arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 170, pp. 59-64.
- Dubovskaya O.R., 1989. K interpretatsii kompleksov tipa Novoчеркасского клада [On the Interpretation of the Complexes of the Novoчеркасс Hoard Type]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 63-69.
- Dubovskaya O.R., 1994. Lokal'nyye zony chernogorovskoy kul'tury (po materialam skorchenykh pogrebeniy) [Local Zones of Chernogorovka Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 15-29.
- Dubovskaya O.R., 1997. Plet' kak vozmozhnyy atribut predskifskikh pogrebeniy [The Whip as a Possible Attribute of Pre-Scythian Burials]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Yevropy. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii* [Monuments of Pre-Scythian and Scythian Times in the South of Eastern Europe. Materials and Research on the Archeology of Russia], no. 1. Moscow, IA RAS, pp. 57-61.
- Dudarev S.L., 1999. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Yevropy v predskifskuyu epokhu* [Relationships of the Tribes of the North Caucasus with the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Era]. Armavir, Armavir polygraphpredpriyatie Publ. 405 p.
- Zazovskaya E.P., 2016. Radiouglerodnoye datirovaniye – sovremennoye sostoyaniye: problemy, perspektivy razvitiya i ispol'zovaniye v arkheologii [Radiocarbon Dating – Modern State, Problem, Prospects of Development and Use in Archeology]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 1 (32), pp. 151-164.
- Zazovskaya E.P., 2022. *Otchet po dogovoru NIR № 2022-01-1 ot 01.02.2022 na temu «Radiouglerodnoye datirovaniye obraztsov kostnogo materiala i issledovaniye izotopnogo sostava ugleroda i azota v kollagene kostey cheloveka»* [Report on Research Contract No. 2022-01-1 Dated 01.02. 2022 on the Topic “Radiocarbon Dating of Bone Material Samples and Study of the Isotopic Composition of Carbon and Nitrogen in Human Bone Collagen”]. Moscow. 11 p.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Branch of Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulana (Astana). 352 p.
- Kozintsev A.G., 1988. *Etnicheskaya kranioskopiya. Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremennoy cheloveka* [Ethnic Cranioscopy. Racial Variability of the Sutures of the Modern Human Skull]. Leningrad, Nauka Publ. 168 p.
- Kruts S.I., 2017. *Skify stepey Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the Steppes of Ukraine According to Anthropological Data]. Kyiv, Berlin, Vidavets Oleg Filyuk Publ. 202 p.
- Lukyashko S.I., 1999. Predskifskiy period na Nizhnem Donu [Pre-Scythian Period on the Lower Don]. *Donskiye drevnosti* [The Don Antiquities], vol. 7. Azov, Azov Museum of Local Lore. 240 p.
- Mamontov V.I., 1983. Pogrebeniya iz kurganov u pos. Marinovka Volgogradskoy oblasti [Burials from Mounds near the Village Marinovka, Volgograd Region]. *Kul'tury bronzovogo veka Vostochnoy Yevropy* [Cultures of the Bronze Age of Eastern Europe]. Kuibyshev, Kuibyshev State Pedagogical Institute named after V.V. Kuibyshev, pp. 155-164.
- Mamontov V.I., 2000. *Drevneye naseleniye levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* [Ancient Population of the Left Bank of the Don (Based on Materials from the Pervomayskiy VII Cemetery)]. Volgograd, VolSU. 194 p.
- Mamontov V.I., 2001. Kurgannyi mogil'nik Pervomayskiy VIII [Barrow Cemetery “Pervomayskiy VIII”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 4, pp. 179-195.
- Makhortykh S.V., 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya* [Cimmerians of the Northern Black Sea Region]. Kyiv, Shlyakh Publ. 380 p.
- Movsesyan A.A., 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya Kniga Publ. 272 p.

- Pererva E.V., 2018. Antropologiya naseleniya predsavromatskogo vremeni iz podkurgannykh zakhoroneniy s territorii Nizhnego Povolzh'ya (paleopatologicheskiy aspekt) [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatian Period from Burial Mounds from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], no. 8, pp. 81-93. DOI: <http://dx.doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Pererva E. V., 2022. Kochevniki rannego zheleznogo veka (IX–VII i VI–IV vv. do n.e.): sravnitel'nyy analiz po dannym paleopatologii [Nomads of Early Iron Age of 9th – 7th and 6th – 4th Centuries BC: Comparative Paleopathology Data Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 27, no. 5, pp. 6-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Potapov V.V., 2000. Predskifskiye plemena Vostochnoy Yevropy [Pre-Scythian Tribes of Eastern Europe]. *Donskaya arkheologiya* [Don Archeology], no. 1 (6), pp. 5-21.
- Roginsky Ya. Ya., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 528 p.
- Sergatskov I.V., 1991. Pogrebeniye predskifskogo vremeni na Plovlе [A Pre-Scythian Burial on the Plovl'ya River]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 240-244.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty* [Sauromats]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Terenozhkin A.I., 1976. *Kimmeriytsy* [Cimmerians]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 223 p.
- Sharafutdinova E.S., 1980. *Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kul'tura)* [Monuments of the Pre-Scythian Period on the Lower Don (Kobyakovskaya Culture)]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, B1-11. Leningrad, Nauka Publ. 128 p.

Information About the Authors

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Alexander N. Dyachenko, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Информация об авторах

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.2>

UDC 902.1
BBC 63.4(2)

Submitted: 14.08.2024
Accepted: 26.09.2024

THE NOMADIC MILITARY BURIAL WITH A BRONZE CAULDRON FROM THE NECROPOLIS OF PEREVOLOCHAN 1 IN THE SOUTHERN URALS

Sergey V. Demidenko

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Sirotin

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The presented article publishes materials from the military burial 2 of kurgan 10 from the necropolis of Perevolochan 1. The materials of this necropolis are of significant importance for clarifying the chronological scale of antiquities of the South Ural nomads. In addition, the role of the materials in understanding cultural and historical processes in the steppe zone of the Southern Urals in the middle of the 1st millennium BC is of particular relevance. The burials from the kurgans of the necropolis of Perevolochan 1 were already published in the early 80s and mid-90s of the 20th century by the author of the excavations A.Kh. Pshenichnyuk, however, a detailed analysis of the accompanying inventory was not carried out. At the same time, the material complexes include items that are important both for the chronology and for the external relations study of the early nomads from the Southern Urals. By its design, the kurgan 10 is a complex burial structure: there was a central dromos burial with a wooden grave structure at its foundation. The central burial was surrounded by a ring-shape mound outside of which peripheral burials were located. The published burial belongs to chamber undercut graves. Separate items of horse equipment found in the burial allow us to draw analogies with the Scythian complexes of the Dnieper, Don, Kuban and Ciscaucasia regions, as well as to specify the date of the burial within the last decades of the 4th – early 3rd centuries BC. The finds from the burial, their analogies and dating confirm the concept that the South Urals received the majority of military imports (weapons and horse equipment) from Scythian territories around the middle of the 4th – early 3rd centuries BC. These imported items are mostly recorded in the Filippovka monuments. Particular attention should be paid to a bronze cauldron found in the burial, which has analogies in the territory of Southern Siberia, especially in the Minusinsk Basin. Therefore, this find marks the eastern vector of contacts of the Southern Ural nomads. The burial rite the accompanying inventory of burial 2 from kurgan 10 of the Perevolochan 1 necropolis allows us to classify this complex as a military burial of the Southern Urals nomadic nobility.

Key words: Southern Urals, Southern Siberia, early nomads, weapons, horse equipment, bronze cauldrons.

Citation. Demidenko S.V., Sirotin S.V., 2024. Voinskoe kochevnicheskoe pogrebenie s bronzovym kotlom iz nekropolya Perevolochan 1 na Yuzhnom Urale [The Nomadic Military Burial with a Bronze Cauldron from the Necropolis of Perevolochan 1 in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 28-52. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.2>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 14.08.2024
Дата принятия статьи: 26.09.2024

ВОИНСКОЕ КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С БРОНЗОВЫМ КОТЛОМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПЕРЕВОЛОЧАН 1 НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Сергей Викторович Демиденко

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье публикуются материалы воинского погребения 2 кургана 10 из некрополя Переволочан 1. Материалы данного некрополя имеют большое значение для уточнения хронологической шкалы древностей южноуральских кочевников. Кроме того, они также очень важны для понимания культурно-исторических процессов в степной полосе Южного Урала в середине I тыс. до н.э. Погребения из курганов некрополя Переволочан 1 уже были опубликованы в начале 80-х и середине 90-х гг. XX в. автором раскопок А.Х. Пшеничнюком без детального анализа сопроводительного инвентаря. Вместе с тем вещевые комплексы включают в свой состав предметы, имеющие важное значение как для хронологии, так и для изучения внешних связей ранних кочевников Южного Урала. По своей конструкции курган 10 относился к сложным погребальным сооружениям. В его основании находилось центральное дромосное погребение с надмогильной деревянной конструкцией. Центральное погребение было окружено кольцевым валиком, за пределами которого были сделаны периферийные погребения. Публикуемое погребение относилось к камерным подбойным могилам. Отдельные элементы конского снаряжения, найденные в погребении, позволяют провести аналогии в скифских комплексах Поднепровья, Подонья, Прикубанья и Предкавказья, а также уточнить дату погребения в пределах последних десятилетий IV – начала III в. до н.э. Находки из погребения, их аналогии и датировки подтверждают концепцию о том, что около середины IV – начале III в. до н.э. на Южный Урал поступает большая часть импортов воинского набора (предметы вооружения и конское снаряжение) из скифских территорий. Эти импорты в большинстве своем фиксируются в памятниках филипповского круга. Особого внимания заслуживает бронзовый котел, найденный в погребении, имеющий аналогии на территории Южной Сибири, особенно в Минусинской котловине, в связи с чем данная находка маркирует восточный вектор связей южноуральских кочевников. Погребальный обряд, сопроводительный инвентарь погребения 2 из кургана 10 некрополя Переволочан 1 позволяют отнести данный комплекс к воинским погребениям кочевой знати Южного Урала.

Ключевые слова: Южный Урал, Южная Сибирь, ранние кочевники, вооружение, конское снаряжение, бронзовые котлы.

Цитирование. Демиденко С. В., Сиротин С. В., 2024. Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 28–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.2>

Введение

Некрополь Переволочан 1 расположен в юго-восточной (Зауральской) Башкирии, в Хайбуллинском районе, в 16 км к СЗ от районного центра с. Акъяр (рис. 1, 1). В ландшафтном отношении данный микрорайон характеризуется южностепными мелкосопочно-равнинными условиями степной полосы Зауралья. В этом же микрорайоне находятся такие известные могильники, как Переволочан 2, курганные группы и одиночные курганы в окрестностях с. Яковлевка и с. Ивановка. К настоящему времени все курганы некрополя полностью раскопаны. Всего в могильнике насчитывалось 12 курганных насыпей. Первые работы были произведены А.Х. Пшеничнюком в 1974 г., в ходе которых было раскопано 4 кургана, затем в 1991 г. исследовано еще 6 курганов [Пшеничнюк, 1983; 1991; 1995]. В 2007 г. С.В. Сиротиным были исследованы оставшиеся два больших кургана могильника (курганы 11, 12) [Сиротин, 2008; 2010]. Материалы некрополя являются очень важными для понимания хроно-

гии раннекочевнических древностей, а также культурно-исторических процессов в южноуральской степи середины I тыс. до н.э. Особое значение при этом имеют большие курганы (курганы 10, 11, 12), сосредоточенные в восточной части некрополя [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2008; 2010; 2016]. По своей архитектуре, погребальному обряду, составу инвентаря данные курганы относятся к памятникам филипповского круга и иллюстрируют трансформации в культуре ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. Опубликованные в 1995 г. А.Х. Пшеничнюком материалы некрополя стали основой для многих принципиальных выводов по хронологии, культурной атрибуции, динамике культурных изменений у южноуральских кочевников [Васильев, 2004; Таиров, 2004; Яблонский, 2011; 2017; Мошкова и др., 2011; Сиротин, 2016].

При знакомстве с материалами могильника в фондах Стерлитамакского историко-краеведческого музея в феврале 2024 г. С.В. Демиденко было выяснено, что в воинском погребении 2 кургана 10 был найден бронзовый котел, относящийся к кругу сибирских

древностей, тогда как на иллюстрации в публикации 1995 г. изображен обычный котел [Пшеничнюк, 1995, рис. 14,23], имеющий аналогии в курганах кочевников Волго-Уралья V–III вв. до н.э. (рис. 2,2). Находки котлов сибирского круга редки в комплексах южноуральских ранних кочевников, а также кочевнических комплексах, расположенных к западу от Уральского хребта. Из известных на сегодняшний день котел, найденный в Переволочан 1 А.Х. Пшеничнюком в ходе работ 1991 г., являлся первой такой находкой. В 2016 г. в Южном Приуралье был найден еще один подобный котел [Халяпина, 2016; Сиротин, Богачук, 2019]. Еще две находки происходят из комплексов в Краснодарском крае (найден в 2020 г.) и в Поволжье (найден в 2021 г.) [Сурков, 2021; Демиденко и др., 2022].

Исходя из этого, является целесообразным переиздать материалы погребения 2 кургана 10 из некрополя Переволочан 1, дать его культурную и хронологическую атрибуцию.

Археологический контекст

Курган 10 (диаметр – 50 м, высота – 5 м) располагался в восточной части некрополя. В центре подкурганной площадки находилось основное погребение дромосного типа с коллективным захоронением (погребение 3) (рис. 1,2). Могильная яма овальной формы имела примыкающий с юга дромос. Вокруг центрального погребения был насыпан кольцевой валик (диаметр – 20 м, ширина – 2–2,5 м, высота – до 0,5 м), сформированный из материкового суглинка и имеющий разрывы с севера и юга. Над центральным погребением возводилась надмогильная конструкция из радиально уложенных березовых бревен. В южной части на уровне погребенной почвы были найдены кости лошади и жертвенный комплекс, включавший в свой состав уздечные принадлежности. За пределами кольцевого валика были найдены фрагменты двух лепных сосудов с примесью талька в тесте, а также выявлены три периферийных погребения (погребения 1, 2, 4). Погребения 2 и 4 были совершены в ямах подбойной конструкции, погребение 1 – в катакомбе со взаимоперпендикулярным расположением длинной оси катакомбы и погребенного. Насыпь кургана сло-

жена из дерновых блоков [Пшеничнюк, 1995, с. 78–93].

Несколько подробнее необходимо остановиться на некоторых конструктивных особенностях кургана, поскольку это напрямую связано с пониманием архитектуры больших курганов памятников филипповского круга.

Описывая надмогильную конструкцию кургана 10, А.Х. Пшеничнюк указывает: «Судя по радиальному расположению бревен, конструкция имела шатрообразную форму. Она была сооружена из толстых березовых бревен, поставленных вокруг могильной ямы в несколько рядов. Сверху бревна были обложены ветками. В южной части центральной бровки на высоте 70–80 см от уровня погребенного чернозема четко прослеживалось перекрытие дромоса в виде поперечно уложенных в несколько рядов березовых бревен, засыпанных сверху глиной» [Пшеничнюк, 1995, с. 78]. При описании конструктивных особенностей погребения 3 (центрального) применительно к деревянной конструкции А.Х. Пшеничнюк приводит дополнительные сведения: «Березовые бревна были поставлены в несколько рядов и сверху обложены ветками или хворостом. Могильный выкид из могилы был аккуратно уложен в виде валика на расстоянии 7–8 м от краев могилы, образуя площадку диаметром 19 м, которая была почти полностью устлана деревом. Более мощным слой дерева был в центре площадки у краев могилы, а к периферии, к валику сходил постепенно на нет. Дромос также был перекрыт березовыми бревнами, уложенными вдоль и поперек коридора. Он полностью был забит толстыми березовыми бревнами, уложенными вдоль коридора. Более толстым и мощным слой дерева был во входной части дромоса и довольно слабым у входа в погребальную камеру» [Пшеничнюк, 1995, с. 88]. К настоящему времени более предпочтительной представляется точка зрения о том, что деревянные надмогильные конструкции так называемого шатрового типа представляли собой лишь имитацию или модель шатра из радиально уложенных под относительно небольшим углом бревен на погребальной площадке, ограниченной кольцевым валиком [Яблонский, 2013; Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023].

Погребение 2 выявлено в юго-западном секторе, за пределами кольцевого валика (рис. 1,2). А.Х. Пшеничнюком в публикации 1995 г. приводится подробное описание данного погребения [Пшеничнюк, 1995, с. 85–88]. В связи с этим в данной статье авторы сочли целесообразным привести лишь основные сведения, акцентируя свое внимание на анализе и культурно-хронологической атрибуции инвентаря. По своей конструкции погребение 2 относится к подбойным могилам (рис. 2,1). Входная яма, ориентированная по линии ССЗ – ЮЮВ, имела длину 3 м и ширину до 0,9 м. Дно входной ямы отделено от погребальной камеры ступенькой высотой до 1,3 м. На ступеньке фиксировались остатки березовых плах. Подбойная погребальная камера сделана в ЮЗ стенке входной ямы. Вход в погребальную камеру был закрыт вертикально поставленными березовыми бревнами или плахами. В погребальной камере найдено мужское захоронение. Костяк располагался в вытянутом на спине положении, головой на ЮЮВ.

В погребении найден богатый сопроводительный инвентарь [Пшеничнюк, 1995, рис. 13, 14]. За черепом, около юго-юго-восточной стенки камеры обнаружен бронзовый котел (рис. 2,1.1, 2, 5,1). В этой же части погребальной камеры были найдены остатки сумки из бересты и кожи, украшенной нашитыми бронзовыми бляшками, в которую были уложены принадлежности уздечного набора и длинный стержневидный железный предмет (рис. 2,1.4–1.9, 3,1,3,4,6,7). Между юго-юго-восточной стенкой погребальной камеры и черепом погребенного найдены: остатки 7 деревянных чаш (три из них имели серебряные спирали (оплетки?)) (рис. 2,1.3); железный наконечник копья (рис. 2,1.4, 4,2) набор бронзовых трехлопастных наконечников (97 экз.) (рис. 2,1.5); железный проушный топорик (чекан) (рис. 2,1.6, 4,5). В области локтя найден уздечный набор с железными удилами и псалиями (рис. 2,1.7, 3,2), железный колчанный крючок (рис. 2,1.8, 4,6) и железный нож. Вместе с удилами и псалиями в составе уздечного набора был найден фрагментированный железный налобник с утраченным крючковидным навершием и щитком, раскованным в виде узкой лопасти (рис. 3,5). Вдоль левой руки погребенного был уложен железный меч

(рис. 2,1.9, 4,1), у перекрестья меча найдены три ворворки (две серебряных, одна бронзовая) (рис. 2,1.10, 4,3,4). Вдоль левого бедра обнаружены остатки колчана с бронзовыми и железными наконечниками стрел (рис. 2,1.11), на колчане найден железный колчанный крючок, обернутый золотым листом (рис. 2,1.12, 4,7). Около юго-юго-западной стенки погребальной камеры найдено скопление костей лошади.

Анализ инвентаря и хронология комплекса

Инвентарь, найденный в погребении 2, представлен в основном предметами вооружения и конского снаряжения, характерного для воинских комплексов филипповского круга. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел имеют многочисленные аналогии в колчанных наборах южноуральских номадов конца V – начала III в. до н.э. Судя по фото наконечников, представленных А.Х. Пшеничнюком в отчете, в колчанных наборах, найденных в погребении, отсутствуют массивные экземпляры со сводчатой головкой ранних типов, характерные для наборов V – начала IV в. до н.э. [Пшеничнюк, 1991, рис. 125, 131]. Общие пропорции наконечников, как, впрочем, и состав самих наборов, в большей степени характерны для второй половины IV – начала III в. до н.э. Обращает на себя внимание железный меч переходного типа с изогнутым под тупым углом перекрестьем и слега изогнутым навершием (рис. 4,1). Рукоять меча имеет двутавровое сечение. Мечи переходного типа представлены в погребениях ранних кочевников Южного Урала IV – начала III в. до н.э. [Васильев, 2001а; 2001б; 2004]. К настоящему времени широкий хронологический диапазон существования таких мечей в пределах второй половины V – начала III в. до н.э. пересмотрен. Считается, что верхней хронологической границей бытования таких мечей являются первые десятилетия III в. до н.э. и общая продолжительность их использования южноуральскими номадами укладывается в 40–50 лет, то есть в пределах второй половины IV – начала III в. до н.э. [Васильев и др., 2019, с. 102; Васильев, Федоров, 2021, с. 83; Васильев, 2022, с. 313–316]. В свое время В.К. Федоров посвятил мечам с двутавровой

в сечении рукоятью отдельную работу [Федоров, 2013]. По его наблюдениям, к настоящему времени в южноуральских комплексах известно девять находок мечей переходного типа с подобной рукоятью, включая экземпляр из этого погребения [Федоров, 2013, табл. 3]. Вероятнее всего, такое оформление рукоятей связано с предшествующей скифской традицией и имеет свои истоки в западных комплексах. В.К. Федоров рассматривал клинки с двутавровыми рукоятями в качестве образцов генетической преемственности между клинками савроматского времени, мечами переходного типа, мечами и кинжалами прохоровских комплексов [Федоров, 2013, с. 46]. Вывод о связи мечей переходного типа с предшествующей традицией не вызывает возражений. Что касается версии их дальнейшей эволюции в прохоровские, то в настоящее время исследователями делается вывод об отсутствии преемственности на технологическом уровне между мечами переходного типа и прохоровскими мечами и кинжалами [Николаев, 2023, с. 75]. Морфологически меч из переволочанского погребения имеет сходство с мечом из погребения у с. Буруктал и погребения 9 одиночного кургана Яковлевка 2, вместе с тем отличаясь от них оформлением рукояти. У буруктальского меча рукоять декорирована золотой проволокой [Смирнов, 1961, с. 25, рис. 7,6]. Рукоять яковлевского меча, помимо двутаврового сечения, имеет рифление, имитирующее обмотку [Сиротин, Окорочков, 2022, рис. 3,2].

Железный наконечник копья листовидной формы с длинной втулкой (рис. 4,2) нередко встречается как в воинских комплексах IV в. до н.э. на Южном Урале [Васильев, 2001а, с. 58–63], так и в Скифии [Мелюкова, 1964, табл. 14,9,11; Савченко, 2004, рис. 5; Ворошилов, 2004, рис. 2]. Такие наконечники появляются в Скифии с конца V в. до н.э. и наиболее широко представлены в комплексах IV – начала III в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 40–42; Савченко, 2004, с. 169; Ворошилов, 2004, с. 207]. При этом исследователи отмечают, что длинные втулки наконечников наиболее характерны для скифских комплексов Среднего Дона [Ворошилов, 2004, с. 207]. Длинновтульчатые наконечники копья найдены в погребении 1 и 4 этого же кургана 10 [Пшеничнюк, 1995,

рис. 12,12, 16,4]. Наиболее близкие аналогии известны в курганах могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012, рис. 97,1, 113,2; Яблонский, 2013, кат. 353, 1229, 1304, 1305, 1700, 2884], Филипповка 2 [Яблонский и др., 2023, кат. 9, 190], в курганах могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, рис. 22,1], в кургане Темир [Зданович, Хабдуллина, 1987, рис. 3,1], в кургане Яковлевка 2 [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,6; Сиротин, Окорочков, 2022, рис. 3,9] и др.

Серебряные ворворки в виде усеченного конуса также не имеют узкой даты (рис. 4,3). В качестве ближайшей аналогии можно привести находки подобных золотых ворворок в материалах кургана 29 могильника Филипповка 1 [Яблонский, 2013, кат. 2806], серебряных – из одиночного кургана Яковлевка 2, золотых – из кургана 5 группы «Богатырские могилки» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар», даты которых в целом укладываются в общий диапазон второй половины IV – начала III в. до н.э. [Сиротин, 2009, рис. 327; Сиротин, Богачук, 2019, с. 52].

Редкой находкой для кочевнических южноуральских комплексов является железный проушный топор (рис. 4,5). В.Н. Васильев приводит три находки железных топоров из южноуральских комплексов, в число которых включена и данная находка [Васильев, 2001а, с. 64]. К данной подборке можно добавить железную секиру из кургана 5 могильника Ивановка [Богданов и др., 2006, рис. 10]. Более широко железные топоры представлены в скифских комплексах VI–IV вв. до н.э.

Железные колчаные крючки, найденные в погребении, относятся к одному типу. Крючок 1, обнаруженный около правого локтя погребенного, имеет простое исполнение из стержня с раскованной спинкой и отверстием, а также навершие, украшенное небольшой плоской шляпкой (рис. 4,6). Интересной находкой является железный колчаный крючок с более сложным декором и обкладкой из золотого листа (рис. 4,7). Подобные изделия, изготовленные из стержней с раскованной в верхней части спинкой и округлым отверстием, на Южном Урале найдены в комплексах филипповского круга [Васильев, 2004, рис. 3,1–5; Мышкин, 2010, рис. 2,1–18]. Помимо простых экземпляров в погребениях найдены крючки,

навершие которых имеет декор [Васильев, 2004, рис. 3,1,2,5; Мышкин, 2010, рис. 2,2,5–8,11,15]. В богатых и статусных комплексах Филипповки 1 имеются экземпляры, изготовленные из серебра, с золотым декором, выполненные в зверином стиле [Яблонский, 2013, кат. 114, 303]. Совершенно очевидно, что морфологически железные экземпляры представляют собой упрощенные версии филипповских крючков. В.Н. Васильев определяет их наряду с мечами переходного типа в качестве хронологически диагностирующей категории инвентаря для раннепрохоровских комплексов [Васильев, 2004, с. 158]. В хронологическом отношении комплексы, в которых найдены подобные крючки, укладываются в диапазон середины IV – III в. до н.э. Самый поздний экземпляр такого крючка происходит из кургана 4 погребения 4 могильника Бердянка V [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 4,1], дата которого определяется III–II вв. до н.э. [Дедюлькин и др., 2019, с. 71].

Обращают на себя внимание уздечные наборы, найденные в погребении. В них присутствуют железные удила из железных стержней с загнутыми в петли окончаниями. Подобные удила широко представлены в составе уздечных наборов кочевников Евразии с VI в. до н.э. Железные стержневидные псалии с восьмеркообразными либо ромбическими расширениями посередине также имеют многочисленные аналогии в скифских степных и лесостепных комплексах V–IV вв. до н.э. Данные псалии, а также удила имеют широкий период бытования вплоть до начала III в. до н.э. и не могут рассматриваться в качестве хроноиндикаторов для узких дат.

Примечательной находкой является железная пряжка из уздечного набора (рис. 3,3). Пряжка из тонкого витого (?) железного стержня подпрямоугольной формы, сжатая по центру (восьмеркообразная) и с двумя петлями на концах, заходящих друг за друга. На Южном Урале подобные пряжки обнаружены в одиночном кургане Яковлевка 2 [Сиротин, 2009, рис. 171,2, 172,2, 294,3]. Аналогичная пряжка найдена в кургане 3 могильника Мاستюгино на Среднем Дону [Либеров, 1965, табл. 24,8]. Следует обратить внимание, что данные пряжки известны в двух вариантах. Первый вариант имеет более округлую фор-

му рамки без сжатия посередине, второй вариант имеет сжатие посередине (восьмеркообразная форма). Пряжка без сжатия посередине была найдена в погребении 1 в этом же кургане 10 [Пшеничнюк, 1995, рис. 12,10]. Показательно, что в этом же погребении были найдены железный нахрапник (строгач) и меч с прямым перекрестьем и прямым навершием [Пшеничнюк, 1995, рис. 12,11,15], что определяет дату погребения в рамках последних десятилетий IV – начала III в. до н.э. [Васильев, 2001б, с. 172; Сиротин, 2016; 2020]. Пряжка второго варианта (восьмеркообразная) была найдена в кургане 5 могильника Песочино в лесостепном Поднепровье [Бабенко, 2005, рис. 7,11].

Курган 3 могильника Мاستюгино П.Д. Либеров датировал широко – IV–III вв. до н.э. [Либеров, 1965, табл. IX]. Материалы кургана 5 Песочинского могильника Л.И. Бабенко датировал серединой – второй половиной V в. до н.э. При этом исследователь указывает, что часть вещей имеет аналогии в материалах кургана Гайманова могила [Бабенко, 2005, с. 161], дата которого определяется второй – третьей четвертью IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 296]. Наконечники стрел, найденные в кургане, имеют аналогии как в третьей, так и в четвертой хронологической группе по А.И. Мелюковой и могут быть датированы широко в пределах второй половины V – начала III в. до н.э. [Мелюкова, 1964, табл. 8, 9]. В качестве основного аргумента для обоснования даты комплекса Л.И. Бабенко приводит датировку меча, проводя аналогии с комплексами V в. до н.э. Следуя опубликованному рисунку, действительно создается впечатление, что этот меч не выходит за рамки V в. до н.э.¹ Однако, судя по очень схематичному рисунку, меч практически не сохранился и установить достоверно его параметры, форму клинка и перекрестья можно лишь условно. Л.И. Бабенко подробно пишет об этом в соответствующем разделе, посвященном анализу инвентаря [Бабенко, 2005, с. 88, 89]. Материалы этого кургана органично сочетаются как по погребальному обряду, так и по инвентарю с основной частью погребальных комплексов некрополя. Учитывая, что большинство погребений в могильнике датируются в пределах IV в. до н.э., преимущественно его второй половиной [Ба-

бенко, 2005, с. 170], дата этого комплекса может быть отодвинута к рубежу V–IV вв. до н.э. либо в пределы IV в. до н.э. Можно считать, что на сегодняшний день комплекс из кургана 5 Песочинского некрополя, вероятно, маркирует нижнюю хронологическую границу для таких пряжек, хотя его ранняя датировка все же вызывает вопросы. На Южном Урале, исходя из датировок комплексов кургана 10 некрополя Переволочан 1 и погребений одиночного кургана Яковлевка 2, время бытования такого типа пряжек определяется в пределах второй половины (возможно, последней трети) IV – начала III в. до н.э.

Обращают на себя внимание два двудырчатых бронзовых стержневидных псаля с восьмеркообразным расширением в центральной части (рис. 3,6,7). Стержни псаля украшены рельефными поясами. Один экземпляр имеет плоские округлые шляпки на концах, на втором экземпляре шляпки отсутствуют. Судя по окончаниям стержня на данном экземпляре, шляпки, вероятнее всего, утрачены. Железные стержневидные двудырчатые псаля с плоскими шляпками на окончаниях (тип IV, второй вариант по А.И. Савченко) представлены в скифских комплексах Поднепровья [Петренко, 1967, табл. 26,1,2; Ильинская, 1973, рис. 2,1], а также Среднего Дона [Савченко, 2009, рис. 2,4,12, 3,3,4, 4,13–16]. Даты скифских комплексов из Правобережного Поднепровья (курганы 63 у с. Бобрицы и 487 у с. Капитановки), где были найдены такие псаля, В.Г. Петренко определяет в пределах IV–III вв. до н.э. [Петренко, 1967, с. 37]. В целом IV в. до н.э. датирует скифский комплекс из Левобережного Поднепровья (курган 6 возле Старинской птицефабрики) В.А. Ильинская [Ильинская, 1966; 1973]. Основания для более узкой датировки данного комплекса могла бы дать амфора, найденная в центральном погребении, однако в публикации приведен лишь ее схематический рисунок [Ильинская, 1966, рис. 6]. Судя по этому рисунку, можно предположить, что данная амфора принадлежит ко второй морфологической группе амфор Икоса², которые выпускались в пределах середины – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Федосеев, 2013, с. 260, рис. 4,4, 6,2]. Обращает на себя внимание серебряный налобник в виде плоского щитка с отходящим

от него скульптурным изображением животного, найденный в комплекте конского снаряжения в погребении коня из этого кургана [Ильинская, 1966, рис. 6]. Типологически похожие налобники имеются в богатых скифских комплексах, таких как Мелитопольский курган, Огуз, Толстая могила [Ильинская, 1973, рис. 4,4; Очир-Горяева, 2012, рис. 94; Мозолевский, 1979, рис. 27, 28], датирующихся третьей – началом четвертой четверти IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 296–297]. Скифские комплексы Среднего Дона, где найдены стержневидные псаля с восьмеркообразным утолщением посередине и плоскими шляпками на окончаниях, не выходят за пределы середины – второй половины IV в. до н.э. [Савченко, 2009, с. 242]. Данные псаля приходят на Южный Урал из скифских территорий, вероятнее всего со Среднего Дона, и характерны для комплексов второй половины IV – начала III в. до н.э. [Васильев, 2004; Савельев, 2020; Сиротин, 2016].

Примечательной находкой является фрагментированный железный налобник с крючковидным навершием и щитком, раскопанным в виде узкой лопасти (рис. 3,5). До недавнего времени подобные предметы были представлены немногочисленными экземплярами в южноуральских комплексах [Васильев, 2004; Савельев, 2007; Сиротин, 2016], однако в результате раскопок в последние два десятилетия их количество значительно возросло [Яблонский, 2008, с. 176, рис. 3,6,7; Сиротин, 2010, с. 332, 333, рис. 6,5; Сиротин, 2015, с. 249, 251, рис. 2,6, 3,7; Яблонский, 2013, с. 226, кат. 3144; Коллекции ..., 2018, кат. 102, 991; Яблонский и др., 2023, кат. 90, 157, 223, 292, 343, 347, 676]. В своей недавней работе Е.В. Вильданова период бытования данных налобников на Южном Урале определила в широком временном диапазоне (конец VI – III в. до н.э.), предлагая разделить их на три хронологических группы, исходя из наличия или отсутствия такой детали, как раскованность щитков [Вильданова, 2022, с. 93, 95]. Такой широкий хронологический диапазон для данной категории вещей неприемлем и требует уточнения. Нижняя дата бытования этих налобников (конец VI – V в. до н.э.) строится по датировкам погребения 2 кургана 2 Мечетсайского могильника и погребения 1 кургана 7

Ново-Кумакского могильника [Смирнов, 1975, с. 90; Мошкова, 1962, с. 223–224]. При публикации погребения 1 кургана 7 изделие, которое позднее было трактовано исследователями как налобник с крючковидным навершием, М.Г. Мошкова называет фрагментом железного предмета, а не налобником [Мошкова, 1962, рис. 6,7]. При рассмотрении его фотографии, представленной в отчете [Мошкова, 1959, рис. 51], создается впечатление, что это действительно фрагмент какого-то железного предмета (возможно, обломок звена удила), и интерпретировать его в качестве налобника очень сомнительно. Относительно находки из погребения 2 кургана 2 Мечетсайского могильника следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего, необходимо учитывать, что погребение имеет значительные разрушения. Важным является то, что оно прорезано более поздним комплексом – погребением 4, которое разрушило часть костяков, при этом К.Ф. Смирнов констатирует, что захоронения в погребении 2 изначально являются разновременными [Смирнов, 1964, рис. 20,1,3; 1975, с. 82].

В.Н. Васильев считает, что даты погребения 2 кургана 2 Мечетсайского могильника и погребения 1 кургана 7 из Ново-Кумакского могильника в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. занижены и их следует относить ко второй половине – концу V в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157]. С этим утверждением, на наш взгляд, следует согласиться, хотя не исключено, что их дата может заходить и в IV в. до н.э. К примеру, М.Г. Мошкова отмечает, что среди уздечных принадлежностей погребения 1 кургана 7 найдена пронизка в виде головы орла, имеющая полную аналогию в материалах кургана 3 у Алебастровой горы с датировкой конца V – первой половины IV в. до н.э. [Мошкова, 1962, с. 225]. Относительно Мечетсайского погребения, учитывая разрушения центральной части кургана более поздней катакомбой погребения 4, уверенно относить налобник к раннему комплексу затруднительно. Напротив, данный налобник более коррелирует с датой погребения 4 (III–II вв. до н.э.) [Смирнов, 1975, с. 91].

В любом случае для утверждений о том, что налобники с крючковидным навершием появляются на Южном Урале в конце VI –

первой половине V в. до н.э., нет никаких оснований. Следует обратить внимание на тот факт, что среди комплексов классического блюменфельдского облика (например, Пятимары I, Кырык-Оба II, Таксай I и др.), где были найдены разнообразные принадлежности в составе богатых уздечных наборов, ничего похожего нет. Напротив, в курганах и погребениях филипповского круга второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. такие налобники наряду с другими изделиями скифской и меотской традиций представлены широко, причем, как правило, в богатых и статусных степных комплексах. Отдельные их экземпляры известны и в лесостепных относительно небогатых памятниках этого же времени [Савельев, 2007; 2020]. Прямые аналогии налобникам, найденным в погребениях южноуральских номадов, имеются в среднедонских скифских комплексах. Наиболее ранние варианты подобных налобников известны в курганах рубежа V–IV вв. до н.э. (3 экз.) [Савченко, 2009, с. 259, 260, рис. 10,5,8,9], причем указанные экземпляры имеют лишь стилистическое сходство с налобниками этого типа (тип III по Е.И. Савченко). Подавляющее же большинство налобников, близких к южноуральским, найдено в комплексах IV в. до н.э., преимущественно в пределах его второй половины [Савченко, 2009, с. 259, 260, рис. 10,7,10–14,16,18,20,22,23]. В северопричерноморской Скифии подобные налобники представлены в курганах Огуз, Хомина Могила, курган 10 у с. Владимировка последней трети IV – рубежа IV–III вв. до н.э. [Очир-Горяева, 2012, рис. 66, 68, 95]. Похожие предметы известны в Предкавказье [Прокопенко, 2014, ч. 2, рис. 133,12]. Именно среди этой серии среднедонских и северопричерноморских налобников имеются наиболее близкие аналогии для южноуральских комплексов. В.Н. Васильев совершенно справедливо отнес данные категории предметов в погребениях номадов Южного Урала ко второй половине IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157]. Очевидно, что налобники с крючковидным навершием появляются на Южном Урале из скифских территорий Подонья, Прикубанья, Предкавказья вместе с другими элементами скифской узды ориентировочно около середины IV в. до н.э., получив наибольшее распространение в комп-

лексах южноуральских номадов второй половины IV – первых десятилетий III в. до н.э.

Особого внимания заслуживает найденный в южной части погребальной камеры бронзовый котел. Котел имеет колоколовидное тулово с широко открытым устьем. Тулово вытянуто по вертикальной оси и слегка сужается ко дну (рис. 2,2, 5,1). Венчик плавно отогнут наружу. Его внутренний край слегка приострен, по внешней поверхности плоскости прослеживаются следы литейного шва, особенно заметные в районе ручек сосуда. В верхней трети тулова, в 8–8,5 см от края венчика располагается орнамент в виде двух рельефных параллельных линий толщиной 0,25–0,3 см, представляющих собой веревочки, которые отпечатались во внешней литейной форме и отобразились после заливки металла на самом изделии. При изготовлении литейной формы котла настоящая веревочка была свернута в петлю с разомкнутыми концами и обернута вокруг модели тулова. Расстояние между валиками составляет 2,5 см (рис. 5,1,2).

Внутренняя и внешняя поверхности котла покрыты мелкими вертикальными параллельными бороздками, особенно хорошо заметными на внешней стороне, которые свидетельствуют о том, что при изготовлении модели тулова использовался растительный каркас для предохранения плавкой модели тулова от продавливания стенками внешней литейной формы. В нижней части котла наблюдаются неровные разнонаправленные литейные швы от литейного брака, образовавшиеся в результате растрескивания внешней литейной формы (рис. 6,3).

Котел имеет две вертикальные круглые в сечении подкововидные ручки, расположенные на венчике диаметрально противоположно друг другу. В центре каждой ручки располагается цилиндрический выступ, украшенный грибовидным навершием. Основания ручек заходят на тулово котла. На ручках котла с внутренней и внешней сторон хорошо видны литейные швы от составной литейной формы. Они также обрамляют и концы ручек на тулове сосуда (рис. 5,2,3).

В нижней трети тулова располагается рельефный горизонтальный литейный шов с небольшим выступом высотой до 1 см, направленный вершиной к устью сосуда. Ниже

располагается еще один горизонтальный, едва заметный модельный шов, в 2 см от перехода тулова в поддон (рис. 6,1–3).

Котел имеет конусовидный поддон с отбитым нижним основанием, поэтому остатки литников не сохранились. Внутри поддона на дне тулова хорошо виден округлый наплыв металла диаметром до 5 см (рис. 6,3). Однако внутри самого котла никаких наплывов металла или затеков не обнаружено.

Котел цельнолитой, то есть тулово, ручки и поддон были отлиты одновременно в одной литейной форме.

Исследуемый экземпляр относится к большой группе котлов, наиболее широко распространенных на территории Южной Сибири, особенно в Минусинской котловине [Членова, 1967, с. 92–109; Боковенко, 1981; Hatakeyama, 2011].

По ряду морфологических признаков (круглые в сечении подкововидные ручки с одним выступом и грибовидным навершием, поддон в форме усеченного конуса, орнамент в виде двух рядов веревочки) котел из погребения 2 кургана 10 Переволочанского могильника близок сосудам типа А I/2 по классификации Н.Л. Членовой, которые, по мнению исследовательницы, появляются в VI в. до н.э. и тесно связаны с котлами VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 93, 95]. По классификации Н.А. Боковенко изучаемый сосуд частично соотносится с типом I D2. Однако автор отмечает, что мы можем говорить только о появлении котлов данных типов в VIII–VII вв. до н.э. Но поскольку большинство котлов являются случайными находками, установление абсолютной датировки пока преждевременно [Боковенко, 1981, с. 44–46, рис. 1]. В наиболее полной и на сегодняшний день наиболее подробной классификации сибирских котлов японской исследовательницы Хатакеяма Теи переволочанский котел можно сравнить с экземплярами типа I 1 Abii (I 1 Abii-004 и I 1 Abii-0017), который автор датирует V–IV вв. до н.э. [Hatakeyama, 2011, p. 137, 138, 142, 190].

В то же время, несмотря на сходство таких морфологических характеристик, как форма и оформление ручки, форма поддона, орнамент, котел из погребения 2 кургана 10 Переволочанского могильника имеет существенное отличие от котлов перечисленных

выше типов. Оно заключается в колоколовидной форме тулова с широко открытым устьем, в отличие от полусферической формы котлов всех вышеперечисленных типов. Как было показано одним из авторов данной статьи, форма тулова в сочетании с формой поддона является определяющим признаком при характеристике типа котла [Демиденко, 2008, с. 15]. На сегодняшний день полностью идентичные экземпляры котлу из погребения 2 кургана 10 могильника Переволочан 1 на территории Южной Сибири нам не известны. В то же время котлы с колоколовидной формой тулова встречаются на Нижнем Дону, Кубани, в Северо-Западном Казахстане. Самый ранний из них относится к типу П.1.А и датируется V–IV вв. до н.э. [Демиденко, 2008, с. 16].

Несмотря на морфологические отличия, переволочанский котел по технологическим признакам относится к группе сосудов южносибирского (тагарского) способа изготовления [Демиденко, 2008, с. 40–42, рис. 46, А]. Наиболее характерными чертами данного способа являются использование выплавляемо-выгораемой модели, составной литейной формы, а также одномоментное изготовление тулова, ручек и поддона.

О применении составной литейной формы свидетельствуют: приостренный внутренний край венчика и степень его изогнутости, которые позволяют утверждать использование при литье двусоставного литейного стержня, на котором изготавливалась плавкая модель. Горизонтальный рельефный шов в нижней трети тулова маркирует место, где к внешней части литейной формы присоединялась уже готовая литейная форма нижней части тулова с поддоном. Наконец, литейные швы на ручках котла вокруг их оснований, располагающихся на тулове сосуда, иллюстрируют места присоединения готовых литейных форм с моделями ручек к венчику и тулову.

Котлы, изготовленные южносибирским способом в различных модификациях, существуют в целом с VIII по II в. до н.э. Сложность их датирования заключается в том, что на территории Сибири в большинстве случаев они представлены случайными находками или обнаружены в составе кладов. Однако в последние годы на территории Южного Урала, Нижнего Поволжья и в Прикубанье были

исследованы несколько комплексов, которые, с одной стороны, маркируют западную границу распространения котлов «южносибирского» или «минусинского» типа, с другой – позволяют более обоснованно подходить к их датировке.

Бронзовый литой котел на конусовидном поддоне с двумя вертикальными подкововидными ручками был найден вместе с двумя котлами других типов в дромосе погребения 2 кургана 5 группы 4 «Богатырские могилки» могильника «Высокая Могила – Студеникин Мар». Слегка вытянутое по вертикали тулово также опоясывает орнамент в виде веревочки, которая была свернута в петлю с разомкнутыми концами. Однако в отличие от переволочанского котла данный экземпляр имеет полусферическое тулово. Отличается и оформление ручек – с внешней стороны проходят два желобка. Весь комплекс датируется последней третью IV в. до н.э. [Сиротин, Богачук, 2019; Халяпина, 2016, рис. 91, 92].

Еще один бронзовый котел с полусферическим туловом, двумя вертикальными подкововидными ручками, с орнаментом в виде веревочки на цилиндрическом поддоне обнаружен в погребении 9 кургана 1 курганной группы Кошара в Палассовском районе Волгоградской области. Отличается от упомянутых выше экземпляров наличием одного желобка на внешней стороне ручки и наличием на ней трех выступов с грибовидными навершиями [Сурков, 2021, рис. 185]. Датируется комплекс концом III – II в. до н.э.

Разбитый бронзовый котел с полусферическим туловом, цилиндрическим поддоном, двумя вертикальными кольцевыми ручками и с орнаментом в виде веревочки найден в насыпи кургана 4 курганной группы Красносельская 9 в Динском районе Краснодарского края [Демиденко и др., 2022]. И хотя котел был обнаружен без сопровождающего инвентаря, по морфологическим и технологическим признакам он, несомненно, относится к котлам «южносибирского» типа и также может датироваться в рамках последней трети IV – конца III – II в. до н.э.

Таким образом, погребение 2 из кургана 10 могильника Переволочан 1 представляет собой богатый комплекс представителя военной знати южноуральских номадов. Дата

комплекса укладывается в диапазон последних десятилетий IV – начала III в. до н.э. По своему погребальному обряду, составу инвентаря комплекс органично сочетается с погребениями, которые были обнаружены в больших курганах могильника. Очевидно, что некрополь Переволочан 1 являлся усыпальницей кочевой знати Урало-Сакмарского племенного центра (локуса), контролировавшего обширные территории степной полосы восточных предгорий Южного Урала. Наличие в погребении предметов импорта свидетельствует о широких связях южноуральских номадов как с западными скифскими территориями, так и с восточными южносибирскими. Показательно, что известные находки южносибирских котлов на Южном Урале, в Прикубанье и Поволжье содержатся в комплексах, которые

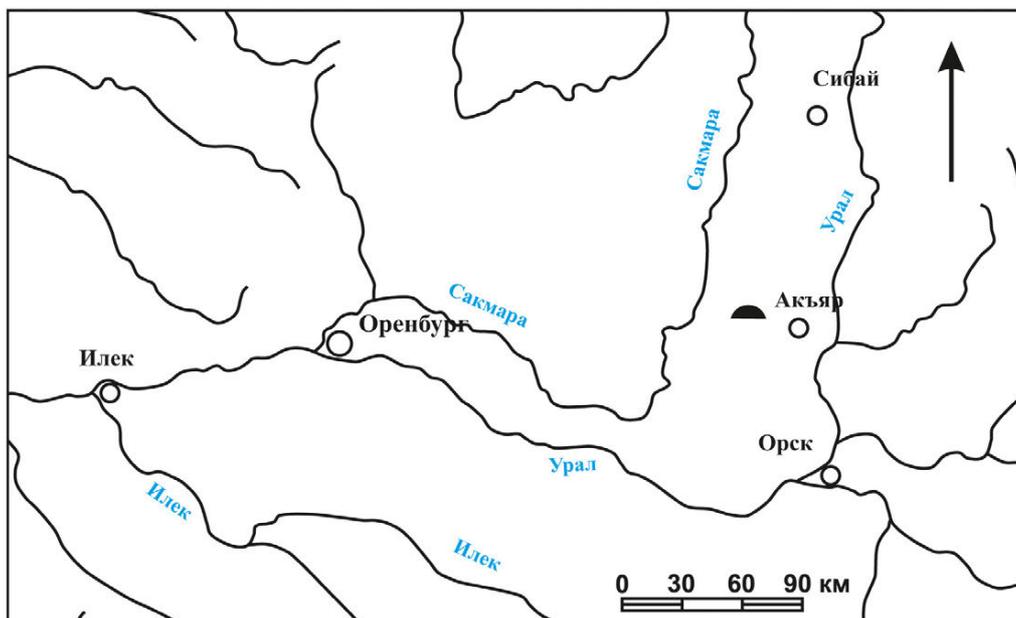
датируются не ранее середины IV – начала III в. до н.э. Этим же временем, в пределах второй половины либо последних десятилетий IV – начала III в. до н.э., датируется и большинство южноуральских комплексов, включающих в свой состав импорты с территорий Приднепровья, Подонья, Прикубанья и Предкавказья, что совпадает с периодом расцвета кочевой военно-племенной группировки, оставившей памятники филипповского круга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы статьи благодарны А.Н. Ворошилову за ценные консультации по данному вопросу.

² Авторы статьи благодарны Г.А. Ломтадзе за ценные консультации по данному вопросу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

— - курганый могильник Переволочан 1

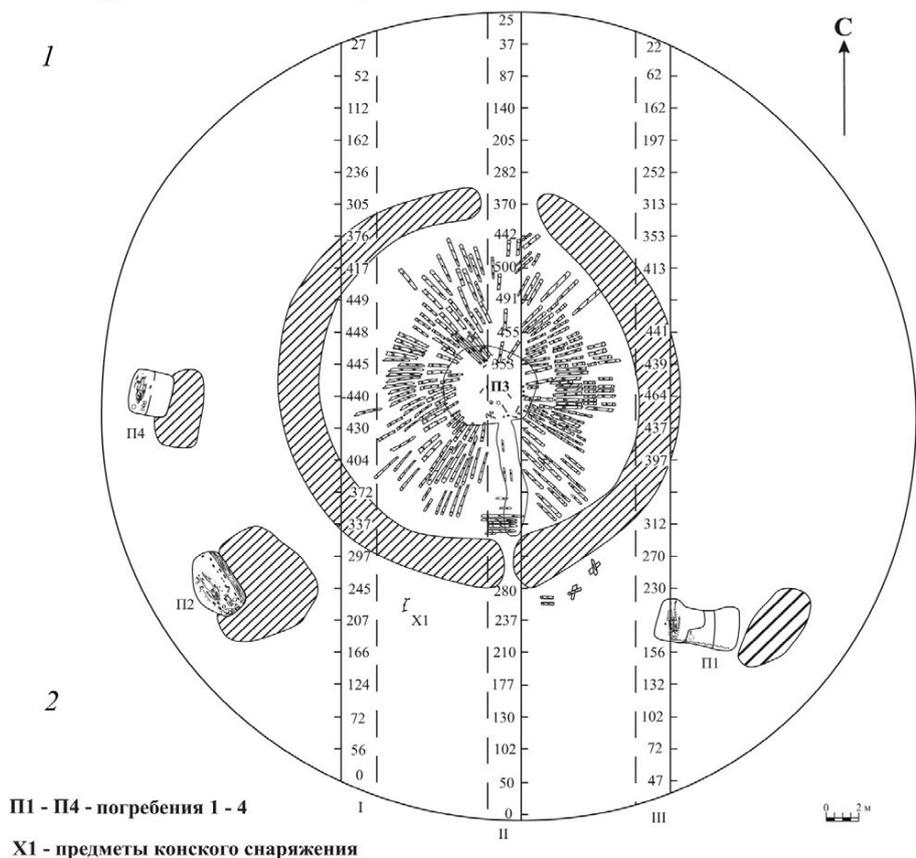

Рис. 1. Карта расположения могильника Переволочан 1 на Южном Урале и план кургана 10:

1 – расположение могильника Переволочан 1 на Южном Урале;

2 – план кургана 10 могильника Переволочан 1 (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 10,1])

Fig. 1. Map of the location of the Perevolochan 1 necropolis in the Southern Urals and a plan of the kurgan 10:

1 – location of the Perevolochan 1 necropolis in the Southern Urals;

2 – plan of the kurgan 10 of the Perevolochan 1 necropolis (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 10,1])

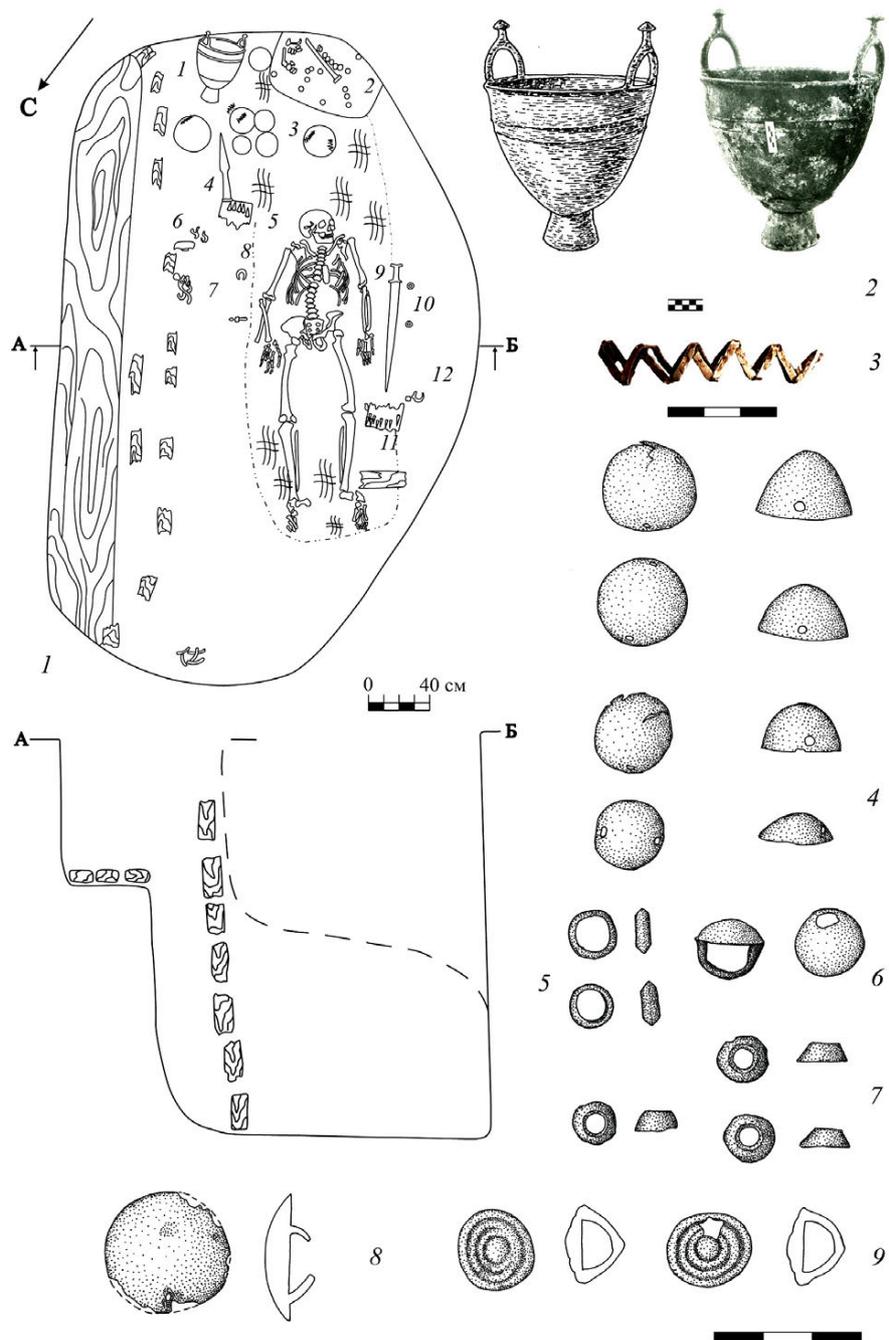

Рис. 2. План и инвентарь погребения 2:

1 – план и разрез погребения 2: 1.1 – бронзовый котел, 1.2 – остатки сумки, украшенной бронзовыми бляшками, с уздечным набором и железным предметом, 1.3 – остатки деревянных чаш с проволочными спиралями, 1.4 – наконечник копья, 1.5, 1.11 – наконечники стрел, 1.6 – топор, 1.7 – уздечный набор, 1.8, 1.12 – колчаные крючки, 1.9 – меч, 1.10 – ворворки; 2 – бронзовый котел; 3 – проволочная спираль; 4, 6, 8, 9 – бляшки; 5, 7 – пронизи. Материал изделий: 2, 4–9 – бронза; 3 – золото. 1 – по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 13, 1]; 2 – по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 14, 23; 1991, рис. 119]; 3 – фото И.В. Денисова; 4–9 – рисунки А. Ахметовой

Fig. 2. Plan and inventory of the burial 2:

1 – plan and section of the burial 2: 1.1 – bronze cauldron, 1.2 – remains of a bag decorated with bronze plaques with a bridle set and an iron object, 1.3 – remains of wooden bowls with wire spirals, 1.4 – spearhead, 1.5, 1.11 – arrowheads, 1.6 – axe, 1.7 – bridle set, 1.8, 1.12 – quiver hooks, 1.9 – sword, 1.10 – vorvorkas; 2 – bronze cauldron; 3 – wire spiral; 4, 6, 8, 9 – plaques; 5, 7 – pierces. Material: 2, 4–9 – bronze; 3 – gold. 1 – after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 13, 1]; 2 – after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 14, 23; 1991, fig. 119]; 3 – photos by I.V. Denisov; 4–9 – drawings by A. Akhmetova

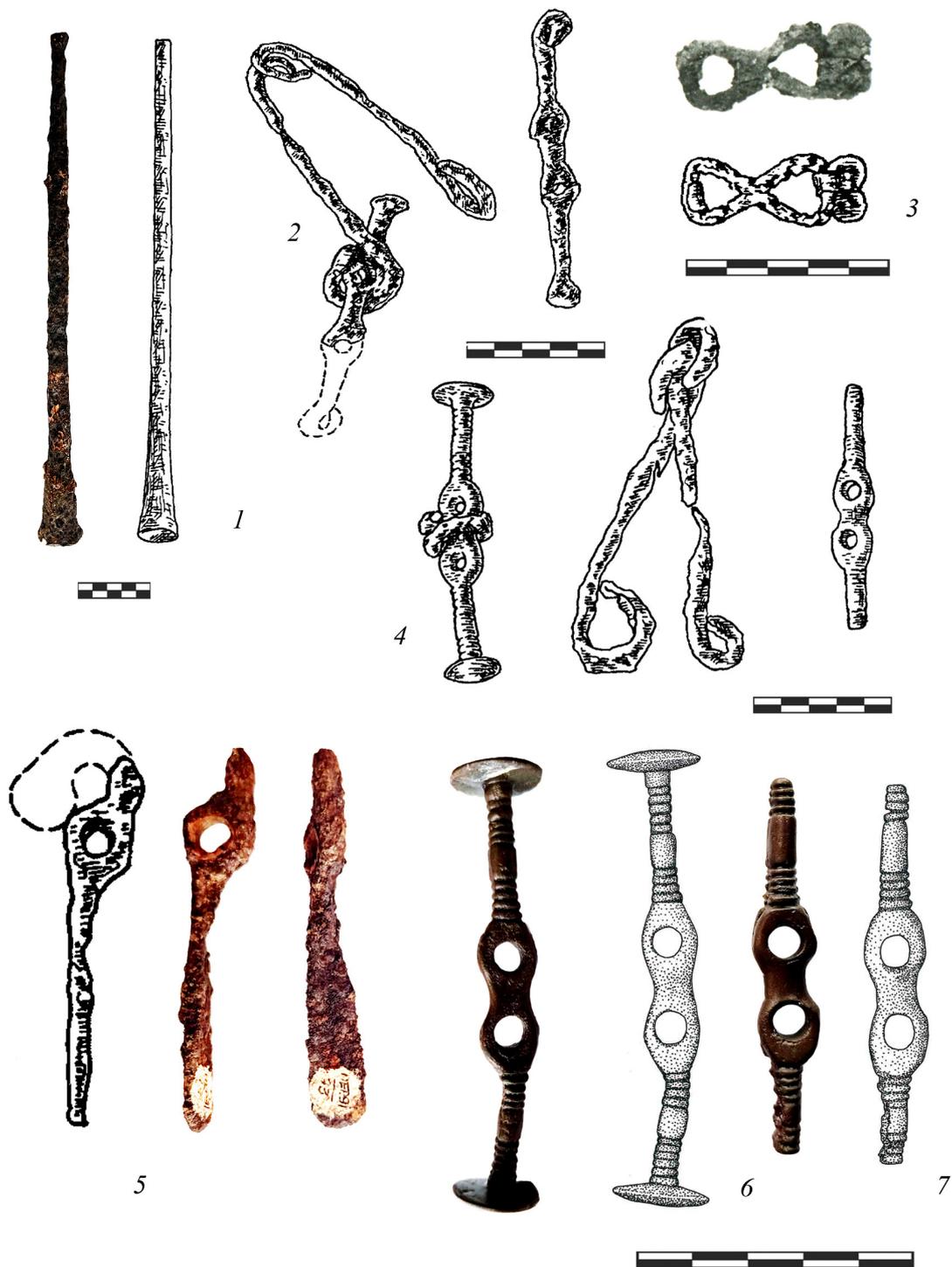

Рис. 3. Инвентарь погребения 2:

1 – железный предмет; 2 – удила и псалии; 3 – пряжка; 4 – удила и псалии; 5 – налобник; 6, 7 – бронзовые псалии.
 Материал изделий: 1–3 – железо; 4 – железо (удила) и бронза (псалии); 5 – железо; 6–7 – бронза.
 1–5 – по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 13,5, 14,13,16,20,21; 1991, рис. 120 (фото)]; 1, 5–7 – фото И.В. Денисова;
 6–7 – рисунки А. Ахметовой

Fig. 3. Inventory of the burial 2:

1 – iron object; 2 – bit and cheek-pieces; 3 – buckle; 4 – bit and cheek-pieces; 5 – forehead piece; 6, 7 – bronze cheek-pieces.
 Material: 1–3 – iron; 4 – iron (bit) and bronze (cheek-pieces); 5 – iron; 6–7 – bronze.
 1–5 (after: [Pshenichnyuk, 1995, figs. 13,5, 14,13,16,20,21]; 1991, fig. 120 (photo)); 1, 5–7 – photo by I.V. Denisov;
 6–7 – drawings by A. Akhmetova

Рис. 4. Инвентарь погребения 2:

1 – меч; 2 – наконечник копья; 3, 4 – ворворки; 5 – топор; 6, 7 – колчаные крючки.
 Материал изделий: 1, 2, 5, 6 – железо; 3 – серебро; 4 – бронза; 7 – железо, золото.
 1–5 – по: [Пшеничный, 1995, рис. 13,3,6, 14,17–19,22]; 1, 2, 5–7 – фото И.В. Денисова;
 6 – рисунок А. Ахметовой; 7 – рисунок О.А. Халыпиной

Fig. 4. Inventory of the burial 2:

1 – sword; 2 – spearhead; 3, 4 – vorvorkas (decoration of ancient clothing or horse harness in the form of a ball on a ribbon or cord);
 5 – axe; 6, 7 – quiver hooks. Material: 1, 2, 5, 6 – iron; 3 – silver; 4 – bronze; 7 – iron, gold.
 1–5 – after: [Pshenichnyuk, 1995, figs. 13,3,6, 14,17–19,22]; 1, 2, 5–7 – photo by I.V. Denisov;
 6 – drawing by A. Akhmetova; 7 – drawing by O.A. Khalyapina

1

ЛИТЕЙНЫЕ ШВЫ НА РУЧКАХ

2

3

Рис. 5. Бронзовый котел из погребения 2 (фото С.В. Демиденко):

1 – общий вид; 2 – литейные швы вокруг ручек котла и веревочка, свернутая в петлю с разомкнутыми концами;
3 – литейные швы на плоскости венчика и у оснований ручки

Fig. 5. Bronze cauldron from burial 2 (photo by S.V. Demidenko):

1 – general view; 2 – casting seams around the cauldron handles and a rope twisted into a loop with open ends;
3 – casting seams on the plane of the rim and at the base of the handle

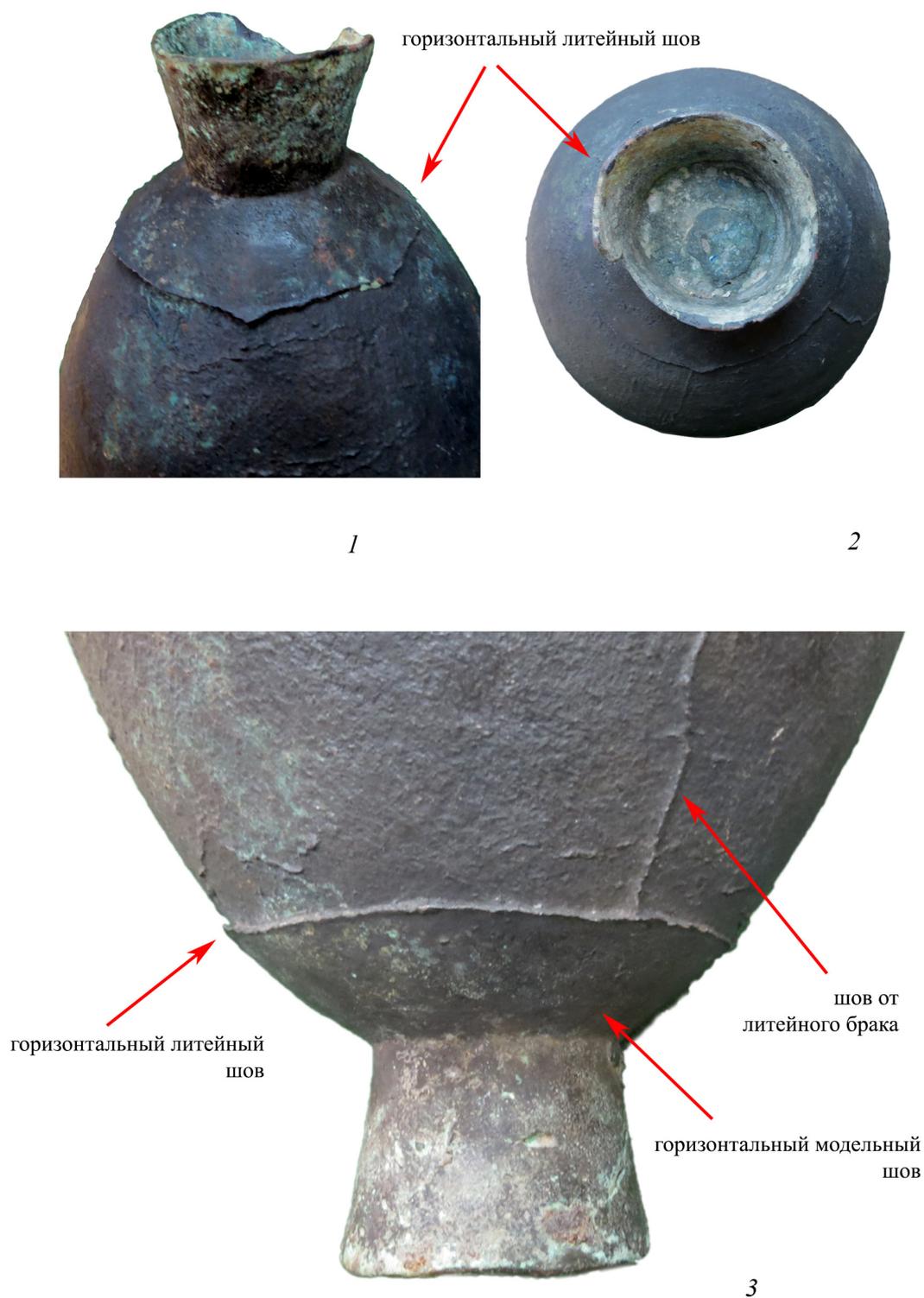

Рис. 6. Бронзовый котел из погребения 2 (фото С.В. Демиденко):

- 1 – горизонтальный литейный шов с выступом, вид сбоку;
- 2 – горизонтальный литейный шов и залив металла на дне тулова, вид сверху;
- 3 – горизонтальный литейный шов, горизонтальный модельный шов, швы от литейного брака

Fig. 6. Bronze cauldron from burial 2 (photos by S.V. Demidenko):

- 1 – horizontal casting seam with a protrusion, side view;
- 2 – horizontal casting seam and metal fill at the bottom of the body, top view;
- 3 – horizontal casting seam, horizontal model seam, seams from casting defects

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–VI вв. до н.э. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 410 с.
- Бабенко Л. И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков : Райдер. 284 с.
- Богданов С. В., Пшеничнюк А. Х., Сиротин С. В., 2006. Курганный могильник в урочище Баюли-Тау // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1-2. С. 33–53.
- Боковенко Н. А., 1981. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. С. 42–52.
- Васильев В. Н., 2001а. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа : Гилем. 153 с.
- Васильев В. Н., 2001б. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 169–179.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., 2022. К хронологии кургана I Филипповского могильника // Призвание – археология : сб. воспоминаний и науч. ст. (к 85-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа : Диалог. С. 309–321.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаиловка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал (Online). № 4 (32). С. 90–111.
- Васильев В. Н., Федоров В. К., 2021. Курганы Южного Зауралья. Кн. II. Уфа : Диалог. 132 с.
- Вильданова Е. В., 2022. Железные стилизованные налочки в комплексах ранних кочевников Южного Урала // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 26. С. 79–99.
- Ворошилов А. Н., 2004. Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж : ВГПУ. С. 202–213.
- Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещеряков Д. В., 2019. Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // Stratum plus. № 3. С. 51–88.
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : ЛКИ. 328 с.
- Демиденко С. В., Левин Е. С., Лунев М. Ю., 2022. Бронзовый котел из кургана 4 курганной группы Красносельская 9 (Краснодарский край) // Краткие сообщения Института археологии. № 269. С. 103–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.269>
- Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 45–65.
- Ильинская В. А., 1966. Скифские курганы у г. Борисполя // Советская археология. № 3. С. 152–171.
- Ильинская В. А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев : Наукова думка. С. 42–63.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Вып. Д1–31. М. : Наука. 112 с.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1–4. М. : Наука. 91 с.
- Мозолевский Б. М., 1979. Товста могила. Киев : Наукова думка. 252 с.
- Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф., 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV : амфоры Икоса // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов : Науч. кн. С. 255–266.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург : Печ. дом «ДИМУР». С. 124–146.
- Мошкова М. Г., 1959. Отчет о работах Оренбургского археологического отряда летом 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2034а. 20 с.
- Мошкова М. Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М. : Изд-во АН СССР. С. 206–241.

- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Мышкин В. Н., 2010. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС. С. 262–279.
- Николаев С. Ю., 2023. Клинковое оружие переходного типа по материалам случайных находок в Южном Приуралье // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, Волгоград, 15–19 мая, 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 69–80.
- Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М. : ТАУС. 472 с.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д1–4. М. : Наука. 180 с.
- Прокопенко Ю. А., 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь : Изд-во СКФУ. Ч. 2. 726 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1991. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории Республики Башкортостан в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16266. 212 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2007. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966) : материалы Междунар. конф. (Уфа, 20–22 апр. 2007 г.). Уфа : Китап. С. 330–339.
- Савельев Н. С., 2020. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. № 3. С. 31–52.
- Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 151–277.
- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2008. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 136–139.
- Сиротин С. В., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 38018–38019. 218 с.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–338.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей. С. 247–255.
- Сиротин С. В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 253–264.
- Сиротин С. В., 2020. Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 102–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участи-

- ем) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие». С. 207–217.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Огороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) : V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта ЛТД”». С. 234–243.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., 2019. Курганы ранних кочевников в Южном Приуралье // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое. М. : ИА РАН. С. 50–53.
- Сиротин С. В., Огороков К. С., 2022. Два деревянных сосуда с носиком-сливом из погребений ранних кочевников Южного Урала // Призвание – археология : сб. воспоминаний и науч. ст. (к 85-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа : Диалог. С. 438–454.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : Наука. 161 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 175 с.
- Сурков А. В., 2021. Отчет об археологических раскопках в Палласовском районе Волгоградской области в 2021 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 71792. 204 с.
- Таиров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Раев и К. С. 3–21.
- Федоров В. К., 2013. Кинжал из Талалаевки и «савроматские» элементы в оформлении прохоровских клинков // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 13. С. 33–47.
- Халяпина О. А., 2016. Отчет об археологических исследованиях в Оренбургском районе Оренбургской области в 2016 году (раскопки кургана № 5 курганной группы «Богатырские могилки» КМ «Высокая Могила – Студеникин Мар») // Архив ИА РАН. Р-1. № 60606. 135 с.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М. : Наука. 300 с.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 170–177.
- Яблонский Л. Т., 2011. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 235–240.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., 2017. На востоке скифской ойкумены. М. : ТАУС. 400 с.
- Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского 2009–2014 гг. Каталог коллекции. Кн. II. М. : ИА РАН. 356 с.
- Hatakeyama Tei, 2011. Siberian Cauldrons // Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes. Tokyo : Steppe Archaeology Society. P. 119–190.

REFERENCES

- Alekseev A. Yu., 2003. *Hronografiya Evropeyskoy Skifi VII–VI vv. do n.e.* [Chronography of European Scythia in the 7th – 6th Centuries BC]. Saint Petersburg, State Hermitage Museum. 410 p.
- Babenko L.I., 2005. *Pesochinskiy kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni* [Pesochinsky Kurgans of the Scythian Period]. Kharkov, Rayder Publ. 284 p.
- Bogdanov S.V., Pshenichnyuk A.H., Sirotnin S.V., 2006. Kurgannyi mogil'nik v urochishche Bayuli-Tau [Kurgan Cemetery in the Bayuli-Tau Tract]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan], no. 1-2, pp. 33-53.

- Bokovenko N.A., 1981. Bronzovye kotly epokhi rannikh kochevnikov v Aziatskikh stepyakh [Bronze Cauldrons of the Early Nomads' Era in Asian Steppes]. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza* [Problems of West Siberian Archaeology. Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 42-52.
- Vasilyev V.N., 2001a. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery* [Weaponry and Military Affairs of the Nomads of the Southern Urals in the 6th – 2nd Centuries BC]. Ufa, Gilem Publ. 153 p.
- Vasilyev V.N., 2001b. K hronologii ranneprohorovskogo klinkovogo oruzhiya i «probleme» III v. do n.e. [To the Chronology of the Early Prokhorovsky Blade Weapon and the “Problem” of the 3rd century BC]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskih stepey* [Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 169-179.
- Vasilyev V.N., 2004. K hronologii ranneprohorovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 153-172.
- Vasilyev V.N., 2022. K hronologii kurgana I Filippovskogo mogil'nika [On the Chronology of Kurgan I of the Filippovsky Burial Ground]. *Prizvanie – arheologiya: sb. vospominaniy i nauch. st. (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.H. Pshenichnyuka i 35-letiyu nachala issledovaniya Filippovskih kurganov)* [Calling – Archaeology: Collection of Memoirs and Scientific Articles (For the 85th Anniversary of the Birth of A.Kh. Pshenichnyuk and the 35th Anniversary of the Beginning of the Study of the Filippovsky Kurgans)]. Ufa, Dialog Publ., pp. 309-321.
- Vasilyev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyah sela Verkhnyaya Kardailovka na r. Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k hronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Kurgans in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th Century BC]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic Scientific Journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90-111.
- Vasilyev V.N., Fedorov V.K., 2021. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya* [Kurgans of the Southern Trans-Urals], book II. Ufa, Dialog Publ. 132 p.
- Vildanova E.V., 2022. Zheleznye stilizovannye nalobniki v kompleksah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Iron Stylized Forehead Pieces in the Complexes of Early Nomads of the Southern Urals]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], no. 26, pp. 79-99.
- Voroshilov A.N., 2004. Kop'ya naseleniya srednedonskoy kul'tury skifskogo vremeni [Spears of the Population of the Middle Don Culture of the Scythian Time]. *Arheologicheskie pamyatniki basseyna Dona* [Archaeological Monuments of the Don Basin]. Voronezh, VSPU, pp. 202-213.
- Dedyulkin A.V., Kayumov I.F., Meshcheryakov D.V., 2019. Ellinisticheskie zheleznye kirasy iz Yuzhnogo Priural'ya [Hellenistic Iron Cuirasses from the South Ural Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 51-88.
- Demidenko S.V., 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. – III v. n.e.)* [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of Lower Volga Region and South Urals (V c. BC – III c. AD)]. Moscow, LKI Publ. 328 p.
- Demidenko S.V., Levin E.S., Lunev M.Yu., 2022. Bronzovyy kotel iz kurgana 4 kurgannoy gruppy Krasnosel'skaya 9 (Krasnodarskiy kray) [The Bronze Cauldron from Kurgan 4, Krasnoselskaya 9 Kurgan Group (Krasnodar Krai)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 269, pp. 103-110. DOI: <http://dx.doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.269>
- Zdanovich G.B., Khabdulina M.K., 1987. Kurgan Temir [Kurgan Temir]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 45-65.
- Ilyinskaya V.A., 1966. Skifskie kurgany u g. Borispolya [Scythian Kurgans Near the City of Borispil]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 152-171.
- Ilyinskaya V.A., 1973. Skifskaya uzda IV v. do n.e. [Scythian Bridle of the 4th Century BC]. *Skifskie drevnosti* [Scythian Antiquities]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 42-63.
- Kolleksii Filippovskih kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFICTs RAN* [Collections of Filippovsky Burial Mounds from the Funds of the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2018. Ufa, Kitap Publ. 400 p.

- Liberov P. D., 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Monuments of the Scythian Period on the Middle Don]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1–31. Moscow, Nauka Publ. 112 p.
- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzhenie skifov* [Scythian Weapons]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1–4. Moscow, Nauka Publ. 91 p.
- Mozolevsky B.M., 1979. *Tovsta mogila* [Tovsta Grave]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 252 p.
- Monakhov S.Yu., Fedoseyev N.F., 2013. Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. IV: amfory Ikosa [Notes on the Localization of Ceramic Containers. IV: Ikos Amphoras]. *Antichnyy mir i arheologiya* [The Ancient World and Archaeology], iss. 16. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 255-266.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prohorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorov” Burials of the V Berdianskiy Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], iss. III. Orenburg, Printing House “DIMUR”, pp. 124-146.
- Moshkova M.G., 1959. Otchet o rabotah Orenburgskogo arheologicheskogo otryada letom 1959 g. [Report on the Work of the Orenburg Archaeological Detachment in the Summer of 1959]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 2034a. 20 p.
- Moshkova M.G., 1962. Novo-Kumakskiy kurgannyi mogil'nik bliz g. Orska [Novo-Kumak Burial Mound near the City of Orsk]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury* [Monuments of Scythian-Sarmatian Culture]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 115. Moscow, USSR Academy of Sciences, pp. 206-241.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya v savromatskoe i rannesarmatskoe vremya [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals in the Sauromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 162-167.
- Myshkin V.N., 2010. Kolchannye kryuchki kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona VII–I vv. do n.e. [Quiver Hooks of Nomads of the Samara-Ural Region of the 7th – 1st c. BC]. *Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 262-279.
- Nikolaev S. Yu., 2023. Klinkovoe oruzhie perekhodnogo tipa po materialam sluchaynykh nahodok v Yuzhnom Priural'e [Bladed Weapons of the “Transitional” Type Based on Materials of Random Finds in the Southern Urals]. *Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina, Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History”, Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 69-80.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii* [Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes]. Moscow, TAUS Publ. 472 p.
- Petrenko V.G., 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n.e.* [The Right Bank of the Middle Dnieper in the 5th – 3rd Centuries BC]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1–4. Moscow, Nauka Publ. 180 p.
- Prokopenko Yu.A., 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury Central'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroj polovine I tys. do n.e.* [Scythians, Sarmatians and Tribes of the Koban Culture of the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC.], pt. 2. Stavropol, NCFU. 726 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1991. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh na territorii Respubliki Bashkortostan v 1991 g. [Report on Archaeological Excavations and Exploration in the Territory of the Republic of Bashkortostan in 1991]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 16266. 212 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of the Southern Urals Nomads]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Savelev N.S., 2007. Konskaya uzda IV–III vv. do n.e. iz Shipovskikh kurganov v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [Horse Bridle 4th – 3rd C. BC from the Shipovsk Kurgans in the Forest-Steppe of the Southern Urals].

- Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966): materialy Mezhdunar. konf. (Ufa, 20–22 apr. 2007 g.)* [Formation and Interaction of the Ural Peoples in the Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikova (1900–1966). Materials of the International Conference (Ufa, April 20–22, 2007)]. Ufa, Kitap Publ., pp. 330-339.
- Savelev N.S., 2020. Skifskaya uzda v lesostepi Yuzhnogo Priuralya: konechnaya tochka zapadnogo impulsa [The Scythians Horse Harness in the Forest-steppe of Southern Cis-Urals: The End Point of the Western Impulse]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 31-52.
- Savchenko E.I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and Equipment of the Population of the Scythian Time on the Middle Don]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 151-277.
- Savchenko E.I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arheologicheskii istochnik [The Equipment of the Horse of the Scythian Period at the Middle Don as an Archeological Source]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu yepohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Age]. Moscow, IA RAS, pp. 221-325.
- Sirotin S.V., 2008. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii v 2007 g. (predvaritel'noe soobshchenie) [Research at the Burial Mound of Perevolochan in Trans-Ural Bashkiria in 2007 (Preliminary Report)]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshih arheologicheskikh otkrytiy»*, Orenburg, 21–25 apr. 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Proceedings of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, OGPU, pp. 136-139.
- Sirotin S.V., 2009. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Haybullinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2009 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 38018-38019. 218 p.
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 323-338.
- Sirotin S.V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypey kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from Mounds of Mounds of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Excavations from 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-255.
- Sirotin S.V., 2016. Ob otnositel'noy khronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On a Conventional Chronology and Dating of the Perevolochan I Burial]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” Dedicated to the 100th Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, Orenburg State University, pp. 253-264.
- Sirotin S.V., 2020. Dugovidnye predmety (nahravniki) v sostave konskoy sbrui rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Arched Objects (Noseband) as Part of a Horse Harness of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 102-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>
- Sirotin S.V., Treister M.Yu., 2014. Pogrebenie s blizhnévostochnyimi (?) i tsentral'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) And Central Asian Imports from the Barrow-Mound Yakovlevka II]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World: Proceedings of the VIII All-Russian (With International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Ufimskiy arheologicheskii vestnik, iss. 14. Ufa, IHLL USC RAS, Heritage Center, pp. 207-217.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nykh konstruktsiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.)*:

- V. *Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.
- Sirotn S.V., Bogachuk D.S., 2019. Kurgany rannih kochevnikov v Yuzhnom Priural’ye [Kurgans of Early Nomads in the Southern Urals]. *Novye arheologicheskie proekty. Vossozdavaya proshloe* [New Archaeological Projects. Recreating the Past]. Moscow, IA RAS, pp. 50-53.
- Sirotn S.V., Okorokov K.S., 2022. Dva derevyannykh sosuda s nosikom-slivom iz pogrebeniy rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Two Wooden Vessels with a Spout-Drain from the Burials of Early Nomads of the Southern Urals]. *Prizvanie – arheologiya: sb. vospominaniy i nauch. st. (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.H. Pshenichnyuka i 35-letiyu nachala issledovaniya Filippovskikh kurganov)* [Calling – Archaeology: Collection of Memoirs and Scientific Articles (For the 85th Anniversary of the Birth of A.Kh. Pshenichnyuk and the 35th Anniversary of the Beginning of the Study of the Filippovsky Kurgans)]. Ufa, Dialog Publ., pp. 438-454.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Sauromat Armament]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 101. Moscow, AS USSR. 163 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannaya istoriya i kul’tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 175 p.
- Surkov A.V., 2021. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v Pallasovskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2021 godu [Report on Archaeological Excavations in the Pallasovsky District of the Volgograd Region in 2021]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 71792. 204 p.
- Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zaural’ya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals 7th – 2nd Centuries BC]. *Sarmatskie kul’tury Evrazii: problemy regional’noy khronologii: doklady k 5-y Mezhdun. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, Raev i K Publ., pp. 3-21.
- Fyodorov V.K., 2013. Kinzhals iz Talalaevki i «savromatskie» elementy v oformlenii prohorovskikh klinkov [Dagger from Talalaevka and “Sauromatic” Elements in the Ornamentation of Handles of Prokhorovskiy Type Blade Weapons]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 13, pp. 33-47.
- Khalyapina O.A., 2016. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Orenburgskom rayone Orenburgskoy oblasti v 2016 godu (raskopki kurgana № 5 kurgannoy gruppy «Bogatyrskie mogilki» KM «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar») [Report on Archaeological Research in the Orenburg District of the Orenburg Region in 2016 (Excavations of Kurgan no. 5 of the Burial Mound Group “Bogatyrskie mogilki” KM “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar”)]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 60606. 135 p.
- Chlenova N.L., 1967. *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya tagarskoy kul’tury* [Origin and Early History of Tagar Culture]. Moscow, Nauka Publ., 300 p.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil’nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul’tury Yuzhnogo Priural’ya [New Excavations of the Filippovsky Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural’skogo regiona: materialy mezhdunar. nauch. konf. «Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural’ya v svete noveyshikh arheologicheskikh otkrytiy»*, Orenburg, 21–25 apr. 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Materials of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, OSU, pp. 170-177.
- Yablonsky L.T., 2011. Pogrebal’nyy obryad rannih kochevnikov Priural’ya perekhodnogo vremeni i voprosy arheologicheskoy periodizatsii pamyatnikov [Funeral Rite of the Early Nomads of the Urals During the Transitional Period and Issues of Archaeological Periodization of Monuments]. *Pogrebal’nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 235-240.
- Yablonsky L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol’ Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)*. *Katalog kolleksii* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka 1 (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

- Yablonsky L.T., 2017. *Na vostoке skifskoy oykumeny* [In the East of the Scythian Ecumene]. Moscow, TAUS Publ. 400 p.
- Yablonsky L.T., Bogachuk D.S., Volodin S.A., Maslov V.E., Sirotin S.V., 2023. *Zoloto sarmatskih vozhdеy. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2. Po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L.T. Yablonkogo. Katalog kolleksii* [Gold of Sarmatian Nobility. Burial Grounds Fillipovka 1 and Fillipovka 2. The Materials of the Excavations of the Pre-Ural Expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Directed by L.T. Yablonsky. Campaigns 2009–2014. The Catalogue], book II. Moscow, IA RAS. 356 p.
- Hatakeyama Tei, 2011. Siberian Cauldrons. *Studies on Ancient Cauldrons. Cultic or Daily Vessels in Eurasian Steppes*. Tokyo, Steppe Archaeology Society, pp. 119-190.

Information About the Authors

Sergey V. Demidenko, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, sergey.demidenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6462-0132>

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторах

Сергей Викторович Демиденко, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, sergey.demidenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6462-0132>

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.3>

UDC 903.531(571.13)

LBC 63.442.7(2Рос-4Омс)-427

Submitted: 24.06.2024

Accepted: 26.09.2024

KURGANS OF THE SARGAT CULTURE IN THE MIDDLE IRTYSH RIVER BASIN: NEW APPROACHES IN ESTIMATION OF SOCIAL LANDSCAPE¹

Maxim A. Grachev

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Oksana Yu. Zimina

Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Nickolay V. Prikhodko

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Svetlana V. Sharapova

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article deals with results of airborne laser scanning, which was undertaken with drone above selected locations of kurgans of the Sargat culture in the middle Irtysh river basin (Omsk region) and its correlation with total station data of terrain survey. The selected scanning area covers imposing “Princely kurgans” situated on a plowed field and small mounds inside birch forest. The scanning results were processed with various filters for further creation of a digital terrain model (DTM), and then based on DTM, a topographical relief of the area under study was presented with a step of 1.0 m and of 0.1–0.2 m for sites of kurgan groups’ locations. Structures visible on DTM are coincided in quantity, size and relative position with previously recorded kurgan mounds. Besides already known archaeological objects DTM allows identifying structures similar to small kurgans mapped during terrain prospection, but requires further clarification in a course of electromagnetic survey or excavation. Combination of field and cartographic approaches provides estimation of topography particularities and hierarchy of kurgans various in size and remoteness. Small kurgans are mapped at lower hypsometric levels and distinctly close to the origins of the ravines. “Princely kurgans” were accommodated to dominant heights of foremost river terrace what was decisive in landscape exploitation, i.e. new territory markers were erected and thus transformation of landscape into social sense occurred. The particularity of the graveyard functioning was reconstructed based on data recorded during excavation of various kurgans in different sides of the area under study.

Key words: middle Irtysh river basin, Sargat culture, social landscape, airborne laser scanning, terrain digital model.

Citation. Grachev M.A., Zimina O.Yu., Prikhodko N.V., Sharapova S.V., 2024. Kurgany sargatskoy kul'tury Srednego Priirtysh'ya: novye podhody k otsenke sotsial'nogo landshafta [Kurgans of the Sargat Culture in the Middle Irtysh River Basin: New Approaches in Estimation of Social Landscape]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 53-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.3>

УДК 903.531(571.13)

ББК 63.442.7(2Рос-4Омс)-427

Дата поступления статьи: 24.06.2024

Дата принятия статьи: 26.09.2024

КУРГАНЫ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА¹

Максим Александрович Грачев

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Оксана Юрьевна Зимина

Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Николай Владиславович Приходько

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Светлана Владимировна Шарапова

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья вводит в научный оборот результаты воздушного лазерного сканирования с применением БПЛА локальных участков с расположенными на них курганами саргатской культуры в Среднем Прииртышье (Омская область) и их совмещения с данными наземной тахеометрической съемки. Участки исследования включали как выраженные в рельефе «царские» курганы на распахиваемых территориях, так и менее заметные объекты в березовом лесном массиве. Обработка результатов сканирования с применением различных фильтров позволила построить цифровую модель местности (ЦММ) каждого из участков, затем на ее основе представить рельеф местности с шагом 1 м и отдельные участки рельефа в местах расположения курганных групп с шагом 0,1–0,2 м. Локальные структуры, визуализированные на ЦММ, совпали по количеству, размерам и взаимному расположению с ранее обследованными насыпями курганных могильников. Помимо уже известных археологических объектов на ЦММ были определены структуры, характеристики которых подобны выявленным небольшим курганам и требуют дальнейшей проверки электромагнитной разведкой или раскопками. Совмещение полевого и картографического методов позволило оценить особенности топографии и иерархии разных по величине и удаленности друг от друга курганов. Для насыпей меньших размеров характерно расположение на более низких гипсометрических отметках, отчетливо фиксируется их приуроченность к истокам оврагов. Приуроченность группы «царских» курганов к доминирующим высотам в глубине террасы кардинальным образом меняет первоначальную картину освоения окружающего пространства: появляются своеобразные маркеры территории, природный ландшафт трансформируется в социальный. Специфика формирования могильного поля реконструирована с учетом данных, полученных в ходе раскопок курганов в разных частях могильного поля.

Ключевые слова: Среднее Прииртышье, саргатская культура, социальный ландшафт, воздушное лазерное сканирование, цифровая модель рельефа.

Цитирование. Грачев М. А., Зимина О. Ю., Приходько Н. В., Шарапова С. В., 2024. Курганы саргатской культуры Среднего Прииртышья: новые подходы к оценке социального ландшафта // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.3>

Состояние проблемы

Хорошо известно, что в обществах, иерархически организованных, появление поселений и могильников не было случайным явлением. Их местоположение в пространстве определялось не только географическими факторами, но и регламентировалось, в том числе, структурой различных отношений и реализацией власти. Некоторыми археологическими проявлениями этого являются городища и селища разной площади, курганы различной величины с центральными и периферийными погребениями, происхождение людей и т. п. [Крадин, 2021, с. 169–183]. Все это позволяет рассматривать ландшафт в социальной коннотации – как совокупность физико-географических особенностей и культурных тра-

дий с организованной, но динамичной структурой [Popova et al., 2007, p. xv–xix; Roberts, 1996, p. 46]. В зарубежной археологии концепция социального ландшафта имеет широкое практическое воплощение, сочетая теоретические разработки и современный цифровой инструментарий в реализуемых проектах (см., например: [Armit et al., 2016; Barrett, 1999; Geitlinger et al., 2022; Mason, 1996]).

В археологии саргатской культуры (V в. до н.э. – III в. н.э.) исследование социальной направленности в организации пространства ее носителями осуществлялось в основном опосредованно, без проблемно ориентированного обращения к концепту. Так, вопросы освоения вмещающего ландшафта обитателями лесостепи Зауралья и Западной Сибири преимущественно связаны с рассмотрением

разнообразных аспектов понятия пространства на материалах изучения курганных могильников [Корякова, 1988, с. 46–48; 1994б, с. 162–167; Матвеева, 2000, с. 26–29; Могильников, 1992, с. 299]. Поселения и городища, их скопления и положение относительно погребальных памятников – все это становилось предметом исследования системы расселения саргатских коллективов [Корякова, 1988, с. 30–43; 1994а, с. 263–265] и потенциальных экономических зон [Матвеева, 2000, с. 29–54]; остатки построек и сооружений анализировались в контексте пространственной организации жилой среды [Берлина, 2010, с. 3–8].

Фиксируемые различия в объеме насыпи объяснялись локальными особенностями культуры [Корякова, 1977, с. 138–139, табл. 1; Могильников, 1992, с. 299; Стоянов, 1973, с. 45, табл. А, Б], а разное количество захоронений в одном кургане в пределах всего ареала – динамикой обрядности [Корякова, 1988, с. 130; 1994б, с. 146–169]. Пространственная организация и расположение курганов в границах некрополя исчерпывались описанием «группами, цепочками или одиночно» [Корякова, 1988, с. 47]. К сожалению, фактор случайности выявления курганов и, как следствие, некая субъективность определения границ могильников не рассматривались (в то же время все без исключения исследователи отмечали губительные последствия сибирского бугрования XVIII в.). Необходимо отметить, что значительная часть известных памятников саргатской культуры обнаружена в ходе полевых работ 1960–1990 гг., проводимых на методическом уровне того времени. Впоследствии эти материалы стали основой всех предложенных реконструкций социальной структуры населения саргатской культуры [Корякова, 1988; 1994б; Матвеева, 1993; 2000; Могильников, 1992; и т. д.], однако вопросы формирования некрополей, иерархии разных курганов и погребальных комплексов не ставились. В этом отношении Среднее Прииртышье – ключевой регион как для понимания истории населения саргатской культуры, так и культурно-исторических процессов степного пояса Евразии – не является исключением. В частности, В.А. Могильников при оценке степени заселенности территорий выделял лесостепь Прииртышья, полагая, что «плотность саргат-

ского населения здесь превышала его концентрацию во все исторические эпохи, предшествовавшие освоению края русскими» [Могильников, 1992, с. 293].

Междисциплинарные исследования в современной археологии, заметный рост интереса к геоинформационному пространственному моделированию, новые технологические решения и технические возможности позволяют апробировать существующие наработки неинвазивного изучения археологических объектов, в том числе и на памятниках саргатской культуры. Куст памятников у с. Новопокровка (Горьковский район Омской области) хорошо изучен в ходе наземного обследования (рис. 1) с составлением подробных топографических планов [Булакова, 2020; Зотов, 2020], что предвещало раскопки [Михайлов, 2022; Шарاپова, 2022; 2023; 2024]². В природном отношении – это лесостепь Западной Сибири, характеризующаяся сочетанием открытых луговых и залесенных пространств.

Целью данной публикации является введение в научный оборот результатов воздушного лазерного сканирования локальных участков с расположенными на них курганами, их совмещение с данными наземной тахеометрической съемки памятников. При этом использование LiDAR – не самоцель, а эффективный инструмент для проведения дальнейших исследований социального ландшафта региона в раннем железном веке, особенностей его формирования и археологических проявлений³.

Объекты и их исследования

В качестве научного полигона выбраны погребальные памятники правобережья Среднего Иртыша в окрестностях с. Новопокровка (рис. 1). Здесь до 2021 г. не проводились археологические раскопки, а интенсивность предпринятых в разные годы полевых исследований (см. ниже) выделяет этот куст памятников среди многих других в Среднем Прииртышье. Весной 2023 г. было произведено воздушное лазерное сканирование двух участков местности⁴, где располагаются несколько одиночных курганов и курганных групп саргатской культуры. Исходя из топографии расположения погребальных памятни-

ков и особенностей вмещающего ландшафта, ранее уже высказывалось предположение, что они образуют одно большое могильное поле [Шарапова и др., 2023, с. 69].

Первые археологические исследования на этой территории связаны с деятельностью Уральской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга. В 1966 г. В.А. Овчинниковым и Н.А. Федюновой реализована масштабная разведка по Иртышу, в ходе которой открыты «царские» Новопокровские курганы [Овчинников, Федюнева, 1967] (рис. 2, 4). Немногим позже здесь свои работы начал В.А. Могильников во главе Иртышского отряда ИА АН СССР, результатом чего стали раскопки курганов у д. Богданово и повторное открытие крупных курганов у с. Новопокровка. Им дано описание групп и одиночных курганов и составлен схематичный план их расположения [Могильников, 1969; 1978].

Следующий этап связан с работами по паспортизации объектов археологического наследия. Разведывательным отрядом Омского пединститута под руководством В.В. Дубко переобследованы известные памятники Горьковского района и выявлено значительное число новых. Группам курганов и отдельным курганам, уже известным по предыдущим работам, были присвоены индивидуальные наименования (что не всегда отвечало исследовательской логике). В результате этого некоторые курганы, составляющие единые археологические ансамбли, были разделены на отдельные объекты, в частности курганы Новопокровка II, XIV, XV [Дубко, 1990; 1991].

А.В. Шульпиным в ходе разведки 2007 г. открыт курган Новопокровка XVI и уточнен состав могильника Новопокровка XIII [Шульпин, 2008]. В дальнейшем работами Омского филиала ИАЭТ СО РАН повторно обследованы известные памятники, что актуализировало данные о состоянии объектов [Герасимов, 2016; Павлов, 2017].

Начиная с 2019 г. куст памятников у с. Новопокровка изучается Западносибирским отрядом ИИиА УрО РАН, ОмГПУ и ООО «НПЦ “Архео”». Первоначально в ходе сплошного натурного мониторинга местности был обнаружен курганный могильник Новопокровка XVII и обследовано 15 ранее известных памятников, в том числе некрополи

Новопокровка I–IX, XI–XVI. Эти работы позволили локализовать на местности все объекты, составить точные тахеометрические планы памятников, выполнить детальные описания [Булакова, 2020; Зотов, 2020]. Кроме того, они стали определяющими для понимания масштаба могильного поля, объединяющего разные группы курганов, различающихся между собой размером и взаиморасположением.

Первые версии культурной и хронологической атрибуции стали оформляться в процессе раскопок разных по величине и удаленности курганов. Полевые исследования 2021–2023 гг. были сосредоточены на четырех объектах, три из которых – курганы Новопокровка XVI и X и курган 10 в составе могильника Новопокровка XVII – позволили отнести их к саргатской культуре и предварительно датировать не ранее середины I тыс. до н.э. – рубежа эр [Шарапова, 2022; 2024; Шарапова и др., 2023, с. 78]. Материалы раскопок кургана 4 могильника Новопокровка XIII дали основания рассматривать памятник среди древностей эпохи средневековья [Михайлов, 2022].

Как показывает история наземного изучения новопокровских курганов, каждый этап работ расширял наши представления о них: выявлялись новые объекты, уточнялись их локализация и состояние, подготовлены максимально подробные инструментальные планы и описания памятников, получены материалы для датировки. В целом можно говорить о том, что корпус источников по саргатской культуре существенно дополнен.

Прежде чем перейти к результатам лидарной съемки на территории могильного поля, целесообразно дать общую характеристику объектов в пределах участков сканирования. В ее основе – визуальный осмотр в ходе пешего обследования и инструментальные планы памятников.

Участок 1 охватывает часть возделываемых сельхозугодий к югу от села. Здесь располагаются семь «царских» курганов, отчетливо различимых на спутниковых снимках: Новопокровка I (курганы 1–3), Новопокровка II, Новопокровка XIV, Новопокровка XV и менее выраженный в рельефе – Новопокровка XVI [Булакова, 2020; Зотов, 2020; Овчинников, Федюнева, 1967; Шарапова и др., 2023] (рис. 2, 3, 1).

Памятники Новопокровка I, II, XIV, XV, XVI зафиксированы в глубине правобережной террасы Иртыша, на расстоянии 2,5–4 км от берега реки на действующей пашне. Однако тотальной распахке подвергся только курган Новопокровка XVI, остальные объекты опахиваются, но не разрушаются. В составе курганного могильника Новопокровка I насчитывается три насыпи, все другие учтены как одиночные курганы [Дубко, 1990; 1991]. Параметры курганов могильника Новопокровка I – от 20 м до 40 м в диаметре, от 1,5 м до 3,5 м высотой. Для курганов Новопокровка II, XIV, XV диаметр измеряется от 38 до 51 м при высоте от 3 до 5,4 м. Практически с nivelированный многолетней пашней курган Новопокровка XVI был слабо выражен в рельефе местности и представлял собой пологое всхолмление диаметром 30,6 × 36 м, высотой не более 0,6 м. Памятник полностью изучен раскопками, материалы опубликованы [Шарапова, 2022; Шарапова и др., 2023].

Участком 2 охвачена часть лесного массива к востоку от села. В границах съемки располагаются курганы Новопокровка X, XII и курганные группы Новопокровка IX, XI, XVII (рис. 5). Раскопки проводились для кургана Новопокровка X и кургана 10 в составе могильника Новопокровка XVII [Шарапова, 2023; 2024].

Курган Новопокровка X имел насыпь диаметром 22–24 м и высотой 1,5 м [Шарапова, 2023; 2024].

Параметры кургана Новопокровка XII составляют 16,5 м в диаметре и 0,78 м в высоту [Зотов, 2020].

Курганный могильник Новопокровка IX состоит из двух насыпей диаметром 23,5–25 м, высотой 1,3–1,8 м [Зотов, 2020].

Курганный могильник Новопокровка XI включает четыре кургана, три из которых диаметром немногим более 20 м и высотой 0,71–1,52 м, а один, менее выраженный в рельефе, диаметром 17,5 м и высотой не более 0,28 м [Зотов, 2020].

В составе курганного могильника Новопокровка XVII насчитывается четырнадцать насыпей, имеющих диаметр от 14 до 17,8 м при высоте от 0,3 до 0,65 м [Булакова, 2020; Шарапова, 2024].

Методика исследования

В археологии лазерное сканирование выполняется тремя основными типами – наземным, воздушным и мобильным (см., например: [Данилов и др., 2024, с. 10; Гнёздовский археологический комплекс ... , 2021, с. 20]). Технология воздушного лазерного сканирования не только хорошо описана (см., например: [Новиков, 2021]), но и частично реализована в ареале саргатской общности – в долине р. Тобол [Зимина, Приходько, 2023]. Эффективность применения данного вида съемки в условиях труднодоступной местности, а также для объектов, скрытых лесными массивами или подлесками [Гнёздовский археологический комплекс ... , 2021, с. 73], делает возможным ее использование в лесостепной зоне Западной Сибири.

Для проведения исследований использовался беспилотный летательный аппарат (БПЛА) DJI Matrice 300 RTK. Этот многофункциональный квадрокоптер предоставляет широкий спектр возможностей для съемки и картографирования. Для сбора информации о рельефе и обнаружения археологических объектов использовался LiDAR Zenmuse L1, установленный на БПЛА. Для увеличения точности в процессе постобработки использованы данные с имеющейся RTK-станции DRTK-2 в режиме PPK (англ. Post Processing Kinematic – дословно «кинематика в постобработке»). Это один из методов дифференциальной коррекции привязки GPS. Он заключается в процессе определения координат (местоположения) с помощью Ровера (мобильного приемника ГНСС-сигнала, в нашем случае – это БПЛА) и процесса корректировки после сбора данных с использованием поправки от опорной станции DRTK-2 (базы).

Перед началом исследований были определены участки съемки в окрестностях с. Новопокровка. Участки расположены недалеко друг от друга, но отличаются по своим характеристикам. Один охватывал распаханное поле, второй – территорию разреженного лесного березового массива.

Полет осуществлялся с помощью встроенной в БПЛА функции «площадной съемки», маршрут полета, состоящий из галсов, строится автоматически с горизонтальным перекрытием полос съемки в 20 %.

Основная характеристика полета:

1. Высота 160 м – для съемки залесенного участка, 190 м – для сканирования участка поля.

2. Режим сканирования – повторяющаяся строчная развертка 240 Гц.

3. Количество учитываемых отражений луча – 2.

4. Скорость полета – 10 м/с.

Для залесенного участка выбрана чуть меньшая высота полета для увеличения количества пространственных точек на 1 кв. м и с учетом последующей процедуры фильтрации точек древесной растительности. В результате за 8 часов было отснято 10 кв. км. Разрешение полученного облака точек при проекции на плоскость составляло 12 кв. см на пиксель. Следует отметить, что при оптимизации и классификации облака точек пространственное разрешение немного уменьшается.

Полученные данные лидара обрабатывались с использованием специализированного программного обеспечения для создания точных цифровых моделей рельефа (ЦМР) и облаков точек.

Для обработки сырых данных с БПЛА DJI и лидара L1 использовано программное обеспечение от производителя. При обработке материалов в программе *DJI Terra* был использован формат *las*. Также при реконструкции облака точек в набор входных данных добавлялись записи с наземной станции DRTK-2 за период проведения полетов, которые *DJI Terra* использует в конечном выравнивании точек (РПК-обработка). После получения облака точек в формате *las* в *DJI Terra* обработка изображений производилась в ПО *LiDAR 360* для корректировки и редактирования облака точек. С помощью данного ПО произведено выравнивание полос съемки для корректировки ошибки по высоте между соседними полосами съемки и удаления лишних точек из перекрывающихся областей полос сканирования. Далее производилась классификация точек рельефа, позволяющая исключить здания, деревья и т. п. и создать облако точек рельефа, на основе которого была построена цифровая модель рельефа в виде изображения в формате *tiff* с разрядностью 32 бита на пиксель и итоговым про-

странственным разрешением 16 кв. см на пиксель, где в значении каждого пикселя задано среднее значение высот территории, которую он занимает.

Итоговый анализ и картирование выявленных структур производились в геоинформационной системе *ArcMap 10.8*.

Для улучшения качества изображений и увеличения четкости деталей были проведены дополнительные операции обработки с применением различных фильтров с использованием инструментов «Анализ изображений». Так, «гистограмма изображения» применялась для определения оптимальных значений порогов и отсека лишней деталей или шумов на изображении.

Поиск и идентификацию археологических структур производили визуально в «ручном режиме», меняя параметры отображения по гистограмме с определенным небольшим шагом. Автоматическое сегментирование и классификация ЦМР на предмет выявления археологических структур также возможны, но затруднены в силу того, что структуры неоднородны по своим характеристикам (высота, площадь, геометрическая форма). В нашем случае визуальное дешифрирование оказалось более эффективным.

Для получения представления об особенностях рельефа на участке исследования на основе ЦМР автоматическими средствами ГИС построены картографические изолинии с выбранным шагом в 1 м (рис. 4, 6). Поскольку территория исследования довольно большая по охвату, для упрощения анализа вокруг выделенных археологических структур определены участки детализации (рис. 5, 3, 4). Данные участки отсекались от основной ЦМР, впоследствии это позволило визуализировать локальные, небольшие по размерам изменения в рельефе (рис. 3, 2б, 3б)⁵.

Визуализация результатов на основе интегрированных данных в *ArcMap 10.8* представлена в виде топографического плана. В нем содержится информация о рельефе, археологических объектах и других особенностях местности, представляя наглядную картину о распределении и характеристиках объектов на территории для дальнейшего анализа и интерпретаций.

Результаты и обсуждение

Обработка результатов воздушного лазерного сканирования с применением различных фильтров позволила построить цифровую модель местности (ЦММ) обоих участков обследования. На ее основе представлен рельеф с шагом 1 м, а также его детализация с шагом 0,1–0,2 м в местах расположения курганов и курганных групп.

На участке съемки 1 отчетливо видны известные «царские» курганы Новопокровка I (курганы 1–3), Новопокровка II, Новопокровка XIV, Новопокровка XV. ЦММ демонстрирует расположение самых внушительных «царских» курганов диаметром около 40–50 м и высотой 3–5 м на краю наиболее возвышенной части участка с высотными отметками 87 м по балтийской системе. Плавное понижение на участке съемки до 81 м в балтийской системе высотных отметок наблюдается в северном и северо-восточном направлениях в сторону реки Иртыш (рис. 2, 4). Курганы образуют практически равнобедренный треугольник со сторонами 260–270 м. Вершина треугольника – курган Новопокровка II – обращена на запад; основание – курганы Новопокровка XIV и Новопокровка XV с расстоянием 385 м между ними. Удаленность кургана Новопокровка XV от исследованного раскопками кургана Новопокровка XVI составляет около 290 м, что в целом сопоставимо с расстоянием между курганами, которые составляют стороны треугольника: Новопокровка XIV – Новопокровка II – Новопокровка XV (рис. 3, 1). Участки детализации позволяют получить более отчетливое изображение и проследить вплоть до отдельных деталей нарушения поверхности курганных насыпей в результате ограбления (рис. 3, 2а). При этом необходимо отметить, что морфометрические показатели, полученные при лидарной и тахеометрической съемках, отличаются. Разница параметров в плане может достигать нескольких метров, а по высотным отметкам – почти 1 м. Количество и объемы нарушений поверхности курганов по результатам лидарной аэросъемки также не совпадают с данными тахеометрии. Тахеометрическая фиксация позволяет гораздо детальнее отражать имеющиеся разрушения⁶.

Находящаяся в 1 км севернее группа из трех «царских» курганов – могильник Новопокровка I – ниже и меньше южной группы. Их насыпи составляют от 20 до 40 м в диаметре и от 1,5 до 3,5 м в высоту. В гипсометрическом плане эта часть террасы на 2 м ниже и в балтийской системе измерений составляет 85 м. На поверхности курганов также прослеживаются антропогенные нарушения (рис. 3, 3а). Здесь тоже отмечается разница в параметрах курганов, полученных с использованием разных методов. Размерности, зафиксированные при помощи аэролидарной съемки, несколько меньше тех, что получены при тахеометрической топосъемке.

Второй участок съемки на площади леса к востоку от с. Новопокровка – место расположения курганных групп Новопокровка XII, Новопокровка XI, Новопокровка IX, Новопокровка XVII.

После обработки результатов лидарной съемки и фильтрации растительности была получена ЦММ местности (рис. 5, 1, 2). Применение фильтров из инструментального набора ArcMap 10.8 к участкам детализации позволило отсечь данные участки от основной ЦММ и визуализировать локальные, небольшие по размерам изменения в рельефе (рис. 5, 3, 4).

На изображениях это осветленные округлые структуры диаметром от 10 до 20 м и высотой 0,3–1 м. В некоторых случаях в центре отчетливо фиксируются затемненные точки – свидетельства грабительских вкопов. Вокруг осветленных округлых структур прослеживаются затемненные окружности шириной 4–6 м. Таким образом, структуры, выявленные на съемке лидаром, совпадают с планами известных курганных групп Новопокровка XII, Новопокровка XI, Новопокровка IX (рис. 5, 3). Их морфометрические характеристики также не совсем совпадают с данными, полученными при тахеометрической топосъемке этих памятников. Разница размеров в плане достигает 5 м, разница высотных характеристик приближается к 1 м.

На съемке распознана и курганная группа Новопокровка XVII, впервые обнаруженная в 2019 г. [Булакова, 2020]. Она состоит из четырнадцати насыпей, что уже отмечалось выше. Как показывает результат воздушного

лазерного сканирования, к востоку от западной группы из девяти насыпей могильника Новопокровка XVII находятся еще как минимум одиннадцать структур диаметром 11–15 м и высотой 0,3–0,5 м. Пять из них идентифицированы как распаханые курганы в ходе полевых работ [Шарапова, 2024]. Кроме того, полученный при раскопках кургана 10 материал позволил отнести его к раннему этапу саргатской культуры. Остальные распознанные на ЦММ структуры имеют аналогичные параметры с выявленными на местности курганными насыпями могильника, размеры которых варьируются в пределах 11–17 м. Половина дешифрованных объектов – предполагаемых курганных насыпей – имеет высоту не более 0,3 м и располагается на свободных от леса участках залежи, что делает их менее заметными в рельефе местности. Однако на лидарной съемке они распознаются достаточно отчетливо. В центре структур отмечены затемнения, вызывающие ассоциации с грабительскими вкопами.

Данные, полученные при лидарной съемке, позволяют выявить и/или визуализировать ряд пространственных закономерностей, которые не столь очевидны при наземном обследовании. Большая часть курганов расположена на удалении от обрыва правобережной террасы Иртыша. Высота берега здесь составляет 40 м, поверхность террасы плавно повышается – перепад высот в глубине террасы и у бровки достигает еще 20–22 м. Характерной особенностью местности является ее изрезанность залесенными оврагами. Удаленность курганных насыпей от бровки террасы достигает 5,5 км.

Учитывая особенности расположения курганов и их размеры, логично предположить, что они находились в зоне прямой видимости. Исходя из этого и было сделано допущение, что находящиеся здесь курганы образуют одно большое могильное поле. Ранее уже отмечалось, что внутри него наблюдается определенная пространственная организация (или иерархия) разных по величине и количеству насыпей, вызывающая закономерное стремление оценить и/или предпринять попытку объяснить наблюдаемые отличия их местоположения [Шарапова и др., 2023, с. 69]. Также было установлено, что могильник Но-

вопокровка I, состоящий из трех курганов, и описанные как одиночные курганы Новопокровка II, XIV, XV и XVI образуют две локальные группы на ровной поверхности в глубине террасы. Лидарная съемка на участке 1 явно и наглядно показывает и особенности их расположения в ландшафте: насыпи могильника Новопокровка I находятся на краю горизонтали с отметкой 85 по балтийской системе высот, они занимают сглаженный участок террасы с одной высотой, от которой читается понижение рельефа к руслу Иртыша (рис. 4). Более крупные курганы Новопокровка II, XIV, XV и распаханый курган Новопокровка XVI (для которого допускаются значительные размеры) размещаются выше – по горизонтали с отметкой 87 по балтийской системе высот, причем три кургана из этой группы тоже приурочены к краю этой горизонтали (рис. 4). Таким образом, все они локализованы на одинаковых высотах. Кроме того, можно предположить, что не только внушительный размер насыпи, но и доминирующее положение некрополя в ландшафте маркировали социальный статус погребенных (рис. 3,1).

Для курганов Новопокровка IX, XI, XII, XVII, отснятых на участке 2, кроме меньших размеров насыпей характерно расположение на более низких гипсометрических отметках, отчетливо фиксируется их приуроченность к истокам оврагов. Визуально курганы хорошо делятся на две группы: Новопокровка IX, XI, XII и Новопокровка XVII. Причем в обоих случаях объекты расположены к западу и северо-западу от оврагов, формируя ряды, вытянутые в общем направлении по линии ЮЗ – СВ (рис. 5,1,2).

Проведенные наблюдения имеют большое значение в целом для понимания принципов расположения некрополей саргатской культуры и освоения лесостепными коллективами вмещающего ландшафта, который в данном контексте не лишен социальной коннотации. Более того, результаты раскопок новопокровских курганов в разных частях обследованной территории с определенными оговорками могут быть использованы и для гипотетической реконструкции процесса формирования могильного поля.

Известно, что в ареале саргатской культуры начальной датой курганного обряда как

сложившейся системы принято считать V в. до н.э., погребальные комплексы ранней группы характеризуются преобладанием одномогильных малых курганов [Корякова, 1988, с. 84, 128; 1994б, с. 126, 127]. В пределах участков съемки материалы этого времени получены в ходе раскопок могильника Новопокровка XVII [Шарапова, 2024], что с достаточной долей условности позволяет экстраполировать наши допущения и на другие малые курганы. Исходя из упомянутых выше особенностей топографии, можно предположить, что около середины I тыс. до н.э. происходит освоение данной местности на правобережной террасе Иртыша: выбираются относительно ровные участки берега между оврагами; курганы образуют условно компактные группы, внутри которых прослеживается линейность расположения отдельных насыпей. В то же время очевидно, что такие черты, как приуроченность к водоемам, минимум трудозатрат на сооружение и некая аскетичность в сопроводительном инвентаре, характеризуют местную линию развития в формировании саргатской культуры, на что неоднократно обращалось внимание [Корякова, 1988, с. 84; Могильников, 1984, с. 4, 6; Стоянов, 1973, с. 45–46]. Вероятно также и то, что отмеченная в этих публикациях разрозненность фактов связана со степенью изученности ранних комплексов и их археологической представленностью.

В литературе группы курганов типа Новопокровка IX, XI, XII описаны средними или дружинными [Корякова, 1977, с. 138; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 130, 155; Стоянов, 1973, с. 45, табл. А, Б]. Их топографическая привязка схожа с той, что была отмечена для малых насыпей (см. выше). По своим параметрам с ними может быть ассоциирован раскопанный курган Новопокровка X. В сопроводительном инвентаре из разрушенных захоронений есть предметы вооружения и воинской амуниции, конской сбруи, а также бронзовый котел из закрытого комплекса. Однако не менее ценной оказалась хроностратиграфия самого кургана-кладбища, в основе которой результаты археологического и почвенного изучения. Зафиксированное подновление курганной насыпи при сооружении одного из впускных погребений в центральную могильную яму дает свидетельства об изменении вели-

чины, отличной от первоначальных размеров в сторону увеличения. Примечательно, что периферийные впускные захоронения совершались уже без «наращивания» высоты кургана. Полученные материалы с определенной долей вероятности позволяют допустить, что некрополь начал формироваться не ранее V–IV вв. до н.э. и существовал до рубежа эр [Шарапова, 2024].

Синтез местной лесостепной традиции, проявившейся в первую очередь в керамике, и материального выражения степного облика, отраженного в господстве курганного способа захоронения, наиболее ярко обнаруживается в появлении крупных курганов, для которых в литературе существуют определения «аристократические», «царские». Для них характерны так называемые шатровые перекрытия (радиальные. – С. III.), являющиеся «маркером высокого социального статуса их владельцев» [Корякова, 1994б, с. 126]. Время их появления относят к IV–III вв. до н.э. [Корякова, 1994б, с. 126, 152; Могильников, 1992, с. 299; Стоянов, 1973, с. 55], причем как на востоке, так и на западе ареала культуры (хотя по количеству сохранившихся крупных курганов В.А. Могильников выделял Прииртышье среди других районов распространения саргатских древностей). Результаты междисциплинарных исследований материалов раскопок кургана Новопокровка XVI позволили высказаться о неместном происхождении индивида из центрального погребения [Шарапова и др., 2023], что не противоречит гипотезе М.К. Хабдулиной о влиянии населения тасмолинской общности в южной части лесостепи Зауралья и Западной Сибири и его участии в формировании саргатской культуры [Хабдулина, 2017, с. 54–55]. Как показали полевые исследования, приуроченность группы «царских» курганов к доминирующим высотам в глубине террасы кардинальным образом меняет первоначальную картину освоения окружающего пространства: появляются своеобразные маркеры территории, природный ландшафт трансформируется в социальный. Археологическим проявлением этого является не только сооружение внушительных по своим размерам курганов – формируется элитарная субкультура с соответствующей обрядностью, предполагающей значительные людские ресурсы как

при сооружении кургана, так и в многоактных церемониях. Этнография содержит разные примеры, когда курган становится центром притяжения не только для современников, но и потомков [Руденко, 1960, с. 326–329; Янушкевич, 2006, с. 184–185]. Между тем по имеющимся сейчас данным довольно сложно утверждать нечто больше без риска углубиться в область недоказуемого.

Заключение

Как показало совмещение полевого и картографического методов, локальные структуры, визуализированные на снимках, совпадают по количеству, размерам и взаимному расположению с уже известными по разведочным работам насыпями курганных могильников. Тестирование воздушного лазерного сканирования на территории, где находятся ранее выявленные погребальные памятники, показало свою высокую эффективность. Так, были определены все зафиксированные прежде курганные насыпи, даже слабо выраженные в рельефе, причем не только на открытой местности, но и под пологом леса. Последнее обстоятельство в условиях западносибирской лесостепи особенно важно. На ЦММ обнаружены структуры, характеристики которых на снимках подобны насыпям известных погребальных комплексов. Представляется целесообразной их проверка путем обследования на местности (электромагнитная разведка, раскопки).

Кроме того, использование лидарной съемки позволяет также получать данные об объектах археологии с привязкой к местности на основе GPS-координат и балтийской системы высот и способствует построению достаточно точных топографических планов на основе ЦММ. Подобный результат может быть достигнут и при составлении тахеометрической топосъемки памятников с использованием GNSS для привязки базовых станций к заданной системе координат. Но временные и трудовые затраты в случае использования лидарной съемки намного меньше, что позволяет развернуть работы на значительно большей площади. В этом видится главное преимущество данного метода. Значимым следствием проделанной работы становятся не

планы отдельных археологических памятников с элементами ландшафта на их территории и вокруг их границ, а полноценные топографические планы и ЦММ-модели обширных участков ландшафта с размещенными на них объектами археологического наследия. Такой подход позволяет реализовать несколько задач. Во-первых, более детально проанализировать взаимосвязи между близко расположенными памятниками. Во-вторых, с большей степенью достоверности установить характерные элементы пространства, к которому приурочены археологические объекты, то есть провести анализ взаимосвязи ландшафта и археологических памятников. На сегодняшний день получить подобный по объему массив топографических данных иными средствами и методами практически невозможно. Более того, визуализация в виде трехмерных моделей и ортофотопланов местности важна, поскольку позволяет запечатлеть в максимально полном и «объемном» виде памятники до проведения раскопок, после которых рельеф полностью преобразуется. Иными словами, происходит формирование архива / базы данных с информацией об объекте (изображение, параметры, расположение и т. п.). Впоследствии можно неоднократно возвращаться к зафиксированному таким образом археологическим памятникам (даже раскопанным) и при необходимости в дальнейшем провести их реконструкцию с максимальной точностью [Данилов и др., 2024, с. 11].

Однако следует отметить, что, как и любое дистанционное исследование, воздушное лазерное сканирование с помощью лидара имеет ограничения и требует верификации на местности. В частности, традиционное археологическое обследование и классическая топосъемка на месте дают возможность не только уточнить характер структур, выявленных при анализе данных лидарной аэросъемки, но и уточнить морфометрические параметры обследованных археологических объектов, в том числе и факт наличия грабительских вкопов и других разрушений.

Подводя итог, можно констатировать, что результаты проведенного исследования оказались значимыми как в прикладной сфере, так и в археологии саргатской культуры в целом. Несомненно, современные цифровые

инструменты позволяют более предметно изучать те аспекты, которые ранее не получили должного развития. Однако не менее важен и археологический контекст накопленных знаний, верифицированных в ходе новых полевых работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации тем государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ: № 124032100052-6 – исследования, нацеленные на междисциплинарное изучение древностей саргатской культуры; № FWRZ-2021-0006 – проведение и дешифровка лидарной съемки.

This research was supported by Russian state assignment of the Ministry of science and high education in the framework of projects № 124032100052-6 (multidisciplinary study of the Sargat culture materials) and № FWRZ-2021-0006 (airborne laser scanning and its decoding).

² В статье не рассматриваются поселения, поскольку полевые работы сфокусированы на погребальных памятниках. Их изучение во взаимосвязи с городищами и неукрепленными поселениями требует специального внимания, что выходит за рамки данной работы.

³ В процессе адаптации древние коллективы не только видоизменяли окружающий их ландшафт, осваивая биоресурсы, сооружая поселения и курганы – маркеры территорий, но и формировали особый социальный ландшафт в соответствии с определенной культурной традицией, характеризующей ценности, убеждения, образ жизни и многое другое. Антропогенное воздействие имеет довольно устойчивую негативную оценочную ассоциацию, обусловленную различными формами влияния деятельности человека на природу. В то же время для некоторых районов лесостепного Зауралья почвенными исследованиями установлено, что в раннем железном веке сооружение крупных курганов приводило к истощению гумусового горизонта в радиусе до 1 км, однако для экосистемы в целом это не имело отрицательного эффекта [Daire et al., 2002, p. 94]. В контексте про-

странственной организации курганного могильника, его формирования и функционирования словосочетание «социальный ландшафт» представляется более уместным.

⁴ Проведение топо-геодезических работ проходило до законодательных ограничений использования БПЛА над данной территорией.

⁵ На рисунках 3 и 5 для визуальной оценки особенностей рельефа и лучшего восприятия археологических структур к изображениям в цвете применена стандартная функция отмывки рельефа и придания объема. Такой формат изображений используется в работе как один из вариантов обработки результатов съемки с использованием LiDAR, снятие характеристик высот с них не подразумевается, в связи с чем цветовая шкала высотной дифференциации не предусмотрена.

⁶ Расхождение параметров при разных способах съемки можно объяснить процессом постобработки данных. При тахеометрической съемке он частично происходит уже в поле. В этом случае прибором фиксируются не только точки рельефа, по которым будет построена ЦММ, но и характерные детали выраженных археологических объектов. Они определяются археологом непосредственно на местности и оформляются в виде примечаний к зафиксированным координатам, они также учитываются и при построении плана памятника. В случае с лидарной съемкой этап постобработки максимально автоматизирован из-за большого количества преобразуемых данных. Как следствие, ЦММ строится без учета опыта специалиста, который на местности может определить сильно поврежденные части археологических объектов или незначительные по размерам разрушения. Такая «субъективность» – результат полевого опыта, полученного при поиске и анализе археологических сооружений в самых разных условиях. Например, при натурном обследовании археолог может включать в границы кургана сильно распаханную периферию насыпи, которая не будет учитываться при построении ЦММ автоматическими алгоритмами. В целом необходимо отметить, что абсолютизация программных алгоритмов (как не имеющих ошибок и выдающих более точный результат) является в известной степени иллюзией превосходства искусственного интеллекта над человеком.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Карта-схема расположения участка исследований (отмечено красным) на карте Омской области

Fig. 1. Location of the area under study (marked red) on the map of Omsk region

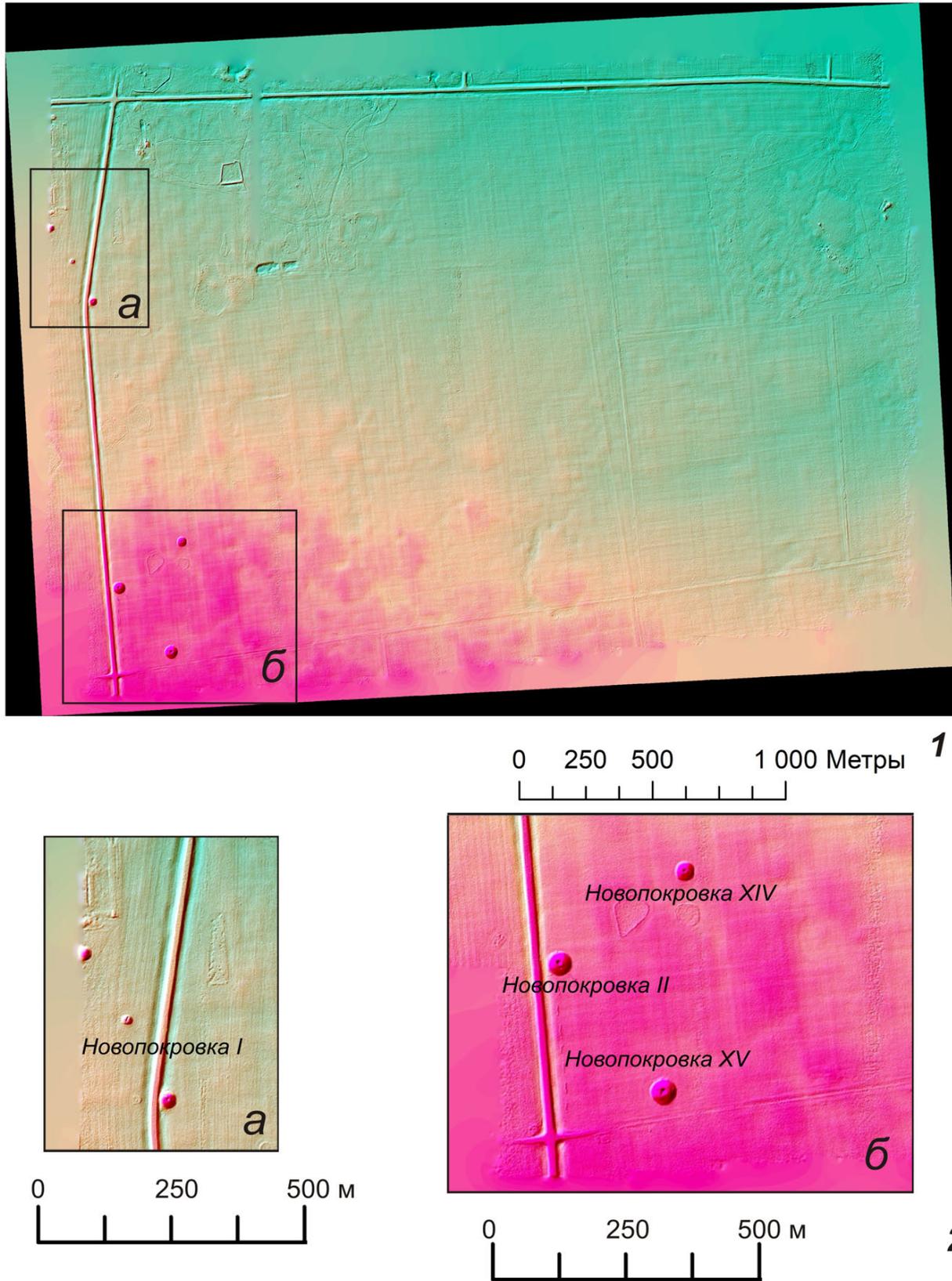

Рис. 2. ЦММ (1) и участки детализации с изображением «царских» курганов у с. Новопокровка (2а, б)
Fig. 2. Digital terrain model (1) and detailed areas depicting “Princely kurgans” nearby Novopokrovka village (2a, б)

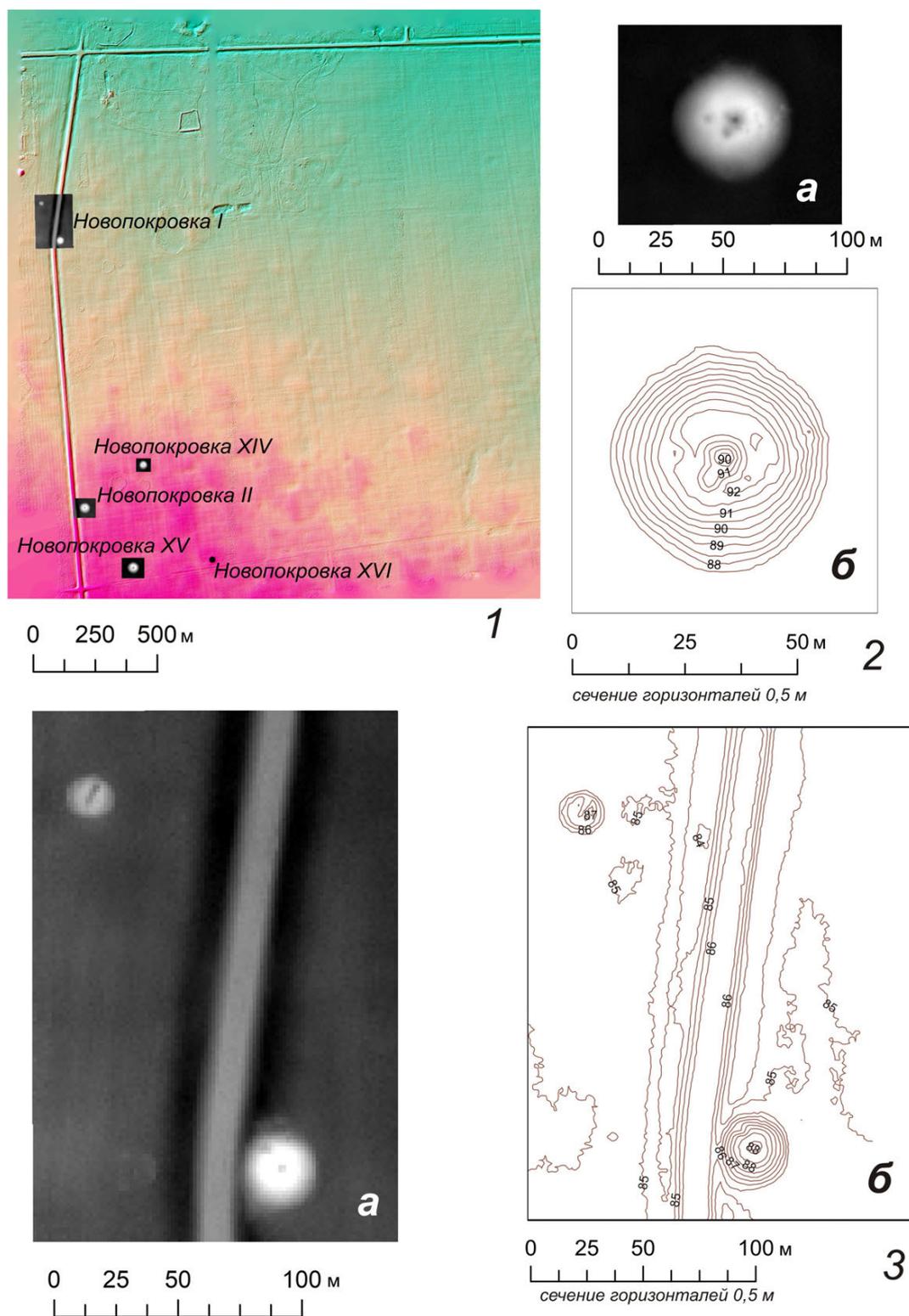

Рис. 3. ЦММ с изображением «царских» курганов у с. Новопокровка (1), участки детализации с применением фильтра «гистограмма изображения» (2а и 3а) и планы курганов Новопокровка XV (2б) и Новопокровка I (3б), построенные на основе ЦММ

Fig. 3. Digital terrain model depicting “Princely kurgans” nearby Novopokrovka village (1), detailed areas after “image histogram” filter (2a and 3a) and plans of the kurgans Novopokrovka XV (2b) and Novopokrovka I (3b) based on a digital terrain model

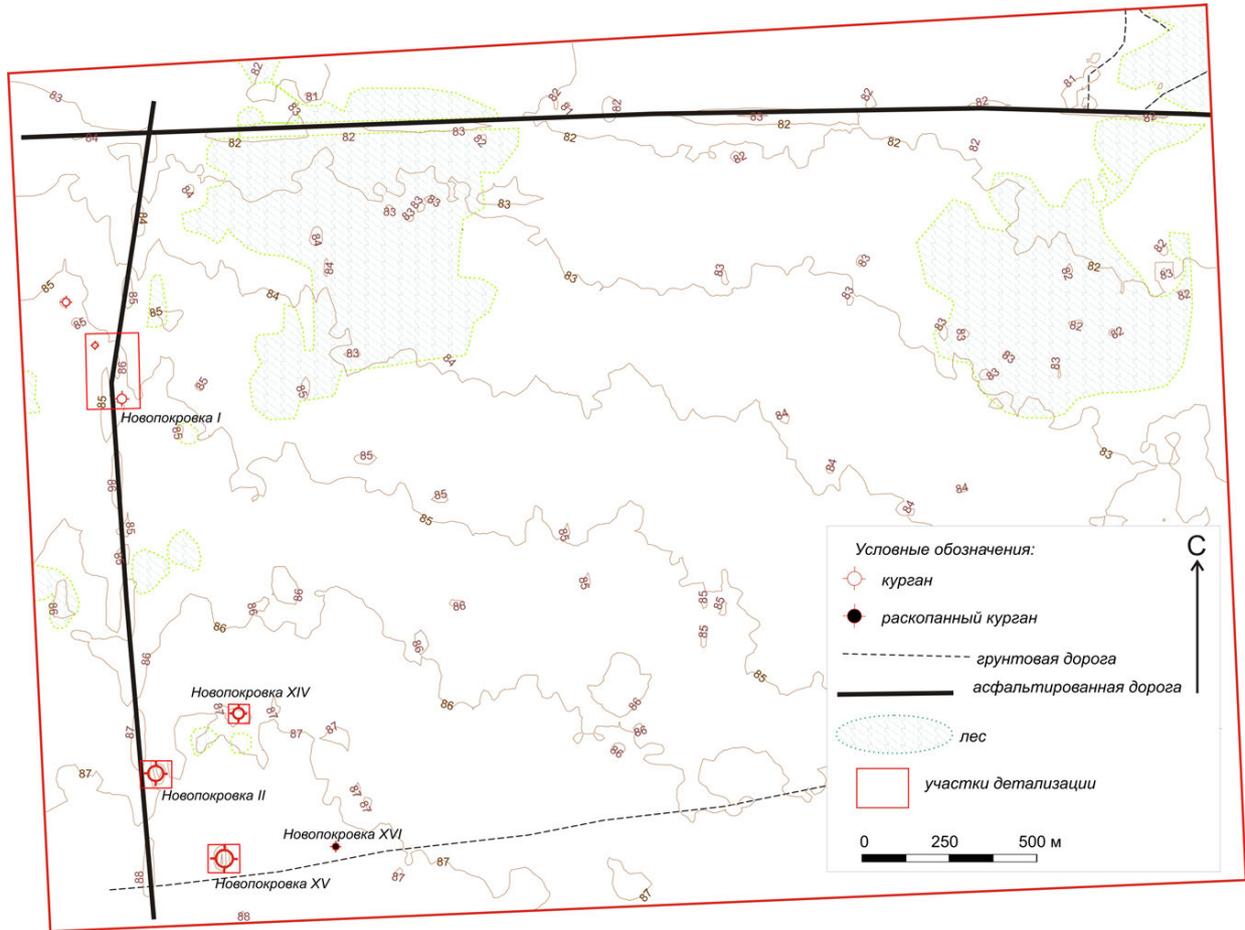

Рис. 4. План участка местности с расположением курганов Новопокровка II, XIV, XV, XVI и курганный группы Новопокровка I, построенный по результатам лидарной съемки (сечение горизонталей – 1 м)

Fig. 4. Map of the area under study with the location of Novopokrovka II, XIV, XV, XVI kurgans and the Novopokrovka I cemetery, based on the results of LiDAR (step – 1 m)

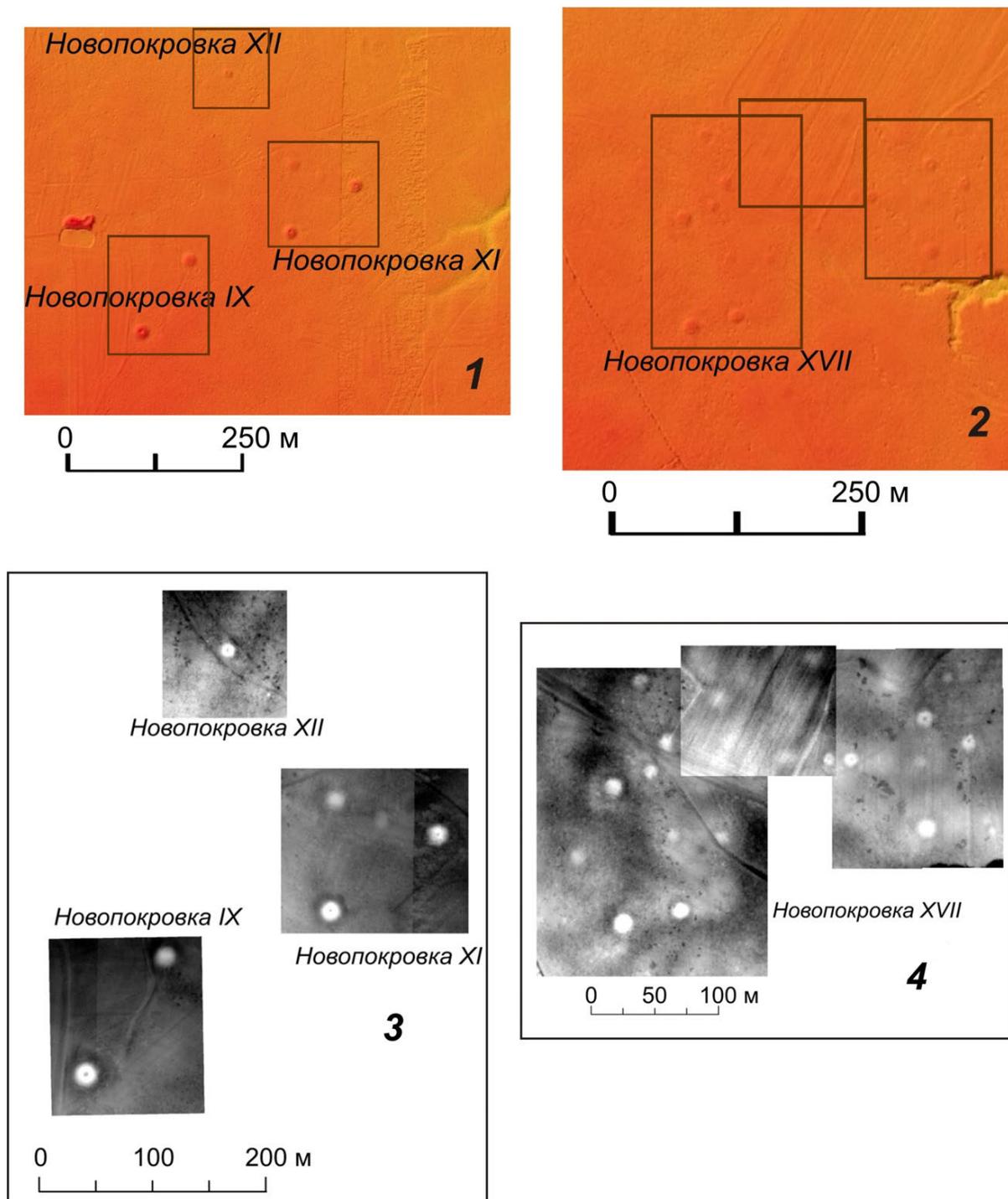

Рис. 5. ЦММ с изображением «царских» курганов у с. Новопокровка (1, 2) и участки детализации с применением фильтра «гистограмма изображения» (3, 4)
 Fig. 5. Digital terrain model depicting “Princely kurgans” nearby Novopokrovka village (1, 2) and detailed areas after “image histogram” filter (3, 4)

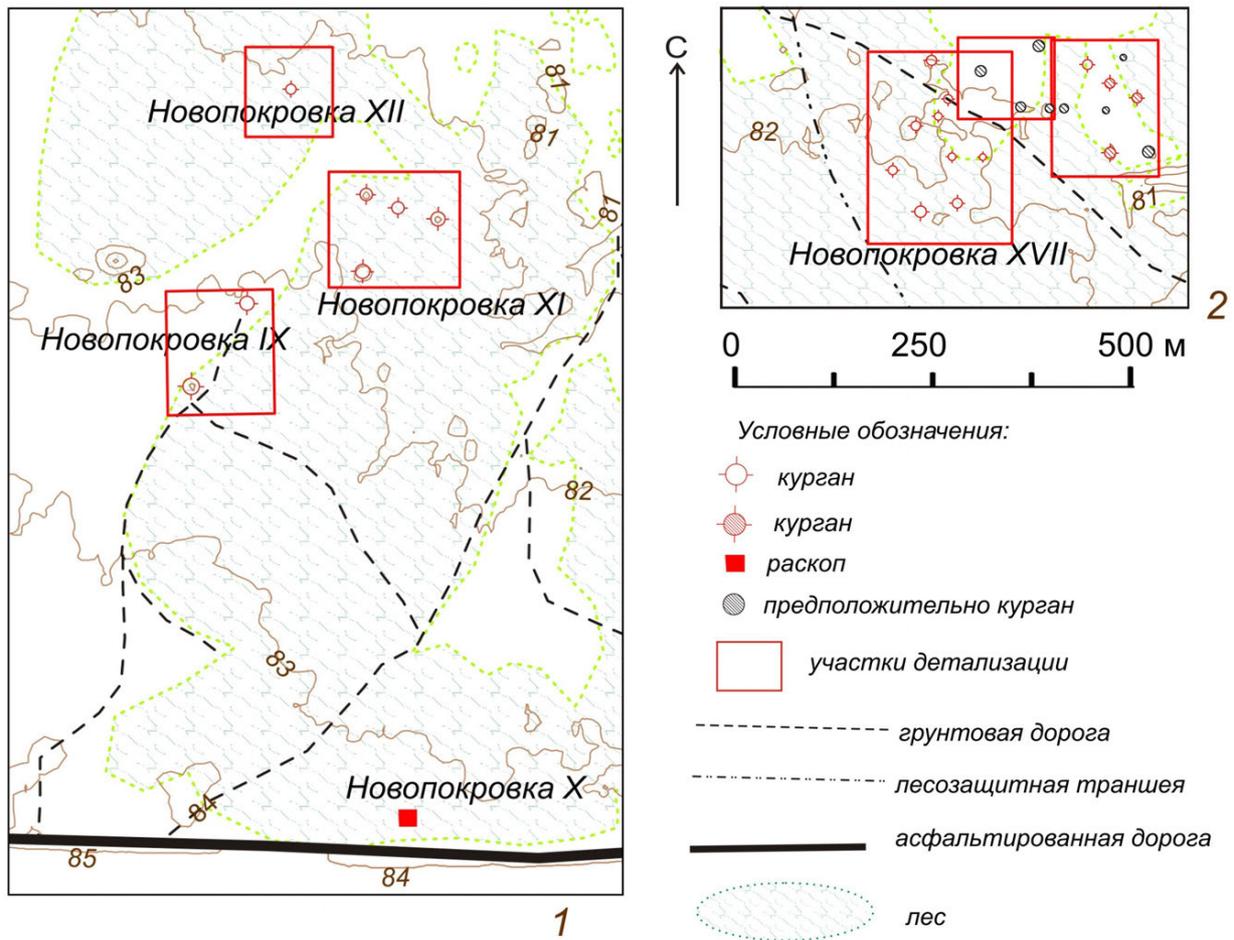

Рис. 6. План участка местности с расположением кургана Новопокровка XII и курганных групп Новопокровка IX, X, XI (1) и Новопокровка XVII (2) (сечение горизонталей – 1 м)

Fig. 6. Map of the area under study with location of Novopokrovka XII mound and mound groups of Novopokrovka IX, X, XI (1) and Novopokrovka XVII (2) (step – 1 m)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлина С. В., 2010. Жилая и оборонительная архитектура населения Западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 18 с.
- Булакова Е. А., 2020. Отчет об археологической разведке в Горьковском районе Омской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 66561.
- Герасимов Ю. В., 2016. Отчет о проведении археологической разведки на территории Омской области в Горьковском и Кормиловском районах в 2014 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. 59-1.
- Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования, 2021. М. : Фонд «Таволга». 124 с.
- Данилов В. А., Лопатин В. А., Морозова В. А., Федоров А. В., 2024. Геоинформационное моделирование рельефа для выявления перспективных участков археологических исследований на примере памятников Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.1>
- Дубко В. В., 1990. Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Иртыш в Горьковском районе Омской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15243.
- Дубко В. В., 1991. Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Иртыш в Горьковском и Омском районах Омской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16535.
- Зими́на О. Ю., Приходько Н. В., 2023. Опыт съемки памятников восточного варианта иткульской культуры в Зауралье методом воздушного лазерного сканирования: предварительные результаты // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 273. С. 335–347. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.335-347>
- Зотов И. А., 2020. Историко-культурные изыскания (археологическая разведка) на территории Большереченского, Горьковского, Саргатского и Черлакского районов Омской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 64973–64977.
- Корякова Л. Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 134–151.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Корякова Л. Н., 1994а. Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 259–275.
- Корякова Л. Н., 1994б. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 113–169.
- Крадин Н. Н., 2021. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 336 с.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование, 1997. Екатеринбург : Екатеринбург. 180 с.
- Матвеева Н. П., 1993. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск : Наука. 175 с.
- Матвеева Н. П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск : Наука. 399 с.
- Михайлов И. В., 2022. Отчет об археологических раскопках объекта культурного наследия федерального значения «Курганный могильник Новопокровка XIII» в Горьковском районе Омской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 74679.
- Могильников В. А., 1969. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 3716, 3716а.
- Могильников В. А., 1978. Отчет об археологических исследованиях в Среднем Прииртышье в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6678.
- Могильников В. А., 1984. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII–VI вв. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 184. С. 3–7.
- Могильников В. А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 274–311.

- Новиков В. В., 2021. Воздушное лазерное сканирование Гнёздовского археологического комплекса. Опыт применения и первые результаты // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. Труды ГИМ. Вып. 215. М. : ГИМ. С. 269–284.
- Овчинников В. А., Федюнова Н. А., 1967. Отчет по разведке, проведенной летом 1966 г. по р. Иртыш (Большереченский, Саргатский, Горьковский районы Омской области) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3425.
- Павлов Д. Н., 2017. Отчет о проведении археологической разведки на территории Омской области в Горьковском районе в 2016 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Б/н.
- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 360 с.
- Стоянов В. Е., 1973. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. С. 44–57.
- Хабдулина М. К., 2017. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 35–58.
- Шарапова С. В., 2022. Отчет о раскопках кургана Новопокровка 16 в Горьковском районе Омской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Б/н.
- Шарапова С. В., 2023. Отчет о раскопках кургана Новопокровка X в Горьковском районе Омской области в 2022 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Б/н.
- Шарапова С. В., 2024. Отчет о раскопках кургана Новопокровка X и кургана 10 в составе могильника Новопокровка-17 в Горьковском районе Омской области в 2023 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Б/н.
- Шарапова С. В., Бачура О. П., Грачев М. А., Карапетян М. К., Киселева Д. В., Косинцев П. А., Костомаров В. М., Окунева Т. Г., Шагалов Е. С., Якимов А. С., 2023. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 65–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.4>
- Шульпин А. В., 2008. Отчет об археологической разведке в г. Омске, Кормиловском, Горьковском, Нижнеомском районах Омской области осенью 2007 г. // Архив МАЭ Музейного комплекса ОмГУ. Ф. II. Б/н.
- Янушкевич А., 2006. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Павлодар : ТОО НПФ, «ЭКО». 390 с.
- Armit I., Potrebica H., Črešnar M., Mason P., Büster L., 2016. Cultural Encounters in Iron Age Europe. Budapest : Archeolingua. 323 p.
- Barrett J. C., 1999. The Mythical Landscapes of the British Iron Age // Archaeologies of Landscape: Contemporary Perspectives. Oxford : Blackwell. P. 253–265.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovriguin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Paris : Diffusion de Brocard. 291 p.
- Geitlinger T. L., Winkler A., Ramstein M., Della Casa P., 2022. Modélisation du territoire et voies de communication à l'époque hallstattienne dans la région du Seeland bernois (canton de Berne, Suisse) // Axes fluviaux et territoires à l'Âge du Fer. Lyon : Association Française pour l'Étude de l'Âge du Fer. P. 127–144.
- Mason P., 1996. Iron, Land and Power: The Social Landscape in the Southeastern Alps in the Late Bronze Age and the Early Iron Age // Internationales Symposium, Die Osthallstattkultur. Budapest : Archeolingua. P. 274–282.
- Popova L. M., Hartley Ch. W., Smith A. T., 2007. Social Orders and Social Landscapes. Newcastle : Cambridge Scholars Publishing. 500 p.
- Roberts B. K., 1996. Landscape of Settlement: Prehistory of the Present. London : Routledge. 181 p.

REFERENCES

- Berlina S.V., 2010. *Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya zapadnosibirskoy lesostepi v rannem zheleznom veke (po materialam sargatskoy kultury): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Living and Defensive Architecture of the West Siberian Population During the Iron Age (Based on Materials of the Sargat Culture). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tumen. 18 p.
- Bulakova E.A., 2020. Ochet ob arkheologicheskoy razvedke v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 2019 g. [Report on Archaeological Survey in Gor'kovsky District of Omsk Region in 2019]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 66561.

- Gerasimov Yu. V., 2016. Otchet o provedenii arheologicheskoy razvedki na territorii Omskoy oblasti v Gor'kovskom i Kormilovskom rayonah v 2014 g. [Report on Archaeological Survey on the Territory of Omsk region in Gor'kovsky and Kormilovsky Districts in 2014]. *Arkhiv IAETSO RAN*, F-VII-21, no. 59-1.
- Gnyozdovskiy arheologicheskiy kompleks. Istoricheskiy landshaft, kartografiya, sovremennye metody issledovaniya [Gnezdovo Archaeological Complex. Historical Landscape, Cartography, Modern Survey Methods], 2021. Moscow, Tavolga Foundation. 124 p.
- Danilov V.A., Lopatin V.A., Morozova V.A., Fedorov A.V., 2024. Geoinformatsionnoe modelirovanie rel'efa dlya vyavleniya perspektivnykh uchastkov arheologicheskikh issledovaniy na primere pamyatnikov Saratovskoy oblasti [Geoinformation Modeling of Terrain to Identify Promising Areas for Archaeological Research Using the Example of Monuments in Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 2, pp. 5-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.1>
- Dubko V.V., 1990. Otchet o rezul'tatah razvedki po pravomu beregu r. Irtysh v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 1990 g. [Report on Results of Archaeological Survey Along Right Bank of Yrtysh River in Gor'kovsky District of Omsk Region in 1990]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, P-1, no. 15243.
- Dubko V.V., 1991. Otchet o rezul'tatah razvedki po pravomu beregu r Irtysh v Gor'kovskom i Omskom rayonah Omskoy oblasti v 1991 g. [Report on Results of Archaeological Survey Along Right Bank of Yrtysh River in Gor'kovsky and Omsky Districts of Omsk Region in 1991]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, P-1, no. 16535.
- Zimina O.Yu., Prihod'ko N.V., 2023. Opyt syemki pamyatnikov vostochnogo varianta itkul'skoy kul'tury v Zaural'e metodom vozdushnogo lazernogo skanirovaniya: predvaritel'nye rezul'taty [Ground Survey of the Sites Attributed to the Eastern Variant of Itkul Culture in the Trans-Urals Using the Airborne Laser Scanning Method: Preliminary Results]. *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 273, pp. 335-347. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.335-347>
- Zotov I.A., 2020. Istoriko-kulturnye izyskaniya (arkheologicheskaya razvedka) na territorii Bol'sherechenskogo, Gor'kovskogo, Sargatskogo i Cherlaksckogo rayonov Omskoy oblasti v 2019 g. [Historical and Cultural Investigations (Archaeological Survey) on the Territory of Bol'sherechensky, Gor'kovsky, Sargatsky and Cherlakscky Districts of Omsk Region in 2019]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 64973–64977.
- Koryakova L.N., 1977. Ansambl' nekropolya sargatskoy kul'tury (statisticheskaya harakteristika) [Ensemble of the Necropolis of the Sargat Culture (Statistical Characteristics)]. *Arheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri*. Sverdlovsk, UrSU, pp. 134-151.
- Koryakova L.N., 1988. *Ranniy zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk, UrSU. 240 p.
- Koryakova L.N., 1994a. Poseleniya i zhilischa Tobolo-Irtyshskoy lesostepi [Settlements and Dwellings of Tobol-Irtysh Forest-Steppes]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 1. Poseleniya i zhilischa* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 1. Settlements and Dwellings]. Tomsk, TSU, pp. 259-275.
- Koryakova L.N., 1994b. Uralo-Irtyshskaya lesostep' [Forest-Steppe of the Urals and Tobol]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 2. Mir real'nyy i potustoronniy* [Issues of Cultures' Genesis of the West Siberian Population. Vol. 2. The Real and the Other World]. Tomsk, TSU, pp. 113-169.
- Kradin N.N., 2021. *Proiskhozhdenie neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva* [Origin of Unequality, Civilization and State]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko. 336 p.
- Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevsky mogil'nik sargatskoy obschnosti: antropologicheskoye issledovanie* [The Culture of Trans-Uralian Cattle and Horse Breeders on the Turn of Erae. The Gayevo Burial Ground of the Sargat Community: Anthropological Research], 1997. Ekaterinburg, Ekaterinburg Publ. 180 p.
- Matveeva N.P., 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole* [Sargat Culture at Middle Tobol River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 175 p.
- Matveeva N.P., 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke* [Ancient Population Social and Economical Structure of Western Siberia in Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 399 p.
- Mihaylov I.V., 2022. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh obyektu kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Kurgannyi mogil'nik Novopokrovka XIII» v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 2021 g. [Report on Archaeological Excavation of Cultural Site of Federal Heritage “Kurgan Cemetery Novopokrovka XIII” in Gor'kovsky District of Omsk Region in 2021]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 74679.

- Mogil'nikov V.A., 1969. Otchet o robotakh Irtyshskogo otryada Zapadnosibirskoy ekspeditsii v 1968 g. [Report on Archaeological Excavation of the Irtyshsky Squad of West Siberian Expedition in 1968]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 3716, 3716a.
- Mogil'nikov V.A., 1978. Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v Srednem Priirtysh'e v 1977 g. [Report on Archaeological Investigations in the Middle Irtysh River Basin in 1977]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 6678.
- Mogil'nikov V.A., 1984. K karakteristike kul'tury lesostepnogo Priirtysh'ya v VII–VI vv. do. n.e. [To the Characteristics of the Culture in Forest-Steppe of Irtysh River Basin in 7th–6th Centuries BC]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 184, pp. 3-7.
- Mogil'nikov V.A., 1992. Lesostep Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-Steppe of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Belt of Asiatic Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age]. *Arkheologiya SSSR*. Moscow, Nauka Publ., pp. 274-311.
- Novikov V.V., 2021. Vozdushnoe lazernoe skanirovanie Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa. Opyt primeneniya i pervye rezul'taty [Airborne Laser Scanning of Gnezdovo Archaeological Complex. Apply Experience and First Results]. *Gnyozdovskiy arheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya. Vyp. 2* [Gnezdovo Archaeological Complex. Materials and Investigations. Iss. 2]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [Proceedings of State Historical Museum], iss. 215. Moscow, State Historical Museum, pp. 269-284.
- Ovchinnikov V.A., Fedyuneva N.A., 1967. Otchet po razvedke, provedennoy letom 1966 g. po r. Irtysh (Bol'sherechenskiy, Sargatskiy, Gor'kovskiy rayony Omskoy oblasti) [Report on Survey During Summer 1966 Along Irtysh River (Bol'sherechensky, Sargatsky, Gor'kovsky Districts of Omsk Region)]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, P-1, no. 3425.
- Pavlov D.N., 2017. Otchet o provedenii arheologicheskoy razvedki na territorii Omskoy oblasti v Gor'kovskom rayone v 2016 g. [Report Archaeological Survey on the Territory of Gor'kovsky District of Omsk Region in 2016]. *Arkhiv IAETSORAN*, F-VII-2.
- Rudenko S.I., 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the Central Altai Population During Scythian Epoch]. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences. 360 p.
- Stoyanov V.E., 1973. O mogil'nikakh zaural'sko-zapadnosibirskoy lesostepi (ranniy zheleznyy vek) [About Cemeteries of the Trans-Uralian and West Siberian Forest-Steppe (The Early Iron Age)]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals], iss. 12, pp. 44-57. Sverdlovsk, UrSU, pp. 44-57.
- Khabdulina M.K., 2017. Itogi izucheniya ulubay-tasmolinskoy kul'tury Severnoy Saryarki [Results of the Study of Ulubay-Tasmola Culture of Northern Saryarka]. *Kazahstan v saksuyu epohu* [Kazakhstan During Saka Epoch]. Almaty, A.Kh. Margulan Inst. of Archaeology, pp. 35-58.
- Sharapova S.V., 2022. Otchet o raskopkakh kurgana Novopokrovka 16 v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 2021 g. [Report on Excavation of Novopokrovka 16 Kurgan in Gor'kovsky District of Omsk Region in 2021]. *Arkhiv IA RAN*, P-1.
- Sharapova S.V., 2023. Otchet o raskopkakh kurgana Novopokrovka X v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 2022 g. [Report on Excavation of Novopokrovka X Kurgan in Gor'kovsky District of Omsk Region in 2022]. *Arkhiv IA RAN*, P-1.
- Sharapova S.V., 2024. Otchet o raskopkakh kurgana Novopokrovka X i kurgana 10 v sostave mogil'nika Novopokrovka-17 v Gor'kovskom rayone Omskoy oblasti v 2023 g. [Report on Excavation of Novopokrovka X Barrow and kurgan 10 within Novopokrovka-17 Cemetery in Gor'kovsky District of Omsk Region in 2022]. *Arkhiv IA RAN*, P-1.
- Sharapova S.V., Bachura O.P., Grachev M.A., Karapetian M.K., Kiseleva D.V., Kosintsev P.A., Kostomarov V.M., Okuneva T.G., Shagalov E.S., Yakimov A.S., 2023. Informatsionnyy potentsial razrushennykh pogrebeniy sargatskoy kultury: kurgan Novopokrovka 16 v Srednem Priirtysh'e [Informative Capacity of the Sargat Culture's Disturbed Burials: Kurgan Novopokrovka 16 in the Middle Irtysh River Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 65-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.4>
- Shul'pin A.V., 2008. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v g. Omske, Kormilovskom, Gor'kovskom, Nizhneomskom rayonah Omskoy oblasti osen'yu 2007 g. [Report on Archaeological Survey on the Territory of Omsk, Kormilovsky, Gor'kovsky and Nizhneomsky Districts of Omsk region in 2007]. *Arkhiv MAE OmGU*, F.II.
- Yanushkevich A., 2006. *Dnevniki i pis'ma iz puteshestviya po kazahskim stepyam* [Diaries and Letters from a Journey Through the Kazakh Steppes]. Pavlodar, TOO NPF, "EKO" Publ. 390 p.

- Armit I., Potrebica H., Črešnar M., Mason P., Büster L., 2016. *Cultural Encounters in Iron Age Europe*. Budapest, Archeolingua. 323 p.
- Barrett J.C., 1999. The Mythical Landscapes of the British Iron Age. *Archaeologies of Landscape: Contemporary Perspectives*. Oxford, Blackwell, pp. 253-265.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovriguin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. *Habitats et necropolis de l'Âge du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997*. Paris, Diffusion de Broccard. 291 p.
- Geitlinger T.L., Winkler A., Ramstein M., Della Casa P., 2022. Modélisation du territoire et voies de communication à l'époque hallstattienne dans la région du Seeland bernois (canton de Berne, Suisse). *Axes fluviaux et territoires à l'Âge du Fer*. Lyon, Association Française pour l'Étude de l'Âge du Fer, pp. 127-144.
- Mason P., 1996. Iron, Land and Power: The Social Landscape in the Southeastern Alps in the Late Bronze Age and the Early Iron Age. *Internationales Symposium, Die Osthallstattkultur*. Budapest, Archeolingua, pp. 274-282.
- Popova L.M., Hartley Ch.W., Smith A.T., 2007. *Social Orders and Social Landscapes*. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing. 500 p.
- Roberts B.K., 1996. *Landscape of Settlement: Prehistory of the Present*. London, Routledge. 181 p.

Information About the Authors

Maxim A. Grachev, Head of the Museum, Omsk State Pedagogical University, Partizanskaya St, 4a, 644099 Omsk, Russian Federation, max803@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4374-2229>

Oksana Yu. Zimina, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St, 86, 625026 Tyumen, Russian Federation, o_winter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5220-8634>

Nickolay V. Prihodko, Head of the Department of Remote Sensing and GIS, Tyumen State University, Przhevalskogo St, 37, 625000 Tyumen, Russian Federation, prihnick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5863-1679>

Svetlana V. Sharapova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskaya St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Информация об авторах

Максим Александрович Грачев, заведующий учебным музеем, Омский государственный педагогический университет, ул. Партизанская, 4а, 644099 г. Омск, Российская Федерация, max803@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4374-2229>

Оксана Юрьевна Зимина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, 625026 г. Тюмень, Российская Федерация, o_winter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5220-8634>

Николай Владиславович Приходько, начальник отдела дистанционного зондирования и ГИС, Тюменский государственный университет, ул. Пржевальского, 37, 625000 г. Тюмень, Российская Федерация, prihnick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5863-1679>

Светлана Владимировна Шарарова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.4>UDC 903'1:904
LBC 63.442.7-417Submitted: 23.07.2024
Accepted: 26.09.2024

**ORIGIN AND ATTRIBUTION
OF THE ITEMS IN EASTERN EUROPEAN CHAMPLEVÉ ENAMELS STYLE
(LATE 2nd – 4th CENTURIES) FOUND SOUTH-EASTWARD
OF THE MAIN DNIEPER AREA ¹**

Oleg A. Radyush

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article examines the origin and attribution of ornaments in Eastern European style found to the south and east of the main Dnieper area of such artifacts. Previously unknown artifacts are introduced into scientific circulation. Development of local barbarian jewelry styles in Eastern Europe reached its peak in the late 2nd – mid-3rd centuries AD. Most known enameled finds belong to this time period, although some types of items can be traced back to the late 4th to early 5th centuries. Archaeological finds from closed complexes in the Northwestern Black Sea region, the Crimea, the North Caucasus, and the Lower Don are dated to all stages of the enameled style development. The early stage includes such sites as Bedrazhy Noi and Krasny Mayak, while the middle stage is represented by Valovyi I, Kepy, Chatyr-Dag, Diviziya, Skalistoye (burial 28L), and Neapolis-Scythian. The late stage of development can be attributed to Neyzats (graves 275 and 480). Numerous casual finds in the Crimea area suggest regular connections between the northern forest-steppe and forest territories with the peninsula from early forms to later varieties of enameled items. The article discusses issues of ethno-cultural attribution and distribution of the enameled ornaments. Various theories and hypotheses about the origin of enamels associate them with different ethnic groups and regions. The movement of groups from the Dnieper region eastward through the Central Don and Khoper formed contacts with the local population reaching as far as the Volga region. However, the Caucasian finds, due to their remoteness and specific context, are of particular interest. Military campaigns along the Black Sea coast and the involvement of numerous tribes in those conflicts contributed to the spread of the enamel tradition, as evidenced by finds in the Crimea and the Lower Don region. It is also worth considering various forms of matrimonial contacts, given the fact that many burials were female.

Key words: Eastern European champlevé enamels, Late Sarmatian culture, Late Scythian culture, fibulae, spurs, costume elements, Late Roman period, migration of peoples, burials.

Citation. Radyush O.A., 2024. Proishozhdenie i atribuciya predmetov stilya vostochnoevropejskih vyemchatyh emalej (konets II – IV v. n.e.), najdennyh k yugu i vostoku ot osnovnogo dneprovskogo areala [Origin and Attribution of the Items in Eastern European Champlevé Enamels Style (Late 2nd – 4th Centuries) Found South-Eastward of the Main Dnieper Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 75-114. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.4>

УДК 903'1:904
ББК 63.442.7-417Дата поступления статьи: 23.07.2024
Дата принятия статьи: 26.09.2024

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И АТРИБУЦИЯ
ПРЕДМЕТОВ СТИЛЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ
(КОНЕЦ II – IV в. н.э.), НАЙДЕННЫХ К ЮГУ И ВОСТОКУ
ОТ ОСНОВНОГО ДНЕПРОВСКОГО АРЕАЛА ¹**

Олег Александрович Радюш

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются происхождение и распространение эмалевых предметов к югу и востоку от основного «днепровского» ареала таких изделий. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные артефакты. Развитие местных варварских ювелирных стилей на территории Восточной Европы достигло своего апогея в конце II – середине III в. н.э. Большинство известных эмалевых находок относится именно к этому временному периоду, хотя некоторые типы изделий прослеживаются до конца IV – начала V века. Археологические находки из закрытых комплексов в Северо-Западном Причерноморье, Крыму, на Северном Кавказе и Нижнем Дону датируются всеми стадиями развития эмалевой стилистики. К ранней стадии относятся такие памятники, как Бедражи Нои и Красный Маяк, к средней стадии – Валовый I, Кепы, Чатыр-Даг, Дивизия, Скалистое (погр. 28Л) и Неаполь-Скифский. К поздней стадии развития можно отнести Нейзац (могилы 275 и 480). Довольно многочисленные случайные находки в Крыму позволяют говорить о регулярных связях северных лесостепных и лесных территорий с полуостровом от ранних форм до позднейших разновидностей вещей с эмалью. В статье обсуждаются вопросы этнокультурной атрибуции и распространения эмалевых изделий. Различные теории и гипотезы о происхождении эмалей связывают их с различными этническими группами и регионами. Движение группировок из Поднепровья на восток через Среднее Подонье и Хопер формирует контакты с местным населением вплоть до Поволжья. Кавказские находки, благодаря своей удаленности и специфичному контексту, представляют особый интерес. Военные походы вдоль побережья Черного моря и участие многочисленных племен способствовали распространению эмалевой традиции, что подтверждается находками в Крыму и на Нижнем Дону. Нельзя исключать и различные формы матримониальных контактов, учитывая женский контекст многих погребений.

Ключевые слова: восточноевропейские выемчатые эмали, позднесарматская культура, позднескифская культура, фибулы, шпоры, детали костюма, позднеримское время, переселение народов, погребения.

Цитирование. Радюш О. А., 2024. Происхождение и атрибуция предметов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II – IV в. н.э.), найденных к югу и востоку от основного днепровского ареала // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 75–114. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.4>

Интерес к проблематике, связанной с изучением предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, получил сильный импульс после обнаружения, изъятия у находчика и научного исследования Брянского (Усухского) клада в 2010 г. [Ахмедов и др., 2015].

Свод находок, собранный Г.Ф. Корзухиной и опубликованный на основании ее черновиков после смерти в 1978 г., к этому времени значительно устарел [Корзухина, 1978]. В работе оказалась отражена ситуация на начало 1970-х гг., но, к сожалению, ни одного подобного каталога в последующие десятилетия выпущено не было. Исследования сосредоточивались на региональных сводках [Обломский, Терпиловский, 2007; Радюш, 2010; 2020б; 2021; Michelbertas, 2016; Ахмедов, 2018а; 2018б; Ахмедов, Белоцерковская, 2019; Бугров, 1994; Зиньковская, 2009а; 2010; 2011а; 2011б; 2012; 2019; 2020; Обломский, 2017а; 2017б; Рябчевский, 2020], публикации кладов [Левада, 2010; Мызгин и др., 2020; Обломский, 2018а; 2018б], изучении отдельных типов вещей и естественнонаучных анализах металла и эмалей [Воронятов и др., 2020; Гороховский, 1982; Witner-Wróblewska, 2011; Зиньковская, Колесникова, 2017; Радюш, 2012; 2018; Румянцева, Трифонов, 2021; Румянцева, Ханин, 2023].

Фактически параллельно с публикациями каталогов по среднедонскому и северско-донецкому региону А.М. Обломского [Обломский, 2018б; Обломский, Березуцкий, 2019; Обломский, Сапрыкина, 2019; Хреков, 2012; 2013; 2016] этот же набор источников многократно перепубликовывался воронежскими авторами [Зиньковская, 2009а; 2009б; 2011а; 2011б; Колесникова, Зиньковская, 2015]. Находки эмалей в верховьях Северского Донца, Среднего Подонья, Похоперья из разведок и раскопок А.М. Обломского, А.А. Хрекова, А.П. Медведева и др. были изданы в виде серии дублирующихся статей и коллективной монографии, основанной на материалах диссертации А.Ю. Колесниковой [Зиньковская, Колесникова, 2021а; 2021б; 2021в].

В 2020 г. вышел третий сборник в серии *Germania – Sarmatia*, посвященный в значительной части эмалевой проблематике, статьи многих авторов были нацелены на каталогизацию находок из разных регионов – Восточной Прибалтики [Раззак, 2020], брянского Подесенья [Воронятов, Шинаков, 2020; Шинаков, Чубур, 2020; Рябчевский, 2020], верховьев Днестра и Северского Донца [Макушников, Радюш, 2017; Радюш, 2020а], Среднего Поволжья [Никитина, 2020], Верхнего Поочья

[Воронцов, 2020], Северного Кавказа [Кадиева, 2020]. Подробный свод находок выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России был опубликован автором позднее [Радюш, 2021].

На данный момент достаточно четко фиксируется выраженная концентрация эмалевых изделий на археологических памятниках в Среднем и Верхнем Поднепровье, в Подесенье, на левобережье Днепра, верховьях Северского Донца, Немана, Западной Двины, Верхней Оки [Радюш, 2020а; 2020б].

Отдельные находки часто фиксируются в верховьях Южного и Западного Буга, Прута и Днестра. Для этой зоны в основном характерны отдельные категории вещей в эмалевой традиции относимые к мужской субкультуре: шпоры, детали рогов для питья, дискообразные и подковообразные фибулы, тогда как детали женского убора крайне редки. Скопления вещей с эмалью отмечаются также в Верхнем Поволжье, Москворечье, на Средней Оке, в Посурье (рис. 1).

Накопление данных о находках за пределами основных зон распространения вещей с эмалью происходило постепенно. Первые вещи становятся известны уже в конце XIX века. Большинство выявленных в основном по коллекциям конца XIX в. кавказских находок (Кумбулта-Алдан Резен, Верхняя Рутха, Камунта, Чми) были введены в оборот в работах П.С. Уваровой [1900] и Н.П. Кондакова [Kondakof et al., 1891]. В своде А.А. Спицына [1903] были учтены вещи из работы П.С. Уваровой и дополнены одной фибулой с Цимлянского городища (из коллекции Х.И. Попова), двумя фибулами из гробницы 3 в Херсонесе и частью цепи от рога для питья из Лезгора. В наиболее обширном из существующих каталогов эмалей, созданном по архиву Г.Ф. Корзухиной [1978]², к опубликованным вещам добавились многие из полученных в том числе во время раскопок 1960-х гг. – Клин Яр погр. 11, Кепы, вторая фибула с территории Цимлянского городища, а также ранее известные предметы из иностранной литературы – фибула из Сирма-Бешмия и случайные находки из разведок 1950–1960 гг. А.В. Бодянского в Запорожской и Днепропетровской области, фибула из Сурской Заборы. Одна из случай-

ных находок из Венгрии – лунница из Гатера – ошибочно была опубликована в своде древностей «Антов» [Корзухина, 1996, № 182, с. 428].

Попытки собрать данные по «южному» региону предпринимались в 2000-х гг. [Зиньковская, 2009б], однако значительная часть артефактов в этой работе не была учтена. Наибольший рост источниковой базы происходит в 2010-х гг., когда были опубликованы многие ранее найденные вещи, не отраженные в сводках, – браслет из Неаполя Скифского, лунницы из Херсонеса [Воронятов, 2016; Воронятов, Кропотов, 2022]. Наиболее подробная сводка южных вещей в итоге была собрана А.М. Обломским [2017а]. Она фактически дополняется статьей А.А. Кадиевой [2020], которая во многом посвящена уточнению мест и обстоятельств обнаружения кавказских предметов. В работах многих авторов старые находки приводятся в новых более детальных и точных прорисовках и фотографиях, вводятся в научный оборот материалы раскопок 1990–2000 гг. в Северном Причерноморье, Крыму, на Нижнем Дону, выполнены анализы металла и эмалей [Воронятов, 2016; 2020; Воронятов и др., 2020; Воронятов, Раев, 2020; Воронятов, Кропотов, 2022; Волошинов, Масякин, 2023; Храпунов, 2017].

Так и нерешенной проблемой конца XX – начала XXI в. осталась бурная деятельность грабителей практически на всем пространстве бывшего СССР. Накопление данных, к нашему глубокому сожалению, до сих пор продолжается в виде потока «случайных» находок. Это особенность источниковой базы для вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей, которую, конечно, следует учитывать при исследованиях массивов данных и изучении географического распространения находок. Этот значительный объем зафиксированного материала, несомненно, следует использовать в обобщенном виде в научных исследованиях, прилагая все возможные усилия к собиранию максимальной имеющейся информации, верификации обстоятельств и мест их происхождения и изъятию вещей из незаконного оборота и частных коллекций. Несмотря на некоторые скептические взгляды, наиболее эффективными в подобном случае можно считать принципы исследований с источниками схожего происхождения – нумизматическими находками, для работы с которыми как

с массовым материалом «случайного» происхождения выработаны определенные методы, позволяющие вводить в научный оборот результаты изучения особенностей их распространения [Dymowski, 2011; Myzgin, 2017].

Попытку сохранить информацию о тысячах изъятых из контекста вещей предпринималась в инициативном порядке И.А. Бажаном, результатом чего были изданы несколько выпусков «Корпуса случайных археологических находок» [Бажан, 2011; 2012; 2013; 2017; 2018; Бажан, Трошин, 2014]. После его смерти сохраненный и разобранный автором данной статьи электронный каталог Игоря Анатольевича используется в отделе археологии эпохи Великого переселения народов ИА РАН, он состоит из примерно 17 000 предметов, около 1 000 из которых связаны с выемчатыми эмальями, для многих были установлены точные места обнаружения.

Автором настоящей статьи проводился мониторинг различных ресурсов и сбор информации о находках с 2005 года. В настоящее время количество учтенных артефактов составляет свыше 5 000 единиц [Радюш, 2020в, с. 330–346]. Часть предметов удалось передать в музейные коллекции Курского государственного областного музея археологии, Государственного военно-исторического музея заповедника Куликово поле, Орловского краеведческого музея и др.³

В настоящей работе предпринята попытка объединить максимальное количество сведений о находках варварских эмалей к югу и востоку от основных ареалов их распространения. Ранее известные сведения дополнены новыми данными и рисунками из архива Г.Ф. Корзухиной.

Картирование находок позволило выделить регионы, в которых известны подобные предметы круга восточноевропейских выемчатых эмалей в варварском стиле⁴ – Подунавье, Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Поднепровье, Крымский полуостров, Таманский полуостров, Нижнее Подонье, Среднее Подонье, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Южное Зауралье (рис. 1).

Подунавье. Район концентрации эмалевых изделий в Карпатской котловине располагается между Дунаем и Тисой, фактически вблизи Подунайских провинций Римской им-

перии. Два из трех предметов безконтекстные – это малая лунница из Гатера (табл. 1,2, рис. 2,2) и треугольная фибула с эмалевыми вставками из Сирма-Бешмия⁵ (табл. 1,1, рис. 2,5). Наиболее свежей находкой является подковообразная фибула из могильника Почпетри (табл. 1,3) [Савельев, 2020]. Фибула из Почпетри литая, вероятно с высоким содержанием олова или серебра, игла не сохранилась (рис. 2,7). Сечение дужки близко к полукругу. Концевые дисковидные щитки орнаментированы круглыми гнездами, которые заполнены красной эмалью. Центральный щиток подпрямоугольной формы тоже заполнен эмалью красного цвета. Диаметр фибулы – 4,3 см. Грунтовое погребение совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии СЗ – ЮВ, погребенная женщина 18–23 лет уложена головой на юго-восток. Сопровождающий инвентарь составлял две серебряные фибулы, две серебряные серьги, бронзовое зеркало, серебряная подвеска, набор стеклянных и сердоликовых бусин, которыми расшивались рукава и низ платья. Дата погребения из Почпетри, по мнению О.К. Савельева, может укладываться во вторую половину III в. н.э. [Савельев, 2020, с. 278].

Северо-Западное Причерноморье.

В данном регионе, включающем Молдавию, Одесскую и Николаевскую области, известны два предмета, происходящие из раскопок курганного могильника Дивизия (табл. 1,5, рис. 2,9) и грунтового (?) Старые Бедражи (Ла-Стынка) (табл. 1,4, рис. 2,8).

В кург. 2 могильника Дивизия женское погребение было совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии С – Ю, скелет лежал головой на север. В сопровождающем инвентаре зафиксированы бронзовое зеркало, бронзовая двучленная лучковая фибула, бронзовый наконечник ремня, бусины, которыми расшивалась одежда. Для этого и ряда других синхронных сарматских памятников междуречья Дуная и Днестра была предложена дата приблизительно 240–270 гг. н.э. [Васильев, Савельев, 2008, с. 35, 36]. В погр. 5 могильника Ла-Стынка останки женщины были помещены в прямоугольную могильную яму с заплечиками, ориентированную по оси С – Ю, головой на север. Среди сопровождающего инвентаря бронзовый наконечник ремня с фасетками, бронзовая овальная пряжка.

Фибула из Бедражей, по определению О.К. Савельева, наиболее ранняя – вторая половина (конец?) II в. н.э., из Дивизии более поздняя – в конце II – первой половине III в. Сюльгамы известны и в других сарматских комплексах поздне римского времени, например в погр. 8 могильника Холмское, но такие экземпляры относятся к совсем иной – римской и/или германской стилистико-культурной традиции [Савельев, 2020, с. 279–280].

В последние годы появилась информация о пяти находках с территории Одесской области. Их точно локализовать не удалось, указывались «северные» районы, которые могут быть близки к основному поднепровскому ареалу вещей с эмалями. Это обломок треугольной фибулы с остатками красной эмали (табл. 1,6, рис. 2,14), кольцевидная фибула с серпообразными выступами на дужке, украшенными красной и голубой эмалью (табл. 1,9, рис. 2,10), подковообразная фибула с круглыми разделительной и концевыми площадками, все три декорированы узкими кольцевыми ровиками, залитыми красной эмалью (табл. 1,8, рис. 2,11), Т-образная фибула и манжетовидный браслет без эмалевых вставок, найденные в одном месте (табл. 1,7а,б, рис. 2,12,13). Все перечисленные вещи относятся к развитому эмалевому стилю и датируются широко в пределах III в. н.э.

Нижнее Поднепровье. В данный регион входят территории Запорожской, Днепропетровской, Херсонской областей. Две находки получены в результате сборов А.В. Бодянского в 1950-х гг., и их контекст не ясен. Из них наибольший интерес, несомненно, представляет треугольная фибула из Сурской Заборы, относящаяся к финальному этапу развития стиля (табл. 1,10). Крупная застежка имеет пять подтреугольных гнезд, заполненных красной эмалью, корпус покрыт напайками из тонкой серебряной фольги (рис. 2,1,1а). Подобный декор характерен для серии вещей, датирующихся концом IV – началом V века. А.М. Обломский пытался привязать обе находки к пеньковским памятникам и считал их выпадение в слой запаздываем [Обломский, 2017а, с. 58; Гопкало, 2019, с. 204], однако такой подход стоит признать ошибочным, учитывая довольно большое количество датированных комплексов с вещами аналогичного типа [Мызгин и др., 2020, с. 214–216].

Вторая находка менее выразительная – крестообразная бляшка, найденная А.В. Бодянским на Сурском острове (пос. Прохвостье) в остатках очага № 2 вместе с обломками груболепных горшков (табл. 1,11, рис. 2,3). Вполне возможно, что это обломок декора более крупного украшения, например, лунницы.

Единственным закрытым комплексом с находкой эмали в регионе остается погребение 48 поздне скифского грунтового могильника Красный Маяк (табл. 1,13). Захоронение, вероятнее всего девочки, сопровождалось бронзовым пластинчатым венчиком (рис. 2,4,4а), бронзовыми пластинчатыми головными украшениями, двумя бронзовыми пирамидальными колокольчиками, двумя спиральными браслетами, бусами, двумя бронзовыми фибулами. Дата комплекса по А.К. Амброзу – II в., с уточнениями В.В. Кропотова и В.Ю. Малашева – конец II – первая половина III в. [Обломский, 2017а, с. 59].

При раскопках поселения с позднезарубинецкими материалами Осиповка, расположенного на границе лесостепной и степной зон на левом берегу р. Орель в Днепропетровской области, найдена малая пластинчатая лунница (табл. 1,14) [Телегин, Беляева, 1975, рис. 2,20].

Из случайных находок последних десятилетий известна малая лунница с пустыми гнездами под эмали (табл. 1,12, рис. 2,6), с трехлепестковыми ажурными розетками на концах, что указывает, скорее, на развитую эмалевую стилистику, датирующуюся в пределах III века. И.А. Бажан уточнил, что она найдена на размытых берегах на острове напротив плотины Запорожской ГЭС [Бажан, Трошин, 2014, с. 58].

Крымский полуостров. В настоящее время на этой территории стало известно довольно много предметов интересующей нас группы, они встречаются в погребениях и в виде случайных находок. Концентрации выделяются вокруг Херсонеса, в горной зоне от Алушты до Бахчисарайского и Белогоровского районов. Также отдельные находки фиксируются в районе Керчи. Большая часть крымских предметов давно известна в литературе. За последние годы добавились более качественные публикации двух фибул из гробницы в Херсонесе (табл. 1,18, рис. 3,1,2), пластинчатого браслета с перекладинами без эмалей из могилы 3 на некрополе Неаполя

Скифского (табл. 1,22, рис. 3,6), двух шпор с эмалевыми вставками на площадках-зацепах из погр. 28Л мог. Скалистое III (табл. 1,19, рис. 3,13,14), кольцевидной фибулы с четырьмя серповидными выступами по дужке, три из которых имеют подтреугольные гнезда, заполненные красной эмалью, из насыпи кургана Госпитальный в Керчи (табл. 1,21, рис. 3,7).

Две фибулы с эмалевыми вставками из гробницы в Херсонесе из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 3,1,2) относятся к среднему этапу развития стиля. Фибулы парные и очевидно были связаны с женским погребением, датируемым в пределах первой половины III века. Среди находок в гробнице – серебряная монета-подвеска Каракаллы (212–217 гг.), само погребальное сооружение использовалось до V века.

Погребение 15 могильника Чатыр-Даг – трупосожжение в каменном ящике, сопровождалось обломком Т-образной фибулы с двумя поперечными перекладами, следы гнезд на сохранившейся части не прослеживаются (табл. 1,17). Реконструкция, приводимая в публикации М.Б. Шукина, весьма гипотетична (рис. 3,3), поэтому не может быть использована для отнесения к какому-то этапу развития стиля [Шукин, 2002, рис. 1]. Помимо фибулы в погребении находились фрагменты двух амфор, бронзовая пряжка, бляшка, обломок проволочного браслета, две подвески из бронзовых монет (неопределимы). Возможная дата на основании пряжки II–III вв. [Обломский, 2017а, с. 62].

Звено цепи с зооморфным навершием без эмалевых вставок найдено в погр. 275-VI могильника Нейзац (табл. 1,15А, рис. 3,11). Комплекс в целом датирован IV в. [Khrapunov, 2008; Обломский, 2017а, с. 60]. Однако звено цепи, очевидно, относится к более раннему периоду. Тем более что в захоронении находились бронзовые монеты Савромата IV (275 г.) и возможно Рискупорида V (243 г.). Кроме того, использование массивных нагрудных цепей для финального этапа развития эмалей в IV в. до сих пор не фиксировалось.

Такое же сомнение вызывает датировка фибулы из склепа 480 того же некрополя (табл. 1,15Б, рис. 3,10). Очевидно, что обломок застежки не относится к заключительной стадии развития стиля, как предполагал

А.М. Обломский [Обломский, 2017а, с. 60], в этот период уже использовались Т-образные фибулы более примитивных форм.

Столь сильное запаздывание вещей с эмалью относительно общей датировки комплексов в целом удивительно. Судя по конструкции звена цепи, она, вероятно, связана не с женскими наперсными цепями, а с конской сбруей, выявление деталей которой в настоящее время только начинается. Более-менее адекватным объяснением может быть предположение И.Н. Храпунова о помещении обломков ранее использованных вещей в качестве экзотических безделушек [Khrapunov, 2008, s. 196; Храпунов, 2017, с. 264].

Детское погр. 2 из подбойной могилы 3 могильника Неаполя Скифского из раскопок 1956 г. П.Н. Шульца, включавшее пластинчатый браслет (табл. 1,22, рис. 3,6), авторами новой публикации убедительно датировано первой половиной III в. [Воронятов, Кропотов, 2022, с. 204]. Близкую датировку на основе детального анализа инвентаря получил комплекс 28Л со шпорами из могильника Скалистое III (рис. 3,13,14). Авторы новой публикации отнесли захоронение к культурно-хронологическому горизонту «всаднических» комплексов конца II – первой половины III в. по С.И. Безуглову, к финальной его части [Волошинов, Масыкин, 2023, с. 108].

Следует упомянуть серию случайных находок, связываемых с крымским регионом. К ней относятся: подковообразная фибула (табл. 1,25, рис. 4,6), дисковидная фибула с остатками эмалей в гнездах (табл. 1,32, рис. 4,3), Т-образная фибула с подтреугольным эмалевым гнездом на хвостовике (табл. 1,27, рис. 4,5), треугольная «процветшая» фибула с вставками красной эмали, аналогичной которой связаны с предфинальными экземплярами стиля, малая лунница (табл. 1,26, рис. 4,7), три шпоры без эмалевых вставок (табл. 1,28–30, рис. 4,9–11), замок от шейной гривны с эмалевыми вставками (табл. 1,31, рис. 4,8). Для этих находок упоминается только регион в широком смысле, но по информации, собранной И.А. Бажаном, практически все они относятся к району Севастополя и прилегающим горным районам.

С территории Крымского полуострова происходит также находка шпоры с рамкой возле

основания шипа и ромбическими площадками-зацепами (табл. 1,24, рис. 3,12), которая все же попала в музейные коллекции, как и дисковидная фибула поздних серий с плохо пролитым сложным прорезным полем и эмалевой вставкой в виде мальтийского креста, найденная в лесу возле села Приветное на горном побережье вблизи Алушты (табл. 1,16, рис. 3,15).

Следует также учесть одну достаточно точно локализованную парную находку: массивные треугольную и дисковидную фибулы с эмалевыми вставками (табл. 1,23, рис. 4,1,2), найденные в районе села Синапное. Пара застежек относится к финальной стадии развития стилистики, поверхность покрыта серебряным металлом, возможно, свинцово-оловянистым сплавом. Площадка треугольной фибулы украшена рядами прорезных орнаментаций с декором в виде свастики, небольшие гнезда с красной эмалью были в средней и хвостовой части. Дисковидная фибула типична для данной серии [Мызгин и др., 2020, с. 202–203], относится к разновидности с центральной вихревой розеткой, гнезда которой заполнены полихромной эмалью – красного, оранжевого, зеленого цветов.

Таманский полуостров. На городище Кепы в разрушенном погребении с зеркалом и обломком удила обнаружен обломок треугольной фибулы с эмалевыми вставками (табл. 1,34, рис. 3,4). Других находок до сих пор не известно. В целом данный комплекс близок к Крымским вышеописанным могилам. По мнению А.М. Обломского, принадлежность фибулы к погребению сомнительна, возможно, она связана с культурным слоем [Обломский, 2017а, с. 60].

В бассейне Дона в степной части находки отмечены на трех его участках.

Нижнее Подонье. Здесь известны две фибулы – одна треугольная, вторая Т-образная, относящиеся к дериватным формам предфинальной или финальной стадии развития стиля (вероятнее всего IV в.), найдены на территории Цимлянского правобережного городища (табл. 1,45а,б, рис. 5,1,2).

Звено цепи из слоя поселения Рогожкино 12 в дельте Дона рассматривалось рядом авторов (М.Б. Шукин, О.В. Шаров) как след присутствия германцев (герулов) в низовье Дона (табл. 1,42, рис. 5,3). По мнению

С.В. Воронятова, данный предмет мог быть щитком от створчатого браслета [Воронятов, 2013, с. 74], однако ни одной точной аналогии именно таким формам щитков мне до сих пор не известно.

Предметы из погр. 1 кург. 33 могильника Валовой I интерпретированы С.В. Воронятовым как навершия булавок (табл. 1,43а–г). Несомненно, их некоторое стилистическое отличие от основного массива эмалевых находок (рис. 5,4–6). Петербургский исследователь предполагает их прибалтийское происхождение и вторичное использование этих предметов в позднесарматских погребениях [Воронятов, Раев, 2020, с. 308–311].

При впадении в Дон реки Маныч у ст. Багаевская, на ее правом берегу, обнаружено звено наперсной цепи круглой формы с небольшими парными округлыми выступами снаружи, внутри которых располагались вставки красной эмали, и овальной розеткой по центру, также с эмалевыми вставками, прорезная площадка декорирована двумя парами серповидных гнезд с красной эмалью (табл. 1,44, рис. 5,10).

Среднее Подонье. В верхнем течении рек Дон и Воронеж, а также рек Ворона и Хопер были выявлены две зоны концентрации находок вещей и кладов с эмальями, в том числе на поселениях, и памятники типа Шапкино-Инясево соответственно [Обломский, 2018б; Обломский, Березуцкий, 2019; Обломский, Сапрыкина, 2019; Обломский, 2023].

Южнее этого скопления, уже в степной зоне, был найден клад браслетов из Журавки (Лукьянчикова) [Березуцкий, Золотарев, 2014; Обломский, 2018б; Акимов и др., 2020] на левом берегу Дона (табл. 1,47, рис. 6). На правом берегу р. Хопер возле ст. Нехаевская найдено звено наперсной цепи пропеллеровидной формы с тремя площадками, украшенными красной эмалью, – центральная круглая, две подтреугольные, по краям которых расположены ряды округлых выступов, на концах образуя двухлепестковые розетки (табл. 1,46, рис. 5,11).

Северский Донец. В верхнем течении Северского Донца в лесостепной зоне фиксируются многочисленные находки вещей с эмальями, фактически они на юго-восточной окраине основного Днепровского ареала. В сред-

нем течения Северского Донца и его притоков в степной зоне также зафиксированы единичные вещи с эмальями. Небольшие трапециевидные пластинчатые подвески обнаружены во время раскопок поселения с позднезарубинецкими материалами Раковка-1 на юге Харьковской области (табл. 1,48, рис. 5,13,14).

Остальные находки являются случайными, в то же время они демонстрируют распространение эмалевых вещей далеко на юг в степную зону. И.А. Бажан зафиксировал находки: Т-образная фибула из окрестностей села Сулиговка в Изюмском районе, в верхней части корпуса которой гнездо со следами красной эмали (табл. 1,50, рис. 5,8); из окрестностей г. Изюм происходит обломок подковообразной фибулы с розеткой в виде мальтийского креста из красной эмали на круглой площадке (табл. 1,51, рис. 5,9); во время выкапывания окопов под г. Артемовск обнаружено пропеллеровидное звено от наперсной цепи (табл. 1,49, рис. 5,12): центральная часть корпуса круглая с гнездом, разделенным на четыре сегмента, заполненных оранжевой и белой эмалью, треугольные парные выступы имели также гнезда с красной эмалью, по краю находились полукруглые выступы. Конструктивно и стилистически деталь близка вышеописанной находке из ст. Нехаевской. Еще одна Т-образная фибула (табл. 1,52, рис. 5,7) без эмалевых вставок, с двумя поперечными перекладинами и Т-видным хвостовиком с шаровидными окончаниями найдена в Донецкой Народной Республике. Локализовать место обнаружения более точно не удалось.

Северный Кавказ. В этом регионе количество находок практически не изменилось с момента публикации П.С. Уваровой и свода Г.Ф. Корзухиной. Подробности, связанные с возможным контекстом этих вещей, подробно разобраны А.А. Кадиевой [2020]. Единственное сообщение о современной находке опубликовано И.А. Бажаном – это Т-образная фибула с двумя поперечными перекладинами и ромбовидной ажурной хвостовой розеткой, каждый из трех окончаний которой декорирован трехлепестковыми розетками (табл. 1,41, рис. 4,12). Предмет происходил из Кабардино-Балкарии. Эмалевые вставки отсутствуют. Стилистически застежку можно отнести к развитому стилю эмалей,

датировка вероятна в пределах второй половины III века.

Практически все предметы с выемчатыми эмальями в варварском стиле обнаружены в центральной части Большого Кавказа в большинстве случаев в районе Дигорского ущелья в Осетии – Лезгор (табл. 1,36, рис. 7,1,1а,1б), Кумбулте (табл. 1,37, рис. 7,3,6), Камунте (табл. 1,39, рис. 7,7), Верхней Рутхе (табл. 1,32, рис. 7,2). Один предмет найден в Тагаурском ущелье – Чми (табл. 1,40, рис. 7,5), и один в Кисловодской котловине на могильнике Клинья (табл. 1,35, рис. 7,4,4а). Могильники Чми и Камунта находятся возле перевалов, через которые проходили торговые и военные маршруты. Селение Чми расположено близ крупной транспортной артерии между Северным Кавказом и Закавказьем, селение Камунта у Згидского перевала, соединяющего Дигорское ущелье с Алагирским. Лезгорский некрополь также находится возле небольшого перевала Борафцаг, связывающего Дигорию и Балкарию [Кадиева, 2020, с. 296].

Здесь же расположены могильники с престижным инвентарем от протокобанской эпохи до раннего средневековья. По мнению А.А. Кадиевой, погребальные памятники, на которых найдены эмали, могут относиться к доаланскому населению [Кадиева, 2020, с. 296], для которых характерен обряд погребения в каменных ящиках. Появление памятников римского времени А.А. Кадиева объясняет торговыми и дипломатическими связями северокавказских племен с закавказскими соседями. Она также справедливо указывает, что до решения вопроса с происхождением варварских эмалей на Кавказе еще далеко (учитывая состояние источниковой базы), а связи с населением лесостепи, для которых характерен комплекс вещей с эмальями, опосредованы и вполне возможно их проникновение с севера или запада [Кадиева, 2020, с. 296].

Нижнее Поволжье. В 2011 г. возле Волгограда на левом берегу Волги была найдена Т-образная фибула (табл. 1,53, рис. 8,1). Этот артефакт подробно описан в статье С.В. Воронятова, который предполагает позднесарматский контекст происхождения предмета [Воронятов, 2020, с. 300–305]. Фибула относится к редким формам со сложным прорезным

декором верхней части корпуса и хвостовика, оформленных в виде вписанных прямоугольников с эмалевыми розетками.

Первая и пока единственная находка с территории Астраханской области, также с левого берега Волги зафиксирована в 2019 году. Это Т-образная фибула с двумя поперечными перекладинами и прорезным декором в центральной части, перекладины соединены продольными пластинами, также прорезями украшена верхняя часть корпуса, в центре композиции треугольник, состоящий, в свою очередь, из трех более маленьких (табл. 1,54, рис. 8,2). Хвостовик в виде ромба с ажурными трехлистными розетками на трех углах, в центре ромбическая прорезь с двумя перекрещивающимися поперечинами. Эмалевые вставки отсутствуют. Обнаружена в осипи берега реки Митинка левого протока Волги возле КП пристань Рыбака в с. Заволжское Харабалинского района Астраханской области. Контекст вещи пока неясен.

Среднее Поволжье. В Среднем Поволжье на территории Ульяновской, Самарской областей и Республики Татарстан в лесостепной зоне найдено довольно большое количество предметов с эмалями [Никитина, 2020] как полученных в ходе раскопок и разведок, так и в виде случайных находок. Недалеко от пос. Красный Миронов в Сызранском районе Самарской области на правом берегу р. Уса, относящейся к правобережному бассейну Волги, обнаружены несколько предметов круга выемчатых эмалей (табл. 1,55а–г). Среди них: кольцевидная фибула с подтреугольными выступами по корпусу на которых находятся гнезда со вставками красной эмали (рис. 8,4); треугольная фибула с подтреугольной ножкой, на корпусе и хвостовике гнезда с эмалями (рис. 8,5); Т-образная фибула дериватной формы с двумя поперечными перекладинами и округлыми широкими площадками по сторонам верхней части и хвоста (рис. 8,6), эмалевые гнезда отсутствуют; звено наперсной цепи в виде пропеллера, декорированное сложным прорезным орнаментом, центральной части мальтийский крест, в двух концах которого расположены углубления со следами светлой и красной эмали, выступы украшены подтреугольными и круглыми вырезами (рис. 8,7); также среди находок упо-

миналось прямоугольное звено наперсной цепи с гнездами, украшенными эмалевыми вставками красного и зеленого цвета.

Вышеописанные вещи стилистически можно разделить на две группы – относящиеся к среднему этапу развития эмалей по Е.Л. Гороховскому и А.М. Обломскому (кольцевидная и треугольные фибулы, звено цепи) и дериваты поздней стадии (Т-образная фибула). Большая серия аналогий для Т-образной фибулы происходит из Среднего Поволжья к северу от Самарской луки, где расположена зона концентрации таких вещей и памятников, связанных с ними [Никитина, 2020, рис. 7,1,2,4, 8,1,3,4], хотя отдельные экземпляры редко, но встречаются и в Поднепровье.

Южное Зауралье. Наиболее восточная находка круга эмалей происходит из Башкирского Зауралья. По информации находчика обнаружена в окрестностях населенного пункта Баймак фактически в Южном Зауралье. Фибула Т-образная, дериват, эмалевые вставки отсутствуют. Корпус массивный с двумя близкорасположенными поперечными перекладинами, хвостовик подпрямоугольный широкий, верхняя часть также подпрямоугольная с кольцевыми выступами, оттянутыми вниз в сторону перекладины (табл. 1,56, рис. 8,3). Ближайшая аналогия происходит из случайных находок в районе р. Большой Черемшан в Ульяновской области [Никитина, 2020, рис. 7,7].

Происхождение и распространение эмалевых вещей к югу и востоку от основных ареалов. В настоящее время датировка горизонта вещей восточноевропейских выемчатых эмалей принята в пределах середины II–IV вв. [Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120; Битнер-Врублевская, 2019, с. 171–180]. При этом основная часть эмалевых находок относится к концу II – середине III в., на этот временной отрезок, по всей видимости, приходится наивысший расцвет «днепровского» эмальерного искусства в Восточной Европе. По наблюдениям А.М. Обломского на материалах Поднепровья, эмали ранней стадии датируются второй половиной II – началом III в.; средней – концом II – серединой – второй половиной III вв.; поздней – серединой III – IV в. [Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120–124]. Автором данной статьи пред-

ложена верхняя дата бытования вещей с выемчатыми эмальями в пределах конца IV – начала V в. [Мызгин и др., 2020].

Вышеописанные погребения в рассматриваемых регионах датируются следующим образом: к ранней стадии можно причислить Бедражи Нои, Красный Маяк; к средней – Валовый I; Кепы, если фибула относится к комплексу погребения, Чатыр-Даг; Дивизия, Скалистое, погр. 28Л, Неаполь-Скифский; к поздней – Нейзац, могилы 275 и 480. Раннее распространение вещей с эмальями во второй половине II – начале III в. фиксируется практически во всех описанных регионах. Наиболее поздние вещи финальной стадии встречаются в Нижнем Поднепровье (Сурская Забора), Крыму (Синапное, Керчь), Нижнем Подонье (Правобережное Цимлянское городище), Средней Волге (Красный Миронов) и в Зауралье (Баймак). С учетом случайных находок очевидно, что контакты продолжаются практически все время бытования эмалевого комплекса с конца II до конца IV – начала V в., однако не во всех регионах фиксируются именно поздние находки.

Одними из основных вопросов, связанных с распространением эмалей, являются их этнокультурная атрибуция и выяснение причин попадания в соседние культуры.

Долгое время широкое распространение имела «готская гипотеза», особенно популярная в первой половине XX века. В настоящее время подобный взгляд на источник эмалей можно признать устаревшим. Вещи с эмальями на собственно германских памятниках единичны, и, по всей видимости, контакты с носителями комплекса эмалей были также опосредованы. А.А. Спицын связывал происхождение восточноевропейских находок эмалей с аланами [Спицын, 1903, с. 44], но не исключал и прибалтийское происхождение [1903]. По мнению Х.А. Моора, родиной вещей с эмальями являются Юго-Восточная Прибалтика и Мазурия, откуда они распространялись на северо-восток, восток и юго-восток [Моора, 1938, S. 110–113]. Г.Ф. Корзухина местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей считала Юго-Восточную Прибалтику и Мазурию [Корзухина, 1978, с. 51–53]. Е.Л. Гороховский пришел к выводу об усвоении среднеднепровскими мастерами техники выемчатой эмали и

форм изделий, известных им по римским импортам еще во второй половине II в. н.э. [Гороховский, 1982].

По мнению М.Б. Щукина, И.Н. Храпунова и О.В. Шарова, южные находки имели преимущественно прибалтийское происхождение и попали в Крым в результате миграции германцев, в которой могли принять участие и отдельные балтские группировки [Khrapunov, 2008, p. 196–198; Шаров, 2012, с. 279]. По мнению М.Б. Щукина, находки на памятниках типа Рахны-Почеп вещей круга эмалей, подковообразных фибул серии Гришинцы-Малышки-Межонис связаны с пронизывавшими лесную зону во II в. «балтийскими культурными импульсами», а также тесными днепро-балтийскими контактами [Щукин, 2002, с. 12, 13]. В качестве балтийской интерпретируется и фибула из могильника Чатыр-Даг в публикации этого памятника [Мыц и др., 2006, с. 158]. О.А. Гей и И.А. Бажан сделали вывод, что захоронение с шейной гривной в Красном Маяке свидетельствует о наличии в составе нижнеднепровского населения накануне появления черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтским миром [Гей, Бажан, 1993, с. 57–58].

А.М. Обломский, объясняя распространение эмалей на южных памятниках, указывал на то, что они поступали в Причерноморье продолжительное время, и большинство из них имеет аналогии в Поднепровье и соседних с ним регионах, а не в Прибалтике [Обломский, 2017а, с. 63–64]. И.В. Зиньковская предполагала, что южные вещи с эмалью являются свидетельствами «эпизодических контактов населения лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы». Проводником этих контактов, по ее мнению, было мобильное сарматское население [Зиньковская, 2010, с. 110]. Позднее, опираясь на данные Певтингеровых таблиц – римской карты III в., И.В. Зиньковская высказала предположение о формировании к III в. н.э. в западных пределах Сарматии некой этнокультурной общности венедов и сарматов и то, что подобные процессы могли синхронно происходить в Доно-Волжском лесостепном междуречье [Зиньковская, 2018, с. 88].

По мнению М.В. Любичева, вещи стиля «выемчатых эмалей» являются маркером

связей с Балтией. Их появление в Восточной Европе может быть как отражением распространения определенной моды и торговых связей, так и индикатором продвижения определенных групп населения. Постзарубинецкий горизонт выглядит как очередной этап этой традиции миграций и связей по линии Центральная Европа / Балтика – лесная зона – лесостепь – Северное Причерноморье уже в раннеримском и начале позднеримского времени. Сам постзарубинецкий горизонт в днепро-донецкой лесостепи М.В. Любичев называет «горизонтом эмалей» [Любичев, 2019, с. 180]. Подобный взгляд на проблему появления и распространения эмалей в лесостепи и лесной зоне Восточной Европы можно считать наиболее современным.

Таким образом, доминирующей точкой зрения среди исследователей является мнение о значительных связях находок вещей с выемчатыми эмалями с балтскими регионами и их распространении через миграции и опосредованные культурные контакты в степную зону Крыма, Поволжья, Подонья вплоть до Северного Кавказа.

Обсуждение и выводы. Проведенное исследование демонстрирует, что распространение эмалевых изделий в различных регионах тесно связано с миграционными процессами и межкультурными взаимодействиями между поздnezарубинецкими группировками, являющимися основными носителями восточноевропейских выемчатых эмалей. Эти группы активно контактировали с кочевыми, позднескифскими племенами и позднеантичным населением Северного Причерноморья, проникающими в III в. германскими племенами и, вероятно, с отдельными северокавказскими народами.

Следует кратко подытожить географические и культурные контексты имеющихся в нашем распоряжении предметов.

Крым, Северо-Западное Причерноморье, Таманский полуостров и Карпатская котловина. Находки варварских эмалевых изделий в этих регионах в закрытых комплексах появляются в позднесарматском или позднескифском контексте. Яркий пример этого – погр. 28Л из могильника Скалистое, указывающее на значительное влияние позднеантичной и местной кочевнической культуры, кото-

рую поддерживал мужчина, сохранивший этнографическую деталь снаряжения – шпоры с эмалевыми вставками. В большинстве же погребений они чаще попадают в сопровождающий инвентарь женских захоронений.

Зауралье и Нижнее Поволжье. Здесь находки эмалевых изделий единичны и, скорее всего, происходят из Среднего Поволжья, что позволяет предполагать их попадание в среду кочевников. Эти вещи, вероятно, относятся к женскому комплексу, указывая на возможные матримониальные связи с поволжскими группами поздnezарубинецкого происхождения.

Среднее Поднепровье, Среднее Подонье и Северский Донец. Эмалевые изделия в этих регионах связываются с поздnezарубинецким населением, которое периодически переселяется в степную зону. Примером могут быть поселения Осиповка и Раковка-1.

Среднее Поволжье и Самарская Лука. Здесь связь с поздnezарубинецким населением подтверждается находками груболепной керамики «раннеславянского» типа на поселении у пос. Красный Миронов. Этот регион может служить «южной» границей распространения населения, использующего эмалевый комплекс украшений, приходящего с запада из Поднепровья и Подонья. Самарская Лука, расположенная по южной границе лесостепной зоны, могла выполнять роль рубежа, отделяющего территории массового распространения эмалевых украшений.

Кавказ. Кавказские находки вызывают особый интерес из-за их удаленности от основных центров распространения эмалей. Можно поддержать гипотезу А.А. Кадиевой о том, что эти предметы могли проникнуть не с севера, а с запада. При этом следует учитывать события второй-третьей четверти III в., когда готы и их союзники, среди которых могли быть представители варварских группировок, использующих эмалевый комплекс украшений, появляются в Причерноморье. Эти группы могут скрываться среди множества союзных германских племен.

В анализе этнокультурной принадлежности эмалевых изделий также необходимо учитывать фактор близкородственности балтийских и раннеславянских группировок в раннеримское время. Это объясняет активное распространение днепровских вариантов эмалевых изделий в Прибалтике и возникновение собствен-

ных национальных направлений в регионе. Несмотря на это, вещей, произведенных в литовском и восточно-балтийских центрах, в южной зоне пока не известно. Самостоятельные школы варварского эмальерного искусства, характерные для территорий Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, свидетельствуют о локальных культурных особенностях, однако в степной зоне Крыма и на Кавказе эмалевая традиция не связана с балтийским происхождением; большинство изделий здесь относится к днепровским разновидностям.

Находки предметов с эмальями, связанных с характерными этнографическими особенностями, снаряжением коня и всадника, свидетельствуют о значительной активности позднестаробульварского населения не только в лесной зоне. Передвижение этих групп из Поднепровья на восток через лесостепное Среднее Подонье и бассейн Хопра привело к формированию связей с местным населением и заселению Среднего Поволжья.

Комплексы археологических находок, где украшения эмалевой стилистики представлены целыми вещами, а не обломками, их женский контекст указывает на возможные матримонические отношения «носителей» эмалевой традиции с этнокультурными обществами юга и востока Восточной Европы. Военные походы III в. вдоль черноморского побережья, сопровождаемые нападениями и грабежами городов, способствовали тесным межкультурным контактам, что объясняет значительное число находок в Крыму и на Нижнем Дону, и вполне возможно их регулярному появлению или даже проживанию на этих территориях, пусть и не в представительном количестве. Хронология предметов указывает практически на весь период распространения варварских выемчатых эмалей во II – начале V в. н.э.

Полученные результаты подтверждают сложность и многогранность процессов миграций и культурных взаимодействий, связанных с позднестаробульварскими общностями и обнаруживающихся в распространении эмалевых изделий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках исследований по плановой теме отдела археологии эпохи Великого

переселения народов и раннего средневековья ИА РАН № 122011200267-0

The work was carried out within the framework of research on the planned topic of the Department of Archaeology of the epoch of the Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages of IA RAS No. 122011200267-0

² Основной набор вещей, связанный с находками выемчатых эмалей, был опубликован в своде Гали Федоровны Корзухиной [Корзухина, 1978]. Этот фундаментальный труд был частью обширного исследования под названием «К истории Среднего Поднепровья в V–VII вв.». Работа была практически завершена к середине 60-х гг., но сбор материалов начался еще раньше – с 1938 по 1941 год. Корзухина продолжала вносить дополнения, изменения и редактировать текст вплоть до последних дней своей жизни. В результате получилась обширная рукопись, более тысячи печатных страниц, что не позволило опубликовать ее одной книгой. В 1969 г. она предприняла усилия по переработке текста, отказавшись от начального раздела. Первый раздел посвящался выемчатым эмальям и получил название «Памятники Среднего Поднепровья V – первой половины VI вв.». Однако даже после значительных сокращений монография все еще оставалась слишком большой для издания в одном томе.

Г.Ф. Корзухина разбила текст, каталоги и иллюстрации на две части, основываясь на хронологическом принципе. Первая часть содержала информацию о выемчатых эмальях, а вторая была посвящена предметам из круга «Древностей Антов» [Щеглова, 2010, с. 33–34]. Окончательную подготовку и редактирование книги провела уже М.А. Тиханова после смерти своей коллеги в 1974 году.

³ Приношу искреннюю благодарность коллегам, оказывавшим огромную помощь в сборе и верификации информации на местах и передаче многих находок в музейное хранения, – П.В. Бирюкову, А.В. Барышеву, В.А. Дудареву, И.А. Бажану, А.С. Бондарчуку (Москва).

⁴ Следует отметить, что в понятие «предметы круга восточноевропейских выемчатых эмалей» традиционно входят вещи, близкие по своей стилистике как с эмалевыми вставками, так и без них, также к ним относятся различные типы пластинчатых украшений. Комплекс включает в себя как украшения и детали костюма (фибулы разных типов, браслет, шейные гривны, налобные венчики, нагрудные цепи, детали поясов, булавы), так и снаряжение коня и всадника (уздечные накладки, нагайки, шпоры).

⁵ В работе А.М. Обломского приводится ошибочное определение места находки – на территории Воеводины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Каталог находок варварских выемчатых эмалей, выявленных к югу и востоку от основных ареалов распространения

Table 1. Catalog of finds of the barbarian excavated champlevé enamels found south-eastward of the main distribution areas

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
Подунавье					
1	Сирма-Бешмий Сирмабешенье (Szirmabeseny / Szirmabesenyő), случайная находка (кон. XIX в.)	Венгрия / Боршод-Абауйи-Земплен	Треугольная фибула с эмальями	[Lossonczy, 1903, lap. 399, кер; Корзухина, 1978, с. 77, № 133, табл. 23,9; Обломский, 2017а, с. 55]	2,5
2	Гатер (Gater), случайная находка	Венгрия / Медье Бач-Кишкун, Кишкунфельдхазаский граш	Лунница	[Корзухина, 1996, табл. 115,2; Обломский, 2017а, с. 55]	2,2
3	Почпетри (Pócspetri), грунтовый могильник, погр. 10 (2002)	Венгрия / с. Почпетри, м. Сабольч-Сатмар-Берег	Подковообразная фибула с эмальями	[Hullám, 2012, о. 356–357, tab. 11,9–11, tab. 12, 1–5,8–11; Савельев, 2020, с. 278, рис. 4]	2,7
Северо-Западное Причерноморье					
4	Старые Бедражи / Бадражи / Ластынка (Bădragii Vechi), грунтовый могильник, погр. 5 (1987)	Молдавия / Единецкий район	Подковообразная фибула с эмальями	[Kurciatov, Bubulici, 1997, p. 224, fig. 3,1; Савельев, 2005–2009; Обломский, 2017а, с. 55–58; Савельев, 2020, с. 277–278, рис. 3]	2,8
5	Дивизия, курганный могильник, кург. 2 (1985)	Украина / Одесская область / Белгород-Днестровский район	Подковообразная фибула с эмальями	[Субботин, Дзиговский, 1990, с. 2–4, рис. 3; Васильев, Савельев, 2008, с. 32–36; Обломский, 2017а, с. 58; Савельев, 2020, с. 277, рис. 2]	2,9
6	Одесская обл., случайная находка (2013)	Украина / Одесская область / Северные районы	Фрагмент треугольной фибулы с эмалью	[Бажан, 2013, № 5-1-161]	2,14
7	Одесская обл., случайная находка (2013)	Украина / Одесская область / Северные районы	А) Т-образная фибула без эмалей Б) три фрагмента манжетовидного браслета с гребнями без эмалей	[Бажан, Трошин, 2014, № 5-2-171]	2,12,13
8	Одесская обл., случайная находка (2018)	Украина / Одесская область / Северные районы	Подковообразная фибула с эмалью	Архив автора, публикуется впервые	2,11
9	Одесская обл., случайная находка (2010)	Украина / Одесская область / Северные районы	Кольцевидная фибула с эмальями	Архив автора, публикуется впервые	2,10
Нижнее Поднепровье					
10	Сурская Забора, случайная находка (1953)	Украина / Днепропетровская обл. / Днепропетровский район / с. Волосское	Треугольная фибула	[Корзухина, 1978, с. 77, № 129, табл. 31; Обломский, 2017а, с. 58; Гопкало, 2019, рис. 8]	2,1,1а
11	Сурский остров, Очаг № 2 (1954)	Украина / Днепропетровская обл. / Днепропетровский район / с. Волосское (пос. Провхостье)	Крестообразная бляшка	[Гороховский, 1982, с. 129, рис. 1,18; Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 149,9, 150,5; Обломский, 2017а, с. 58]	2,3

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
Подунавье					
12	Хортица (до 2017)	Украина / Запорожская область / г. Запорожье	Лунница с эмальями	[Бажан, 2017, с. 58, № 5-3-167]	2,6
13	Красный Маяк, грунтовый могильник, мог. 48, погр. 1 (1986)	Украина / Херсонская область / Бориславский район	Венчик	[Гей, Бажан, 1993; Обломский, 2017а, с. 58]	2,4, 4а
14	Осиповка (1971–1974)	Украина / Днепропетровская обл. / Новоомсковоцкий район (бывш. Магдалиновский)	Малая пластинчатая лунница	[Телегин, Беляева, 1975, с. 100, рис. 2,20; Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 10]	
Крымский полуостров					
15	Нейзац, грунтовый могильник, погр. 275 (2008) погр. 480 (2017)	Россия / Республика Крым / Белогорский район	А) Звено цепи	[Khrapunov, 2008, fig. 2,2,3; Обломский, 2017а, с. 60]	3,11
		Россия / Республика Крым / Белогорский район	Б) Фрагмент Т-образной фибулы без эмалей	[Храпунов, 2017; Обломский, 2017а, с. 60]	3,10
16	Приветное, случайная находка	Россия / Республика Крым / Городской округ Алушта	Дисковидная фибула с эмалевой вставкой	Архив автора, публикуется впервые	3,15
17	Чатыр-Даг, грунтовый могильник, погр. 15 (1988)	Россия / Республика Крым / Городской округ Алушта	Фрагмент Т-образной фибулы	[Щукин, 2002; Мыц и др., 2006, с. 178, табл. 19,А,1; Обломский, 2017а, с. 61]	3,3
18	Херсонес, гробница 3 (1891)	Россия / Республика Крым / г. Севастополь	А, Б) Две треугольные фибулы с эмальями	[Отчет Императорской Археологической ... , 1891, с. 138–139, № 153; Спицын, 1903, рис. 147; Шугаевский, 1911, с. 253, 254; Макаренко, 1928, с. 84, рис. 1; Корзухина, 1978, с. 77, 116, № 127, табл. 23,1,2; Залеская, 2006, с. 111; Зубарь, 1982, с. 58; Щукин, 1988; Колесникова, 2006, с. 131, рис. 1,7,10; Воронятов, 2016; Обломский, 2017а, с. 62; Воронятов и др., 2020, с. 27, рис. 5,5,6,7,1,2; Румянцева и др., 2021, с. 92, 93, 97]	3,1,2
	Херсонес, город, случайная находка (кон. XIX в.)	Россия / Республика Крым / г. Севастополь	В) Малая треугольная лунница с эмалью	[Колесникова, 2006, рис. 1,7; Воронятов, 2016; Обломский, 2017а, с. 62]	3,9
	Херсонес, город, случайная находка (кон. XIX в.)	Россия / Республика Крым / г. Севастополь	Г) Обломок малой ажурной лунницы с эмальями	[Колесникова, 2006, рис. 1,10; Обломский, 2017а, с. 62]	3,8

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
19	Скалистое III, погр. 28Л (1965)	Россия / Республика Крым / Бахчисарайский р-н	А, Б) Две шпоры с эмалями	[Богданова и др., 1976, с. 146, рис. 8,48,49; Radyush, 2013, p. 330; Обломский, 2017а, с. 62; Румянцева, Трифонов, 2021; Волошинов, Масыкин, 2023, рис. 13, 14; Румянцева, Ханин, 2023, с. 90, рис. 4,1,4]	3,13,14
20	Керчь, случайная находка (нач. XX в.)	Россия / Республика Крым / г. Керчь	Обломок ножки треугольной фибулы	[Левада, 2010, s. 575, рис. 19,2; Обломский, 2017а, с. 63]	3,5
21	Госпитальный курган, северная траншея в насыпи (2017)	Россия / Республика Крым / г. Керчь	Рамка от круглой фибулы с эмалями	[Рукавишникова и др., 2022, с. 93, 280, ил. 109]	3,7
22	Неаполь Скифский, подбойная могила 3, погр. 2 (1956)	Россия / Республика Крым / г. Симферополь	Браслет пластинчатый без эмалей	[Шульц, 1956, с. 105, 106; Сымонович, 1983, табл. XXXIII,12; Воронятов, Кропотов, 2022]	3,6
23	Синапное, случайная находка (2019)	Россия / Республика Крым / Бахчисарайский р-н	А) Дисковидная; Б) треугольная фибула с эмалями	Архив автора, публикуется впервые	4,1,2
24	Крымский полуостров, случайная находка (2010-е)	Россия / Республика Крым	Шпора без эмалей	Архив автора, публикуется впервые	3,12
25	Запад Крымского п-ова, случайная находка	Россия / Республика Крым / Округа Севастополя	Подковообразная фибула с эмалями	[Бажан, 2011, с. 28, № 5-2-34]	4,6
26	Запад Крымского п-ова, случайная находка (2011)	Россия / Республика Крым / Округа Севастополя	Малая лунница с эмалями	[Бажан, 2017, с. 54, № 5-3-157а]	4,7
27	Запад Крымского п-ова, случайная находка	Россия / Республика Крым	Т-образная фибула с эмалями	[Бажан, Трошин, 2014, с. 44, № 5-2-128]	4,5
28	Крымский полуостров, случайная находка	Россия / Республика Крым	Шпора без эмалей	Архив И.А. Бажана № 2-42-24	4,9
29	Запад Крымского п-ова, случайная находка (2009)	Россия / Республика Крым / Округа Севастополя	Шпора без эмалей	Архив автора, публикуется впервые	4,10
30	Крымский полуостров, случайная находка (2012)	Россия / Республика Крым	Шпора без эмалей	Архив автора, публикуется впервые	4,11
31	Крымский полуостров, случайная находка (2013)	Россия / Республика Крым	Замок от шейной гривны с эмалями	Архив автора, публикуется впервые	4,8
32	Крымский полуостров, случайная находка (2010-е)	Россия / Республика Крым	Дисковидная фибула с эмалью	Архив автора, публикуется впервые	4,3
33	Крымский полуостров, случайная находка (2019)	Россия / Республика Крым	Треугольная фибула с эмалями	Архив автора, публикуется впервые	4,4

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
Таманский полуостров					
34	Кепы, городище, погр. (1962)	Россия / Краснодарский край / Темрюкский район	Треугольная фибула с эмалью	[Сокольский, 1964; Корзухина, 1978, с. 77, № 128; Обломский, 2017а, с. 60]	3,4
Северный Кавказ					
35	Клин Яр, грунтовый могильник, погр. 11 (1968)	Россия / Ставропольский край / г. Кисловодск	Лунница	[Виноградов, Рунич, 1969, с. 118–119, рис. 17, 105, 110; Корзухина, 1978, с. 77, № 126а; Кадиева, 2020, с. 295, рис. 4,2]	7,4, 4а
36	Лезгор (Лизгур), могильник (1886)	Россия / Республика Северная Осетия – Алания / Ирафский район	Звено цепи от рога для питья с эмалью	[Долбежев, 1886, л. 27–29; Спицын, 1903, с. 40, рис. 299; Амброз, 1968, рис. 1,1а,б; Корзухина, 1978, с. 77, № 121; Radyush, 2013, fig. 8,10; Радюш, 2018, рис. 110,9; Кадиева, 2020, с. 289, рис. 2,1]	7,1, а,б
37	Кумбулга (Алдан Резен), коллекция К.И. Ольшевского, случайная находка (1880-е) Кумбулга, республика, коллекция И.Б. Дзелихова, случайная находка (1880-е)	Россия / Республика Северная Осетия – Алания / Ирафский район	А) Подвеска или обломок фибулы без эмалей	[Уварова, 1900, табл. ХСII; Спицын, 1903, с. 40, рис. 301; Корзухина 1978, с. 77, № 122-2; Кадиева, 2020, с. 290, рис. 2,2]	7,б
		Россия / Северная Осетия – Алания / Ирафский район	Б) Накладка с эмальями	[Спицын, 1903, с. 40, рис. 301; Корзухина, 1978, с. 77, № 122-1; Кадиева, 2020, рис. 3,3]	7,3, 3а
38	Верхняя Рутха, сборы П.С. Уваровой, случайная находка с территории могильника (кон. XIX в.)	Россия / Республика Северная Осетия – Алания / Ирафский район	Круглая подвеска с эмалью	[Уварова, 1900, с. 235, 248, табл. СIII,15; Спицын, 1903, с. 40, рис. 196; Корзухина, 1978, с. 77, № 124; Кадиева, 2020, с. 291–293, рис. 3,1]	7,2
39	Камунта, коллекция К.И. Ольшевского, случайная находка (1880-е)	Россия / Республика Северная Осетия – Алания / Ирафский район	Т-образная фибула	[Chantre, 1887, pl. XVI,50; Kondakof et al., 1891, fig. 410; Уварова, 1900, с. 320, табл. СXXVI,21; Корзухина, 1978, с. 77, № 125; Кадиева, 2020, с. 296, рис. 4,1; Воронятов и др., 2020, с. 26, 27, рис. 5,4, 6,1; Румянцева и др., 2021, с. 91, 92, 97]	7,7

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
40	Чми (Беахни-Куп или Царца), Могильник. Коллекция Г.Д. Филимонова, случайная находка (1880–1890-е)	Россия / Республика Северная Осетия – Алания / Ирафский район	Лунница	[Уварова, 1900, табл. СШ,15; Спицын, 1903, с. 40, рис. 298; Корзухина, 1978, с. 77, № 123; Кадиева, 2020, с. 293, рис. 3,2]	7,5
41	Кабардино-Балкария, случайная находка (2012)	Россия / Кабардино-Балкарская республика	Т-образная фибула без эмалей	[Бажан, Трошин, 2014, с. 56, № 5-2-214]	4,12
Нижнее Подонье					
42	Рогожкино XII, культурный слой поселения (1989)	Россия / Ростовская обл. / Азовский район	Звено цепи	[Гудименко, 1994, с. 15; Безуглов, Гудименко, 1993; Щукин, 2005, с. 146; Зиньковская, 2009б, с. 143; Шаров, 2010, с. 261; 2012, с. 279; Гудименко, Толочко, 2012, с. 184; Воронятов, 2013]	5,3
43	Валовый I, курганный могильник, кург. 33, погр. 1 (1987)	Россия / Ростовская обл. / Мясниковский район	А–В) Навершия трех булавок (?); Г) обломок предмета (?)	[Безуглов и др., 2009, с. 113; Беспалый и др., 2007, с. 80–81; Воронятов, Раев, 2020, с. 306–315]	5,4–6
44	Багаевская станица, случайная находка (2010-е)	Россия / Ростовская обл. / Багаевский район	Звено цепи	Новочеркасский музей истории донского казачества, публикуется впервые	5,10
45	Цимлянское правобережное городище, коллекция Попова Х.И. (конец XIX в.) Цимлянское правобережное городище, культурный слой (1959)	Россия / Ростовская обл. / Цимлянский район	А) треугольная фибула	[Труды VIII АС ... , 1897, с. 240, табл. XXXV,6; Спицын, 1903, рис. 286; Артамонов, 1935, рис. 5,31; Моога, 1938, S. 118]	5,1
		Россия / Ростовская обл. / Цимлянский район	Б) обломок Т-образной фибулы	[Артамонов, 1962, с. 322; Корзухина, 1978, с. 26, 77, табл. 6,5, 22,4,7; Обломский, 2017а, с. 59; Воронятов и др., 2020, с. 27, рис. 5,3, 6,3]	5,2
Среднее Подонье					
46	Нехаевская, случайная находка (2020)	Россия / Волгоградская обл. / Нехаевский район	Фрагмент цепи с эмалями	Волгоградский областной краеведческий музей, публикуется впервые (ВОКМ КП 34988)	5,11
47	Журавка, случайная находка (2013)	Россия / Воронежская обл. / Богучарский район	Клад браслетов без эмалей	[Березуцкий, Золотарев, 2014; Акимов и др., 2020, с. 248, рис. 3]	6,1–6
Бассейн Северского Донца					
48	Раковка-1, поселение, случайная находка (до 1998)	Украина / Харьковская обл. / пгт Савинцы, Балаклеянский район	Трапециевидная пластинчатая подвеска	Дідик, Любичев, 1998, рис. 1,4,5	5,13,14

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№	Место и время находки	Государство / Регион / Район	Тип предмета	Публикация	Рисунок
49	Артемовск (2014)	Россия / Донецкая Народная Республика / г. Артемовск	Звено цепи с эмалями	[Бажан, 2018, с. 110, № 5-6-168]	5,12
50	Сулиговка (2011)	Украина / Харьковская обл. / Изюмский р-н	Фрагмент Т-образной фибулы с эмалями	[Бажан, Трошин, 2014, с. 56, №5-2-161]	5,8
51	Изюм (2013)	Украина / Харьковская обл. / окрестности г. Изюм	Обломок подковообразной фибулы с эмалями	[Бажан, Трошин, 2014, с. 12, № 5-2-24]	5,9
52	Донецкая Народная Республика (2016)	Россия / Донецкая Народная Республика	Т-образная фибула без эмалей	Архив автора, публикуется впервые	5,7
Нижнее Поволжье					
53	Верхнее Погромное, случайная находка (2011)	Россия / Волгоградская обл. / Среднеахтубинский район	Т-образная фибула с эмалями	[Археологическое наследие..., 2013, с. 135. кат. 347; Обломский, 2017а, с. 60; Воронятов, 2020]	8,1
54	Заволжское, случайная находка (2019)	Россия / Астраханская обл. / Харабалинский район	Т-образная фибула без эмалей	Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник КП 49344 А 22966	8,2
Среднее Поволжье					
55	Красный Миронов, случайная находка (2020)	Россия / Самарская обл. / Сызранский район	А) треугольная фибула Б) звено цепи без эмалей В) кольцевидная фибула с эмалью Г) Т-образная фибула без эмали	[Никитина, 2020, рис. 1,27]; Архив Никитиной А.В.	8,4–7
Южное Зауралье					
56	Баймак, случайная находка (2024)	Россия / Республика Башкортостан / Баймакский район	Т-образная типа без эмалей	Архив автора, публикуется впервые	8,3

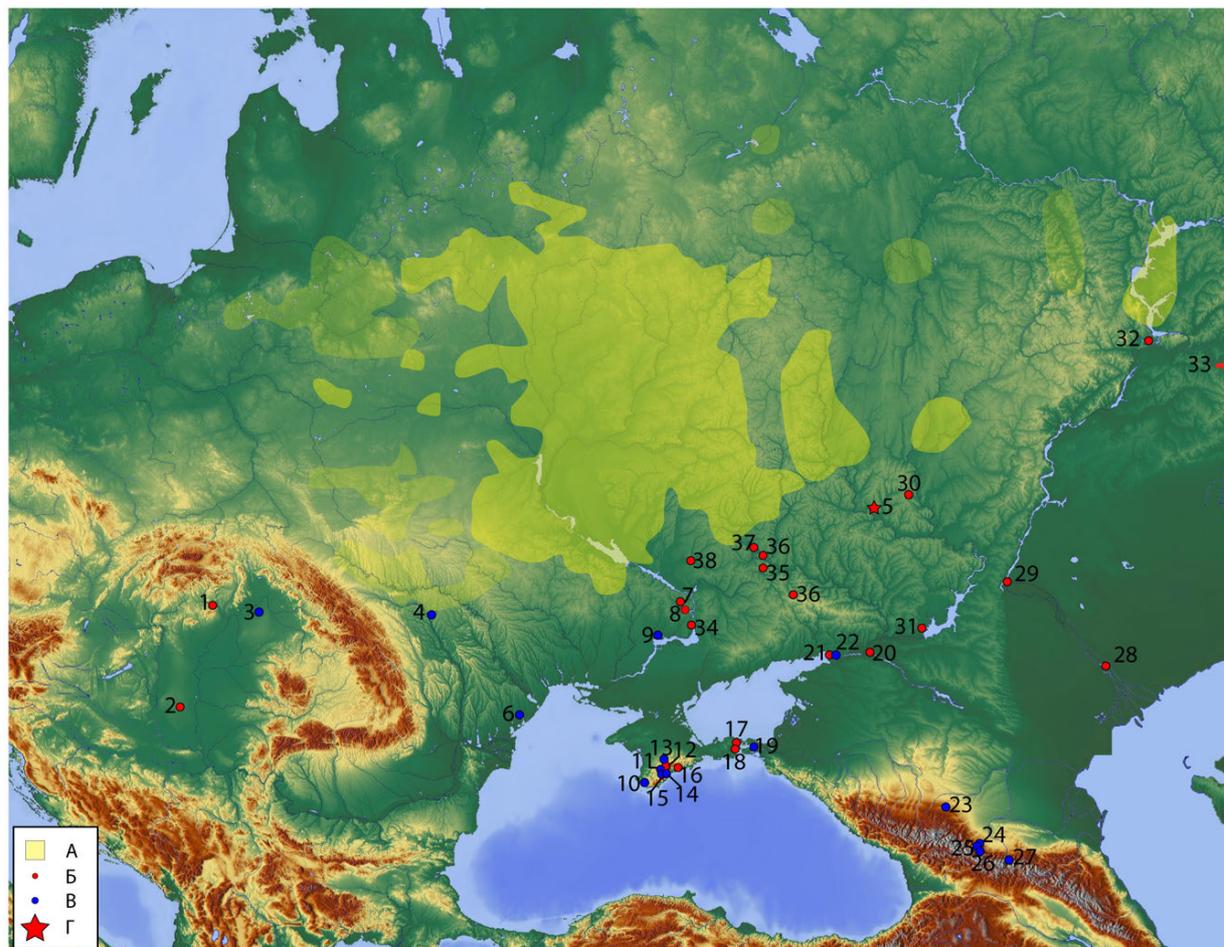

Рис. 1. Распространение находок вещей с выемчатыми эмальями к югу и востоку от основных ареалов:
 А – зоны концентрации вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей; Б – случайные находки;
 В – погребения с эмальями; Г – клады

1 – Сирма-Бешмий; 2 – Гатер; 3 – Почпетри; 4 – Старые Бедражы; 5 – Журавка (Лукьянчиков); 6 – Дивизия;
 7 – Сурская забора; 8 – Сурский остров; 9 – Красный маяк; 10 – Херсонес; 11 – Скалистое III; 12 – Синапное;
 13 – Неаполь Скифский; 14 – Чатыр-Даг; 15 – Нейзац; 16 – Приветное; 17 – Керчь; 18 – Госпитальный курган
 (Керчь); 19 – Кепы; 20 – Багаевская; 21 – Рогожкино; 22 – Валовый I; 23 – Клин Яр; 24 – Лезгор; 25 – Кумбулта;
 26 – Камунта; 27 – Чми; 28 – Заволжский; 29 – Верхнепогромное; 30 – Нехаевская; 31 – Правобережное Цимлянское;
 32 – Красный Миронов; 33 – Баймак; 34 – Хортица; 35 – Артемовск; 36 – Изюм; 37 – Раковка; 38 – Осиповка

Fig. 1. Distribution of the finds with champlevé enamels found south-eastward of the main areas:

A – concentration zones of the items of Eastern European champlevé enamels; B – accidental finds;
 B – burials with enamels; G – treasures

1 – Sirma-Beshmiy (Szirmabeseny); 2 – Gater; 3 – Pochpetri (Pócspetri); 4 – Starye Bedrazhi (Bădragii Noi); 5 – Zhuravka
 (Luk'yanchikov); 6 – Diviziya; 7 – Surskaya zabora; 8 – Surskiy ostrov; 9 – Krasnyy mayak; 10 – Hersones;
 11 – Skalistoe III; 12 – Sinapnoe; 13 – Neapol' Skifskiy; 14 – Chatyr-Dag; 15 – Neyzats; 16 – Privetnoe; 17 – Kerch';
 18 – Gospital'ny'j kurgan (Kerch'); 19 – Kepy'; 20 – Bagaevskaya; 21 – Rogozhkino; 22 – Valov'y I; 23 – Klin Yar;
 24 – Lezgor; 25 – Kumbulta; 26 – Kamunta; 27 – Chmi; 28 – Zavolzhskij; 29 – Verxnepogromnoe; 30 – Nexaevskaya;
 31 – Pravoberezhnoe Cimlyanskoe; 32 – Krasny'j Mironov; 33 – Bajmak; 34 – Xorticza; 35 – Artemovsk; 36 – Izyum;
 37 – Rakovka; 38 – Osipovka

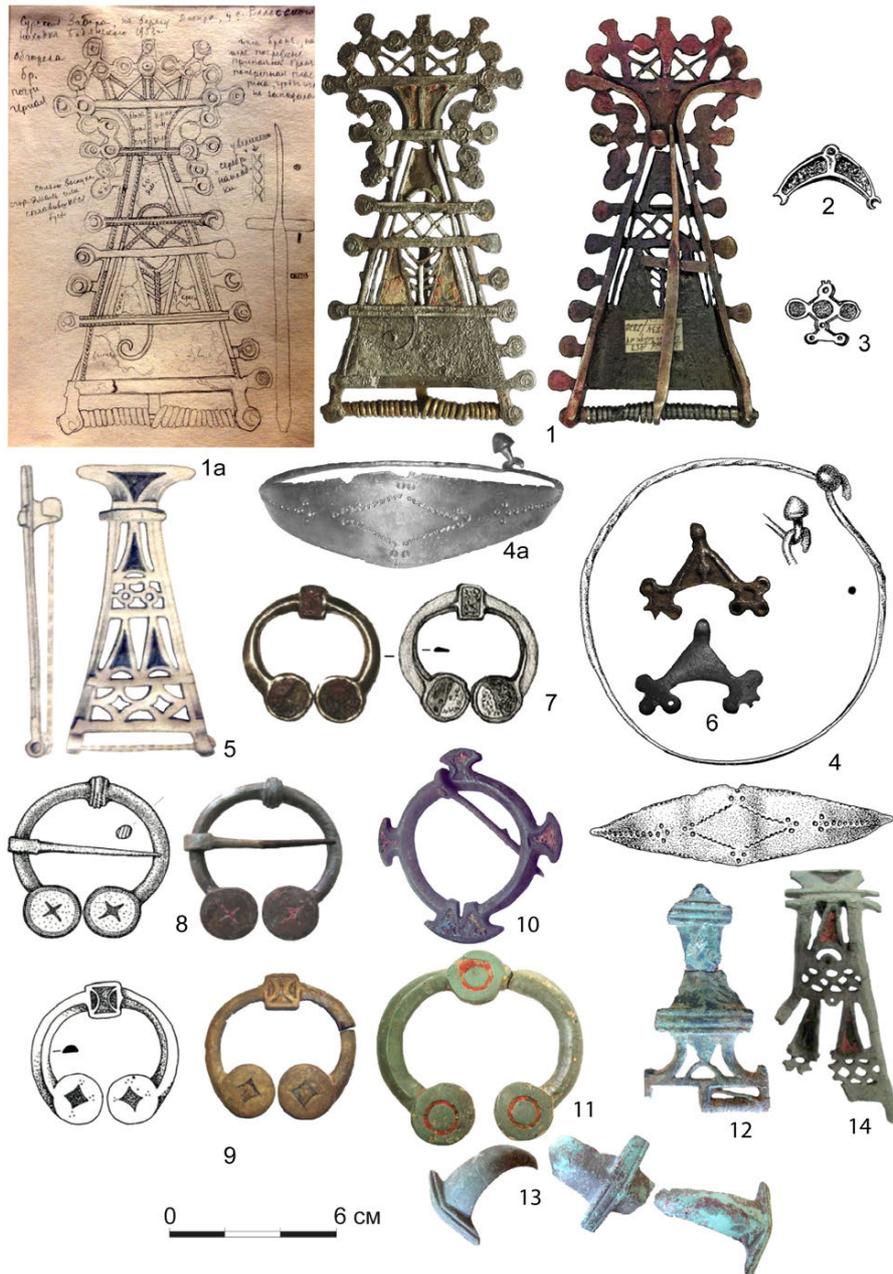

Рис. 2. Находки с территории Венгрии, Румынии и Нижнего Поднепровья:

- 1 – Сурская забор (по: [Левада, 2010, рис. 16]), 1a – прорисовка Г.Ф. Корзухиной (архив ИИМК РАН);
 2 – Гатер (по: [Корзухина, 1978, табл. 115,2]); 3 – Сурский остров (по: [Обломский, 2017а, рис. 2,6]);
 4 – Красный Маяк, погр. 48-1 (по: [Обломский, 2017а, рис. 2,7]), 4a – фото (по: [Левада, 2010, рис. 10,4]);
 5 – Сирма-Бешмий (рисунок Г.Ф. Корзухиной, архив ИИМК РАН); 6 – Хортица (по: [Бажан, 2017, № 5-3-167]);
 7 – Почпетри, погр. 10 (по: [Савельев, 2020, рис. 4]); 8 – Старые Бедражи, кург. 8 (по: [Савельев, 2020, рис. 3]);
 9 – Дивизия, кург. 2 (по: [Савельев, 2020, рис. 2]); 10, 11 – Одесская обл. (архив автора);
 12, 13 – Одесская обл. (по: [Бажан, Трошин, 2014, № 5-1-161]); 14 – Одесская обл. (по: [Бажан, 2013, № 5-1-161])

Fig. 2. Finds from Hungary, Romania and the Lower Dnieper region:

- 1 – Surskaya zabor (after: [Levada, 2010, fig. 16]), 1a – drawing by G.F. Korzukhina (archive of the IIMC RAS);
 2 – Gater (after: [Korzukhina, 1978, tab. 115,2]); 3 – Sursky Ostrov (after: [Oblomskiy, 2017, fig. 2,6]);
 4 – Krasnyy mayak, bur. 48-1 (after: [Oblomskiy, 2017, fig. 2,7]), 4a – photo (after: [Levada, 2010, fig. 10,4]);
 5 – Szirmabeseny (drawing by G.F. Korzukhina, IIMC RAS archive); 6 – Hortitsa (after: [Bazhan, 2017, № 5-3-167]);
 7 – Pócspetri, bur. 10 (after: [Savelyev, 2020, ill. 4]); 8 – Starye Bedrazhi, barrow 8 (after: [Savelyev, 2020, fig. 3]);
 9 – Diviziya, barrow 2 (after: [Savelyev, 2020, fig. 2]); 10, 11 – Odesskaya oblast' (archive of the author);
 12, 13 – Odesskaya oblast' (after: [Bazhan, Troshin, 2014, № 5-2-171]);
 14 – Odesskaya oblast' (after: [Bazhan, Troshin, 2013, № 5-1-161])

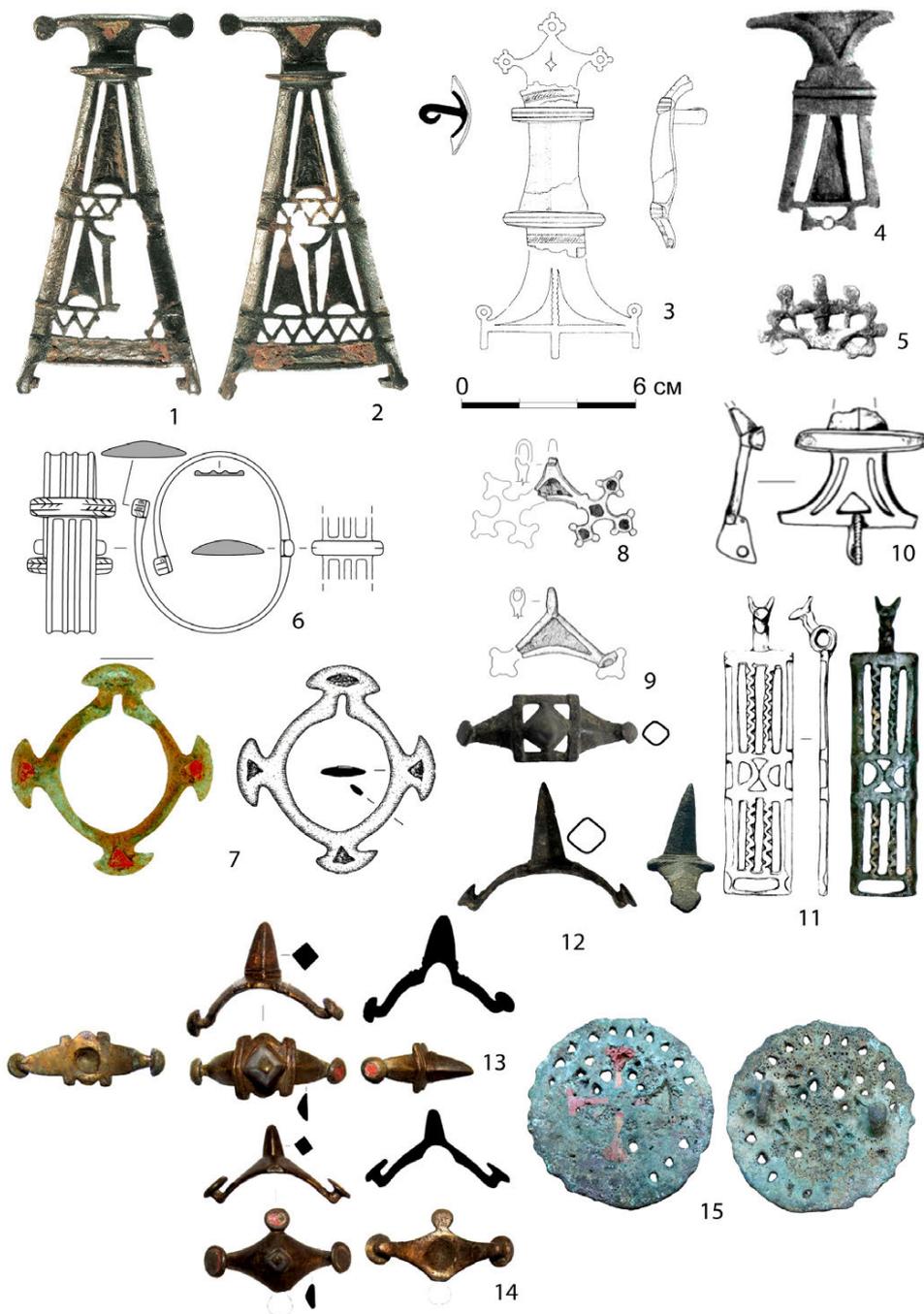

Рис. 3. Находки с территории Крыма и Таманского полуострова:

1, 2 – Херсонес (по: [Воронятов и др., 2020, рис. 5,5,6]); 3 – Чатыр-Даг (по: [Мыц и др., 2006, табл. 19,А,1]);
 4 – Кепы (по: [Сокольский, 1964, с. 207]); 5 – Керчь (по: [Левада, 2010, рис. 19,2]); 6 – Неаполь-Скифский
 (по: [Воронятов, Кропотов, 2022, рис. 2]); 7 – Госпитальный курган, насыпь (по: [Рукавишникова и др., 2022,
 ил. 109]); 8, 9 – Херсонес (по: Воронятов, 2016, рис. 1]); 10 – Нейзац, погр. 480 (по: [Храпунов, 2017, рис. 5,1]);
 11 – Нейзац, погр. 275 (по: [Khrapunov, 2008, fig. 2,3; 2,2]); 12 – Крым (фото автора);
 13, 14 – Скалистое III, погр. 28Л (по: [Волошинов, Масякин, 2023, рис. 13, 14]); 15 – Приветное (фото автора)

Fig. 3. Finds from the territory of the Crimea and the Taman Peninsula:

1, 2 – Hersones (after: [Voronyatov et al., 2020]); 3 – Chatyr-Dag (after: [Myts et al., 2006, tab. 19, A, 1]);
 4 – Kepy (after: [Sokol'skiy, 1964]); 5 – Kerch' (after: [Levada, 2010, ill. 19,2]); 6 – Neapol'-Skifskiy
 (after: [Voronyatov, Kropotov, 2022, ill. 2]); 7 – Gospital'nyy kurgan (after: [Rukavishnikova et al., 2022, ill. 109]);
 8, 9 – Hersones (after: [Voronyatov, 2016, fig. 1]); 10 – Neyzats, bur. 480 (after: [Khrapunov, 2017, fig. 5,1]);
 11 – Neyzats, bur. 275 (after: [Khrapunov, 2008, fig. 2,3; 2,2]); 12 – Crimea (photo by the author);
 13, 14 – Skalistoe III, bur. 28L (after: [Voloshinov, Masyakin, 2023, fig. 13, 14]); 15 – Privetnoe (photo by the autor)

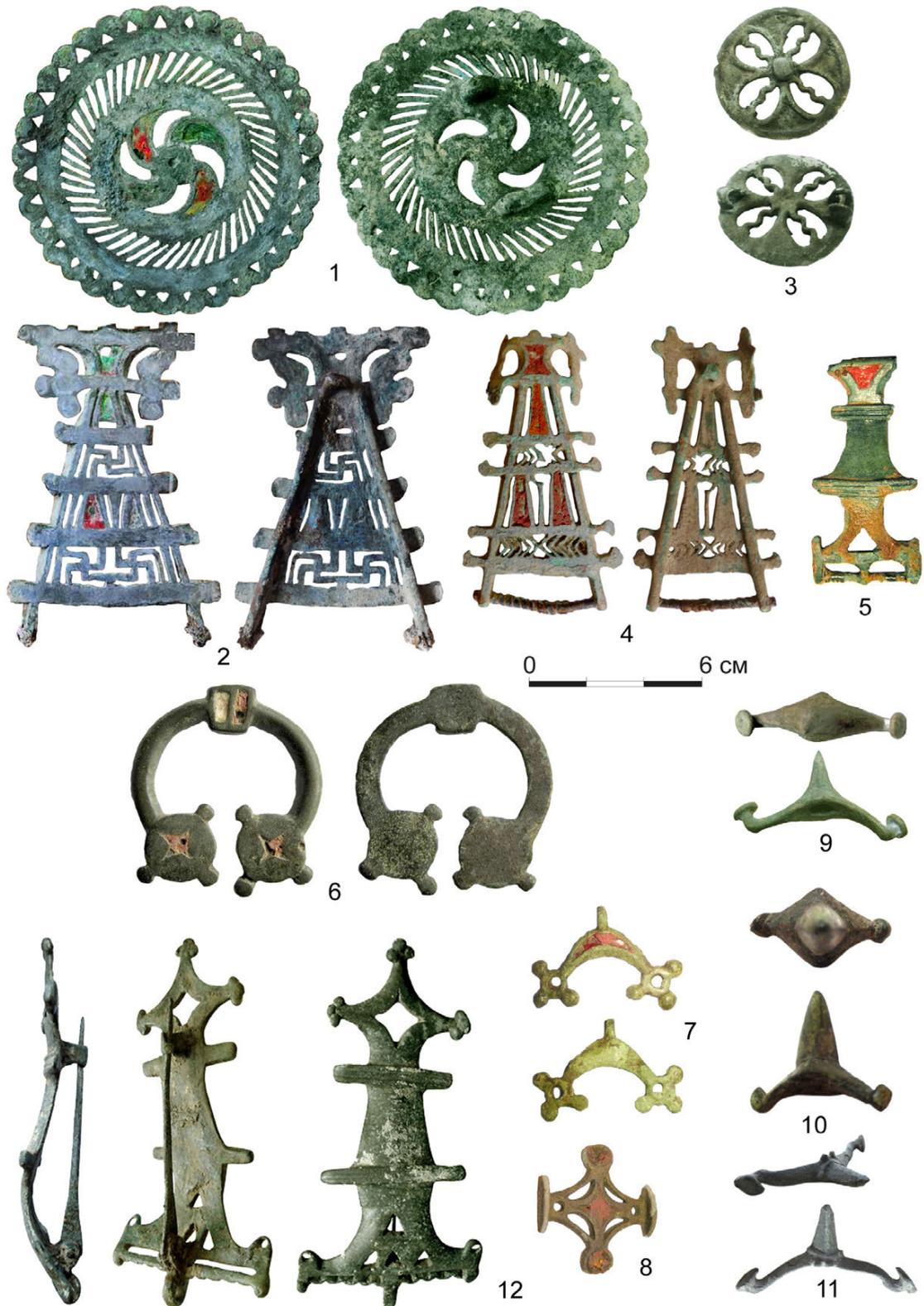

Рис. 4. Находки с территории Крыма и Северного Кавказа:

1, 2 – Синапное; 3, 4, 8, 9, 11 – Крым; 5, 6, 7, 10 – Западная часть Крымского полуострова (по: [Бажан, 2011; 2017; Бажан, Трошин, 2014]); 12 – Кабардино-Балкария (по: [Бажан, Трошин, 2014, № 5-2-214])

Fig. 4. Finds from the territory of Crimea and North Caucasus:

1, 2 – Sinapnoe; 3, 4, 8, 9, 11 – Crimea; 5, 6, 7, 10 – Western Crimean Peninsula (after: [Bazhan, 2011; 2017; Bazhan, Troshin, 2014]); 12 – Kabardino-Balkaria (after: [Bazhan, Troshin, 2014, № 5-2-214])

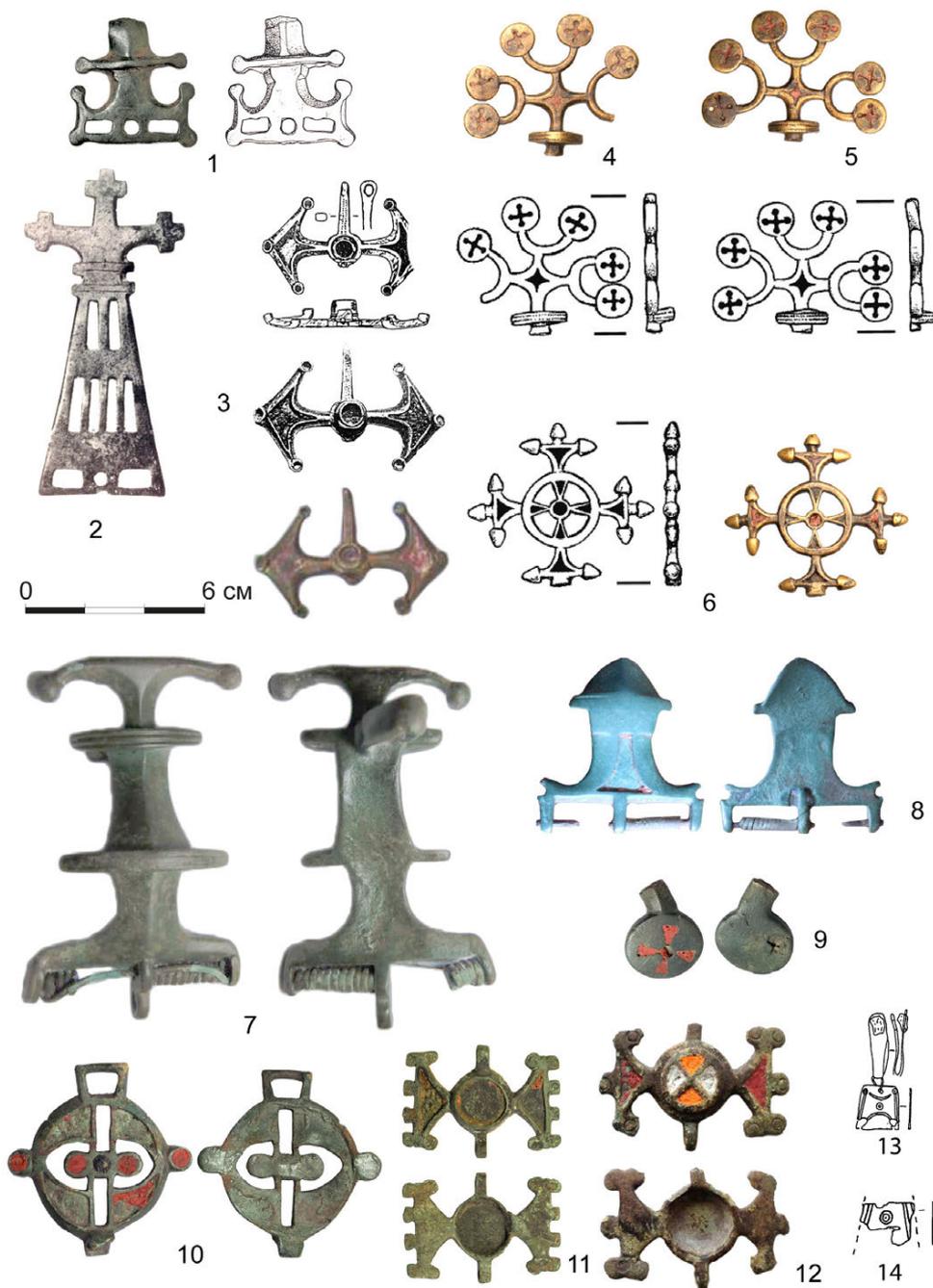

Рис. 5. Находки с территории Нижнего Дона и среднего течения Северского Донца:
 1 – Правобережное Цимлянское городище (по: [Воронятов и др., 2020, рис. 5,3]);
 2 – Правобережное Цимлянское городище (фото Г.Ф. Корзухиной, архив ИИМК РАН); 3 – Рогожкино XII
 (по: [Воронятов, 2013, рис. 1,1]); 4–6 – (по: [Воронятов, Раев, 2020, рис. 4]); 7 – Донецкая Народная Республика;
 8 – Сулиговка (по: [Бажан, Трошин, 2014, № 5-2-161]); 9 – Изюм (по: [Бажан, Трошин, 2014, № 5-2-24]);
 10 – Багаевская (фото автора); 11 – Нехаевская (фото автора); 12 – Артемовск (по: [Бажан, Трошин, 2014, № 5-6-168]);
 13, 14 – Раковка (по: [Дідик, Любичев, 1998, рис. 1,4,5])

Fig. 5. Finds from the territory of the Lower Don and the middle course of the Seversky Donets:

1 – right-bank Cimlyanskoe settlement (after: [Voronyatov et al., 2020, fig. 5,3]);
 2 – right-bank Cimlyanskoe settlement (photo by G.F. Korzukhina, archive of the IHMC RAS); 3 – Rogozhkiно XII
 (after: [Voronyatov, 2013, fig. 1,1]); 4–6 – (after: [Voronyatov, Raev, 2020, fig. 4]); 7 – Donetsk People’s Republic;
 8 – Suligovka (after: [Bazhan, Troshin, 2014, № 5-2-161]); 9 – Izyum (after: [Bazhan, Troshin, 2014, № 5-2-24]);
 10 – Bagaevskaya (photo by the author); 11 – Nekhaevskaya (photo by the author);
 12 – Artemovsk (after: [Bazhan, Troshin, 2014, № 5-6-168]); 13, 14 – Rakovka (after: [Didyk, Lyubichev, 1998, fig. 1,4,5])

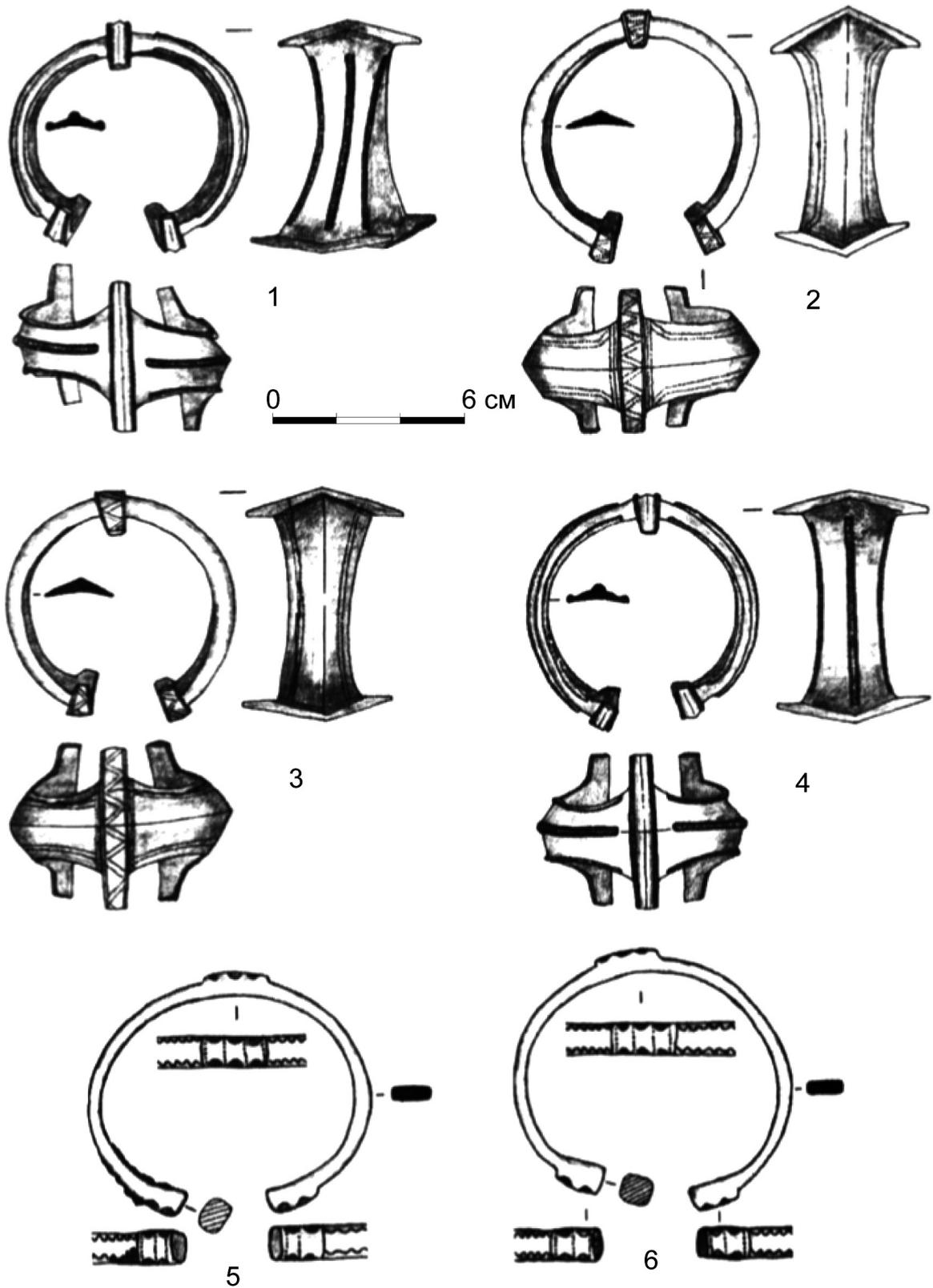

Рис. 6. Находки из Среднего Подонья:

1–6 – Журавка (Лукьянчиков) (по: [Березуцкий, Золотарев, 2014, рис. 2])

Fig. 6. Finds from the Middle Don region:

1–6 – Zhuravka (Luk'yanchikov) (after: [Berezutskiy, Zolotarev, 2014, fig. 2])

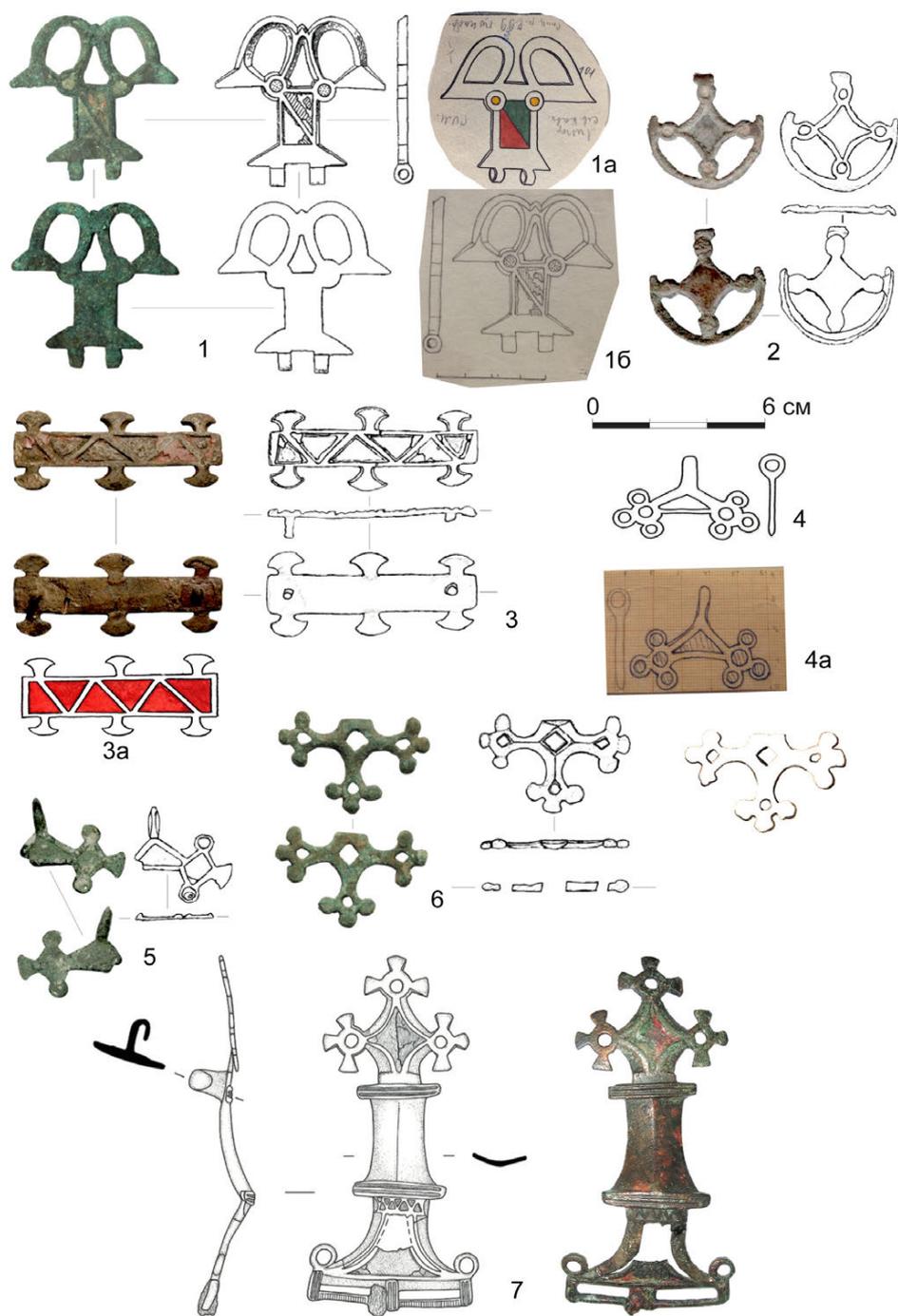

Рис. 7. Находки с территории Северного Кавказа:

1 – Лезгор (по: [Кадиева, 2020, рис. 2]), 1a, 1б – рисунки Г.Ф. Корзухиной (архив ИИМК РАН); 2 – Верхняя Рутха (по: [Кадиева, 2020, рис. 3,1]); 3 – Кумбулта (по: [Кадиева, 2020, рис. 3,3]), 3a – рисунок Г.Ф. Корзухиной (архив ИИМК РАН); 4 – Клин Яр (по: [Виноградов, Рунич, 1969, рис. 17]), 4a – рисунок Г.Ф. Корзухиной (архив ИИМК РАН); 5 – Чми (по: [Кадиева, 2020, рис. 3,2]); 6 – Кумбулта (Алдан Резен) (по: [Кадиева, 2020, рис. 2,2]); 7 – Камунта (по: [Воронятов и др., 2020, рис. 5,4])

Fig. 7. Finds from the territory of the North Caucasus:

1 – Lezgor (after: [Kadieva, 2020, fig. 2]), 1a, 1b – drawings by G.F. Korzukhina (archive of the IHMC RAS); 2 – Verhnyaya Rutha (after: [Kadieva, 2020, fig. 3,1]); 3 – Kumbulta (after: [Kadieva, 2020, fig. 3,3]), 3a – drawing by G.F. Korzukhina (archive of the IHMC RAS); 4 – Klin Yar (after: [Vinogradov, Runich, 1969, fig. 17]), 4a – drawing by G.F. Korzukhina (archive of the IHMC RAS); 5 – Chmi (after: [Kadieva, 2020, fig. 3,2]); 6 – Kumbulta (Aldan Rezen) (after: [Kadieva, 2020, fig. 2,2]); 7 – Kamunta (after: [Voronyatov et al., 2020, fig. 5,4])

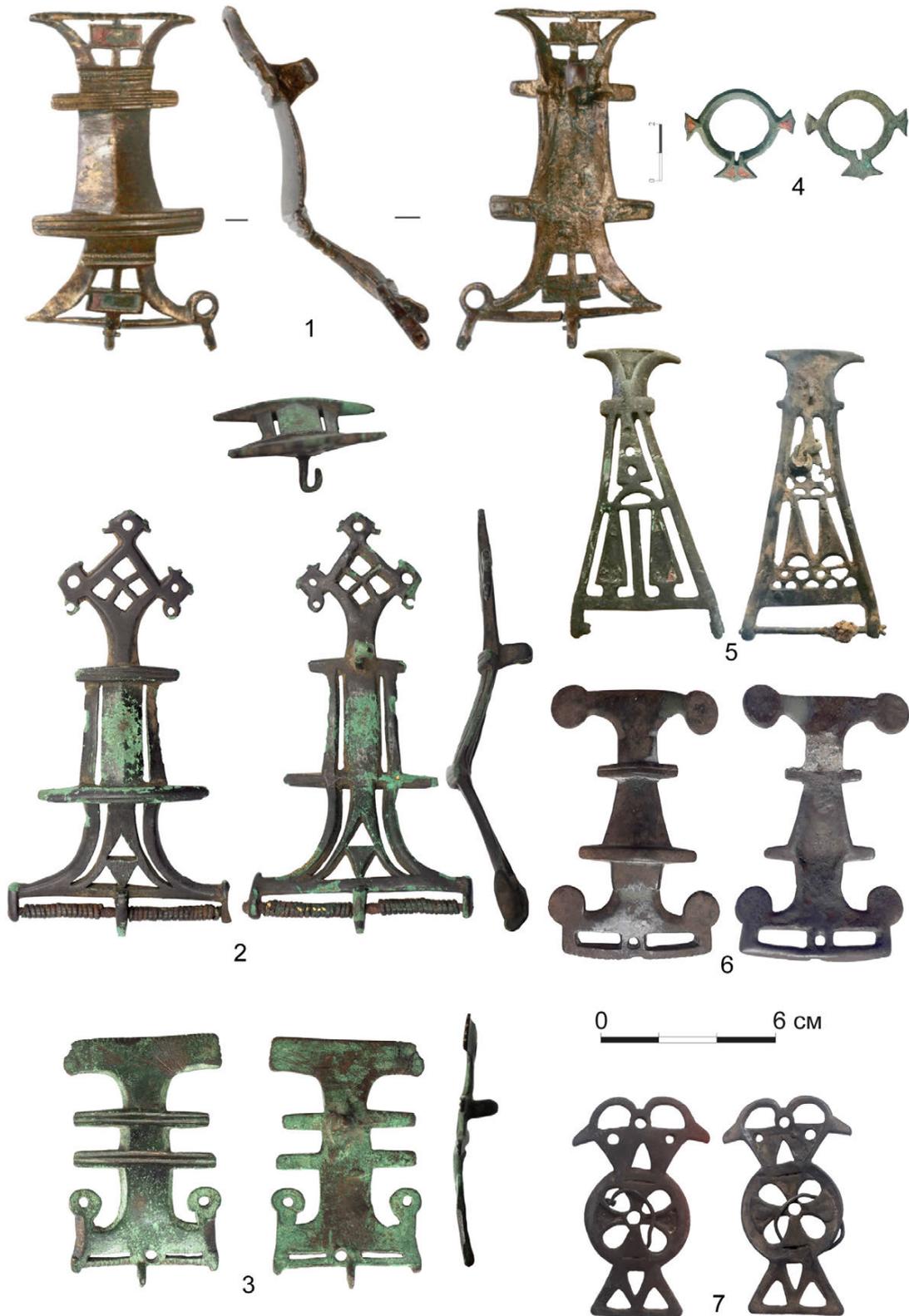

Рис. 8. Находки с территории Среднего и Нижнего Поволжья и Зауралья:
1 – Верхнепогромное (по: [Воронятов, 2020, рис. 3]); 2 – Заволжское (фото автора); 3 – Баймак (фото автора);
4–7 – Красный Миронов

Fig. 8. Finds from the territory of the Middle and Lower Volga region and the Trans-Urals:
1 – Verkhnepogromnoye (after: [Voronyatov, 2020, fig. 3]); 2 – Zavolzhskoe (photo by the author);
3 – Baymak (photo by the author); 4–7 – Krasnyy Mironov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Д. В., Зиньковская И. В., Мулкиджанян Я. П., 2020. Случайные находки варварских выемчатых эмалей в лесостепном Подонье: описание, реконструкция, интерпретации // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 244–257.
- Амброз А. К., 1968. Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР // *Славяне и Русь*. М. : Наука. С. 13–16.
- Артамонов М. И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. Вып. 131. Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. Ленингр. отд-ние. 118 с.
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 521 с.
- Археологическое наследие Волгоградской области, 2013. Волгоград : Издатель. 289 с.
- Ахмедов И. Р., 2018а. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // *Studia Barbarica*. Vol. I. Lublin : UMCS. S. 618–683.
- Ахмедов И. Р., 2018б. Глава 12. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир*. Вып. 18. М. : ИА РАН ; Вологда : Древности Севера. С. 146–158, 410–416.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // *Краткие сообщения Института археологии*. № 254. С. 128–152.
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А., 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // *Российская археология*. № 2. С. 146–166.
- Бажан И. А., 2011. Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы 2009–2011 гг. Альбом древностей. Вып. 1. Корпус случайных археологических находок. Вып. 1. М. : Ваш полиграфический партнер. 110 с.
- Бажан И. А., 2012. Ойум (готская *Aujom*, «речная область», «страна вод»). Часть 1. Альбом древностей этих мест. Корпус случайных археологических находок. Вып. 4. М. : Ваш полиграфический партнер. 110 с.
- Бажан И. А., 2013. Варварские эмали Восточной Европы. Часть первая: треугольные фибулы и цепи (из случайных находок). Альбом древностей. Корпус случайных археологических находок. Вып. 5-1. М. : Буки-Веди. 98 с.
- Бажан И. А., Трошин А. Н., 2014. Варварские эмали Восточной Европы. Часть вторая : Подковообразные и Т-образные фибулы (из случайных находок). Альбом древностей. Корпус случайных археологических находок. Вып. 5-2. М. : Ваш полиграфический партнер. 86 с.
- Бажан И. А., 2017. Варварские эмали Восточной Европы. Часть третья : лунницы круга эмалей (из случайных находок). Альбом древностей. Корпус случайных археологических находок. Вып. 5-3. М. : Ваш полиграфический партнер. 110 с.
- Бажан И. А., 2018. Варварские эмали Восточной Европы. Часть шестая : Треугольные фибулы, цепи и их детали (из случайных находок). Альбом древностей. Корпус случайных археологических находок. Вып. 5-6. М. : Буки-Веди. 128 с.
- Безуглов С. И., Гудименко И. В., 1993. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // *Российская археология*. № 1. С. 169–174.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н., 2009. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов н/Д : Медиа-Полис. 128 с.
- Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., 2014. Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону // *Российская археология*. № 2. С. 120–126.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I». Материалы и исследования по археологии юга России. № 2. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 184 с.
- Битнер-Врублевская А., 2019. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбаркской и пшеворской культур // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 254. С. 171–190.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // *Советская археология*. № 4. С. 121–152.

- Бугров Д. Г., 1994. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола : МарГУ. С. 33–38.
- Васильев А. А., Савельев О. К., 2008. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. *Germania – Sarmatia*. Вып. I. Калининград : Янтарный сказ. С. 29–43.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный : Чечено-ингуш. кн. изд-во. С. 95–137.
- Волошинов А. А., Масякин В. В., 2023. Воинское погребение со шпорами круга восточноевропейских эмалей из могильника Скалистое III // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций* : сб. ст. в честь 70-летия Михаила Казанского. Симферополь : Антиква. С. 103–128.
- Воронцов А. М., 2020. Находки круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории мощинской культуры // *Германия-Сарматия*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 258–275.
- Воронятов С. В., 2013. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона : альтернативная атрибуция // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конференция : материалы конф. Краснодар : Экоинвест. С. 73–76.
- Воронятов С. В., 2016. Забытые предметы круга варварских эмалей из Херсонеса // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию юбилею Б.А. Раева. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 29–32.
- Воронятов С. В., 2020. Перекладчатая фибула с эмалью из окрестностей села Верхнепогромное на Волге // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 301–305.
- Воронятов С. В., Кропотов В. В., 2022. Браслет стиля восточноевропейских выемчатых эмалей из некрополя Неаполя Скифского // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 267. С. 198–206.
- Воронятов С. В., Раев Б. А., 2020. Необычные предметы круга выемчатых эмалей из позднесарматского погребения могильника Валовый I на Нижнем Дону // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 306–315.
- Воронятов С. В., Румянцева О. С., Сапрыкина И. А., 2020. Предметы убора с выемчатыми эмальями в собрании Государственного Эрмитажа: археологический анализ коллекции // Российская археология. № 3. С. 16–32.
- Воронятов С. В., Шинаков Е. А., 2020. Отдельные находки и клады круга «варварских эмалей» в Брянском Подесенье // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 80–114.
- Гей О. А., Бажан И. А., 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // Петербургский археологический вестник. № 3. С. 52–59.
- Гопкало О. В., 2019. К дефиниции понятий «ювелирный стиль» и «мода» на примере черняховских фибул и предметов с выемчатыми эмальями // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 254. С. 191–211.
- Гороховский Е. Л., 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев : Наукова думка. С. 125–140.
- Гороховський Є. Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчастою емаллю // Археологія. Вип. 38. С. 16–35.
- Гудименко И. В., 1994. К вопросу о взаимосвязи готских походов и поселений второй половины III–IV вв. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV–IX вв.). Симферополь : НАНУ. 108 с.
- Гудименко И. В., Толочко И. В., 2012. Памятники позднеантичного времени из дельты Дона // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула : ГВМЗ «Куликово поле». С. 180–217.
- Дідик В. В., Любичев М. В., 1998. Прикраси з виімчастими емальями у басейні Сіверського Дінця: нові знахідки // Археологічний літопис лівобережної України. № 1–2. Полтава : Центр охорони та досліджень пам'яток археології. С. 50–52.
- Долбежев В. И., 1886. Дело императорской археологической комиссии о раскопках статского советника Долбежева в Терской области // Архив ИИМК ИАК. Д. 20/1886. 64 с.
- Залесская В. Н., 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков : кат. колл. СПб. : Изд-во ГЭ. 272 с.
- Зиньковская И. В., 2009а. Из истории изучения убора с выемчатыми эмальями на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж : Воронеж. гос. ун-т. С. 214–224.

- Зиньковская И. В., 2009б. О находках изделий с выемчатыми эмальями на юге Восточной Европы // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 142–145.
- Зиньковская И. В., 2010. Варварские выемчатые эмали на памятниках юга Восточной Европы // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк : ЛГПИ. С. 105–111.
- Зиньковская И. В., 2011а. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // Российская археология. № 2. С. 72–80.
- Зиньковская И. В., 2011б. Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье // Археологические вести. Вып. 17 (2010–2011). СПб. : Дмитрий Буланин. С. 144–148.
- Зиньковская И. В., 2012. К вопросу о варварских эмалях на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Т. IV: Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья: к 80-летию А. И. Пузиковой. Курск : КГОМА. С. 187–194.
- Зиньковская И. В., 2018. К вопросу о культурно-этнической атрибуции варварских эмалей в лесостепном Доно-Волжском междуречье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 83–88.
- Зиньковская И. В., 2019. Варварские эмали в лесостепном Доно-Волжском междуречье // Вестник ВГУ. Серия : История. Политология. Социология. № 3. С. 59–66.
- Зиньковская И. В., 2020. Горизонт выемчатых эмалей, венеты и сарматы в бассейне Дона // Античность. Скифы. Сарматы. Археологическое наследие. № 1 (3). Воронеж : Науч. кн. С. 321–437.
- Зиньковская И. В., Колесникова А. Ю., 2017. К вопросу о стилистических особенностях треугольных фибул круга выемчатых эмалей // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. № 2. Воронеж : ВГУ. С. 49–59.
- Зиньковская И. В., Колесникова А. Ю., 2021а. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга восточной Европы // *Via in tempore*. История. Политология. Т. 47, № 1. С. 30–40.
- Зиньковская И. В., Колесникова А. Ю., 2021б. К вопросу о хронологии бронзовых изделий круга выемчатых эмалей в бассейне Дона // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. № 1. С. 51–58.
- Зиньковская И. В., Колесникова А. Ю., 2021в. Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона. Воронеж : Изд-во ВГУ. 184 с.
- Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев : Наукова Думка. 140 с.
- Кадиева А. А., 2020. Изделия круга выемчатых эмалей с территории Северного Кавказа (из коллекции Государственного исторического музея) // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 288–299.
- Колесникова Л. Г., 2006. Связи Херсонеса-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период // Херсонесский сборник. Вып. XV. Севастополь : Максим. С. 129–150.
- Колесникова А. Ю., Зиньковская И. В., 2015. Основные проблемы изучения предметов круга Варварских эмалей Восточной Европы // Вестник ВГУ. Серия: История. Политологи, Социология. № 3. С. 29–37.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. САИ. Вып. Е1-43. Л. : Наука. 123 с.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и Исследования по Археологии и Этнографии Таврии. Вып. V. С. 352–435.
- Левада М. Е., 2010. Сухоносивка // *Terra barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica*. Łódź; Warszawa : Wyd. uniwersytetu Łódzkiego. S. 558–594.
- Любичев М. В., 2019. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков. Т.1. *Ostrogothica Serie*. Bd. 2. Харьков : УИЛ ГСАЭ ХНУ. 268 с.
- Макаренко М., 1928. Борзеньські емалі й старі емалі України взагалі // Чернігів та північне лівобережжя. Київ : Київ-Друк. С. 80–100.
- Макушников О. А., Радюш О. А., 2017. Вещи круга выемчатых эмалей из Гомельского Поднепровья // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского. Раннеславянский мир. Вып. 19. М. : ИА РАН. С. 127–137.
- Мызгин К. В., Радюш О. А., Любичев М. В., 2020. Новые данные к вопросу о поздней дате вещей круга «выемчатых эмалей» на территории Поднепровья // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 199–218.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Нестор-История. 207 с.

- Никитина А. В., 2020. Находки восточноевропейских выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 220–243.
- Обломский А. М., 2017а. Украшения с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // *Российская археология*. № 1. С. 55–69.
- Обломский А. М., 2017б. О расселении ранних славян на восток в римское время // *Российская археология*. № 3. С. 71–88.
- Обломский А. М., 2018а. Введение // *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир*. Вып. 18. М. : ИА РАН ; Вологда : Древности Севера. С. 7–12.
- Обломский А. М., 2018б. О донскихкладах украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля // *Studia Barbarica. Profesorow Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. Т. I. Lublin : UMCS. S. 618–683.
- Обломский А. М., 2023. Раннеславянские памятники в среднем течении р. Ворона // *Stratum plus*. № 4. С. 409–426.
- Обломский А. М., Березуцкий В. Д., 2019. Горизонт украшений с выемчатыми эмальями на территории лесостепного Подонья // *Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н.е. До 90-річчя В.Д. Барана. Оіум. VI. Київ : ІА НАНУ*. С. 50–79.
- Обломский А. М., Сапрыкина И. А., 2019. О культурно-хронологическом горизонте украшений с эмальями в Верхнем Подонье // *Российская археология*. № 4. С. 66–85.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–V вв. н.э.). Раннеславянский мир*. Вып. 10. М. : ИА РАН. С. 113–141.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год (Публ. 1893). СПб. : Тип. Глав. упр. уделов. 188 с.
- Радюш О. А., 2010. Украшения и снаряжение всадника круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2. Тула : ГВИПМЗ «Куликово поле»*. С. 9–19.
- Радюш О. А., 2012. Всадническое снаряжение лесных и лесостепных культур Поднепровья во II–III вв. // *Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю : тез. докл. Междунар. конф. «Inter Ambo Maris» (3–7 October 2012 г.)*, Гаспра, Крым. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 239–251.
- Радюш О. А., 2018. Глава 11. Предметы дружинной культуры среди древностей круга восточноевропейских выемчатых эмалей // *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир*. Вып. 18. М. : ИА РАН ; Вологда : Древности Севера. С. 138–145, 401–409.
- Радюш О. А., 2020а. Распространение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра и Северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу) // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 154–185.
- Радюш О. А., 2020б. Новый ареал вещей круга выемчатых эмалей в Орловском Верхнем Поочье // *Краеведческие записки*. Вып. 13. Орел : Картуш. С. 140–146.
- Радюш О. А. 2020в. Варварские эмали Восточной Европы: современное состояние источниковой базы и опыт картирования // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 316–353.
- Радюш О. А., 2021. Новые данные о распространении вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) // *Экспедиция длиною в жизнь : материалы конф. памяти А.Н. Плавинского*. Минск : Нац. іст. музей Рэспублікі Беларусь. Мінск : НМБ. С. 59–105.
- Раззак М. А., 2020. Предметы с эмальями в культуре могильников с каменными оградками // *Germania – Sarmatia*. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 44–62.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., 2022. Курган Госпитальный. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 28. М. : ИА РАН. 591 с.
- Румянцева О. С., Сапрыкина И. А., Воронятов С. В., Трифонов А. А., Ханин Д. А., 2021. Химико-технологический анализ предметов убора с выемчатыми эмальями из собрания Государственного Эрмитажа // *Российская археология*. № 1. С. 86–101.

- Румянцева О. С., Трифонов А. А., 2021. Питьевой рог и шпоры из погребения 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму: состав стекла и эмали и данные о происхождении // История и археология Крыма. Вып. XIV. Симферополь : АРИАЛ. С. 57–70.
- Румянцева О. С., Ханин Д. А., 2023. Восточноевропейские выемчатые эмали: состав, технология, проблема выделения производственных центров (красная непрозрачная эмаль) // Российская археология. № 1. С. 84–100.
- Рябчевский Н. Г., 2020. Находки восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Брянской области (материалы к своду) // Germania – Sarmatia. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 128–153.
- Савельев О. К., 2005–2009. Богатое позднесарматское погребение из кургана 2 у с. Дивизия (вопросы датировки) // Stratum plus. Полевой дневник: римское время. № 4. С. 365–373.
- Савельев О. К., 2020. Эмалевые фибулы восточноевропейского стиля на западе сарматского мира и некоторые вопросы варварских контактов накануне «Скифских» войн // Germania – Sarmatia. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 276–287.
- Сокольский Н. И., 1964. Погребение V в. в Кепях // Советская археология. № 4. С. 207–209.
- Спицын А. С., 1903. Предметы с выемчатой эмалью // Записки Императорского русского археологического общества. Русское отделение. Т. V. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова. 46 с.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. II : Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев : ИА АН УССР. 40 с.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев : Наукова думка. 172 с.
- Телегин Д. Я., Беляева С. О., 1975. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі // Археологія. Вып. XVIII. С. 95–107.
- Труды VIII Археологического съезда 1890 г. в Москве, 1897. В 4 т. Т. 4. М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова. 242 с.
- Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова. 660 с.
- Храпунов И. Н., 2017. Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. М. : ИА РАН. С. 262–272.
- Хреков А. А., 2012. Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья // Археология Восточноевропейской степи. Вып. 9. Саратов : СГУ. С. 91–114.
- Хреков А. А., 2013. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов : АНО НИЦ. С. 117–139.
- Хреков А. А., 2016. Новые находки предметов круга выемчатых эмалей на территории лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 14. Саратов : АНО НИЦ. С. 160–168.
- Шаров О. В., 2010. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских» древностей на Боспоре) // Stratum plus. № 4. С. 251–285.
- Шаров О. В., 2012. В поисках страны «Ойум» или о времени появления германцев в Северном Причерноморье // Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: тезисы докладов Международной конференции «Inter Ambo Magia» (3–7 October 2012 г.), Гаспра, Крым. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 270–281.
- Шинаков Е. А., Чубур А. А., 2020. Лунница круга «варваских эмалей» в Брянском Подесенье // Germania – Sarmatia. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 116–127.
- Шугаевский В., 1911. Татарская горка близ города Чернигова // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М. : Тип. о-ва распространения полезных книг. С. 244–258.
- Щеглова О. А., 2010. Научное наследие Г.Ф. Корзухиной в рукописном архиве научного архива ИИМК РАН // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб. : Нестор-История. С. 31–62.
- Щукин М. Б., 1988. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. : тез. докл. Севастополь : Херсонес. гос. ист.-археол. заповедник М-ва культуры УССР. С. 136–137.

- Щукин М. Б., 2002. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский район с древнейших времен до наших дней. Киев : Стилос. С. 7–15.
- Щукин М. Б., 2005. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 575 с.
- Шульц П. Н., 1956. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1956 г. // Научный архив ИА НАНУ. No. 2846.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European Enamelled Ornaments and the Character of Contacts Between the Baltic Sea and the Black Sea // *Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand. P. 11–24.
- Chantre E., 1887. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*. Paris ; Lyon. V. II. 322 p.
- Dymowski A., 2011. Znalaziska monet rzymskich z terenu Polski rejestrowane w pierwszych latach XXI wieku. *Aspekty źródłoznawcze*. Zielona Góra : Eternum. S. 19–45.
- Hullám D., 2012. Római császárkori temetkezések Kántorjánosi és Pócspetri határában // *ANTE VIAM STRATAM*. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum. O. 351–394.
- Khrapunov I. N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // *The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. T. I. Lublin : UMCS. S. 189–218.
- Kondakof N., Tolstoj J., Reinach S., 1891. *Antiquites de la Russie meridionale*. Paris : Ernest Leroux. P. 324–555.
- Kurciatov S., Bubulici V., 1997. Necropola de la Badrgii Vechi și problema fazei inale a culturii sarmatice // *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău : Tipografa Academiei de Științe RM. P. 220–234.
- Lossonczy I. A., 1903. Borsod-Miskolczi museum // *Archaeologiai Értesítő*, köt. XXIII. Budapest : Kiadja a Magyar tudományos academia. P. 397–400.
- Michelbertas M., 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius : Vilniaus universiteto. 112 p.
- Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs. II Teil. Analyse. Tartu : Opetatud eesti seits. 790 S.
- Myzgin K., 2017. Roman Republican Coins and Their Imitations from the Territory of Ukraine and Belarus. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. P. 15–20.
- Radyush O., 2013. The Second and Third Century Knob Spurs (Knopfsporen) // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand ; Simferopol : Dolya. P. 317–334.

REFERENCES

- Akimov D.V., Zin'kovskaya I.V., Mulkidzhanyan Ya.P., 2020. Sluchaynye nahodki varvarskih vyemchatyh emaley v lesostepnom Podon'e: opisanie, rekonstruktsiya, interpretatsii [Accidental Finds of Barbaric Excavated Enamels in the Forest-Steppe Region: Description, Reconstruction, Interpretations]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IARAS, pp. 244–257.
- Ambroz A.K., 1968. Detal' vostochnobaltiyskogo pit'evogo roga iz sel. Lezgur Severo-Osetinskoy ASSR [Detail of the East Baltic Drinking Horn from Village Lezgur of the North Ossetian ASSR]. *Slavyane i Rus'* [Slavs and Rus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 13–16.
- Artamonov M.I., 1935. *Srednevekovyye poseleniya na Nizhnem Donu* [Medieval Settlements on the Lower Don]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, iss. 131. Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo. Leningr. otd-nie Publ. 118 p.
- Artamonov M.I., 1962. *Istoriya hazar* [The History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Museum. 521 p.
- Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region], 2013. Volgograd, Izdatel' Publ. 289 p.
- Akhmedov I.R., 2018a. Vostochnoevropeyskie emali na Volge i Oke [Eastern European Enamels on the Volga and Oka]. *Studia Barbarica*, vol. I. Lublin, UMCS, s. 618–683.
- Akhmedov I.R., 2018b. Glava 12. Nahodki kruga vostochnoevropeyskih emaley na Volge i Oke [Chapter 12. Finds of a Circle of Eastern European Enamels on the Volga and Oka]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.)* [Bryansk Hoard of Jewelry with Champlevé Enamel of the Eastern European Style (III Century AD)]. *Rannelslavianskiy mir*, iss. 18. Moscow, IARAS; Vologda, Drevnosti severa Publ., pp. 146–158, 410–416.
- Akhmedov I.R., Belotserkovskaya I.V., 2019. Nahodki kruga "vostochnoevropeyskih" emaley i nekotorye voprosy formirovaniya kul'turnogo kompleksa ryazano-okskikh finnov [Finds of the 'Eastern European' Type of

- Enamels and Some Issues Related to Development of the Ryazan-Oka Finns' Culture Assemblages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 254, pp. 128-152.
- Ahmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk Hoard of Items with Champlevé Enamels (Preliminary Publication)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 146-166.
- Bazhan I.A., 2011. *Arheologicheskie predmety iz sluchaynykh nahodok na territorii Vostochnoy Evropy 2009–2011 gg. Al'bom drevnostey* [Archaeological Objects from Random Finds in Eastern Europe 2009–2011. Album of Antiquities]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 1. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ. 110 p.
- Bazhan I.A., 2012. *Oium (got'skaya Aujom, «rechnaya oblast'», «strana vod»). Chast' 1. Al'bom drevnostey etih mest* [Oium (Gothic Aujom, "River Region", "Land of Waters"). An Album of the Antiquities of These Places]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 4. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ. 110 p.
- Bazhan I.A., 2013. *Varvarskie emali Vostochnoy Evropy. Chast' pervaya: treugol'nye fibuly i tsepi (iz sluchaynykh nahodok). Al'bom drevnostey* [Barbarian Enamels of Eastern Europe. Part One: Triangular Brooches and Chains (from Random Finds). Album of Antiquities]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 5-1. Moscow, Buki-Vedi Publ. 98 p.
- Bazhan I.A., Troshin A.N., 2014. *Varvarskie emali Vostochnoy Evropy. Chast' vtoraya: Podkovoobraznye i T-obraznye fibuly (iz sluchaynykh nahodok). Al'bom drevnostey* [Barbarian Enamels of Eastern Europe. Part Two: Horseshoe and T-Shaped Brooches (from Random Finds). Album of Antiquities]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 5-2. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ. 86 p.
- Bazhan I.A., 2017. *Varvarskie emali Vostochnoy Evropy. Chast' tret'ya: lunnitsy kruga emaley (iz sluchaynykh nahodok). Al'bom drevnostey* [Barbarian Enamels of Eastern Europe. Part Three: Lunar of Enamel Circle (from Random Finds). Album of Antiquities]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 5-3. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ. 110 p.
- Bazhan I.A., 2018. *Varvarskie emali Vostochnoy Evropy. Chast' shestaya: Treugol'nye fibuly, tsepi i ih detali (iz sluchaynykh nahodok). Al'bom drevnostey* [Barbarian Enamels of Eastern Europe. Part Six: Triangular Brooches, Chains and Their Parts (from Random Finds). Album of Antiquities]. Korpus sluchaynykh arheologicheskikh nahodok, iss. 5-6. Moscow, Buki-Vedi Publ. 128 p.
- Bezuglov S.I., Gudimenko I.V., 1993. Podveska s vyemchatoy emal'yu iz del'ty Dona [Epy Pendant with Groove Enamel from Don Delt]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 169-174.
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N., 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials at the Mouth of the Don (Valovy I Cemetery)]. Rostov-on-Don, Media-Polis Publ. 128 p.
- Berezutskiy V. D., Zolotarev P.M., 2014. Novye nahodki kruga vyemchatykh emaley na Srednem Donu [New Finds of Champlevé Enamel Set in the Middle Don Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 120-126.
- Bespalyy E.I., Bepalaya N.E., Raev B.A., 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik «Valovyy I»* [Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery "Valovy I"]. Materialy i issledovaniya po arheologii yuga Rossii, no. 2. Rostov-on-Don, SSC RAS. 184 p.
- Bitner-Wróblewska A., 2019. Hronologiya vostochnoevropeskikh izdeliy s vyemchatymi emalyami v Pribaltike i na territorii vel'barkskoy i pshevorskoy kul'tur [The Chronology of East European Enamelled Artifacts from the Balt Lands and from the Przeworsk and Wielbark Cultures]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], vol. 254, pp. 171-190.
- Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I., 1976. Mogil'nik Skalistoe III v Yugo-Zapadnom Krymu (I–III vv.) [Cemetery Skalistoe III in the South-Western Crimea (1st – 3rd Centuries)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 121-152.
- Bugrov D.G., 1994. Predmety s vyemchatoy emal'yu iz Nizhnego Prikam'ya [Objects with Champlevé Enamel from the Lower Kama Region]. *Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Povolzh'ya* [Historical and Archaeological Study of the Volga Region]. Yoshkar-Ola, MarSU, pp. 33-38.
- Vasil'ev A.A., Savel'ev O.K., 2008. Perekhod ot nachal'nogo k final'nomu etapu pozdnesarmatskoy kul'tury v mezhdurech'e Dnestra i Dunaya [The Transition from the Initial to the Final Stage of the Late Sarmatian

- Culture in the Area Between the Dniester and Danube]. *Drevnosti Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy epohi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov* [Antiquities of Central and Eastern Europe of the Era of Roman Influence and Migration of Peoples]. *Germania – Sarmatia*, iss. I. Kaliningrad, Yantarnyy skaz Publ., pp. 29-43.
- Vinogradov V.B., Runich A.P., 1969. Novye dannye po arheologii Severnogo Kavkaza [New Data on the Archeology of the North Caucasus]. *Arheologo-etnograficheskiy sbornik* [Archaeological and Ethnographic Collection], vol. III. Groznyy, Checheno-Ingush. kn. izd-vo Publ., pp. 95-137.
- Voloshinov A.A., Masyakin V.V., 2023. Voinskoe pogrebenie so shporami kruga vostochnoevropeyskiy emaley iz mogil'nika Skalistoe III [Military Burial with Spurs of a Circle of Eastern European Enamels from the Skalistoe III Cemetery]. *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations]. Simferopol', Antikva Publ., pp. 103-128.
- Vorontsov A.M. Nakhodki kruga vostochnoevropeyskiy vyemchatykh emaley na territorii moshchinskoy kul'tury [Finds of a Circle of Eastern European Excavated Enamels on the Territory of the Moshinsky Culture]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 258-275
- Voronyatov S.V., 2013. Podveska s vyemchatoy emal'yu iz del'ty Dona: al'ternativnaya atributsiya [Pendant with Champlévé Enamel from the Don Delta: Alternative Attribution]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: materialy konf.* [Sixth International Kuban Archaeological Conference: Conference Materials]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., pp. 73-76.
- Voronyatov S.V., 2016. Zabytye predmety kruga varvarskih emaley iz Hersonesa [Forgotten Objects of the Circle of Barbarian Enamels from Chersonese]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona* [Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 29-32.
- Voronyatov C.V., 2020. Perekladchataya fibula s emal'yu iz okrestnostey sela Verhnepogromnoe na Volge [Laminated Fibula with Enamel from the Vicinity of the Village Verkhnepogromnoye on the Volga]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 301-305.
- Voronyatov S.V., Kropotov V.V., 2022. Braslet stilya vostochnoevropeyskiy vyemchatykh emaley iz nekropolya Neapolya Skifskogo [A Bracelet of the East European Enameled Ornaments Style from the Scythian Neapolis Necropolis]. *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 267, pp. 198-206.
- Voronyatov S.V., Raev B.A., 2020. Neobychnye predmety kruga vyemchatykh emaley iz pozdnesarmatskogo pogrebeniya mogil'nika Valovyy 1 na Nizhnem Donu [Unusual Objects of a Circle of Champlévé Enamels from the Late Sarmatian Burial of the Valovy 1 Burial Ground on the Lower Don]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 306-315.
- Voronyatov S.V., Rumyantseva O.S., Saprykina I.A., 2020. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha: arheologicheskyy analiz kollektsii [Objects with Champlévé Enamels from the State Hermitage Museum: Archaeological Analysis of the Collection]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 16-32.
- Voronyatov S.V., Shinakov E.A., 2020. Otdel'nye nahodki i klady kruga «varvarskih emaley» v Bryanskom Podesen'e [Individual Finds and Treasures of the Circle of “Barbarian Enamels” in the Bryansk Podesenye]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 80-114.
- Gey O.A., Bazhan I.A., 1993. Zahoronenie s kompleksom veshchey kruga emaley na Nizhnem Dnepre [Burial with a Complex of Objects of the Enamel Circle on the Lower Dnieper]. *Peterburgskiy arkheologicheskyy vestnik* [Petersburg Archaeological Herald], no. 3, pp. 52-59.
- Gopkalo O.V., 2019. K definitsii ponyatiy «yuvelirnyy stil'» i «moda» na primere chernyahovskih fibul i predmetov s vyemchatymi emalyami [The Definition of the Concepts of “Jewelry Style” and “Fashion”. The Case of Chernyakhov Fibulae and Champlévé Jewelry]. *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 254, pp. 191-211.
- Gorohovskiy E.L., 1982. Hronologiya ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu Srednego Podneprov'ya [Chronology of Jewelry with Champlévé Enamel of the Middle Dnieper]. *Materialy po hronologii arheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy* [Materials on the Chronology of Archaeological Monuments of Ukraine]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 125-140.
- Gorohovskiy E.L., 1982. Pidkovopodibni fibuly Serednyogo Podniprov'ya z vyemchatoyu emallyu [Horseshoe-Shaped Brooches of the Middle Podniprov'ya with Champlévé Enamel]. *Arkheolohiya* [Archaeology], vol. 38, pp. 16-35.

- Gudimenko I.V., 1994. K voprosu o vzaimosvyazi gotskih pohodov i poseleniy vtoroy poloviny III–IV vv. v del'te Dona [On the Issue of the Relationship Between the Gothic Campaigns and Settlements of the Second Half of the 3rd – 4th Centuries in the Don Delta]. *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannem srednevekov'e (IV–IX vv.)* [Byzantium and the Peoples of the Black Sea and Mediterranean in the Early Middle Ages (4th – 9th Centuries)]. Simferopol', NASU. 108 p.
- Gudimenko I.V., Tolochko I.V., 2012. Pamyatniki pozdneantichnogo vremeni iz del'ty Dona [Monuments of Late Antiquity from the Don Delta]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration]. Conference 3. Tula, Kulikovo pole Publ., pp. 180-217.
- Didyk V.V., Lyubychev M.V., 1998. Prykrasy z vyimchastymy emalyamy u baseyni Sivers'kogo Dintsya: novi znahidki [Decorate with Vimparts Enamels near the Pool of Seversky Donets: New Signs]. *Arheologichnyy litopys livoberezhnoyi Ukrainy* [Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine], no. 1-2. Poltava, Centr ohorony ta doslidzhen' pam'yatok arheologiyi, pp. 50-52.
- Dolbezhev V.I., 1886. Delo imperatorskoy arheologicheskoy komissii o raskopkah statskogo sovetnika Dolbezheva v Terskoy oblasti [Case of the Imperial Archaeological Commission on the Excavations of State Councilor Dolbezhev in the Terek Region]. *Arkhiv IIMK*, Д. 20/1886. 64 p.
- Zalesskaya V.N., 2006. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov: kat. kol.* [Monuments of Byzantine Applied Art of the 4th – 7th Centuries: Catalog of the Collection]. Saint Petersburg, State Hermitage Museum. 272 p.
- Zin'kovskaya I.V., 2009a. Iz istorii izucheniya ubora s vyemchatymi emalyami na yuge Vostochnoy Evropy [From the History of the Study of Headwear with Champlévé Enamels in the South of Eastern Europe]. *Divnogorskiy sbornik. Trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e»* [Divnogorsk Collection. Proceedings of the Divnogorye Museum-Reserve]. Voronezh, VSU, pp. 214-224.
- Zin'kovskaya I.V., 2009b. O nahodkah izdeliy s vyemchatymi emalyami na yuge Vostochnoy Evropy [On Finds of Items with Champlévé Enamels in the South of Eastern Europe]. *Pyataya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya* [Fifth Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, pp. 142-145.
- Zin'kovskaya I.V., 2010. Varvarskie vyemchatye emali na pamyatnikah yuga Vostochnoy Evropy [Barbarian Champlévé Enamels on Monuments in the South of Eastern Europe]. *Verhnedonskoy arheologicheskiiy sbornik* [Upper Don Region Archaeological Collection], vol. 5. Lipetsk, LSPI, pp. 105-111.
- Zin'kovskaya I.V., 2011a. O novom areale ukrasheniy kruga vyemchatykh emaley [A New Distribution Area of Adornments from the Circle of Chamfer Enamels]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 72-80.
- Zin'kovskaya I.V., 2011b. Novye nahodki ukrasheniy kruga vyemchatykh emaley v Verhnem Podon'e [New Finds of Champlévé Enamels Circle Decorations in the Upper Don Region]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], vol. 17 (2010–2011). Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., pp. 144-148.
- Zin'kovskaya I.V., 2012. K voprosu o varvarskih emalyah na yuge Vostochnoy Evropy [On the Issue of Barbarian Enamels in the South of Eastern Europe]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya* [Materials and Research on the Archeology of the Dnieper Left Bank], vol. IV. Kursk, Kursk State Museum of Archaeology, pp. 187-194.
- Zin'kovskaya I.V., 2018. K voprosu o kul'turno-etnicheskoy atributsii varvarskih emaley v lesostepnom Dono-Volzhskom mezhdurech'e [On the Issue of Cultural and Ethnic Attribution of Barbarian Enamels in the Forest-steppe Don-Volga Interfluve]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* [Vestnik VSU. Series: History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 83-88.
- Zin'kovskaya I.V., 2019. Varvarskie emali v lesostepnom Dono-Volzhskom mezhdurech'e [Barbarian Enamels in the Forest-Steppe Don-Volga Interfluve]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* [Vestnik VSU. Series: History. Political Science. Sociology], no. 3, pp. 59-66.
- Zin'kovskaya I.V., 2020. Gorizont vyemchatykh emaley, venety i sarmaty v bassejne Dona [Horizon of Champlévé Enamels, Venetians and Sarmatians in the Don Basin]. *Antichnost'. Skify. Sarmaty. Arheologicheskoe nasledie* [Antiquity. Scythians. Sarmatians Archaeological Heritage], no. 1 (3). Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 321-437.
- Zin'kovskaya I.V., Kolesnikova A.Yu., 2017. K voprosu o stilisticheskikh osobennostyakh treugol'nykh fibul kruga vyemchatykh emaley [On the Issue of Stylistic Features of Triangular Brooches of a Circle of Champlévé Enamels]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya, politologiya, sociologiya* [Vestnik VSU. Series: History, Political Science, Sociology], no. 2, pp. 49-59.

- Zin'kovskaya I.V., Kolesnikova A.Yu., 2021a. Bronzovye izdeliya kruga vyemchatyh emaley s pamyatnikov yuga Vostochnoy Evropy [Bronze Products of a Circle of Champlévé Enamels from Monuments in the South of Eastern Europe]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Story. Political Science], vol. 47, no. 1, pp. 30-40.
- Zin'kovskaya I.V., Kolesnikova A.Yu., 2021b. K voprosu o hronologii bronzovykh izdeliy kruga vyemchatyh emaley v bassejne Dona [On the Issue of the Chronology of Bronze Products of the Circle of Champlévé Enamels in the Don Basin]. *Vestnik VSU. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya* [Vestnik VSU. Series: History, Political Science, Sociology], no. 1, pp. 51-58.
- Zin'kovskaya I.V., Kolesnikova A.Yu., 2021v. *Bronzovye vyemchatye emali v bassejne Dona* [Bronze Champlévé Enamels in the Don Basin]. Voronezh, VSU. 184 p.
- Zubar' V.M., 1982. *Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I-IV vv. n. e.* [Necropolis of Chersonese Tauride 1st – 4th Centuries AD]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 140 p.
- Kadieva A.A., 2020. Izdeliya kruga vyemchatyh emaley s territorii Severnogo Kavkaza (iz kolleksii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Products of a Circle of Champlévé Enamels from the Territory of the North Caucasus (From the Collection of the State Historical Museum)]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 288-299.
- Kolesnikova L.G., 2006. Svyazi Hersonesa-Korsunya s plemenami Vostochnoy Evropy v domongol'skiy period [Connections of Chersonese-Korsun with the Tribes of Eastern Europe in the pre-Mongol Period]. *Hersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection], vol. XV. Sevastopol', Maksim Publ., pp. 129-150.
- Kolesnikova A.Yu., Zin'kovskaya I.V., 2015. Osnovnye problemy izucheniya predmetov kruga Varvarskih emaley Vostochnoy Evropy [The Main Problems of Studying Objects from the Circle of Barbarian Enamels of Eastern Europe]. *Vestnik VSU. Seriya: Istoriya. Politologiya, Sotsiologiya* [Bulletin of VSU. History. Political Scientists, Sociology], no. 3, pp. 29-37.
- Korzhuhina G.F., 1978. *Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V–pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e* [Items of Decoration with Champlévé Enamels from the 5th – first half of the 6th Century AD in the Middle Dnieper Region]. *Svod Archeologicheskikh istochnikov*, iss. E1-43. Leningrad, Nauka Publ. 123 p.
- Korzhuhina G.F., 1996. Klady i sluchaynye nahodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'e [Treasures and Random Finds of Things from the Circle of “Antiquities of the Antes” in the Middle Dnieper]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. V, pp. 352-435.
- Levada M.E., 2010. Suhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina*, vol. II. Łódź; Warszawa, Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego, pp. 558-594.
- Lyubichev M.V., 2019. *Rannyya istoriya dnepro-doneckoy lesostepi I-V vekov* [Early History of the Dnieper-Donets Forest-Steppe Region in the 1st – 5th Centuries]. *Ostrogothica-Serie*, Bd. 2. Har'kov, UIL GSAE HNU. 268 p.
- Makarenko M., 1928. Borzens'ki emali y stari emali Ukrayini vzagali [Borzen Enamels and Old Enamels of Ukraine]. *Chernyiv ta pivnichne livoberezhzha* [Chernihiv and the Northern Left Bank]. Kyiv, DVU, pp. 80-100.
- Makushnikov O.A., Radyush O.A., 2017. Veshchi kruga vyemchatyh emaley iz Gomel'skogo Podneprov'ya [Items of a Circle of Champlévé Enamels from the Gomel Dnieper Region]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskih kul'tur* [Europe from La Tène to the Middle Ages: The Barbaric World and the Birth of Slavic Cultures]. *Rannelsavyanskiy mir*, iss. 19. Moscow, IA RAS, pp. 127-137.
- Myzgin K.V., Radyush O.A., Lyubichev M.V., 2020. Novye dannye k voprosu o pozdney date veshchey kruga «vyemchatyh emaley» na territorii Podneprov'ya [New Data on the Issue of the Late Date of Things in the Circle of “Champlévé Enamels” in the Dnieper Region]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 199-218.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoy epohi v Krymu* [Chatyr-Dag is a Roman-Era Necropolis in Crimea]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 207 p.
- Nikitina A.V., 2020. Nahodki vostochnoevropskiykh vyemchatyh emaley v lesostepnoy zone Srednego Povolzh'ya [Finds of East European Champlévé Enamels in the Forest-Steppe Zone of the Middle Volga Region]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 220-243.
- Oblomskiy A.M., 2017a. Ukrasheniya s vyemchatymi emalyami vostochnoevropskogo stilya v stepyakh Prichernomor'ya i v Krymu [Ornaments with Champlévé Enamels of the Eastern European Style on the Pontic Steppes and in the Crimea]. *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 55-69.

- Oblomskiy A.M., 2017b. O rasselenii rannih slavyan na vostok v rimskoe vremya [On the Eastward Spread of the Early Slavs in the Roman Time]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 71-88.
- Oblomskiy A.M., 2018a. Vvedenie [Introduction]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.)* [Bryansk Hoard of Jewelry with Champlevé Enamel of the Eastern European Style (3rd Century AD)]. *Ranneslavyanskiy mir*, iss. 18. Moscow, IA RAS; Vologda, Drevnosti severa Publ., pp. 7-12.
- Oblomskiy A.M., 2018b. O donskih kladah ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya [About the Don Hoards of Ornament with Champlevé Enamel of the Eastern European Style]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, vol. I. Lublin, UMCS, pp. 618-683.
- Oblomskiy A.M., 2023. Ranneslavyanskiye pamyatniki v srednem techenii r. Vorona [Early Slavic Archaeological Sites in the Middle Reaches of the Vorona River]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 409-426.
- Oblomskiy A.M., Berezutskiy V.D., 2019. Gorizont ukrasheniy s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnogo Podon'ya [Horizon of Ornament with Champlevé Enamels on the Territory of the Forest-Steppe Don Region]. *Starozhitnosti varvarkykh plemen u pershiy poloviny I tys. n.e. Do 90-richchya V.D. Barana* [Antiquities of Barbarian Tribes in the First Half of the First Millennium AD to the 90th Anniversary of V.D. Baran]. Oium, vol. VI. Kyiv, IANASU, pp. 50-79.
- Oblomskiy A.M., Saprykina I.A., 2019. O kul'turno-hronologicheskom gorizonte ukrasheniy s emalyami v verhnem Podon'e [About the Cultural and Chronological Horizon of Ornaments with Enamels in the Upper Don Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 66-85.
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G.F. Korzuhinoy, I.K. Frolova i E.L. Gorohovskogo) [Objects of Decoration with Champlevé Enamels on the Territory of the Forest-Steppe Zone of Eastern Europe (Adding to the Vaults of G.F. Korzukhina, I.K. Frolov and E.L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III-V vv. n.e.)* [Monuments of Kievskaya Culture in the Forest-Steppe Zone of Russia (3 – Beginning of the 5 Centuries AD)]. *Ranneslavyanskiy mir*, iss. 10. Moscow, IA RAS, pp. 113-141.
- Otchet Imperatorskoy Archeologicheskoy Komissii za 1891 g.* [Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1891] (Publ. in 1893). Saint Petersburg, Printing House of the Main Administration of Appanages. 188 p.
- Radyush O.A., 2010. Ukrasheniya i snaryazhenie vsadnika kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley v bassejne verhnego techeniya Psla i Seyma [Decorations and Equipment of the Rider of the Circle of East European Champlevé Enamels in the Basin of the Upper Reaches of the Psel and Seim]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration]. Conference 2, pt. 2. Tula, Kulikovo pole Publ., pp. 9-19.
- Radyush O.A., 2012. Vsadnicheskoe snaryazhenie lesnykh i lesostepnykh kul'tur Podneprov'ya vo II–III vv. [Horseman's Equipment of Forest and Forest-Steppe Cultures of the Dnieper Region in the 2nd – 3rd Centuries]. *Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu: tez. dokl. Mezhdunar. konf. «Inter Ambo Maria» (3–7 October 2012 g.)*, Gaspra, Krym [Northern Barbarians on the Way from Scandinavia to the Black Sea: Abstract of Report International Conference “Inter Ambo Maria” (3–7 October 2012), Gaspra, Crimea]. Simferopol', Nasledie tsysacheletiy Publ., pp. 239-251.
- Radyush O.A., 2018. Glava 11. Predmety druzhinnoy kul'tury sredi drevnostey kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley [Chapter 11. Items of Squad Military Culture Among the Antiquities of the Circle of East European Champlevé Enamels]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.)* [Bryansk Hoard of Jewelry with Champlevé Enamel of the East European Style (3rd Century AD)]. *Ranneslavyanskiy mir*, vol. 18. Moscow, IA RAS, Vologda, Drevnosti severa Publ., pp. 138-145, 401-409.
- Radyush O.A., 2020a. Rasprostranenie veshchey kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley v verhnem techenii Dnepra i Severskogo Donsa na territorii Kurskoy i Belgorodskoy oblasti Rossii (materialy k katalogu) [Distribution of Things from the Circle of East European Champlevé Enamels in the Upper Reaches of the Dnieper and Seversky Donets in the Territory of the Kursk and Belgorod Regions of Russia (Materials for the Catalogue)]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 154-185.
- Radyush O.A., 2020b. Novyy areal veshchey kruga vyemchatykh emaley v Orlovskom Verhnem Pooch'e [A New Area of Things of the Circle of Excavated Enamels in the Oryol Upper Oka Region]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes], iss. 13. Oryol, Kartush Publ., pp. 140-146.
- Radyush O.A. 2020v. Varvarskie emali Vostochnoy Evropy: sovremennoe sostoyanie istochnikovoy bazy i opyt kartirovaniya [Barbarian Enamels of Eastern Europe: the Current State of the Source Base and Mapping Experience]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, p. 316-353.

- Radyush O.A., 2021. Novye dannye o rasprostraneni veshchey kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatyh emaley v verhnem techenii Dnepra, Nemana, Zapadnogo Buga, Zapadnoy Dviny, Lovati na territorii Belarusi i Rossii (materialy k katalogu) [New Data on the Distribution of Things of the Circle of Eastern European Champlevé Enamels in the Upper Reaches of the Dnieper, Neman, Western Bug, Western Dvina, Lovat in the Territory of Belarus and Russia (Materials for the Catalog)]. *Ekspeditsiya dlinnoy v zhizn': materialy konf. pamyati A.N. Plavinskogo* [Life-Long Expedition. Proceedings of the Conference in Memory of A.N. Plavinsky]. Minsk, National Historical Museum of the Republic of Belarus, pp. 59-105.
- Razzak M.A., 2020. Predmety s emalyami v kul'ture mogil'nikov s kamennymi ogradkami [Objects with Enamels in the Culture of Burial Grounds with Stone Fences]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 44-62.
- Rukavishnikova I.V., Beilin D.V., Fedoseev N.F., 2022. *Kurgan Gospital'nyy* [Hospitalnyy Kurgan]. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy, vol. 28. Moscow, IA RAS. 591 p.
- Rumyantseva O.S., Saprykina I.A., Voronyatov S.V., Trifonov A.A., Hanin D.A., 2021. Himiko-tehnologicheskyy analiz predmetov ubora s vyemchatymi emalyami iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Chemical and Technological Analysis of Objects with Champlevé Enamels from the Collection of the State Hermitage Museum]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 86-101.
- Rumyantseva O.S., Trifonov A.A., 2021. Pit'evoy rog i shpory iz pogrebeniya 28 mogil'nika Skalistoe III v Yugo-Zapadnom Krymu: sostav stekla i emali i dannye o proiskhozhdenii [Drinking Horn and Spurs from Burial 28 of the Skalistoe III Burial Ground in Southwestern Crimea: Composition of Glass and Enamel and Data on Origin]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archeology of Crimea], iss. XIV. Simferopol', ARIAL Publ, pp. 57-70.
- Rumyantseva O.S., Hanin D.A., 2023. Vostochnoevropeyskie vyemchatye emali: sostav, tekhnologiya, problema vydeleniya proizvodstvennykh tsentrov (krasnaya neprozrachnaya emal') [Eastern European Champlevé Enamels: Composition, Technology, Problem of Identifying Production Centers (Red Opaque Enamel)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 84-100.
- Ryabchevskiy N.G., 2020. Nahodki vostochnoevropeyskikh vyemchatyh emaley na territorii Bryanskoy oblasti (materialy k svodu) [Finds of East European Champlevé Enamels on the Territory of the Bryansk Region (Materials for the Summary of Sources)]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 128-153.
- Savelyev O.K., 2005–2009. Bogatoye pozdnesarmatskoye pogrebenie iz kurgana 2 u s. Diviziya (voprosy datirovki) [Rich Late-Sarmatian Burial Ground in the Barrow No. 2 Near Diviziya Village (Problems of Dating)]. *Stratum plus. Polevoy dnevnik: rimskoye vremya* [Stratum plus. Field Diary: Roman Times], no. 4, pp. 365-373.
- Savelyev O.K., 2020. Emalevye fibuly vostochnoevropeyskogo stilya na zapade sarmatskogo mira i nekotorye voprosy varvarskikh kontaktov nakanune «Skifskikh» voyn [Enamel Brooches of the Eastern European Style in the West of the Sarmatian World and Some Issues of Barbarian Contacts on the Eve of the “Scythian” Wars]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 276-287.
- Sokol'skiy N.I., 1964. Pogrebenie V v. v Kepah [Burial 5th Century in Kepy]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 207-209.
- Spitsyn A.S., 1903. Predmety s vyemchatoyu emal'yu [Objects with Champlevé Enamel]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshchestva. Russkoye otdelenie* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society. Russian Branch], vol. V. Saint Petersburg, Printing house I.N. Skorohodova. 46 p.
- Subbotin L.V., Dzigovskiy A.N., 1990. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ya. Kurgannyye mogil'niki Diviziyskiy i Belolesskiy* [Sarmatian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve. Diviziyskiy and Belolesskiy Burial Mounds], vol. II. Kyiv, IAAS USSR. 40 p.
- Symonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo)* [Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (Based on Materials from the Eastern Burial Ground of Scythian Naples)]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 172 p.
- Telegin D.Ya., Belyaeva S.O., 1975. Pam'yatki rann'oslov'yans'kogo chasu na Oreli [Monuments of Early Slavic Times on Oreli (River)]. *Archeologia* [Archeology], vol. XVIII, pp. 95-107.
- Trudy VIII Arheologicheskogo syezda 1890 g. v Moskve* [Proceedings of the VIII Archaeological Congress of 1890 in Moscow], 1897. Vol. 4. Moscow, Partnership of Printing House A.I. Mamontova. 242 p.
- Uvarova P.S., 1900. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza* [Cemeteries of the North Caucasus]. Materialy po arheologii Kavkaza, vol. VIII. Moscow, T-vo tip. A.I. Mamontova Publ. 660 p.
- Hrapunov I.N., 2017. Kompleks s perekladchatoy fibuloy i dikim lesnym kotom iz mogil'nika Neyzatz [Complex with a Laminated Fibula and a Wild Forest Cat from the Neusatz Burial Ground]. *Evropa ot Latena do*

- Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur* [Europe from La Tène to the Middle Ages: the Barbarian World and the Birth of Slavic Cultures]. Moscow, IA RAS, pp. 262-272.
- Khrekov A.A., 2012. Nekotorye itogi i problemy izucheniya postzarubineckikh pamyatnikov Prihoper'ya [Some Results and Problems of Studying Post-Zarubineck Monuments of the Koper Region]. *Arheologiya Vostochnoevropeyskoy stepi* [Archeology of the East European Steppe], vol. 9. Saratov, SSU, pp. 91-114.
- Khrekov A.A., 2013. Periodizatsiya i hronologiya postzarubineckikh pamyatnikov lesostepnogo Prihoper'ya [Periodization and Chronology of Post-Zarubineck Monuments of the Forest-Steppe Prihoper'ya Region]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], vol. 11. Saratov, ANO NIC, pp. 117-139.
- Khrekov A.A., 2016. Novye nahodki predmetov kruga vyemchatyh emaley na territorii lesostepnogo Prihoper'ya [New Finds of Champlévé Enamels in the Forest-Steppe Region]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], vol. 14. Saratov, ANO NIC, pp. 160-168.
- Sharov O.V., 2010. Dannye pis'mennykh i arheologicheskikh istochnikov o poyavlenii germantsev na Bospore (problema vydeleniya «germanskih» drevnostey na Bospore) [Appearance of the Germans in Cimmerian Bosphorus in the Light of Written and Archaeological Records (The Problem of Identification of “German Antiquities” in Bosphorus)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 251-285.
- Sharov O.V., 2012. V poiskah strany «Oium» ili o vremeni poyavleniya germantsev v Severnom Prichernomor'e [In Search of the Country “Oium” or About the Time of the Appearance of the Germans in the Northern Black Sea Region]. *Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu: tez. dokl. Mezhdunar. konf. «Inter Ambo Maria» (3–7 October 2012 g.), Gaspra, Krym* [Northern Barbarians on the Way from Scandinavia to the Black Sea: Abstract of Report International Conference “Inter Ambo Maria” (3–7 October 2012), Gaspra, Crimea]. Simferopol', Nasledie Tysyacheletiy Publ., pp. 270-281.
- Shinakov E.A., Chubur A.A., 2020. Lunnitsa kruga «varvaskih emaley» v Bryanskom Podesen'e [Lunar Pendants of the Circle of “Barbarians Enamels” in the Bryansk Podesenye]. *Germania – Sarmatia*, iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 116-127.
- Shugaevskiy V., 1911. Tatarskaya gorka bliz goroda Chernigova [Tatar Hill near the City of Chernigov]. *Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XV Arheologicheskogo syezda* [Proceedings of the Moscow Preliminary Committee on the Organization of the XV Archaeological Congress]. Moscow, Tip. o-va rasprostraneniya polez. knig Publ., pp. 244-258.
- Shcheglova O.A., 2010. Nauchnoye nasledie G.F. Korzukhinoi v rukopisnom arkhive nauchnogo arkhiva IIMK RAN [The Scientific Legacy of G.F. Korzukhina in the Manuscript Archive of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture, RAS]. *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i yego istoki. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fyodorovny Korzukhinoi* [Slavic-Russian Jewelry Art and Its Origins. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Gali Fedorovna Korzukhina]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 31-62.
- Shchukin M.B., 1988. Azhurnye emalevye fibuly iz nekropolya Hersonesa i nekotorye voprosy balto-chernomorskih svyazey [Openwork Enamel Brooches from the Necropolis of Chersonese and Some Issues of Baltic-Black Sea Connections]. *Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Hersonesa. 1888–1988 gg.: tez. dokl.* [Problems of Research of Ancient and Medieval Chersonese. 1888–1988 Abstracts of Reports]. Sevastopol', Hersoness. gos. ist.-arheol. zapovednik Min-va kul'tury USSR, pp. 136-137.
- Shchukin M.B., 2002. Ob odnoy interesnoy nahodke iz mogil'nika na sklone Chatyr-Daga [About One Interesting Find from a Burial Ground on the Slope of Chatyr-Dag]. *Alushta i Alushtinskiy rayon s drevneyshih vremen do nashih dney* [Alushta and Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kyiv, Stilos Publ., pp. 7-15.
- Shchukin M.B., 2005. *Gotskiy put': Goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura* [The Gothic Way: Goths, Rome and Chernyakhov Culture]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Philological Faculty of St. Petersburg State University. 575 p.
- Shultz P.N., 1956. Otchet o raskopkakh Neapolya Skifskogo v 1956 g. [Report on the Excavations of Scythian Naples in 1956]. *Nauchnyy arhiv IA NANU*. No. 2846.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European Enamelled Ornaments and the Character of Contacts Between the Baltic Sea and the Black Sea. *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., pp. 11-24.

- Chantre E., 1887. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*. Paris ; Lyon. V. II. 322 p.
- Dymowski A., 2011. *Znaleziska monet rzymskich z terenu Polski rejestrowane w pierwszych latach XXI wieku. Aspekty źródłoznawcze*. Zielona Góra, Eternum, s. 19-45.
- Hullám D., 2012. Római császárkori temetkezések Kántorjánosi és Pócspetri határában. *ANTE VIAM STRATAM*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, o. 351-394.
- Khrapunov I.N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. *The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period*, vol. I. Lublin, UMCS, s. 189-218.
- Kondakof N., Tolstoj J., Reinach S., 1891. *Antiquites de la Russie meridionale*. Paris, Ernest Leroux, pp. 324-555.
- Kurciatov S., Bubulici V. Necropola de la Badrgii Vechi și problema fazei inale a culturii sarmatice. *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău, Tipografia Academiei de Științe RM., pp. 220-234.
- Lossonczy I. A., 1903. Borsod-Miskolczi museum. *Archaeologiai Értesítő*, köt. XXIII. Budapest, Kiadja a Magyar tudományos academia, pp. 397-400.
- Michelbertas M., 2016. *Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje* [Enamelled Articles of the Roman Period in Lithuania]. Vilnius, Vilniaus universiteto. 112 p.
- Moora H., 1938. *Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs.* II Teil. Analyse. Tartu, Opetatud eesti seits. 790 S.
- Myzgin K., 2017. *Roman Republican Coins and Their Imitations from the Territory of Ukraine and Belarus*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, s. 15-20.
- Radyush O., 2013. The Second and Third Century Knob Spurs (Knopfsporen). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand, pp. 317-334.

Information About the Author

Oleg A. Radyush, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, radyush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Информация об авторе

Олег Александрович Радюш, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, radyush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.5>

UDC 902(653):673.1

LBC 63.444(235.54)-4

Submitted: 15.09.2024

Accepted: 06.11.2024

LEAD “CONTAMINATION / LIGATURE” THRESHOLD EVALUATION IN COPPER-BASED ALLOYS OF THE GOLDEN HORDE MONUMENTS FROM THE LOWER VOLGA REGION

Kseniya S. Kovaleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents a study of the Golden Horde copper-based alloys to evaluate the threshold that would allow separating contaminated copper and purposefully alloyed with lead. Being a component of some types of ores, lead passed into insufficiently purified dry copper. The lead content can be overestimated in the surface corroded layer and incorrectly recorded during the analytical study of the metal composition. Thus, the contamination threshold, set for other metals at 1%, should additionally be specified for lead. Lead physical properties determine its effect on alloys of which it is a component. Its additive improves copper casting alloys properties, but in general, lead is a harmful impurity, since it contributes to the appearance of brittleness during hot forging. According to written sources, copper unrefined from lead and alloys with lead had limited application and were used for casting medium- and large-sized utensils. A study of 647 copper and copper-based alloy utensil showed that unrefined contaminated copper and its alloys with tin and zinc with a 2–3% average lead content were used for forging in addition to refined copper during the Golden Horde period in the Lower Volga region. Tin bronze and triple, multicomponent bronzes with a 3.5% average lead content were the main casting alloys. Alloys with medium and high lead content ($Pb > 10$) were used to a limited extent mainly for casting mass-produced objects such as belt fittings, mirrors, connecting rings, etc. It is assumed that in these cases, lead based improver had both technological benefits aimed at improving casting properties, and economic ones, reducing metal production costs. The threshold higher than 2.5–3% of the lead can be considered artificially additions in the Golden Horde alloys of the Lower Volga since these concentrations are stably recorded in forged metal that was not artificially alloyed.

Key words: lead, copper-based alloys, elemental composition of metal, metalworking, Golden Horde.

Citation. Kovaleva K.S., 2024. Opredelenie poroga «zagryaznenie / ligatura» svintsom splavov na osnove medi zolotoordynskih pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya [Lead “Contamination / Ligature” Threshold Evaluation in Copper-Based Alloys of the Golden Horde Monuments from the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 115-126. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.5>

УДК 902(653):673.1

ББК 63.444(235.54)-4

Дата поступления статьи: 15.09.2024

Дата принятия статьи: 06.11.2024

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОРОГА «ЗАГРЯЗНЕНИЕ / ЛИГАТУРА» СВИНЦОМ СПЛАВОВ НА ОСНОВЕ МЕДИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Ксения Сергеевна Ковалева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлено исследование золотоордынских сплавов на основе меди для определения границы, которая позволила бы разделить неочищенный «черновой» металл и целенаправленно легированные свинцом сплавы. Будучи составной частью некоторых сортов руд, свинец переходил и в недостаточно очищенную «черновую» медь. Содержание свинца может быть завышено в приповерхностном коррозированном слое и некорректно зафиксировано в процессе аналитического изучения состава металла.

Таким образом, для свинца порог легирувания, установленный для других металлов в 1 %, должен быть уточнен. Физические свойства свинца определяют его влияние на сплавы, компонентом которых он является. Его присадка улучшает литейные свойства меди, но в целом свинец является вредной примесью, так как при горячей ковке способствует появлению краснотокости. Согласно письменным источникам, неочищенная от свинца медь и сплавы со свинцом имели ограниченное применение и использовались для литья средне- и крупногабаритных утилитарных предметов. Исследование 647 изделий из меди и сплавов на ее основе показало, что в нижеволжском регионе Золотой Орды дляковки помимо «чистой» меди использовалась и неочищенная «черновая» медь, и сплавы с оловом и цинком на ее основе с содержанием свинца в среднем 2–3 %. Основными литейными сплавами являлись оловянные, тройные и многокомпонентные бронзы со средним содержанием свинца 3,5 %. Сплавы со средним и высоким содержанием свинца ($Pb > 10$) использовались ограниченно, для литья массовых изделий, таких как элементы поясной гарнитуры, зеркала, соединительные кольца и пр. Предполагается, что в этих случаях присадка свинца несла как технологическую функцию, для улучшения литейных свойств, так и экономическую – для снижения стоимости металла. Порог, с которого свинец можно считать искусственно добавленным, для золотоордынских сплавов Нижнего Поволжья может определяться в 2,5–3 %, так как эти концентрации устойчиво фиксируются в ковном металле, который искусственно не легировался.

Ключевые слова: свинец, сплавы на основе меди, элементный состав металла, металлообработка, Золотая Орда.

Цитирование. Ковалева К. С., 2024. Определение порога «загрязнение / лигатура» свинцом сплавов на основе меди золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.5>

Одним из основных используемых в средневековой металлообработке легирующих компонентов в сплавах на основе меди является свинец [Енисосова и др., 2008, с. 133–145; Недашковский, 2018, с. 249; Orfanou et al., 2018, p. 18; Saussus et al., 2023, p. 2; и др.]. При исследовании элементного состава изделий из цветных металлов концентрации свинца ввиду его характеристик часто нуждаются в дополнительном анализе и даже корректировке. Данная статья посвящена исследованию содержания свинца в золотоордынских сплавах на основе меди из памятников нижеволжского региона. Основной целью является определение концентраций в сплавах свинца, при которых металл можно считать искусственно легируемым. Определение такого порога концентраций позволяет в целом разграничивать: 1) неочищенную от примесей «черновую» медь и сплавы на ее основе; 2) осознанно составленные для улучшения свойств легируемые сплавы; 3) загрязненные свинцом в процессе бытования и археологизации металлы.

Общая характеристика сплавов со свинцом

Свинец – легкоплавкий, непрочный и чрезвычайно пластичный металл, уже при ком-

натной температуре он может подвергаться самым сильным обжатиям, при этом благодаря низкой температуре рекристаллизации практически не наклепывается и остается мягким после обработки давлением. Механические свойства свинца наглядно демонстрируют то, что заготовка может быть раскована до фольги, но при этом из нее невозможно вытянуть проволоку. Важной его характеристикой также является практически полная нерастворимость в меди, оловянной бронзе и ограниченная растворимость в латуни. При затвердевании свинец выделяется в самостоятельные фазы, располагающиеся между дендритами в форме темных включений и оболочек даже при незначительном содержании [Кашенко, 1937, с. 160; Смирягин и др., 1974, с. 17–18, 44].

Свойства свинца определяют и его влияние на легируемые сплавы. Будучи вязким, тягучим металлом, «чистая» медь является не самым удачным литейным материалом, давая большую пористость, усадку и быстро затвердевая в тонких сечениях. Бронзы, состоящие из меди и олова, также отличаются густоплавкостью и плохо заполняют форму [Кашенко, 1937, с. 5; Флеров, 1981, с. 48]. Легирувание свинцом повышает плотность этих сплавов, улучшает литейные свойства, снижает вязкость расплава и повышает жидкотекуче-

честь, расширяет диапазон температур затвердевания, а также способствует уменьшению усадочной пористости [Лившиц и др., 2019, с. 91–93]. Эти эффекты достигаются уже при содержании в 2 %, и стоит отметить, что, согласно предварительным экспериментальным исследованиям, при дальнейшем повышении процента свинца свойства сплава уже заметно не меняются [La Niece et al., 2012, р. 249; Bourgarit, Thomas, 2012, р. 3063]. Присутствие свинца резко увеличивает пригодность сплавов к обработке резанием [Кашенко, 1937, с. 17].

Однако наличие свинца в сплавах оказывает свое негативное воздействие на их характеристики: из-за нерастворимости свинца в меди по границам его зерен образуются легкоплавкие зоны (так называемые глобулы), что приводит к появлению такого свойства, как «красноломкость» сплава – разрушение при горячей обработке давлением, из-за чего свинец в целом считается вредной примесью [Смирягин и др., 1974, с. 18, 153–156]. Экспериментальные исследования тройных бронз, проведенные И.Г. Равич, показали, что максимально негативный эффект снижения ковкости наблюдается при концентрации Pb более 10 %, а при содержании в пределах 3–6 % свинец выделяется в виде мелких включений и не влияет на пластичность сплава [Ениосова и др., 2008, с. 130]. Также при содержании более 3 % свинец усиливает свойство бронз к ликвации, то есть разделению сплава и неравномерному застыванию его составляющих при литье, сопровождаемом процессом перемещения свинца на поверхность отливки. Свинец в составе сплава практически не влияет на его цвет, который определяется содержанием олова и цинка, но при большом содержании делает металл более тусклым [Флеров, 1981, с. 48].

Проблемы аналитических исследований сплавов со свинцом

В целом граница искусственного легирования металлов определяется в 1 %, которая, с одной стороны, условна, с другой – основана на том, что именно с этого порога добавки олова, свинца и цинка приводят к заметным изменениям свойств медного сплава ([Ениосова и др., 2008, с. 130]; [Кашенко, 1937, с. 17]; [Лившиц и др., 2019, с. 91–93]; [La Niece et al., 2012, р. 249; Bourgarit, Thomas, 2012, р. 3063]; [Смирягин и др., 1974, с. 18, 153–156]; [Ениосова и др., 2008, с. 130]; [Флеров, 1981, с. 48]).

сова и др., 2008, с. 127–129], там же историография вопроса). Для свинца эта граница, отделяющая преднамеренное легирование от уровня примесей и результатов переработки, в ряде исследований может быть определена выше 4 % [Bailey, 2002, р. 15; Orfanou, Rehren, 2014, р. 391]. Для описания сплавов со свинцом применяется и градационная модель, где слаболегированным свинцом являются сплавы с содержанием 3–4 % > Pb > 6 %, легированными – выше 6 % [Bourgarit, Thomas, 2012, р. 3059; Saussus et al., 2023, р. 6].

Высокое содержание свинца в сплаве не всегда интерпретируется исследователями как результат целенаправленного составления сплава. Д. Дангуорт и М. Николас предположили, что высокосвинцовые бронзы могли получаться и при извлечении серебра из сплавов с медью путем ликвации, а затем уже использоваться в качестве низкосортного материала для литья [Dungworth, Nicholas, 2004, р. 30]. На примере металлического сырья парижской мастерской XIV в. Д. Бургарит и Н. Томас высказали точку зрения, что свинцовая бронза с повышенным содержанием свинца (Pb > 17 %) была побочным продуктом процесса извлечения серебра из полиметаллической руды типа Pb-Ag-Zn [Bourgarit, Thomas, 2012, р. 3066], однако в более поздних работах такой взгляд на высокосвинцовые сплавы отсутствует [Saussus et al., 2023].

Содержание свинца в сплаве может определяться с серьезными погрешностями в процессе аналитического изучения химического состава археологического металла, особенно неразрушающими методами, такими как РФА или сканирующая электронная микроскопия с рентгеновской спектроскопией, которые подразумевают изучение поверхностного слоя. Отмечено, что портативный РФА может иметь ограниченную точность для свинца и завышать его концентрацию на 30 % по сравнению с другими методами [Orfanou, Rehren, 2014, р. 394]. Сильное влияние на конечный результат оказывает наличие коррозионных наслоений. Свинец, входящий в состав сплава в качестве основного элемента или в виде микропримесей, а также присутствующий в почве¹, в результате коррозии откладывается в верхнем слое в более значительных концентрациях [Ениосова, Митоян,

2014, с. 147; Orfanou, Rehren, 2014, p. 394]. Изделия с высоким содержанием свинца могут выделять значительное количество Pb в процессе выщелачивания и без заметного коррозионного слоя [Weidenhamer et al., 2010, p. 1151].

Помимо коррозии на результат влияет отсутствие гомогенности металла, связанное не только с нерастворимостью свинца в меди, но и с собственно процессом изготовления. Так, например, во время литья свинец может иметь тенденцию к сегрегации в направлении дна отливок крупных форм. Данная проблема стандартно решается проведением нескольких анализов в разных точках исследуемого образца [Dungworth, Nicolas, 2004, p. 28; Orfanou, Rehren, 2014, p. 389].

Свинец и сплавы со свинцом в эпоху Средневековья

Являясь составляющей частью определенных сортов полиметаллических руд, свинец переходил в процессе плавки в недостаточно очищенную «черновую» медь или в состав металлов-лигатур. Его содержание в средневековых сплавах на основе меди может достигать 7–8 %, но в среднем колеблется в районе 1–2 %. «Черновая» медь активно используется в европейской металлообработке до начала XIV в., когда чистота металла стала регламентироваться торговыми союзами [Ениосова и др., 2008, с. 145].

Процесс очистки меди от металлов-примесей, в первую очередь от свинца, описан в средневековом трактате Теофила Пресвитера (X–XI вв.) [Манускрипт Теофила ... , 1963, гл. 66]. Рафинирование производилось путем прокаливанию с углем и золой, в результате чего свинец сжигался, слипался и мог быть изъят из расплава. Этот процесс был необходим для того, чтобы медь или ее сплав с цинком можно было ковать или золотить (примесь свинца будет давать пятна на амальгамном покрытии). Прокаливанию проводилось многократно, а степень очистки проверялась путемковки образца – металл считался достаточно очищенным, когда переставал растрескиваться.

В условиях ограниченных возможностей контроля состава металла / сплава проверка «ковкой» сохраняла свою актуальность до

Новейшего времени. В записях этнографических наблюдений за работой кубачинских мастеров-кустарей 20-х гг. XX в. содержится описание работы литейщика котлов, который в процессе плавки металла брал небольшую порцию, отливал из нее заготовку, а затем производил над ней различные манипуляции – плюшил, сгибал, сламывал и даже пробовал на язык, тем самым определяя, какой еще металл и в каком объеме добавить в сплав [Бакланов, 2022, с. 37].

«Нежелательность» свинца в качестве составной части сплава закрепились и в терминологии. Свинцовая бронза, пригодная только для литья, в западноевропейских письменных источниках (Плиний, *Маррае Clavicula*, Агрикола) именовалась как «нечистая медь» – *caldarium*² [Dungworth, Nicholas, 2004, p. 31]. Сходный термин (не исключено, что также генетически восходящий к римской традиции) употребляют и восточные авторы трактатов по минералогии, называя сплав меди и свинца «дурной медью» – батруй или руй. Бируни (1038 г.) сообщает, что сплав этот подходит только для литья ступок и кастрюль, а сплав меди со свинцом и цинком (шибх) используется также для литья, но уже более презентабельных изделий – подсвечников, светильников, щипцов, крюков и т. д. [Бируни, 2011, с. 298]. Кашани (1301 г.) описывает батруй как самый плохой из всех металлических сплавов, темный и тусклый, из которого не делают «никакую хорошую посуду» [Михалевич, Сайко, 1975, с. 33].

Теофил также очерчивает довольно узкий сходный круг изделий, для которых пригодна неочищенная от свинца медь и ее сплавы с цинком и оловом, – это колокола, котлы, тазы и миски [Манускрипт Теофила ... , 1963, гл. 62, 65, 66].

Ряд исследователей считают, что для эпохи Средневековья легирование медного сплава свинцом играло экономическую функцию – оно значительно удешевляло готовое изделие [Bourgarit, Thomas, 2012, p. 3065, 3069; La Niece et al., 2012, p. 249; Park et al., 2021, p. 6–9]. При выборе сплава вопрос экономии особенно значим для литья средних и крупных по размеру предметов, которые требуют большего количества металла, нежели для аналогичных по размеру, но кованых [Saussus et al.,

2023, р. 18]. Исследователи исламской средневековой металлообработки фиксируют, что в зеркалах Ближнего и Среднего Востока дорогое и ограниченное в обороте олово частично заменялось свинцом, о чем говорит повышение процента этого металла в зеркальных сплавах с пониженным содержанием олова [La Niece et al., 2012, р. 249].

Золотоордынская выборка сплавов на медной основе со свинцом

Серии исследований элементного состава цветного металла [Зайцева, 2010, рис. 12; Недашковский, 2018, с. 249, рис. 1, 2; Ковалева, 2022, табл. 1] фиксируют, что сплавы на основе меди со свинцом занимают заметную долю в металлообработке Золотой Орды. Для данной работы была привлечена база данных анализов золотоордынского металла поселенческих и погребальных памятников Нижнего Поволжья³ второй половины XIII – XIV в. (табл. 1). Всего было привлечено 647 анализов предметов из сплавов на основе меди (448 – данные автора, исследованные методом РФА⁴, опубликованы частично, 199 – опубликованные данные Л.Ф. Недашковского⁵, определенные методом ОЭСА), из них 331 предмет (51 %) имеет в составе более 1 % свинца.

Выборка представлена двойными (Cu + Pb) и тройными (Cu + Sn + Pb) бронзами, тройными латунями (Cu + Zn + Pb) и многокомпонентными сплавами (Cu + Sn + Zn + Pb, Cu + Zn + Sn + Pb). Содержание свинца в них варьируется от 1 до 41,1 %, причем более половины всего массива – это значения до 2,5 % (рис. 1, I). Сплавы с содержанием свинца до 10 % (максимальная концентрация, при которой, согласно экспериментальным работам И.Г. Равич, возможна обработка давлением [Енисова и др., 2008, с. 130]) насчитывают 88 % от общей выборки.

Изделия с *повышенным содержанием свинца* (10–41 %) ожидаемо представлены, кроме кусочка шлака, литыми предметами, такими как соединительные кольца, элементы ременной гарнитуры, зеркала, предметы христианского личного благочестия (кресты-тельники и нательная иконка), перстень, пластина с квадратным отверстием (о литье дан-

ного предмета наглядно говорит плохо обрубленный литник). Два предмета, помимо основной формообразующей операции литья, несут на себе следы последующей обработки. Пластина с шарнирным креплением с Селитренного городища (ГИМ 111013/оп. В 2695/46) из многокомпонентной латуни (Pb 12 %) изготовлена путем литья (о чем свидетельствуют литейные поры), доработана зубилом и напильником, а затем согнута на оправе. Луженая чаша из многокомпонентной бронзы (Pb 16,9 %), также из материалов Селитренного городища (ГИМ 115084/оп. В2763/3), изначально⁶ была определена как изготовленная путем выколотки и доработанная на токарном станке. Однако химический состав изделия скорее предполагает технику литья заготовки (возможно, форма сосуда была подправлена выколоткой) с последующей токарной обточкой.

Матрица с Селитренного городища (ГИМ 111013/оп. В2695/32) из многокомпонентной бронзы (Pb 41,1 %) наглядно демонстрирует эффект красноломкости. Несмотря на то что сама матрица была отлита, при эксплуатации она подвергалась давлению в процессе осаживания металла на ней, в результате чего сплющилась и растрескалась по краям. Также трещины красноломкости присутствуют на небольшой пластине из коллекции Селитренного городища (ГИМ 111014/оп. В2696/36), изготовленной из свинцовой бронзы с содержанием свинца 11,4 %.

Как минимум для трех предметов можно предположить эффект завышения показателей концентраций свинца: шаровидная (из двух тисненых половинок) пуговица с селища Широкий Буерак (СОМК НВСП 4759/6) из многокомпонентной бронзы (Pb 32,4 %), полукруглая пластина с Водянского городища (СОМК АО 738/5) из оловянно-свинцовой бронзы (Pb 39,6 %) и заготовка в виде крученого дрота с Царевского городища (ВОКМ б/н) из многокомпонентной бронзы (Pb 10,6 %). Все эти предметы однозначно изготовлены ковкой со средними и высокими степенями обжатия, для которой не подходят бронзы с такими высокими показателями свинца. По всей видимости, зафиксированные концентрации Pb относятся к коррозионному слою, присутствующему на всех них⁷.

Двойные свинцовые бронзы (Cu + Pb)

Количество свинцовых бронз составило 59 ед. с содержанием свинца 1–24,4 % (рис. 1,2). В 94 % проб содержание свинца не превышает 5 %. Все эти предметы представляют собой фрагменты листового металла либо изделия из него, такие как крепежи, обкладки, пластинчатые браслеты, фрагменты сосудов, заклепки. Несколько изделий (муфты ножей, пряжка) изготовлены свободной ковкой. Исключение составляет литая ажурная бляшка с Водянского городища (СОМК АО 736/10) с минимальным количеством свинца (Pb 1,19 %), то есть изготовлена из сплава, технологически малопригодного для литья предметов с тонкими сечениями.

Исходя из того что практически все предметы изготовлены из металла, раскованного в тонкие пластины, то есть обработкой давлением с достаточно серьезными степенями обжатия, вероятно, данная группа представляет собой не осознанно составленный сплав – свинцовую бронзу, а «черновую» медь.

Тройные бронзы (Cu + Sn + Pb, Cu + Pb + Sn)

Тройные бронзы составляют наиболее представительную группу – 157 предметов, концентрации свинца в которых колеблются в пределах 1–39,6 % (рис. 1,3). На сплавы с содержанием Pb < 10 % приходится 90 %, из них 77 % (от общего числа тройных бронз) – это литые либо литые с косметической обработкой давлением изделия: зеркала (подавляющее количество предметов в группе – 67), элементы ременной гарнитуры, соединительные кольца, предметы христианского культа (кресты-тельники, фрагмент кадила), фрагменты литых сосудов, навесные замки в форме лошади, перстень, бубенчик. Содержание свинца в этих предметах в среднем составляет 3,5 %.

Приемамиковки, в основном из листового металла, изготовлено 19 предметов – каст, пластины, листы, фрагменты сосудов, накладки, заклепки, онгон, рыболовный крюк, серьга. Металл, из которого изготовлены эти предметы, отличается не только невысоким содержанием свинца, но и пониженным оловом – 1–5 %, что технологически оправданно, так как при кон-

центрации Sn > 10 % хрупкость сплава резко повышается. В составе одного изделия – касте из погребения курганного могильника у ст. Глазуновской (ВОКМ 12003/3-6) содержание олова 17 %. Несмотря на то что техника горячейковки высокооловянистых бронз в эпоху Средневековья была известна [Равич, Флеров, 2000], более вероятным представляется наличие слоя лужения, имитирующего серебро или просто дающего серебристый цвет предмету, являющемуся составной частью украшения.

Содержание свинца в кованных изделиях доходит до 7,26 %, но в большинстве изделий не превышает 2–3 %. С большой долей вероятности можно говорить об использовании в этих сплавах «черновой» меди.

Свинцовая латунь (Cu + Zn + Pb)

Группа свинцовых латуней является самой малочисленной и насчитывает всего 19 предметов, из которых 18 – с содержанием свинца меньше 10 %, а 15 – меньше 3 % (рис. 1,4).

Литые и литые с косметической обработкой давлением предметы в количестве 7 экз. представлены обоймой, массивной тарелкой, бляхой, а также предметами неизвестного назначения, в двух из них свинец содержится в концентрации 5–6 %, в остальных не превышает 2 %.

В кованных предметах, среди которых нашивка, серьги, браслеты, обоймы, перстни с разъемным щитком и наперсток, содержание свинца не превышает 2,5 %.

Один браслет с Хмелевского селища (проба № 89 по Л.Ф. Недашковскому [Недашковский, 2002, с. 343]) изготовлен из металла с содержанием цинка 11 %, а свинца – 8 %. К сожалению, отсутствие информации о внешнем виде изделия, технике изготовления и наличии коррозионных наслоений не позволяет строить предположения о причинах относительно высокого содержания свинца.

Многокомпонентные сплавы (Cu + Sn + Zn + Pb, Cu + Zn + Sn + Pb)

К группе многокомпонентных сплавов относится 98 предметов, из них 78 % сплавы, где Pb < 10. Среднее значение концентраций свинца – 3,3 % (рис. 1,5).

Литые или литые с косметической обработкой давлением изделия в количестве 49 предметов представлены зеркалами, обоями, соединительными кольцами, элементами поясной гарнитуры, амулетом типа «магический квадрат», фрагментом энколпиона, матрицей, перстнями, браслетами, замками в форме лошади, светильником. Свинец в этих изделиях содержится в концентрациях 1,07–9,4 %, средняя концентрация 3,5 %.

В группе кованых изделий 28 предметов, среди которых: нашивки; проволочные серьги; шаровидные пуговицы, паянные из половинок; пластины; цилиндрические амулеты; пластинчатый ременной наконечник; перстень с разъемным щитком. Содержание свинца в них варьируется от 1,16 до 7,6 %, среднее значение – 3 %.

Таким образом, если отсечь небольшую группу литых высокосвинцовых изделий, для всех 4 типов сплавов выявлена достаточно устойчивая средняя концентрация свинца в металле: 2–3 % для кованых и 3,5 % для литых. Исходя из того что предназначенный дляковки металл целенаправленно свинцом не легировался, можно сделать вывод, что зафиксированные значения концентраций в пределах 2–3 % являются следствием использования, скорее всего, «черновой» меди. Вероятно, такая степень очистки уже позволяла ковать металл без эффекта краснотомкости.

Древние и средневековые мастера имели крайне ограниченные возможности определения состава сплава, с которым работали, тем не менее они его контролировали через проверку физических свойств, таких как цвет, блеск, плотность, и механических – прочность, упругость, пластичность, а также технологических, таких как жидкотекучесть, ковкость и т. д. Представляется очевидным, что золотоордынские мастера прекрасно понимали «возможности» того или иного куска металла и то, для каких работ он мог быть пригоден.

Отмечено, что при выборе материала сплава перед мастером стоят два важнейших ограничения – технологическое и экономическое, причем для кованых изделий первостепенное значение имеет первое, а для литых – второе [Saussus et al., 2023, p. 15–16]. Исследование золотоордынского металла нижневолжского региона показало, что дляковки изде-

лий, помимо «чистой меди» и несвинцовых сплавов (низкооловянные бронзы и латуни) с $Pb < 1 \%$, использовалась «черновая» медь (фиксируются как свинцовые бронзы) и сплавы на ее основе с оловом и цинком, где $1 \% < Pb < 3 \%$, но в меньшей степени. Так, на 115 образцов «чистой» меди приходится 54 «черновой».

Основными литейными сплавами, помимо оловянной бронзы, для золотоордынских памятников можно считать тройные и многокомпонентные бронзы. Основной массив изделий демонстрирует все тот же невысокий средний процент свинца до 3,5 %, который может быть интерпретирован и как использование в сплаве «черновой» меди, и как легирование свинцом для улучшения литейных свойств или для облегчения токарной обработки. В 14 % бронз содержатся высокие концентрации Pb (max 41,1 %). Технологически такие показатели никак не обусловлены, и можно высказать предположение, что основной целью легирования свинцом в данном случае является удешевление изделий. В исследованной выборке изделия со средними и высокими концентрациями Pb представлены серийными вещами, которые изготавливали массово, зачастую тиражируя путем литья по оттиску, и, вероятно, из недорогого «свинцового» металла: элементы поясной гарнитуры (10 предметов), зеркала (4), предметы христианского личного благочестия (3), фрагменты сосудов (3) и т. д.

Свинцовая бронза как литейный дешевый сплав отмечена лишь единожды – это массивное соединительное кольцо диаметром более 6 см, происходящее с Водянского городища (ВОКМ 32004/37). Свинцовые латуни также, по всей вероятности, не играли какой-либо значительной роли, о чем говорит как небольшое количество изделий, так и невысокие концентрации свинца, не превышающие 2–2,5 %, которые могут быть интерпретированы как использование «черновой» меди для производства латуней или ее содержание в цинкосоудержащем леме. Важно отметить, что помимо технологии на выбор сплава оказывали влияние как тип предмета, так и его размер [Park et al., 2021, p. 6–9; Saussus et al., 2023, p. 4]. Письменные источники (Теофил Пресвитер, ал-Бируни, Кашани) дают четкое представление о типах

предметов, для изготовления которых пригодна «дурная» (свинцовая) медь, – это средне- и крупногабаритные исключительно утилитарные предметы, такие как котлы, сковородки, тазы, ступки, то есть те предметы, которые в изученной выборке отсутствуют, так как в рамках материальной культуры Золотой Орды изготавливались либо в других техниках, либо из другого металла.

Для коррозированных изделий свинец в значительных концентрациях может фиксироваться из слоя загрязнения поверхности, однако в настоящий момент без повторного анализа очищенного металла точно отделить их не представляется возможным и вопрос загрязненного в процессе бытования и археологизации металла пока остается открытым.

Выводы

Таким образом, для металла золотоордынских памятников Нижнего Поволжья порог, с которого свинец можно считать искусственно добавленным в сплав, определяется в 2,5–3 %. Эти концентрации устойчиво фиксируются в ковном металле, для которого существуют жесткие технологические ограничения по содержанию свинца. Для литых изделий из тройной и многокомпонентной бронзы, которые хоть и демонстрируют более разнообразные концентрации, средние показатели также не высоки, около 3,5 %. Присадка свинца, вероятно, несла для них определенную технологическую функцию (увеличение жидкотекучести, снижение температуры плавления, облегчение обработки резанием и токарной обтачки). Но в целом четкое разделение на литые и кованые для низколегированных сплавов не прослеживается. Для группы легированных свинцом сплавов с содержанием Pb > 10 % можно предполагать экономию более дорогих металлов путем замены их свинцом. Свинцовые бронзы и латуни, зафиксированные в выборке, практически полностью могут быть отнесены к категории «черновой» меди и латуни на ее основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будучи токсичным металлом с высокой летучестью, свинец (разработка рудных месторождений, выплавка металла и его использование) стал

одним из серьезнейших источников загрязнения окружающей среды начиная со времени масштабных разработок свинцовых руд в эпоху Римской империи (напр., [Retief, Cilliers, 2006]).

² Д. Дангуорт и М. Николас предположили, что английское «котел» (cauldron) произошло от термина caldarium, используемого с римских времен до позднего Средневековья для обозначения некоторых типов нечистой меди, из которой лили большие домашние сосуды для приготовления пищи, причем эта ассоциация возникла не ранее XII в., так как до этого котлы на территории современной Великобритании изготавливались из ковального металла [Dungworth, Nicholas, 2004, p. 31].

³ Территориально городище Азак, материалы которого включены в исследование, в регион Нижнего Поволжья не входит. Однако относительная немногочисленность выборки и близость нижеволжского и нижедонского регионов делают целесообразным на данном этапе накопления материала не выделять ее в отдельную группу, а рассматривать вместе с нижеволжскими материалами. Также часть погребальных памятников относится к донскому, а не волжскому бассейну, но так как это регион междуречья Волги и Дона, то можно рассматривать их в едином комплексе с нижеволжскими городами.

⁴ Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва). Аналитик – кандидат исторических наук И.А. Сапрыкина.

Выражаю глубокую признательность старшему научному сотруднику ИА РАН, кандидату исторических наук Сапрыкиной Ирине Анатольевне за помощь в проведении работ, консультации и комментарии.

⁵ В своих работах по химическому составу золотоордынского металла Л.Ф. Недашковский для ранжирования металлов по типам сплавов использовал классификацию А.А. Коновалова, где порог легирования для каждого металла в сплаве выделялся отдельно, на основе составления частотных гистограмм распределения элементов [Недашковский, 2018, с. 248]. Для того чтобы результаты были сопоставимыми, для этих данных ранжирование по типам сплавов было проведено по той же методике, что и для всех остальных анализов (порог легирования определен в 1 %; сплавы систематизированы по классификации, предложенной Н.В. Ениосовой, Р.А. Митояном и Т.Г. Сарачевой [Ениосова и др., 2008, с. 131–132]).

⁶ Ни для одного предмета металлографический анализ не проводился.

⁷ Так как работы по определению элементного состава металла проводились в музейных условиях, механическая очистка поверхности анализируемых предметов была невозможна. В ряде случаев анализ проводился по коррозионному слою.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Археологические памятники, материалы которых привлечены для исследования элементного состава

Table 1. Archaeological sites, the materials of which were used to study the elemental composition

Памятник	Кол-во предметов
Селитренное городище	53
Царевское городище	93
Водянское городище	123
Увекское городище (Укек)	101
Сельские памятники округа Укека	146
Погребальные памятники (территория Волгоградской области)	79
Городище Азак	52

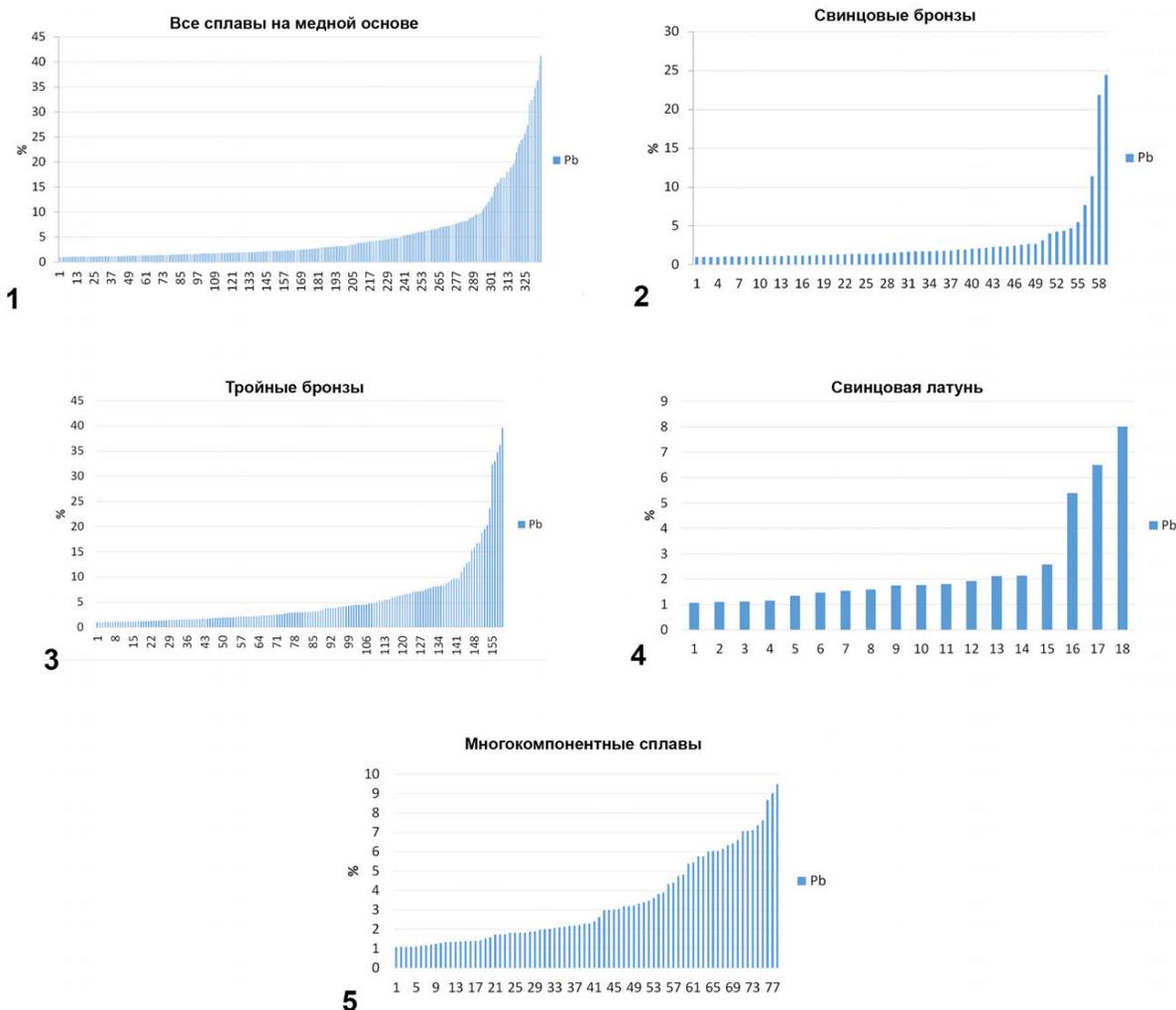

Рис. 1. Графики одномерного распределения содержания Pb по типам сплавов:

1 – все сплавы на медной основе; 2 – свинцовая бронза; 3 – тройные бронзы; 4 – свинцовая латунь; 5 – многокомпонентные сплавы

Fig. 1. Graphs of one-dimensional distribution of Pb content by alloy types:

1 – all copper-based alloys; 2 – lead bronze; 3 – triple bronze; 4 – leaded brass; 5 – multicomponent alloys

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакланов Н. Б., 2022. Златокузнецы Дагестана // Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана, Н. Ф. Яковлев. Ювелирная кустарно-художественная промышленность в селении Кубачи Д.С.С.Р. Кубачинская библиотека. Т. 5. Махачкала : АЛЕФ. С. 7–103.
- Бируни (Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни), 2011. Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия. СПб. : Петерб. лингв. о-во. 600 с.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., 2014. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань : Отечество. С. 146–149.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М. : Вост. лит. С. 107–188.
- Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М. : Наука. С. 116–138.
- Кашенко Г. А., 1937. Курс общей металлографии. Том третий. Л. ; М. : ОНТИ НКТП. 230 с.
- Ковалева К. С., 2022. Химический состав цветного металла золотоордынских городов: предварительные данные // Археология Евразийских степей. № 4. С. 84–88. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.84.88>
- Лившиц В. Б., Куманин В. И., Соколова М. Л., 2019. Художественное материаловедение: ювелирные изделия. М. : Юрайт. 208 с.
- Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах», 1963 // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Сообщения. Вып. 7. М. : ВЦНИЛКР. С. 66–194.
- Михалевич Г. П., Сайко Э. В., 1975. Технологические характеристики и приемы обработки металлов по трактату 1301 г. Кашани // Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 30. М. : ВЦНИЛКР. С. 29–57.
- Недашковский Л. Ф., 2002. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 335–347.
- Недашковский Л. Ф., 2018. Химический состав изделий из цветных металлов с поселений Нижнего Поволжья // *Stratum Plus*. № 6. С. 243–254.
- Равич И. Г., Флеров В. С., 2000. Высокооловянные кованные бронзы на территории Хазарии // Российская археология. № 3. С. 134–146.
- Смирягин А. П., Смирягина Н. А., Белова А. В., 1974. Промышленные цветные металлы и сплавы. М. : Металлургия. 488 с.
- Флеров А. В., 1981. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М. : Высш. шк. 288 с.
- Bayley J., 2002. Alloy Nomenclature // Egan G., Pritchard F. *Dress Accessories c. 1150 – c. 1450*. London : The Boydell Press. P. 13–17.
- Bourgarit D., Thomas N., 2012. Late Medieval Copper Alloying Practices : A View from a Parisian Workshop 14th Century AD // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 39. P. 3052–3070. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.04.009>
- Dungworth D., Nicholas M., 2004. Caldarium? An Antimony Bronze Used for Medieval and Post-Medieval Cast Domestic Vessels // *Historical Metallurgy*. Vol. 38 (1). P. 24–34.
- La Niece S., Ward R., Hook D., Craddock P., 2012. Medieval Islamic Copper Alloys // *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy*. London ; Los Angeles : Archetype Publications Ltd. ; Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution. P. 248–254.
- Orfanou V., Rehren Th., 2014. A (Not So) Dangerous Method: pXRF vs. EPMA-WDS Analyses of Copper-Based Artefacts // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 7. P. 387–397. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0198-z>
- Orfanou V., Collinet A., El Morr Z., Bourgarit D., 2018. Archaeometallurgical investigation of Metal Wares from the Medieval Iranian World (10th–15th Centuries): The ISLAMETAL Project // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 95. P. 16–32. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.04.008>

- Park J.-S., Voyakin D., Kurbatov B., 2021. Bronze-to-Brass Transition in the Medieval Bukhara Oasis // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 13, art. № 32. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01287-3>
- Retief F. P., Cilliers L., 2006. Lead Poisoning in Ancient Rome // *Acta Theologica. Supplementum* 7. Vol. 26, № 2. P. 147–164.
- Saussus L., Thomas N., Bourgarit D., 2023. Exactly How Free? Constrained Choices and Product Ranges of Medieval Copper-Alloy Objects Found Between the Meuse and Loire Rivers (9th–16th Centuries CE) // *Heritage Science*. 11: 75. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40494-023-00915-6>
- Weidenhamer J. D., Newman B. E., Clever A., 2010. Assessment of Leaching Potential of Highly Leaded Jewelry // *Journal of Hazardous Materials*. Vol. 177. P. 1150–1152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhazmat.2010.01.016>

REFERENCES

- Baklanov N. B., 2022. Zlatokuznetsy Dagestana [Goldsmiths of Dagestan]. *N. B. Baklanov. Zlatokuznetsy Dagestana, N. F. Yakovlev. Yuvelirnaya kustarno-hudozhestvennaya promyshlennost' v selenii Kubachi D.S.S.R.* [N. B. Baklanov. Goldsmiths of Dagestan, N. F. Yakovlev. Jewelry Handicraft and Art Industry in the Village of Kubachi D.S.S.R.]. Kubachinskaya biblioteka, vol. 5. Mahachkala, ALEF Publ., pp. 7-103.
- Biruni (Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni), 2011. *Sobranie svedeniy dlya poznaniya dragotsennostey. Mineralogiya* [Collection of Information for the Knowledge of Gems. Mineralogy]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo Publ. 600 p.
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A., 2014. Rengenospektral'nyy metod analiza arheologicheskogo metalla: preimushchestva, ogranicheniya i lovushki v protsesse izmereniya i interpretatsii [The X-Ray Spectral Method of Archaeological Metal Analysis: Advantages, Limitations and Pitfalls in the Measurement and Interpretation Process]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. IV. Kazan', Otechestvo Publ., pp. 146-149.
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Himicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya epohi Srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [The Chemical Composition of Jewelry Raw Materials of the Middle Ages and the Ways of its Entry into the Territory of Ancient Russia]. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ih splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epohu Srednevekov'ya* [Non-Ferrous and Precious Metals and Alloys in Medieval Eastern Europe]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 107-188.
- Zaytseva I.E., 2010. Tsvetnoy metall Volzhskoy Bolgarii (predvaritel'nyy analiz) [Non-Ferrous Metal of Volga Bulgaria (Preliminary Analysis)]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekah. Novye arheologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th–16th Centuries. New Archaeological Research]. Moscow, Nauka Publ., pp. 116-138.
- Kashchenko G.A., 1937. *Kurs obshchey metallografii* [General Metallography Course], vol. 3. Leningrad, Moscow, United Scientific and Technical Publishing House of the People's Commissariat of Heavy Industry of the USSR. 230 p.
- Kovaleva K.S., 2022. Himicheskiy sostav tsvetnogo metalla zolotoordynskih gorodov: predvaritel'nye dannye [Chemical Composition of Non-Ferrous Metal From Golden Horde Cities: Preliminary Data]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 4, pp. 84-88. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.84.88>
- Livshits V.B., Kumanin V.I., Sokolova M.L., 2019. *Hudozhestvennoe materialovedenie: yuvelirnye izdeliya* [Art Materials Science: Jewelry]. Moscow, Yurayt Publ. 208 p.
- Manuskript Teofila «Zapiska o raznyh iskusstvah» [Manuscript of Theophilus “On Various Arts”], 1963. Vsesoyuznaya tsentral'naya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya po konservatsii i restavratsii muzeynykh hudozhestvennykh tsennostey. Soobshcheniya [All-Union Central Research Laboratory for Conservation and Restoration. Communications], iss. 7. Moscow, All-Union Central Research Laboratory for Conservation and Restoration, pp. 66-194.
- Mihalevich G.P., Sayko E.V., 1975. Tekhnologicheskie karakteristiki i priemy obrabotki metallov po traktatu 1301 g. Kashani [Technological Characteristics and Techniques of Metal Processing According to the Treatise of 1301 Kashani]. *Soobshcheniya VTSNILKR* [Communications of All-Union Central Research Laboratory for Conservation and Restoration], iss. 30. Moscow, All-Union Central Research Laboratory for Conservation and Restoration, pp. 29-57.
- Nedashkovskiy L. F., 2002. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskih poseleniy tsentral'noy chasti Saratovskoy oblasti [Chemical Composition of Non-Ferrous Articles from the Golden Horde Settlements

- of the Central Part of Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 5, pp. 335-347.
- Nedashkovskiy L.F., 2018. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s poseleniy Nizhnego Povolzh'ya [Chemical Composition of Non-Ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 243-254.
- Ravich I.G., Flyorov V.S., 2000. Vysokolovyannye kovanye bronzy na territorii Hazarii [Forged Bronzes with High Tin Content in the Territory of Khazaria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 134-146.
- Smiryagin A.P., Smiryagina N.A., Belova A.V., 1974. *Promyshlennyye tsvetnyye metally i splavy* [Industrial Non-Ferrous Metals and Alloys]. Moscow, Metallurgiya Publ. 488 p.
- Flerov A.V., 1981. *Materialovedenie i tekhnologiya hudozhestvennoy obrabotki metallov* [Materials Science and Technology of Artistic Metalworking]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 288 p.
- Bayley J., 2002. Alloy Nomenclature. *Egan G., Pritchard F. Dress Accessories c. 1150 – c. 1450*. London, The Boydell Press, pp. 13-17.
- Bourgarit D., Thomas N., 2012. Late Medieval Copper Alloying Practices : A View from a Parisian Workshop 14th Century AD. *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, pp. 3052-3070. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.04.009>
- Dungworth D., Nicholas M., 2004. Caldarium? An Antimony Bronze Used for Medieval and Post-Medieval Cast Domestic Vessels. *Historical Metallurgy*, vol. 38 (1), pp. 24-34.
- La Niece S., Ward R., Hook D., Craddock P., 2012. Medieval Islamic Copper Alloys. *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy*. London, Los Angeles, Archetype Publications Ltd., Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, pp. 248-254.
- Orfanou V., Rehren Th., 2014. A (Not So) Dangerous Method: pXRF vs. EPMA-WDS Analyses of Copper-Based Artefacts. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 7, pp. 387-397. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0198-z>
- Orfanou V., Collinet A., El Morr Z., Bourgarit D., 2018. Archaeometallurgical Investigation of Metal Wares from the Medieval Iranian World (10th – 15th Centuries): The ISLAMETAL Project. *Journal of Archaeological Science*, vol. 95, pp. 16-32. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.04.008>
- Park J.-S., Voyakin D., Kurbatov B., 2021. Bronze-to-Brass Transition in the Medieval Bukhara Oasis. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 13, art. no. 32, pp. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01287-3>
- Retief F.P., Cilliers L., 2006. Lead Poisoning in Ancient Rome. *Acta Theologica*, Supplementum 7, vol. 26, no. 2, pp. 147-164.
- Saussus L., Thomas N., Bourgarit D., 2023. Exactly How Free? Constrained Choices and Product Ranges of Medieval Copper-Alloy Objects Found Between the Meuse and Loire Rivers (9th –16th Centuries CE). *Heritage Science*, 11: 75, pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40494-023-00915-6>
- Weidenhamer J.D., Newman B.E., Clever A., 2010. Assessment of Leaching Potential of Highly Leaded Jewelry. *Journal of Hazardous Materials*, vol. 177, pp. 1150-1152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhazmat.2010.01.016>

Information About the Author

Kseniya S. Kovaleva, Laboratory Assistant, Laboratory for Archaeological Research named after prof. Anatoly S. Skripkin, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Ковалева, лаборант лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.6>

UDC 903'1(470.61):904

LBC 63.442.6(235.7)-427.1

Submitted: 12.04.2024

Accepted: 26.09.2024

CLAN CRYPTS ON THE LOWER DON OF THE EARLY CATACOMB TIME AND GENESIS ISSUES OF THE CATACOMB RITE ¹

Alexey V. Kiyashko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article provides comprehensive information about two Middle Bronze Age burials (No. 26, 42) from the kurgan 1 in the burial mound Vesely I near Novocherkassk in the Rostov region. The burials contained double tombs with a complex rite and prestigious accompanying items namely bronze tools and silver jewelry. The analysis of the rite and the inventory of the considered catacombs as well as the stratigraphic data allowed identifying their cultural affiliation and attributing them to two successive stages of the Early Catacomb period on the Lower Don: pre-Donetsk (No. 26) and early Donetsk (No. 42) cultures. The presence of the crypt ritual signs in the first catacomb has become the important discovery. The ritual consists of skulls posthumous displacement at a significant distance from the backbone and probable additional reburial in an existing burial chamber. In the second catacomb dating back to a later period, the collapse of the skull on the chest of the buried individual was identified as unintentional and must have been associated with the skeleton soft tissues decomposition. A combined method for radiocarbon dating using accelerator mass spectrometry (AMS), DNA analysis of the bones as well as the isotope study of the teeth were carried out in the laboratories of Belfast and Harvard. It was established that all the buried individuals were close relatives in the male line. Furthermore, two brothers turned out to be buried in different catacombs No. 26 and 42 at different time. This degree of relationship of the buried allowed clarifying and correcting the radiocarbon dating of their remains. Firstly, the cross-overlap of the dates of close relatives made it possible to cut off the plumes of values related to the error of the method. Secondly, it has become possible to narrow the date range to the interval from the late 30th to the late 29th centuries BC considering the actual age of the brothers buried in different graves (excluding possible freshwater reservoir effect). Taking into account that the studied catacombs were related to different archeological periods, the data indicate an accelerated pace of cultural genesis in the early stages of catacomb culture compared to its developed or later periods.

Key words: funeral rite, catacomb cultures, early catacombs, typology, stratigraphy, radiocarbon method, chemical analysis of metal, isotope analysis, genetic method.

Citation. Kiyashko A.V., 2024. Rodovye sklepy rannekatakombnogo vremeni na Nizhnem Donu i voprosy genezisa katakombnogo obryada [Clan Crypts on the Lower Don of the Early Catacomb Time and Genesis Issues of the Catacomb Rite]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 127-155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.6>

РОДОВЫЕ СКЛЕПЫ РАННЕКАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ И ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА КАТАКОМБНОГО ОБРЯДА¹

Алексей Владимирович Кияшко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье дана информация о двух раннекатакомбных погребениях периода средней бронзы (№ 26 и 42) из кургана 1 могильника Веселый I у г. Новочеркаска Ростовской области. Они содержали парные захоронения со сложным ритуалом и престижными сопроводительными предметами, а именно бронзовыми орудиями и серебряными украшениями. Анализ обряда и инвентаря рассматриваемых катакомб и данные стратиграфии позволили однозначно определить их культурную принадлежность и отнести к двум последовательным этапам раннекатакомбного периода на Нижнем Дону: преддонецкому (№ 26) и раннедонецкому (№ 42). Значимым наблюдением стало наличие в первой катакомбе признаков склепового ритуала: посмертное специальное смещение черепов на значительное удаление от костяка, вероятное дополнительное подзахоронение в существующую могильную камеру. Во второй, более поздней, катакомбе завал черепа на грудь умершего определен как непреднамеренный, связанный с разложением мягких тканей скелета. В лабораториях Белфаста и Гарварда были проведены радиоуглеродное AMS-датирование и генетическое исследование костей, а также выполнен изотопный анализ зубов. Установлено, что все умершие были близкими родственниками по мужской линии, при этом в разных (и разновременных) катакомбах № 26 и 42 оказались родные братья. Такая степень родства погребенных позволила уточнить и скорректировать радиоуглеродные датировки их останков. Во-первых, перекрестное наложение дат близких родственников позволило отсеять шлейфы значений, связанных с погрешностью метода. Во-вторых, удалось сузить диапазон дат с учетом фактического возраста погребенных в разных могилах братьев до интервала от конца XXX до конца XXIX в. до н.э. (без учета возможного влияния пресноводного резервуарного эффекта). Учитывая археологическую разновременность изучаемых катакомб, полученные данные свидетельствуют об ускоренном темпе культуругенеза на ранних этапах катакомбной культуры по сравнению с ее развитым и поздним периодами.

Ключевые слова: погребальный обряд, катакомбная культура, ранние катакомбы, типология, стратиграфия, радиоуглеродный метод, химический анализ металла, изотопный анализ, генетический метод.

Цитирование. Кияшко А. В., 2024. Родовые склепы раннекатакомбного времени на Нижнем Дону и вопросы генезиса катакомбного обряда // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 127–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.6>

Актуальность и задачи исследования

Благодаря целому комплексу методических и теоретических новаций в археологии бронзового века пришло время оценить степень достоверности многих концепций, возникших за более чем столетний период научных исследований. Новые способы получения информации, связанные с развитием методики археологии, подобно мощной оптике сделали более четкими ранее достаточно размытые границы археологических периодов. Естественнонаучные методы «разблокировали» прежде недоступную исследователям информацию о древних технологиях, социальных отношениях, взаимодействии культур и народов. И даже в не-

которых случаях об индивидуальных судьбах людей бронзового века.

В современной археологической науке наряду с изучением массового материала практикуется комплексное исследование отдельных, особо значимых археологических памятников [Кореневский и др., 2007; Мимоход, 2009; Братченко, 2012]. К числу таковых относятся большие курганы, высотой от 2 до 6 м, приазовской части Правобережья Нижнего Дона. Они возникали в эпоху энеолита или ранней бронзы и достигали своих максимальных размеров, как правило, в среднем бронзовом веке в результате десятков катакомбных подзахоронений и сооружений связанных с ними досыпок.

В данной работе мы остановимся на двух ранних катакомбах с парными захоронениями умерших, которые были открыты в одном из нижнедонских курганов. Погребения в таких катакомбах часто отличаются сложным ритуалом и сопровождаются неординарным инвентарем. Проблематика исследования раннекатакомбных древностей Нижнего Подонья представляется чрезвычайно актуальной для понимания процесса формирования всего блока катакомбных культур. Давно уже была высказана гипотеза, что для некоторых регионов этой общности «сейчас уже можно предполагать различие не просто реальных коллективов, но буквально семейных групп...» [Гей, 2011, с. 4]. Проведенное в нашей статье комплексное естественнонаучное исследование, включающее генетический анализ, стало реализацией этой идеи. Не менее важной задачей статьи является изучение вопросов семантики катакомбного обряда в целом и отдельных его компонентов. Ритуал и инвентарь обеих катакомб дают разнообразную информацию на этот счет, но наиболее наглядно они выражают семейно-склеповый характер этих погребений. Это направление в свете прежних разработок также представляется актуальным [Кияшко, 2020].

Контекст кургана и описание погребений

В 2018 г. при исследовании археологических памятников в зоне расширения федеральной автодороги М-4 «Дон» в Аксайском районе Ростовской области у г. Новочеркаска экспедицией ООО «Инженерно-технический центр специальных работ» (г. Санкт-Петербург) был раскопан один из таких крупных нижнедонских курганов. Это был курган 1 могильника Веселый I, который находился на краю надпойменной террасы левого берега р. Тузлов в месте пересечения ее реконструируемой автодорогой. Работы проводились под руководством держателя Открытого листа Ю.К. Гугуева² и при участии автора статьи [Гугуев, 2019].

Насыпь достигала высоты 4,2 м и имела диаметр 80 м. В кургане были открыты 49 погребений, большинство из которых (34) относились к хронологическому диапазону от

энеолита до средней бронзы. Особенностью кургана стало открытие под его насыпью объектов, возникших до его сооружения. Они представляли собой грунтовый могильник с мегалитическими сооружениями эпохи энеолита – ранней бронзы [Кияшко, 2019]. Речь идет о погребениях по общекурганной нумерации 5, 10, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 28, 30, 31, 38, 39, 41, 43. Вокруг кромлеха основного погребения 18 была создана круговая опорная подсыпка, которая названа насыпью 1. Затем в кромлех была впущена могила 17 майкопского времени, над которой была создана первая собственно курганная насыпь – насыпь 2. Завершают выборку два погребения периода ранней бронзы: новотитаровское (?) 11 и позднемное 44, впущенные в насыпь 2.

Следующим этапом сооружения кургана стал период средней бронзы, время катакомбной культуры. В северо-восточной поле насыпи 2 была выкопана катакомба 26, над которой была сооружена насыпь 3. Затем в 12 м к СЗ от погребения 26 в третью насыпь была впущена катакомба 42 (рис. 1). Они относятся к раннему этапу катакомбной культуры.

В дальнейшем в кургане были устроены катакомбные погребения развитого и позднего этапов культуры: 6–9, 12, 13, 24, 25, 33, 35, 36, 37 (?), 45, 48. С ними связано сооружение 4, 5 и 6-й насыпей кургана. Таким образом, к концу III тыс. до н.э. курган достиг современных размеров. Больше его насыпь не увеличивалась. В дальнейшем в курган были впущены погребения бабинской культуры периода средней бронзы (4, 32) и захоронения позднего бронзового века (14, 16, 23, 34). Затруднительна датировка могилы 29 мастера – изготовителя кремневых орудий, ее стратиграфическая позиция неясна, а по ритуалу и инвентарю она может быть датирована широкими рамками раннего – среднего бронзового века. Погребение 19 относилось к переходному периоду от бронзового к железному веку, а погребение 40 было атрибутировано как позднесарматское; еще четыре могилы (1, 2, 3, и 47) предположительно относились к золотоордынскому периоду. Датировка погребений 46 и 49 неясна.

Катакомбные погребения кургана представляют особый интерес ввиду их большого

количества и разнообразия. Как уже отмечалось, в этой статье будут рассмотрены материалы катакомб 26 и 42. Общая информация об одной из них (42) уже публиковалась в тезисной форме [Кияшко, 2024].

Погребение 26. Представляло собой катакомбу, ориентированную длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ, с камерой, выведенной под узкую западно-юго-западную стенку (рис. 2). Входная яма имела в плане прямоугольную форму с довольно четко выраженными углами и была вытянута по линии ЗЮЗ – ВСВ. Ее восточная стенка ко дну слегка сужалась, а остальные плавно расширялись. В северном углу входной ямы были устроены небольшие ступеньки.

Ниже, у северной, южной и восточной стенок, были зафиксированы заплечики шириной до 0,40 м. Посередине восточного заплечика (на продольной оси входной ямы) была зафиксирована овальная ямка неясного назначения. Высота заплечика составляла около 0,50 м. На этом уровне дно входной ямы имело вырез-лаз шириной до 1,20 м, который плавно понижался по направлению к узкой западной стенке ямы. В результате этого понижения образовались еще одни заплечики, достигавшие у северо-западного и юго-западного углов входной ямы высоты 0,60 м. Здесь же, вдоль западной стенки входной ямы, в дне лаза был сделан удлиненно-прямоугольный вырез, по всей вероятности для опоры деревянного (?) щита, закрывавшего вход в погребальную камеру.

Размеры входной ямы поверху составляли 2,05 × 1,56 м, по дну – 2,25 × 1,90. Глубина нижней точки дна входной ямы от уровня насыпи 2, с которого была впущена катакомба, составляла 3,23 м. Во входной яме на всех вертикальных поверхностях, включая стены, ступеньки и заплечики, были зафиксированы вертикальные следы обработки узким тесловидным орудием.

Заполнение входной ямы было неоднородным: темно-коричневый рыхлый суглинок сочетался с прослойками рыжевато-суглинка, у дна была зафиксирована листовая супесь. В нем были найдены три кремневых отщепы с участками желвачной корки. Здесь также был обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда с прямой шейкой, украшенный верти-

кальными рисками гладкого штампа по наружному краю. Поверхность фрагмента темно-серого цвета, тесто в изломе темное с примесью шамота (рис. 6,7). Кроме того, в заполнении входной ямы находились: 3 фрагмента раковины перловицы, правая лучевая кость овцы домашней и еще 2 фрагмента костей млекопитающих³. В заполнении у входного отверстия камеры попадались отдельные крупные древесные угли.

У основания узкой западной стенки входной ямы был устроен удлиненно-овальный вход в погребальную камеру, отделенную от дна входной ямы ступенькой высотой 0,50 м. Ширина входа составляла 1,10 м, высота – 0,50 м. Входная яма соединялась с камерой дромосом длиной 0,40 м, который заканчивался ступенькой высотой 0,50 м.

Камера, вытянутая по линии ССЗ – ЮЮВ, имела в плане форму сегмента, обращенного прямым основанием ко входной яме. Ее свод полностью обрушился. Размеры камеры составляли 3,5 × 2,5 м.

На дне камеры находились 2 костяка (рис. 4,1).

Костяк 1 мужчины 45–55 лет⁴ располагался у входа в слабоскорченном положении на спине с подогнутыми вправо ногами и был ориентирован головой на ЮЮВ. Череп, сильно сдвинутый к В, покоился на правой височной кости лицевым отделом на ВСВ (ко входу) (рис. 5,4). Нижняя челюсть лежала отдельно от него основанием вниз на локтевом суставе правой руки (рис. 5,5). Кости грудной клетки, позвоночника и таза находились в правильном анатомическом порядке. Правая рука была вытянута вдоль костяка, ее кисть, развернутая ладонью вниз, касалась правого крыла таза. Левая рука также была вытянута вдоль костяка, ее локоть был прижат к грудной клетке, запястье уходило под левое крыло таза, кисть находилась под бедренным суставом. Ноги были согнуты под тупым углом в тазобедренном суставе и под острым (вправо) – в коленном. Стопы и голени образовывали прямой угол.

Костяк 2 мальчика 7–8 лет хорошей сохранности находился ближе к западно-юго-западной стене камеры, лежал скорченно на правом боку и был ориентирован на ЮЮВ. Его череп располагался отдельно под левым

плечевым суставом костяка 1 (рис. 5,1,2). Он покоился на правой височной кости лицевым отделом к СВ. Нижняя челюсть располагалась между костяками основанием вверх. Верхняя часть грудной клетки и шейный отдел позвоночника были потревожены (рис. 5,3). Руки были вытянуты вдоль костяка, кисти находились между (?) бедренными костями. Ноги были согнуты под тупым углом в тазобедренном суставе и под острым (вправо) в коленном; при этом кости левой ноги перекрывали кости правой. Кости стоп плохой сохранности.

У ног костяка 2 на дне камеры были обнаружены кости двух особей овцы домашней, а также берцовая кость быка домашнего.

В юго-восточной части лаза в погребальную камеру, на дне входной ямы, фиксировалось скопление древесных углей. Еще одно аналогичное скопление отмечено на дне погребальной камеры напротив входа, в 0,3 м от ступеньки. На дне и в центральной части камеры прослеживался коричневатый тлен (кожа?), поверх которого была зафиксирована охра, особенно интенсивная под костяком 1 и у колен костяка 2. В районе черепа костяка 1 по верху коричневого отмечен белый тлен.

Инвентарь:

1. Рядом с плечевой костью костяка 2 лежал скребок округлой формы из кремня светло-серого цвета с остатками желвачной корки на торцевой части орудия. Лезвие оформлено со спинки крутой ретушью. Размеры: 4,5 × 4,0 × 1,2 см (рис. 6,6).

2. К северу от скребка, у локтя правой руки, был найден медный нож, направленный острием на ССЗ. Нож имеет длинный прямой черенок и удлиненно-треугольную лезвийную часть со сплошной заточкой граней. Примесь мышьяка отсутствует (табл. 1). Длина ножа – 14,3 см, ширина черенка – 12,0 см, ширина лезвия – 3,1 см, толщина – до 0,6 см (рис. 6,11).

3. Слева от лезвия ножа было обнаружено прямоугольное в сечении медное обоюдоострое шило. Примесь мышьяка менее 0,4 % (табл. 1). Длина шила – 8,7 см, размеры сечения – 0,3 × 0,5 см (рис. 6,8).

4. Рядом с вышеописанными предметами располагалась проколка из левой локтевой кости овцы / козы, лежавшая острием к ССЗ. Нижняя (рабочая часть) зашлифована в процессе

употребления. Размеры: 11,7 × 3,5 × 1,0 см (рис. 6,12).

5. К Ю от левого плеча костяка 1 был найден астрагал овцы / козы. Размеры: 3,6 × 2,5 × 2,2 см.

6. Еще один астрагал овцы / козы был обнаружен в 0,11 м к С от нижней челюсти костяка 2. Размеры: 3,6 × 2,4 × 1,9 см.

7. Возле шейных позвонков костяка 2 было найдено серебряное височное кольцо в 1,5 оборота, изготовленное из округло-уплощенной в сечении проволоки с расплюснутыми концами. Диаметр кольца – 1,5 см, размеры сечения проволоки – 0,2 × 0,4 см (рис. 6,4).

8. Второе серебряное височное кольцо в 1,5 оборота, изготовленное из округло-уплощенной в сечении проволоки с расплюснутыми концами, было найдено при снятии черепа костяка 2, располагавшегося под плечевой костью костяка 1. Диаметр кольца – 1,3–1,5 см, размеры сечения проволоки – 0,2 × 0,3 см (рис. 6,5).

Погребение 42. Представляло собой катакомбу, ориентированную длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ, с камерой, выведенной под узкую юго-юго-западную стенку (рис. 3). Входная яма имела прямоугольную в плане форму с четкими углами и вертикальными стенками. В противоположной от входа узкой стенке по углам были оставлены небольшие приступки для спуска во входную яму. Входная яма в ЮЮЗ направлении (ко входу в погребальную камеру) несколько сужалась по верхнему контуру. На участке этого сужения стенки книзу расширялись и в них по обе стороны были устроены боковые уступы-заплечики, внешний край которых располагался примерно на уровне верхнего абриса входной ямы и компенсировал это расширение стенок.

На стенах входной ямы были зафиксированы вертикальные следы обработки узким тесловидным орудием. Дно входной ямы от ВСВ к ЮЮЗ части сначала плавно понижалось, но ближе к ЮЮЗ части был устроен небольшой овальный в плане вырез-лаз, который далее плавно вел в погребальную камеру. Камера имела форму широкого овала, ориентированного длинной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ. Ее стены и свод не сохранились ввиду обрушения в древности.

Размеры входной ямы по верхнему краю – $2,15 \times 1,3$ м; на уровне уступов-заплекчиков – $2,12 \times 1,5$ м. Глубина входной ямы 3,53 м от уровня насыпи 3, с которого была впущена катакомба. Размеры камеры – $2,8 \times 2,3$ м. Зафиксированная высота входа (потолка) – 0,86 м. Входная яма и катакомба были заполнены темно-серой рыхлой супесью.

На дне погребальной камеры, немного ближе к юго-юго-западной стенке, лежали скелеты двух погребенных (рис. 4,2). Костяк 1 принадлежал мужчине⁵ 25–35 лет, который располагался в слабоскорченной позе на правом боку посередине камеры с некоторым смещением к ее задней стенке. Череп умершего был смещен из анатомического положения – завален лицевой частью на пространство перед грудью костяка. По направлению позвоночного столба можно сделать заключение, что мужчина был ориентирован головой на ЮВ. Его правая рука, слегка согнутая в локте, была вытянута перед туловищем. Кисть располагалась перед правым бедром. Левая рука, также слабо согнутая в локте, располагалась на туловище и кистью покоилась на запястье правой руки. Угол скорченности в тазобедренном суставе был тупой, угол в коленях – тоже. Стопы ног, уложенные вместе, покоились на правой стороне.

Перед грудью костяка 1, ближе ко входу в камеру, в слабоскорченной позе на правом боку располагался скелет младенца (костяк 2). Его череп был раздавлен и слегка смещен, позвоночным столбом он был ориентирован на ЮВ. Кости рук были вытянуты по направлению к тазовым костям. Угол скорченности в тазобедренном суставе был тупой, угол в коленях – острый.

На дне камеры под скелетами и возле них прослеживался тлен темно-коричневого цвета с обильными вкраплениями охры. Наиболее интенсивные пятна охры отмечены у черепа, тазовых костей, колен и ступней ног костяка 1. У входа в камеру, а также в нижней части лаза из входной ямы фиксировались скопления углей. В северо-северо-западном углу камеры обнаружена прослойка золы.

Инвентарь:

1. Кремневая конкреция из девонских отложений цилиндрической формы. Располагалась в изголовье умершего, к ЮВ от места

анатомического расположения черепа. Снаружи оконтурена белой рыхлой коркой кремнезема толщиной 0,1–0,2 см, внутри которой заметно ядро из серого кремня. В сечении округло-овальная. Размеры: длина – 12,0 см; сечение – $3,5 \times 2,9$ см (рис. 7,6,9).

2. Кремневый отщеп темно-коричневого цвета с желвачной коркой серого цвета. Найден в 5 см к С от кремневой конкреции. Размеры: $6,6 \times 3,8 \times 1,0$ см (рис. 7,3,9).

3. Бронзовое тесло вытянуто-продолговатой формы с расширяющимися гранями от округлого обушка к секировидному лезвию. Примесь мышьяка 1–3 % (табл. 1). Найдено в 13 см к ЗЮЗ от кремневой конкреции. Сохранность хорошая. Лезвийная и обушковая части подвергались заточке. Размеры: длина – 11,6 см; ширина у обушка – 2,0 см, у лезвия – 5,3 см; толщина – до 0,7 см (рис. 7,7,9).

4. Медный проушный топор с обушковой частью, украшенной тремя рядами горизонтальных нервюров и секировидной лезвийной частью. Обнаружен в 11 см к ЮЗ от бронзового тесла. Примесь мышьяка менее 0,8 % (табл. 1). На брюшке топора имеется полость – след литника. У проушины топора со стороны брюшка зафиксирован фрагмент дерева, предположительно от рукоятки орудия (рис. 7,9). Размеры: длина – 11,8 см; ширина у обушка – 4,0 см, у лезвия – 7,5 см; толщина у проушины – 3,8 см, в середине лезвия – 2 см (рис. 7,8).

5. Серебряные височные кольца в 1,5 оборота (3 экземпляра):

1) найдено на черепе младенца, свито из круглой в сечении проволоки, оба конца расплющены, имеют аккуратные уплощенно-овальные очертания; размеры: диаметр кольца – 1,5–1,6 см; сечение проволоки – 0,4 см (рис. 6,1);

2) найдено под черепом младенца, свито из продолговатой в сечении проволоки, один конец сильно расплющен; размеры: диаметр кольца – 1,5 см; сечение проволоки – 0,35–0,45 см (рис. 6,3);

3) найдено в черепе мужчины, свито из овальной в сечении проволоки, один конец расплющен; размеры: диаметр кольца – 1,5 см; сечение проволоки – 0,35–0,45 см (рис. 6,2).

6. Бронзовый нож средней степени сохранности. Примесь мышьяка 1–2 % (табл. 1).

Изготовлен способом литья и последующей проковки. Имеет удлиненный, конической формы черенок, покатые плечики и лезвие лавролистных очертаний со сплошной заточкой. Размеры: длина – 16 см; ширина черенка – 0,7–1,3 см; длина лезвия – 11,1 см; ширина лезвия – 3,9 см; толщина – до 0,3 см (рис. 6,13).

7. Камень. Найден в 0,07 м к 3 от рукоятки ножа. Представлял собой кусок песчаника серого цвета кубической формы. Размеры: 4,5 × 4,0 × 3,3 см (рис. 6,10).

8. Бронзовое шило. Примесь мышьяка 1–2 % (табл. 1). Найдено в 0,07 м к ЗСЗ от рукоятки ножа. Представляло собой обоюдоострое четырехгранное орудие. Одна треть шила отделена от остальной части утолщением-перехватом. Длина – 9,2 см, толщина – до 0,5 см (рис. 6,9).

9. Проколки из локтевой кости овцы / козы (3 экземпляра). Нижние (рабочие) части орудий (острия) зашлифованы от использования:

1) найдена с правой, северо-восточной стороны скопления предметов; размеры: 16,1 × 3,3 × 1,0 см (рис. 8,1);

2) найдена в центре скопления предметов; размеры: 11,6 × 3,1 × 0,8 см (рис. 8,3);

3) найдена с юго-западной стороны от скопления предметов; размеры: 12,0 × 3,2 × 0,8 см (рис. 8,2).

10. Кремневые отщепы (4 экземпляра):

1) найден в скоплении предметов, под центральной проколкой, представляет собой массивный кусок темно-серого кремня со значительным участком желвачной корки; размеры: 5,5 × 3,8 × 1,8 см (рис. 7,2);

2) найден в скоплении предметов, слева (к ЮЗ) от центральной проколки, представляет собой скол серого кремня с участком желвачной корки; размеры: 5,6 × 2,5 × 1,8 см (рис. 7,4);

3) найден в скоплении предметов, слева (к ЮЗ) от отщепа п. 10(2); представляет собой скол темно-серого кремня с коричневым оттенком; размеры: 5,4 × 1,9 × 1,3 см (рис. 7,1);

4) найден с торцевой, северо-западной стороны скопления предметов; представляет собой небольшой отщеп светло-серого кремня; размеры: 3,5 × 2,0 × 0,8 см (рис. 7,5).

11. Кусок мела, найден с торцевой, северо-западной стороны от скопления предметов. Имел размеры: 3,2 × 2,8 см.

12. Астрагал овцы / козы. Найден в 0,1 м к ЮЗ от скопления предметов. Размеры: 3,7 × 2,1 см.

13. Камень. Обнаружен под поясничным отделом позвоночника костяка 1. Массивный, удобный для захвата рукой камень со следами использования (шлифовки?) на торцевой стороне. Размеры: 11,0 × 5,6 × 2,5 см (рис. 8,5).

14. У северо-западной стенки камеры стоял лепной орнаментированный сосуд. Здесь же располагалось скопление древесных угольков. Сосуд плоскодонный острореберный с двумя выступами-упорами, имеющими сквозные вертикальные отверстия. Внешняя поверхность тщательно сглажена и подлощена. Заметны затертые полосчатые следы сглаживания. Снаружи сосуд имеет красновато-коричневый, охристый цвет. Внутренняя поверхность черная. Тесто хорошо отмученное, черное, без заметной примеси. На ребро сосуда нанесены короткие вертикальные насечки гладким штампом. Верхняя половина тулова покрыта пятью горизонтальными рядами петлевидных отпечатков (так называемых ов), выполненных чрезвычайно тонкой веревкой. Размеры: диаметр венчика – 14,5 см, диаметр тулова (без выступов) – 16,2 см, диаметр тулова (с выступами) – 18,2 см, диаметр дна – 8,5 см, высота – 10,3 см. Диаметр отверстий – 0,3–0,4 см. Толщина стенок и дна – 0,8 см (рис. 8,4).

Анализ погребального обряда и инвентаря

Т-образные конструкции катакомб 26 и 42, ритуал обращения с умершими, состав инвентаря – все это свидетельствует о культурно-хронологической близости обоих погребений. Но все названное – это сходство на уровне общих категорий признаков. Анализ деталей обряда и инвентаря на уровне типов и их вариантов выявляет различие этих комплексов, уточняет датировку каждой из катакомб. Основой для такого подхода служит уже упомянутый факт, что катакомба 42 является впускной в насыпь, сооруженную над катакомбой 26.

Прежде всего, обе Т-образные катакомбы различаются устройством входной ямы. По классификации погребальных сооружений

позднеямого-раннекатакомбного времени на Нижнем Дону катакомба 26 имеет морфологически более выраженный и архаичный вариант спуска в погребальную камеру (вариант «а»), чем у катакомбы 42 (вариант «в») [Кияшко, 1999, с. 19–20, рис. 2].

Еще одно отличие прослеживается в ритуале изучаемых погребений. Катакомба 26 содержит признаки проникновения в погребальную камеру спустя время, необходимое для исчезновения мягких тканей трупов (рис. 2, 4, 1). Зафиксирован комплекс преднамеренных действий с костями умерших. У обоих скелетов идентично смещены черепа – на расстояние 0,6 м вправо от анатомического положения, при сохранении их изначального разворота лицом вправо (рис. 5, 1, 2, 4). Причем у мальчика (костяк 2) четко фиксируется сохранение *in situ* первого шейного позвонка (рис. 5, 3), а у мужчины (костяк 1) нижняя челюсть отделена от черепа и аккуратно положена подбородочным выступом на локтевой сустав правой руки (рис. 5, 5). В то же время головка левой плечевой кости взрослого располагается на сдвинутом черепе ребенка (рис. 5, 1, 2).

Этот факт можно трактовать по меньшей мере двояко: во-первых, как свидетельство более позднего подзахоронения мужчины в могильную камеру; во-вторых, как результат естественного завала мужского костяка с правого бока на спину в процессе исчезновения мягких тканей. О последнем свидетельствует характерный изгиб влево позвоночника умершего и нетипичное расположение предплечья и кисти левой руки – под левым тазобедренным суставом. Впрочем, если принять вторую версию, то следует признать странную асинхронность разложения умерших: завал туловища мужчины на спину произошел тогда, когда череп ребенка уже был смещен. Возможно, это наблюдение возвращает нас к первой версии об асинхронности помещения в катакомбу умерших.

Определенные основания для вывода о постпохоронных вскрытиях катакомбы 26, в том числе и для подзахоронения, заключаются в сложной структуре курганный насыпи 3, созданной над катакомбой 26. На профиле юго-западной бровки заметны два яруса суглинистых выкидов, линзы которых сходятся к по-

гребению 26. Нижний ярус выкидов залегает на насыпи 2, то есть на уровне впуска катакомбы 26, а верхний ярус – в толще насыпи 3, созданной над этим погребением (рис. 1).

Ритуал погребения 42 представляется более простым (рис. 3, 4, 2). Это, несомненно, единовременное погребение двух умерших: взрослого и младенца. Смещение черепа мужчины – завал его лицевой части на пространство перед грудью костяка – произошло, скорее всего, по естественным причинам. Удерживающие голову в анатомическом положении связки исчезли раньше, чем сгнило высокое изголовье погребального ложа. Вероятно, частью того изголовья был набор предметов инвентаря, найденных в районе черепа, и его предполагаемая (см. ниже) органическая основа.

Инвентарь изучаемых катакомб, как уже было отмечено, структурно очень близок. Но детальный анализ выявляет расширение состава предметов (в том числе и в стандартных наборах) от катакомбы 26 к катакомбе 42, а также их типологические отличия.

Ядром инвентарного комплекса, присутствующим в обоих погребениях, служат вещи, планиграфически объединенные в набор, принадлежащий одному из погребенных (рис. 9). В катакомбе 26 перед костяком мальчика, лежащим на правом боку, выложены в определенном порядке, сверху вниз: костяная проколка, кремневый отщеп, бронзовый нож и шило (рис. 9, 1, 1а). Острие проколки, нож и шило были направлены также вниз, к ногам погребенного. Несколько в отдалении от набора предметов найдены два астрагала. В катакомбе 42 присутствует практически идентичный набор предметов, несколько расширенный по составу (рис. 9, 2, 2а). Он располагался перед костяком младенца. Предметы были выложены в обратном порядке, снизу вверх: кусок мела, три костяные проколки, бронзовое шило, четыре кремневых отщепа, кусочек камня пирамидальной формы и бронзовый нож. И в этот раз острия проколки, нож и шило были направлены в одну сторону – вверх, к черепу погребенного. Такое компактное упорядоченное размещение предметов в обеих катакомбах свидетельствует, что мы имеем дело с определенным набором, функциональное назначение которого неясно. Мож-

но предположить, что вещи имели упаковку из органики (сумку?) и располагались острыми вниз таким образом, что наиболее тяжелые металлические предметы находились ближе ко дну «сумки». Скорее всего, ее можно было привесить к поясу подростка или взрослого человека. Таким образом, в катакомбе 26 у мальчика 7–8 лет «сумка» находилась в правильном положении – острыми и тяжелыми предметами вниз. У новорожденного из катакомбы 42 этот набор находился острыми предметами вверх. Возможно, «сумка» был положена младенцу «на вырост» и поэтому находилась в перевернутом, не функциональном положении.

Сочетания в одном наборе орудий из локтевой кости копытных с металлическими ножами и шильями известны в погребениях раннекатакомбного периода. Можно упомянуть захоронение двух взрослых субъектов в катакомбе Северск, кург. 1, погр. 2 (среднее течение р. Северский Донец), с круглодонным сосудом ямного типа, где встречен компактный набор: нож, шило и две проколки из локтевых костей мелкого рогатого скота. Еще одна проколка и серебряное височное кольцо в 1,5 оборота были найдены у черепа одного из погребенных [Санжаров, 1983, с. 204, рис. 2, с. 205, рис. 4]. Широкую подборку аналогий подобным костяным орудиям, а также их трактовок в литературе приводит А.Н. Усачук. Исследователь анализирует обнаруженное в погребении 5 кургана 3 комплекса Золотой в саратовском Правобережье Волги сочетание металлических ножа, шила и костяных орудий из локтевых костей лошади [Усачук, 2009, с. 170–175]. Это захоронение в яме также датируется раннекатакомбным временем – XXIX–XVII вв. до н.э. [Мимоход, 2009, с. 165]. Однако в случае комплекса Золотой речь идет о костяных орудиях с двузубым рабочим концом, которые А.Н. Усачук трактует как «каламы», или твердые перья – инструменты для нанесения краски на твердые и эластичные (кожа, ткань) поверхности [Усачук, 2009, с. 172]. Костяные орудия из наборов в изучаемых погребениях, а также в катакомбе Северск, кург. 1, погр. 2, скорее всего, были проколками.

Хронологическими маркерами рассматриваемых наборов являются входящие в их

состав металлические орудия. В катакомбе 26 – это медные нож и шило, в катакомбе 42 – аналогичные изделия из мышьяковистой бронзы. В типологическом отношении нож из погребения 26 – с узколистовидным подтреугольным пером и особенно характерным длинным брусковидным черешком – является более архаичным, чем нож из погребения 42. Он близок по форме к разновидности ножей из ямных погребений Нижнего Поволжья [Кияшко, 2002, с. 37, рис. 2,2–4, с. 38, рис. 3,5] и преддонецких катакомб Нижнего Дона [Кияшко, 1999, с. 151, рис. 95,21,22,25], которая на более поздних этапах катакомбной культуры практически не встречается. Форма широколистовидного ножа из погребения 42 тоже известна в этот период [Кияшко, 1999, с. 151, рис. 94,17, 95,26], но она необычна здесь своим коротким подтреугольным черешком. Подобные изделия близки к орудиям из раннедонецких погребений Донбасса (например, Александровск, кург. 9, погр. 25), где формируется характерная для этого периода пятиугольная схема клинка [Братченко, 2001, с. 21, рис. 18].

Еще одним объединяющим изучаемые могилы признаком стали находки серебряных височных колец, которые сопровождали мальчика из катакомбы 26, а также мужчину и младенца из катакомбы 42. Само по себе наличие в погребениях таких украшений причисляет эти погребения к обширной группе позднеямных и раннекатакомбных древностей Нижнего Дона, Северского Донца, Восточного Приазовья, содержащих серебряные височные кольца [Братченко, 2001, с. 27]. Е.И. Гак при изучении серебряных височных колец из погребений ямной, новотитаровской, ранних звеньев северокавказской и катакомбной культур степного Предкавказья выявил смену мелких (до 1 см в диаметре) изделий рубежа раннего и среднего периодов бронзового века массивными экземплярами начала средней бронзы [Гак, 2016, с. 764]. Таким образом, отличие серебряных колец, свернутых из тонкой проволоки со слабо обработанными концами, из катакомбы 26 и более массивных изделий с характерными расплюснутыми концами из катакомбы 42 имеет хронологический характер.

Инвентарь катакомбы 42 включает также ряд предметов, не встреченных в катакомбе 26. Это еще один набор предметов, включающий отбойник из кремнистого желвака (конкреции) и кремневого отщепа, бронзовое тесло и медный (?) топор (рис. 3, 4, 2, 7, 9). Они располагались в головах мужчины, частично на участке, где первоначально размещался череп. Такое компактное размещение престижных металлических предметов за головой погребенных (в кожаном мешке или свертке) уже встречалось в элитных погребениях катакомбной культуры [Шинкарь, 2020, с. 138, рис. 4, с. 140, рис. 7]. В нашем случае вещи лежали более упорядоченно, практически перпендикулярно туловищу погребенного, параллельно друг другу, на расстоянии 12–13 см. Такое расположение предметов указывает на то, что они находились на каком-то общем, несохранившемся органическом носителе. Возможно, по аналогии с одновременными элитными погребениями Северного Кавказа – на деревянном блюде [Кореневский, 2019, с. 26]. Сочетание этих вещей и их размещение в могиле явно имели знаковый, символический характер, демонстрировали высокий социальный статус погребенных в катакомбе 42. Священная триада предметов хорошо известна в контексте индоевропейской мифологии, отражая сословно-кастовую структуру древнего социума [Раевский, 1977, с. 65–80]. Семантика вещей из катакомбы 42 требует специального исследования. Вполне вероятно, что этот набор инвентаря маркировал раннюю стадию социального ранжирования – военно-производственную символику, характерную для погребального обряда начала периода средней бронзы Предкавказья [Кореневский, 2019, с. 29–30]. Можно лишь высказать гипотезу, что уникальная меловая, кипенно-белая снаружи и кремнистая внутри, конкреция-отбойник с отщепом в комплекте могла символизировать сословие мастеров – изготовителей наконечников стрел; плоский топор-тесло – мастеров-плотников; а проушный топор – сословие военной аристократии.

Морфология металлических предметов из данного набора весьма интересна. Бронзовое тесло по своим пропорциям вполне соответствует раннекатакомбным стандартам. Но его индексы (отношение длины к ширине

лезвия – 2,2 и ширины лезвия к ширине пятки – 2,6) выпадают из диапазонов средних значений для этого периода: $2,3 \times 2,8$ и $1,6 \times 2$ соответственно [Братченко, 2001, с. 25]. Визуально его специфика выражается в секировидном расширении лезвия и достаточно узкой округлой пятке.

Уникальной находкой для нижнедонских памятников раннекатакомбного времени стал медный топор (примесь мышьяка менее 0,8 %). Его лезвие обращает внимание сильным секировидным расширением, а обушок – ярко выраженными желобками в три ряда. А.И. Климущина, рассматривая топор из Веселого, уверенно отнесла его к группе топоров раннекатакомбного времени типа московский / келермесский, тяготеющей по распространению к территории Северо-Западного Кавказа. Это единственная находка топора этого типа за пределами региона [Климущина, 2023, с. 116–117, рис. 2, 4]. Следует также отметить, что топор из катакомбы 42 все же выделяется своими укороченными пропорциями. Это сближает его с топорами типа Подлесье, распространенными западнее, в основном в бассейне Поднепровья [Климущина, 2023, с. 115–116, рис. 3]. Возможно, орудие из Веселого представляет собой гибридную разновидность двух типов.

Еще одним диагностичным в культурно-хронологическом отношении предметом в катакомбе 42 оказался сосуд, представляющий собой флягу с вертикальными ушками. Такая форма на территории Нижнего Подонья встречается почти исключительно в ранних катакомбах [Кияшко, 1999, с. 123, рис. 67, 1–6; Кияшко, 2001, с. 106, рис. 5, 6; Гей, Клещенко, 2015, с. 233, рис. 5, 1]. В то же время можно утверждать, что это погребения финала раннекатакомбного периода, так называемого раннедонецкого этапа. Его признаки, в частности, в орнаментации сосуда из катакомбы 42, а также некоторых других фляг (см. например: [Кияшко, 2002, с. 158, рис. 76, 2]) типичными для этого этапа шнуровыми и прототесемчатými мотивами.

Подводя итог сравнительного анализа ранних катакомб из кургана 1 могильника Веселый I, отметим, что, несмотря на значительное сходство, они по данным стратиграфии, погребального обряда и инвентаря со-

ответствуют двум этапам раннекатакомбного времени Нижнего Подонья: преддонецкому (катакомба 26) и раннедонецкому (катакомба 42).

Данные радиоуглеродного, изотопного и генетического анализов

Благодаря хорошей сохранности костных останков четырех погребенных в изучаемых катакомбах удалось провести разнообразные анализы и осуществить интеграцию данных. Радиоуглеродный AMS-анализ костей умерших из катакомб и анализ на изотопы были произведены в 2019 г. в центре ¹⁴CHRONO Королевского университета в Белфасте (шифр лаборатории UBA). В 2021 г. в процессе генетических исследований Гарвардская медицинская школа заказала проведение еще одного AMS-датирования костей умерших из катакомб 26 и 42 в Лаборатории масс-спектрометрии ускорителя Университета штата Пенсильвания (PSUAMS). К сожалению, при исследованиях в США вторая дата и генетический статус младенца из катакомбы 42 не были получены ввиду утраты образца.

Прежде всего, подведем итог анализа на содержание стабильных изотопов ¹³C и ¹⁵N. Сходство его результатов достаточно убедительно (табл. 2). Пищевой рацион людей, погребенных в катакомбах 26 и 42, был единообразен, сбалансирован и соответствовал второй модели системы питания степного населения Предкавказья [Shishlina et al., 2012, p. 751–752]. Их диета включала мясо и молоко травоядных животных, речные и озерные водяные продукты (рыба, съедобные моллюски и водные растения) и дикорастущие наземные растения.

Таким образом, высока вероятность влияния пресноводного резервуарного эффекта на приведенные ниже ¹⁴C даты проанализированных людей раннекатакомбного времени. Однако отсутствие данных изотопного анализа по синхронным останкам наземных животных не позволяет внести соответствующие омолаживающие корректировки.

Результаты двойного AMS-датирования по каждому субъекту, за исключением младенца из катакомбы 42, практически совпали.

Даже при соединении данных обеих лабораторий мы получаем диапазоны (в одну сигму) 2942–2887 лет до н.э. для мужчины и 2909–2868 лет до н.э. для мальчика из катакомбы 26. Такой же метод дает диапазоны 2888–2868 лет до н.э. для мужчины и 2870–2839 лет до н.э. для младенца (здесь только UBA) из катакомбы 42. На графиках распределений дат мы выделили красным цветом задействованные в этом синтезе диапазоны лет. Также в таблицах значений выделены красным определенные узкие даты для каждого погребенного (рис. 10, 11, 1).

В «черном спектре» остались диапазоны лет, не попадающие в зоны взаимоналожения (например, 3010–2952 лет до н.э. (UBA) у мужчины из катакомбы 26) или предельно поздние по культурно-хронологическим соображениям (например, 2747–2629 лет до н.э. (PSUAMS) для мужчины из катакомбы 42). Но главным фактором, позволившим предельно сузить радиоуглеродные даты, стали результаты генетического анализа, проведенного в Гарвардской медицинской школе. Было установлено близкое родство всех погребенных в катакомбах умерших (очевидно, и младенца) по мужской линии (рис. 11, 2). Мальчик 7–8 лет из катакомбы 26 и мужчина 25–35 лет из более поздней по стратиграфии и хронологии катакомбы 42 оказались в первой степени родства (родные братья), а мужчина 45–55 лет из катакомбы 26 по отношению к этим братьям – во второй степени родства (дядя?) (рис. 11, 3).

Таким образом, можно констатировать принадлежность похороненных в катакомбах 26 и 42 к одной семье, что объясняет целый ряд отмеченных выше их взаимосвязей как по прижизненным обстоятельствам (единая среда обитания и рацион питания), так и по археологическим признакам (планиграфия катакомб в кургане, коллективные захоронения, единая гарнитура украшений, идентичные по структуре наборы инвентаря и т. д.).

Вопросы генезиса катакомбного обряда

Подводя итог анализа катакомб 26 и 42 из кургана 1 могильника Веселый I, следует отметить, что это один из самых ярких, но далеко не единичных случаев явной близости

раннекатакомбных комплексов в курганах Нижнего Дона. При таком сходстве они, тем не менее, демонстрируют между собой определенные стратиграфические, конструктивные, ритуальные и инвентарные различия. При публикации материалов кургана 1 могильника Арпачинский III на Левобережье Нижнего Дона А.Н. Гей и А.А. Клещенко охарактеризовали ситуацию с двумя впускными коллективными ранними катакомбами 3 и 5, которая структурно и с высокой долей вероятности хронологически близка рассмотренному нами случаю с катакомбами 26 и 42 кургана 1 могильника Веселый I [Гей, Клещенко, 2015].

Катакомба 3 кургана 1 могильника Арпачинский III была основной для второй насыпи кургана, созданного над позднеямным захоронением 4. Катакомба 5 была впускной во вторую насыпь. Входная яма катакомбы 3 отличалась глубоким вырезом-лазом в погребальную камеру, дно входной ямы катакомбы 5 плавно понижалось ко входу в камеру. В катакомбу 3 зафиксировано повторное проникновение для подзахоронения второго покойника. Ритуал катакомбы 5: вторично похороненные женщина и ребенок при лежащем в анатомическом порядке мужчине косвенно свидетельствует о семейном характере могилы.

Все перечисленные признаки параллельны особенностям катакомб из могильника Веселый I. Катакомба Арпачинский III, кург. 1, погр. 5, содержит сосуд-флягу, аналогичную фляге из катакомбы Веселый I, кург. 1, погр. 42. Обе эти катакомбы имеют чрезвычайно близкую радиоуглеродную дату. Более ранняя катакомба Арпачинский III, кург. 1, погр. 3, не датирована, но стратиграфически, типологически и ритуально соответствует катакомбе Веселый I, кург. 1, погр. 42 (рис. 12).

Таким образом, рассмотренные материалы дают основания считать коллективные ранние катакомбы Нижнего Дона вскрываемыми и пополняемыми семейными склепами. Традиция сооружения таких склепов возникает на предднецком этапе раннекатакомбного времени, достоверно существует на рубеже XXX–XXIX вв. до н.э. и угасает на ранне-

днецком этапе. По всей вероятности, семейно-родовая катакомба-склеп сменяется обычаем подкурганной группировки погребений родственников, как одиночных, так и коллективных, в одноразовых катакомбах. Очевидно, сам курган (или его участок) заменяет склеп. Чрезвычайно быстрый отказ от многоразовых катакомб-склепов в степи связан с привнесенным и чуждым для подвижных скотоводов Восточной Европы характером склеповой традиции, распространявшейся с юга из центров древней оседлости вслед за технологическим влиянием в сфере металлургии [Кияшко, 2020, с. 84].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022–0014).

The study was conducted within the framework of the program of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences “Steppe Pastoral Cultures, sedentary farmers and urban civilizations of Northern Eurasia in the Eneolithic – Late Iron Age (sources, interactions, chronology)” (FMZF-2022–0014).

² Благодарю Юрия Константиновича Гугуева за любезно предоставленный материал для публикации.

³ Определения костей животных сделаны доктором, кандидатом биологических наук, археозологом Ю.Я. Мягковой [Гугуев, 2018, с. 287–296].

⁴ Определения антропологического материала выполнены младшим научным сотрудником Центра египтологических исследований РАН А.О. Китовой [Гугуев, 2018, с. 278–286] и скорректированы в отношении половой принадлежности погребенных по данным генетического анализа (рис. 11,2), выполненного Д. Райхом (D. Reich) в лаборатории Гарвардской медицинской школы.

⁵ В предварительной публикации этого комплекса [Кияшко, 2024] костяк 1 был определен как женщина в соответствии с отчетом [Гугуев, 2018, с. 141]. В настоящей статье внесена поправка на основании генетического анализа: костяк 1 принадлежит мужчине.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа металлических изделий

Table 1. X-ray fluorescence analysis results of the metal objects

Место	Инв. №	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe
П. 26	60	Нож	Осн.	–	–	–	–	<0,9	–	<0,2
	61	Шило	Осн.	<0,4	–	–	–	Сл.	–	Сл.
П. 42	185	Тесло	Осн.	1–3	–	–	–	Сл.	–	<0,2
	186	Топор	Осн.	<0,8	–	–	–	–	–	Сл.
	187	Нож	Осн.	1–2	Сл.	–	–	–	–	<0,2
	190	Шило	Осн.	1–2	–	–	–	Сл.	–	Сл.

Таблица 2. Результаты изотопного анализа костей погребенных

Table 2. Isotope analysis results of the bones of the buried

UBNo	Идентификатор образца	$\sigma^{13}C$	$\sigma^{15}N$	Соотношение C:N	Подготовка	Итог
40363	Vesely, k. 1, b. 26 (adult human)	-18,4	12,9	3,16	Collagen	12,80
40364	Vesely, k. 1, b. 26 (child)	-18,2	12,1	3,16	Collagen	10,60
40365	Vesely, k. 1, b. 42 (adult human)	-18,1	12,6	3,15	Collagen	11,20
40366	Vesely, k. 1, b. 42 (child)	-17,8	12,9	3,17	Collagen	11,00

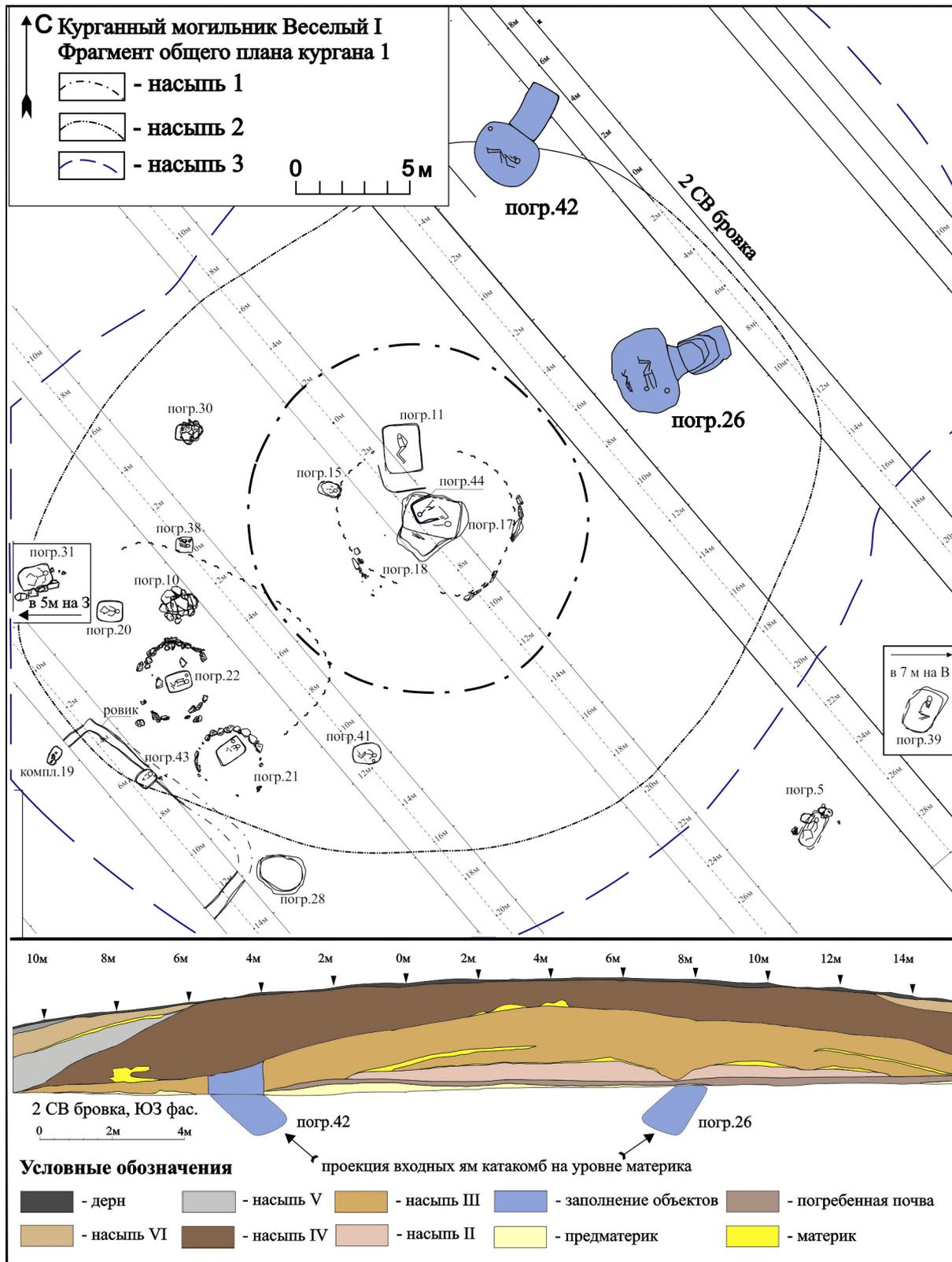

Рис. 1. Курганный могильник Веселый I, курган 1. Фрагмент общего плана и стратиграфического разреза (чертеж Ю.К. Гугуева)

Fig. 1. Vesely I burial mound, kurgan 1. Fragment of the general plan and the stratigraphic section (plan by Yu.K. Guguev)

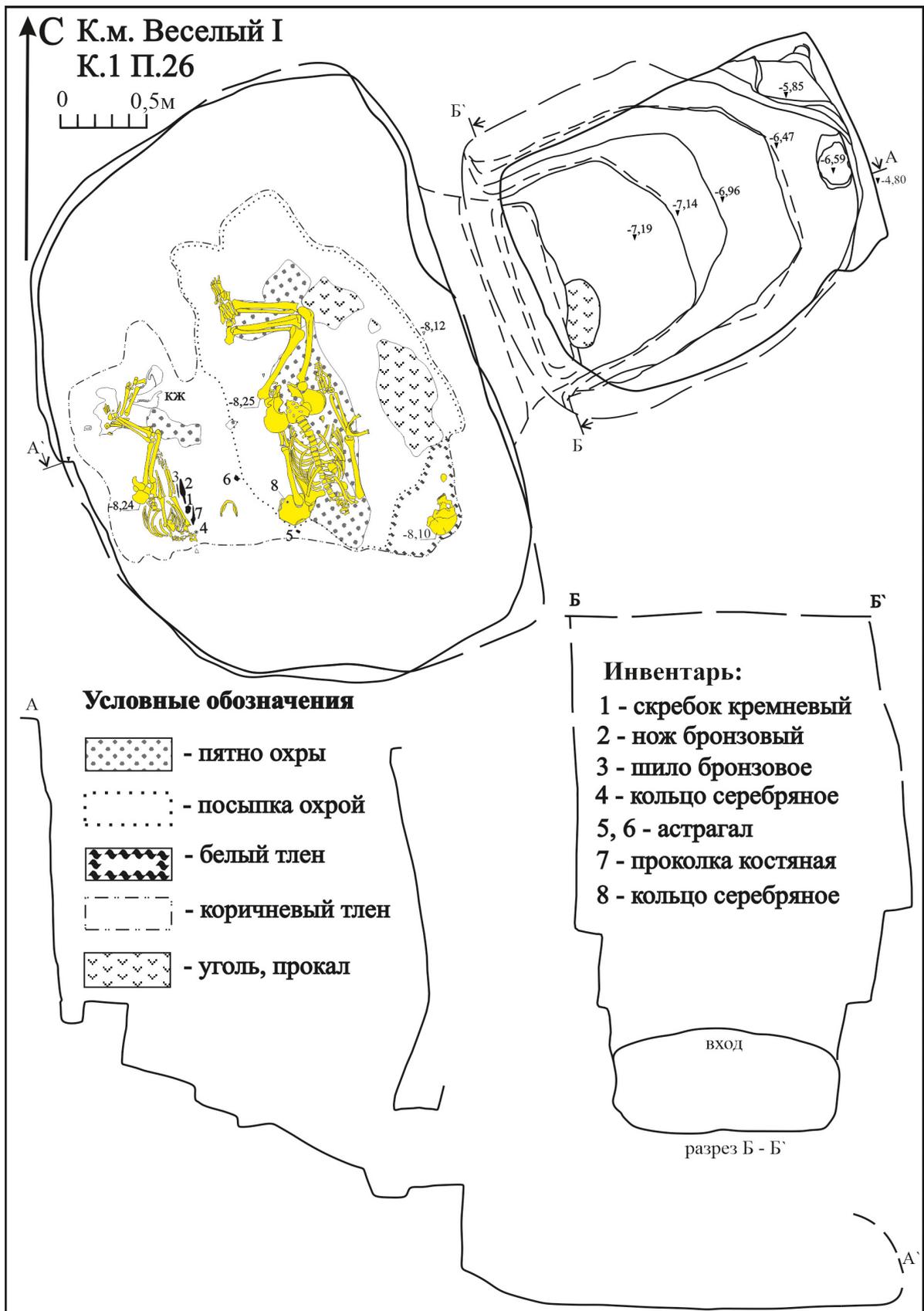

Рис. 2. Курганный могильник Веселый I, курган 1, погребение 26 (чертеж Ю.К. Гугуева)

Fig. 2. Vesely I burial mound, kurgan 1, burial 26 (plan by Yu.K. Guguev)

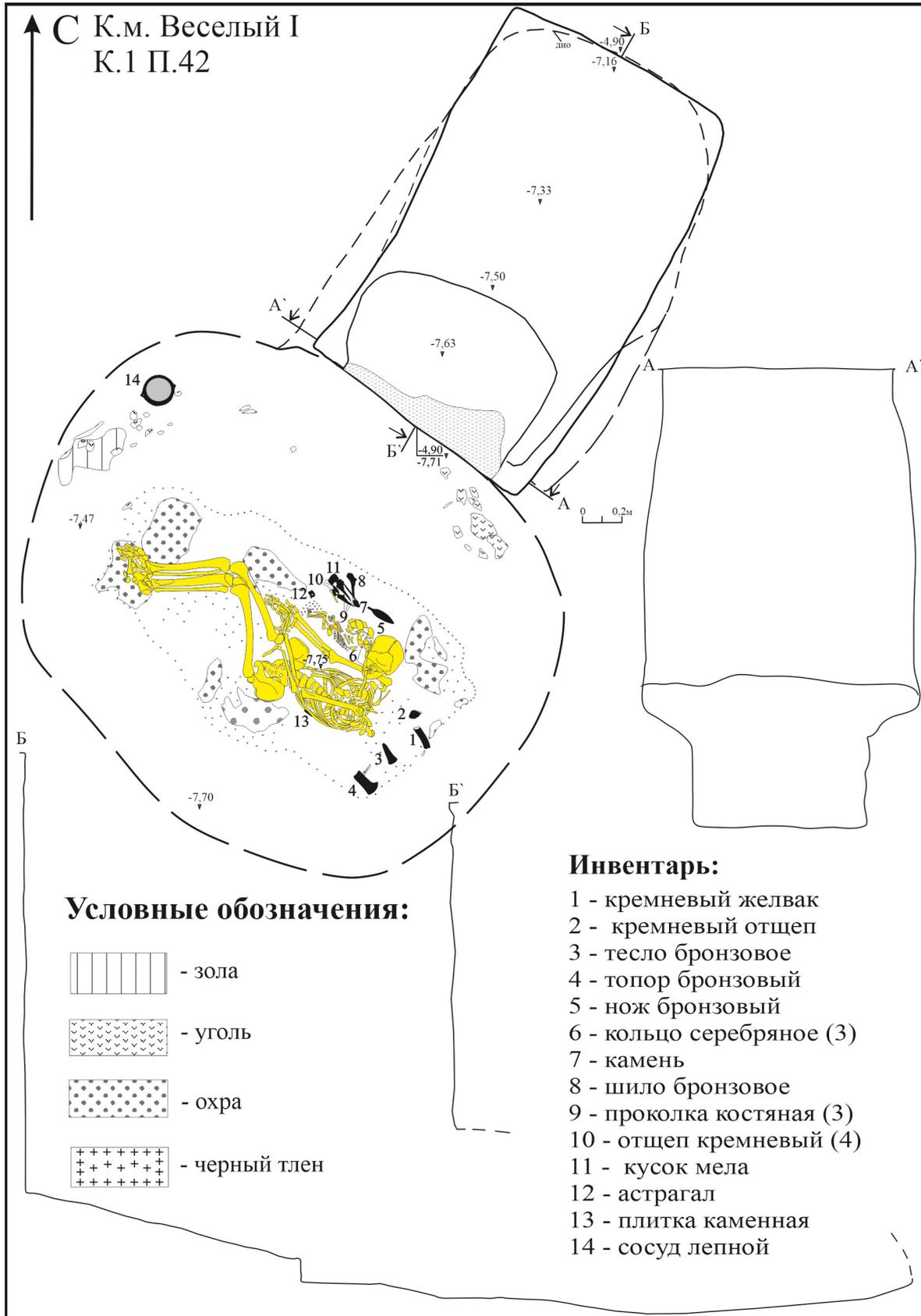

Рис. 3. Курганный могильник Веселый I, курган 1, погребение 42 (чертеж Ю.К. Гугуева)

Fig. 3. Vesely I burial mound, kurgan 1, burial 42 (plan by Yu.K. Guguev)

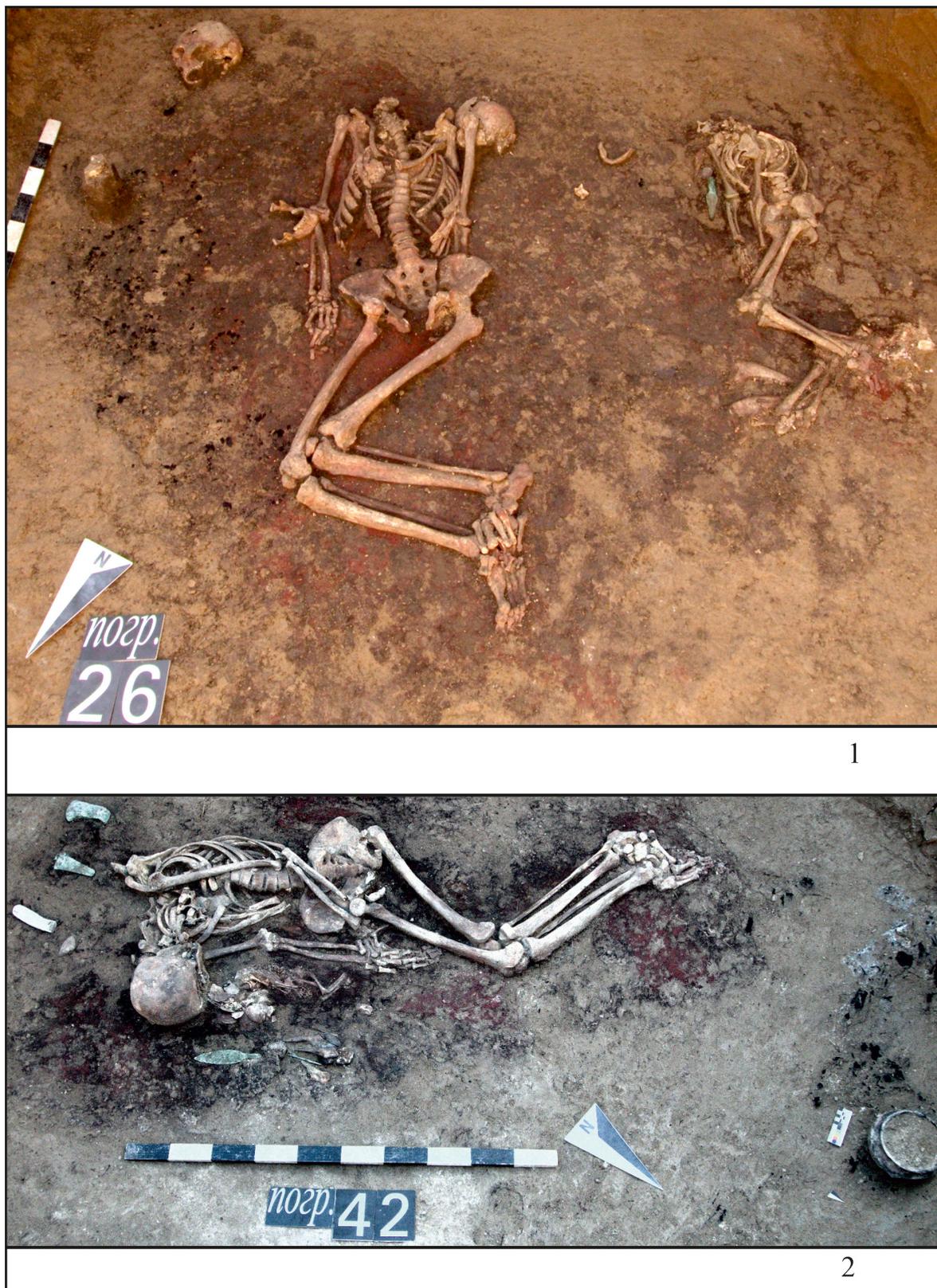

Рис. 4. Курганный могильник Веселый I, курган 1:

1 – погр. 26; 2 – погр. 42 (фото Ю.К. Гугуева)

Fig. 4. Vesely I burial mound, kurgan 1:

1 – burial 26; 2 – burial 42 (photo by Yu.K. Guguev)

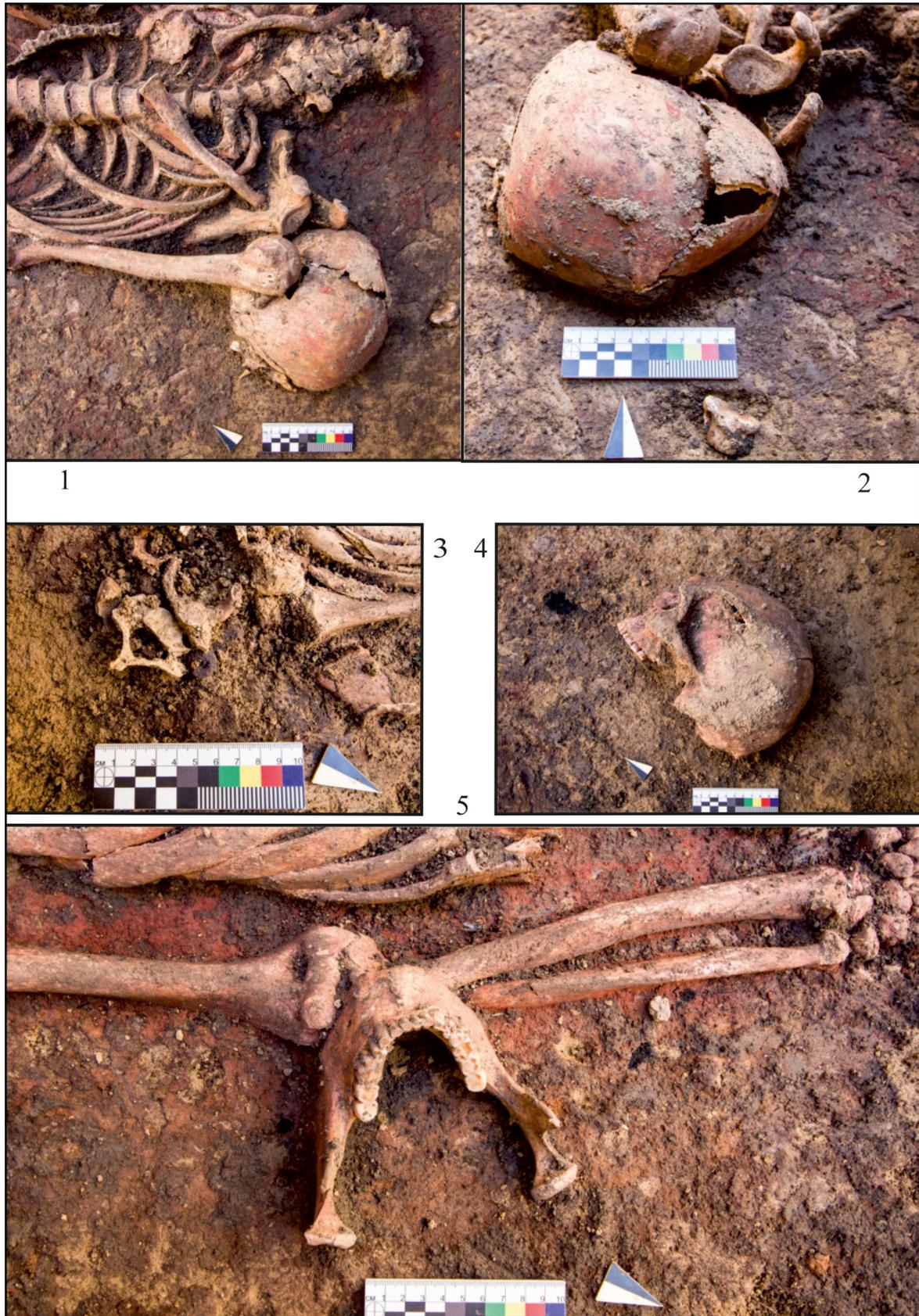

Рис. 5. Курганный могильник Веселый I, курган 1. Детали погребения 26 (фото Ю.К. Гугуева)

Fig. 5. Vesely I burial mound, kurgan 1. Details of the burial 26 (photo by Yu.K. Guguev)

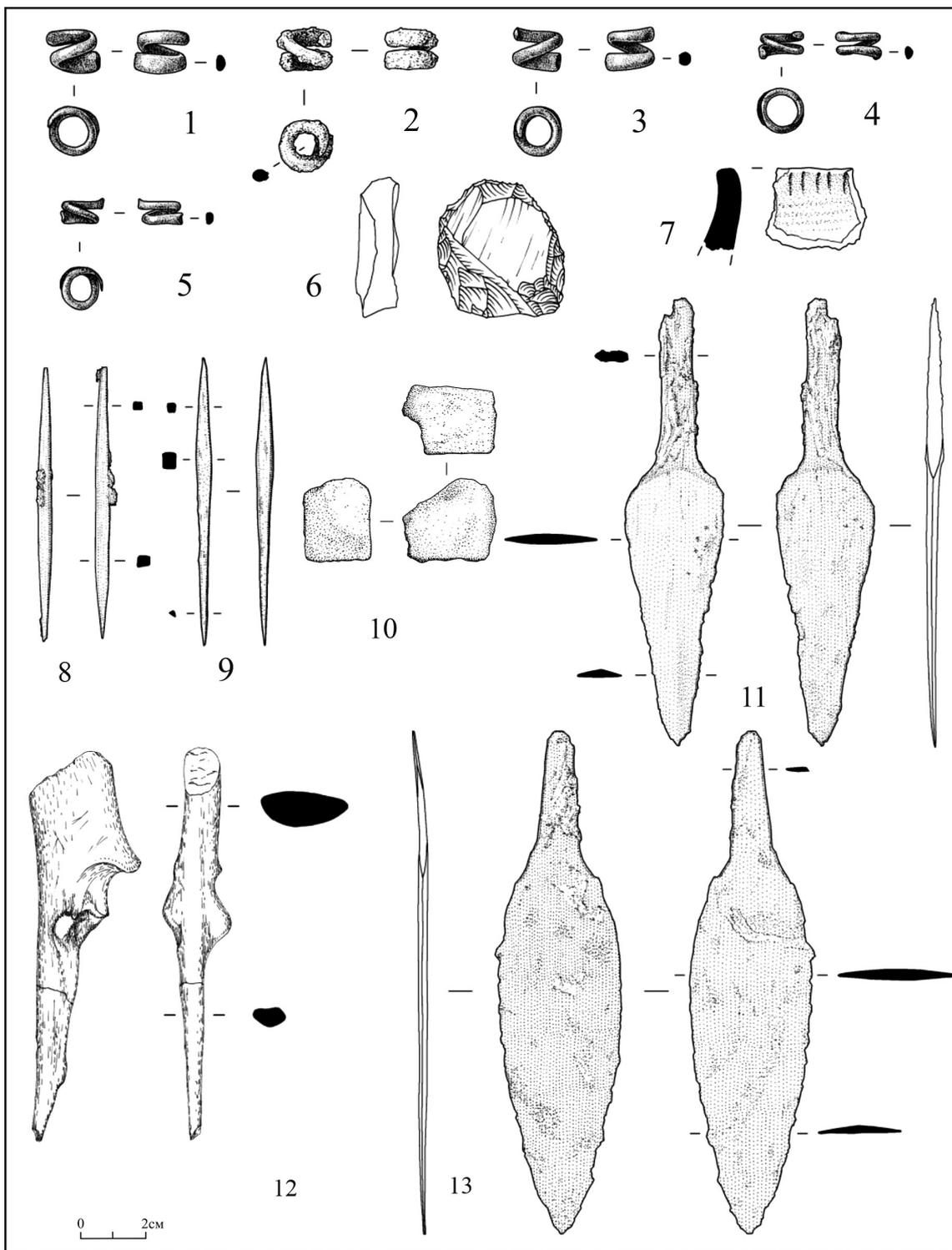

Рис. 6. Курганный могильник Веселый I, курган 1. Рисунки вещей (прорисовки Н.А. Буякиной):
 Погр. 42: 1-3 – серебряные височные кольца; 9 – бронзовое шило; 10 – камень песчаник; 13 – бронзовый нож.
 Погр. 26: 4, 5 – серебряные височные кольца; 6 – кремневый скребок; 7 – фрагмент керамики;
 8 – медное шило; 11 – медный нож; 12 – костяная проколка

Fig. 6. Vesely I burial mound, kurgan 1. Drawings of the grave goods (drawings by N.A. Bunyakina):

Burial 42: 1-3 – silver temple rings; 9 – bronze awl; 10 – sandstone; 13 – bronze knife.

Burial 26: 4, 5 – silver temple rings; 6 – flint scraper; 7 – ceramic fragment;
 8 – copper awl; 11 – copper knife; 12 – bone puncture

Рис. 7. Курганный могильник Веселый I, курган 1, погребение 42. Рисунки вещей и фотография ситуации (прорисовки Н.А. Буныкиной, фото Ю.К. Гугуева):

1–5 – кремневые отщепы; 6 – кремневая конкреция; 7 – бронзовое тесло; 8 – бронзовый топор;
9 – взаиморасположение предметов: бронзовые топор и тесло, кремневые конкреция и отщеп

Fig. 7. Vesely I burial mound, kurgan 1, burial 42. Drawings of the grave goods and their location outlay (drawings by N.A. Bunyakina, photo by Yu.K. Guguev):

1–5 – flint flakes; 6 – flint nodule; 7 – bronze adze; 8 – bronze axe;
9 – relative position of the objects: bronze axe and adze, flint nodule and flake

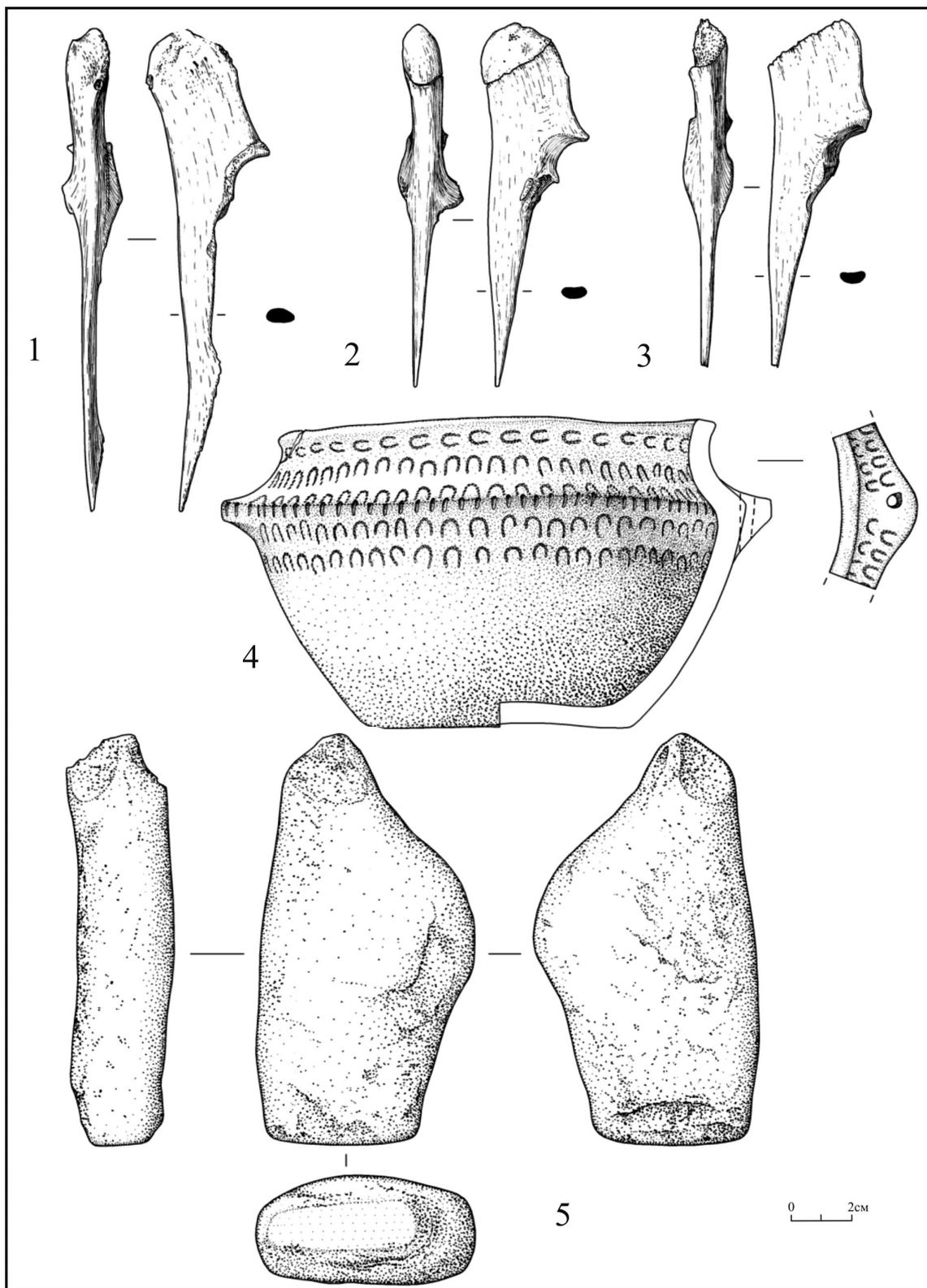

Рис. 8. Курганный могильник Веселый I, курган 1, погребение 42. Рисунки вещей (прорисовки Н.А. Бунякиной):

1-3 – костяные проколки; 4 – глиняный сосуд; 5 – камень

Fig. 8. Vesely I burial mound, kurgan 1, burial 42. Drawings of the grave goods (drawings by N.A. Bunyakina):

1-3 – bone punctures; 4 – clay vessel; 5 – stone

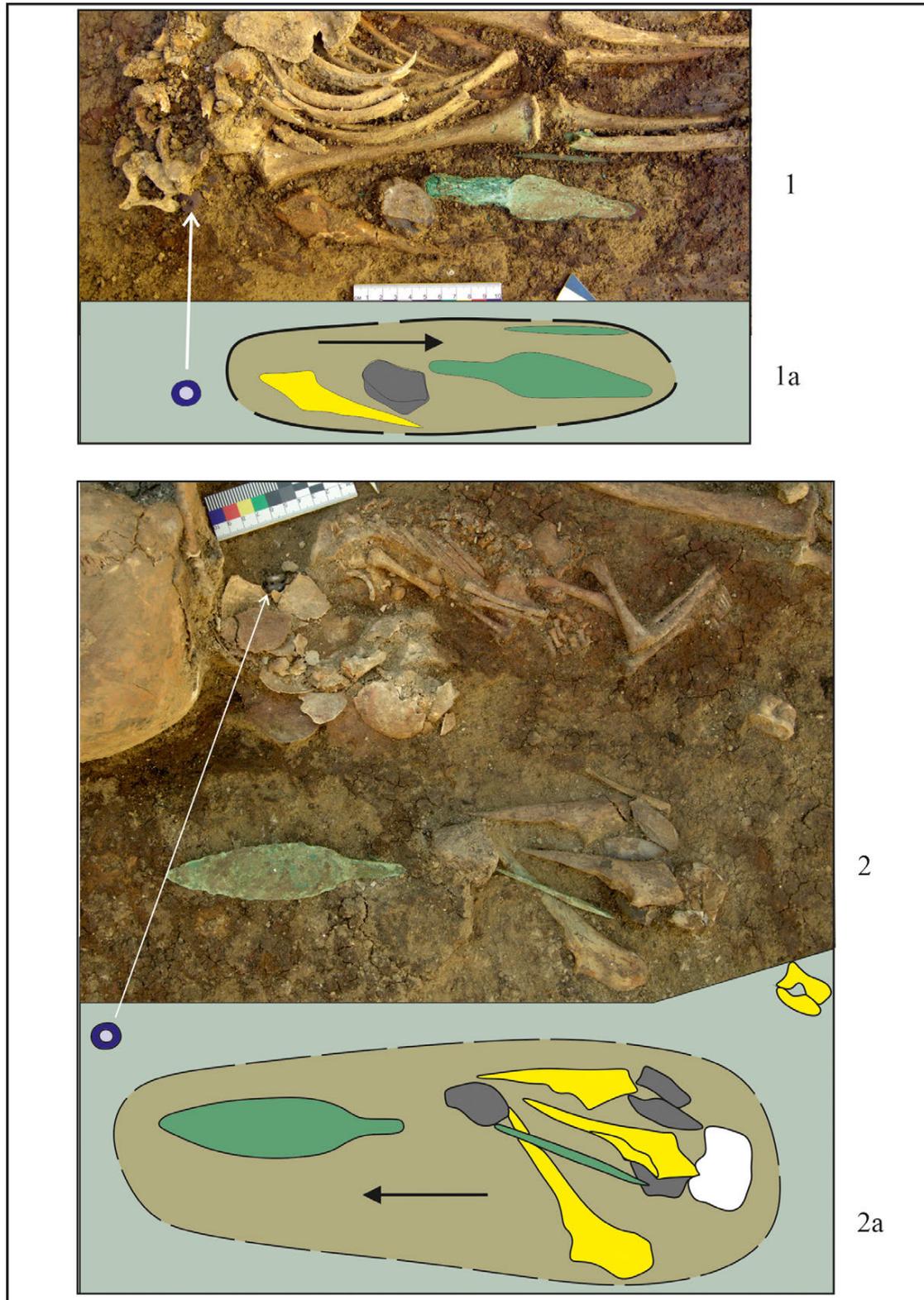

Рис. 9. Курганный могильник Веселый I, курган 1, погребения 26, 42.
Фотографии и реконструкции ситуаций (фото Ю.К. Гугуева):

1, 1a – погр. 26; 2, 2a – погр. 42

Fig. 9. Burial mound Vesely I, kurgan 1, burials 26, 42.
Photographs and the location reconstructions (photo by Yu.K. Guguev):

1, 1a – burial 26; 2, 2a – burial 42

№	Комплекс, пол, возраст	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 68,3%	Дата ВС, вероятность 95,4%
1	погр. 26, мужчина, 35-45 лет	UBA-40363	кость человека	4329±38	3010-2978 2960-2952 2942-2898	3080-3070 3025-2888
2	погр. 26, ребенок, 9 лет	UBA-40364	кость человека	4279±30	2909-2888	3005-2991 2930-2873
3	погр. 42, мужчина, 25-35 лет	UBA-40365	кость человека	4203±35	2888-2860 2808-2756 2719-2704	2898-2837 2815-2673
4	погр. 42, младенец до года	UBA-40366	кость человека	4156±32	2870-2839 2814-2801 2779-2676	2878-2830 2822-2630

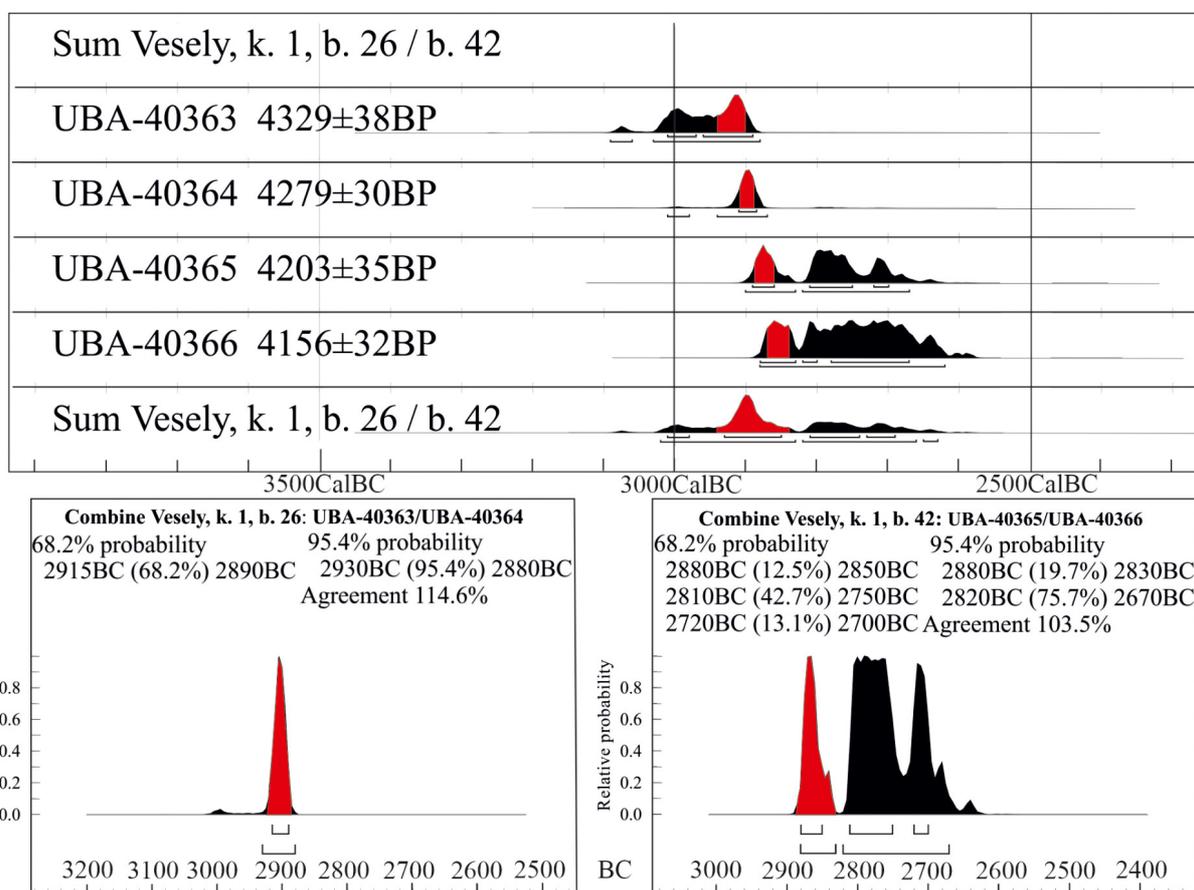
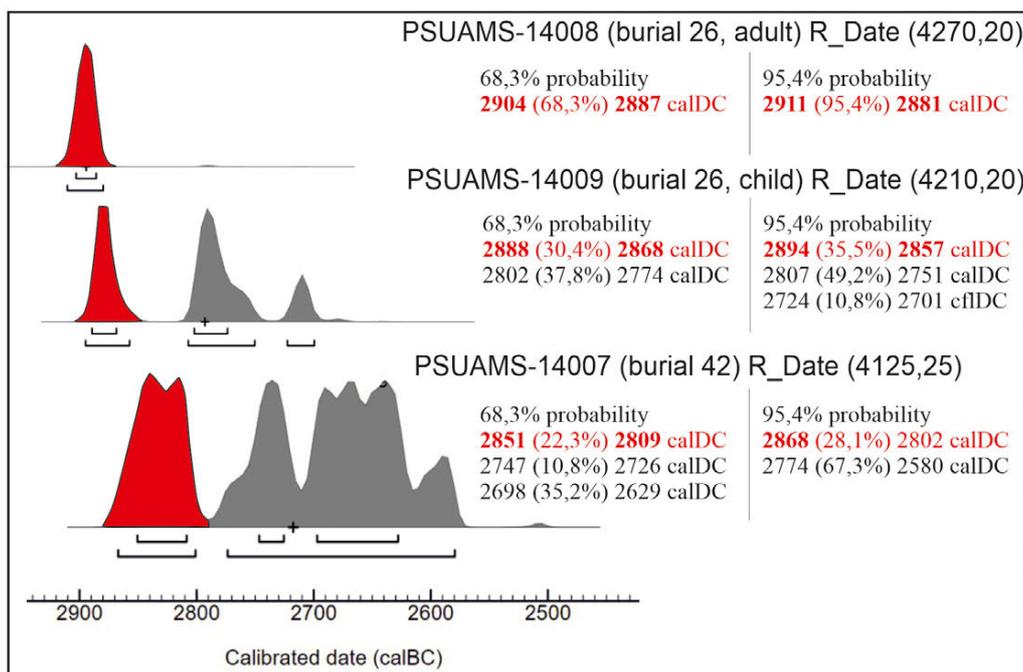

Рис. 10. Результаты АМС-датирования
 (центр ¹⁴CHRONO Королевского университета в Белфасте, Великобритания)
 Fig. 10. AMC dating results (¹⁴CHRONO Centre, Queen's University Belfast, Great Britain)

Skelet code	Sk. element	Locality	SNPs*	Sex	Y	mt DNA	Relationship
I23654	petrous	Rostov Obl., Veselyj Kurgan-1, Burial-26	858,619	M	I2a1b1a2a2a	H2a1	2nd degree I23655, I23656
I23655	petrous	Rostov Obl., Veselyj Kurgan-1, Burial-26	740,694	M	I2a1b1a2a2a	U5a2	1st degree I23656, brothers
I23656	petrous	Rostov Obl., Veselyj Kurgan-1, Burial-42	721,098	M	I2a1b1a2a2a	U5a2	1st degree I23655, brothers

Рис. 11. Результаты естественнонаучных анализов:

- 1 – результаты AMS-датирования (лаборатория масс-спектрометрии ускорителя Университета штата Пенсильвания);
- 2 – данные генетического исследования (автор Дэвид Райх, Гарвардский медицинский институт, США);
- 3 – карта степеней родства (автор Л.А. Вязов, медицинский институт Гарвард, США)

Fig. 11. Natural science analyses results:

- 1 – results of AMC dating (Penn State’s accelerator mass spectrometer);
- 2 – results of the genetic research (author David Reich, Harvard Medical School, USA);
- 3 – degrees of kinship map (author L.A. Vyazov, Harvard Medical School, USA)

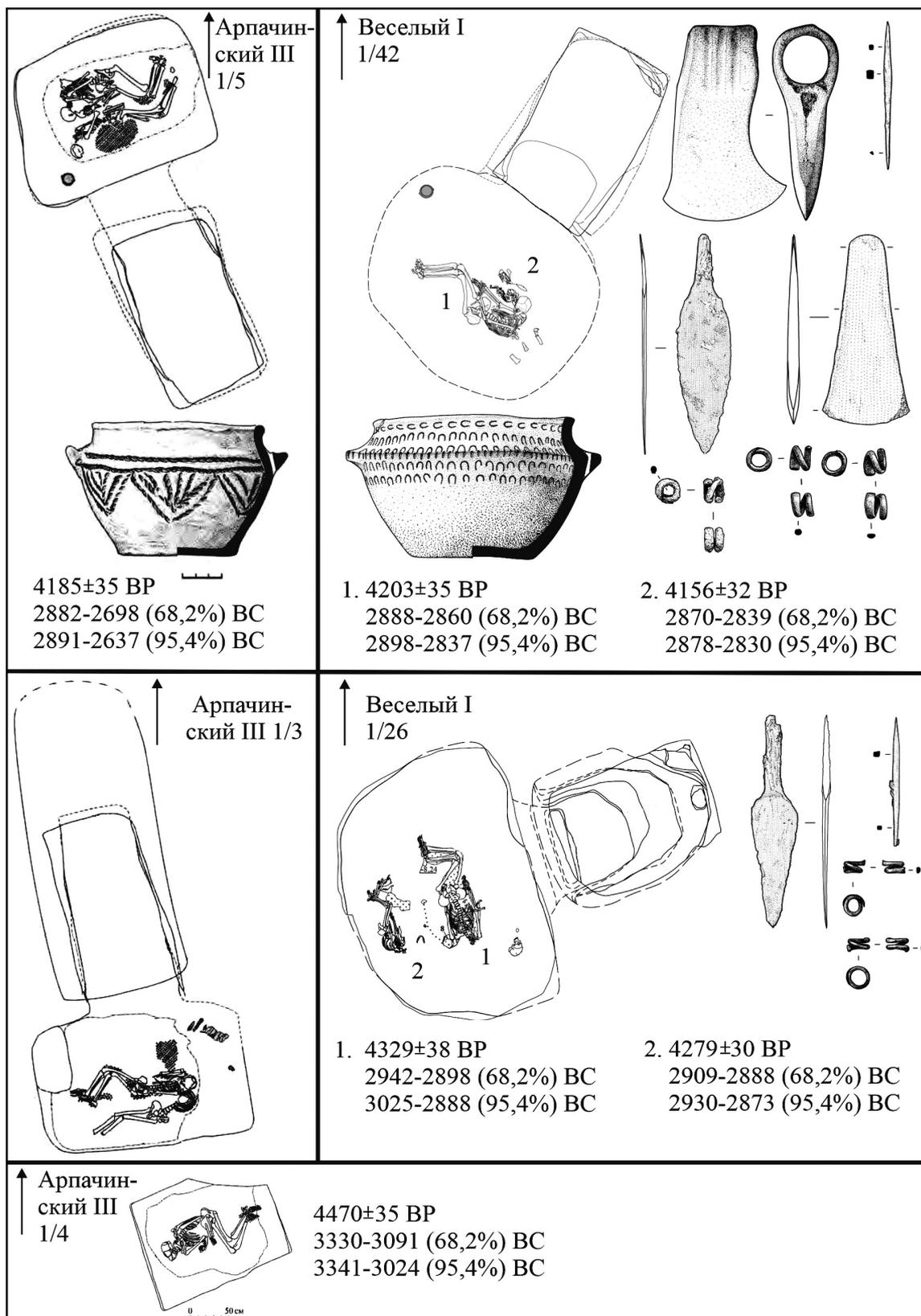

Рис. 12. Синхронистическая таблица погребений из кургана 1 могильника Арпачинский III и кургана 1 могильника Веселый I

Fig. 12. Synchronistic table of burials from kurgan 1 of the Arpachinsky III burial mound and from kurgan 1 of the burial mound Vesely I

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ. 196 с.
- Братченко С. Н., 2012. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев : Скиф. 308 с.
- Гак Е. И., 2016. Переходный период в металлопроизводстве Предкавказья и юго-востока Русской равнины на рубеже ранней и средней бронзы // Исторический журнал: исследования. № 6 (36). С. 760–769. DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.6.20847>
- Гей А. Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. С. 3–10.
- Гей А. Н., Клещенко А. А., 2015. Исследования курганного могильника Арпачинский III на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 239. С. 224–239.
- Гугуев Ю. К., 2019. Отчет о раскопках курганов в могильниках Веселый I и Черкасов V в Аксайском районе Ростовской области в 2018 г. Т. 1. Могильник Веселый I // Научный архив ИА РАН. Р-1, № 59463–59467.
- Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 182 с.
- Кияшко А. В., 2001. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 93–109.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 268 с.
- Кияшко А. В., 2019. Новые данные о формировании курганного обряда в эпоху энеолита – ранней бронзы на Нижнем Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 13–28.
- Кияшко А. В., 2020. Распространение катакомбного погребального обряда в процессе взаимодействия оседлого и кочевого населения Евразии в бронзовом веке // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ) : материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.). СПб. : ИИМК РАН. 308 с. DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-09-5-83-85>
- Кияшко А. В., 2024. Естественнаучный анализ материалов из раннекатакомбных погребений кургана 1 могильника Веселый I у г. Новочеркаска // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века : материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения». М. : ИА РАН. С. 64–68.
- Климушина А. И., 2023. Находки металлических топоров и их литейных форм в погребениях степных культур эпохи средней бронзы Восточной Европы // Археологические записки. Вып. 11. Ростов-на-Дону : Альтаир. С. 114–123.
- Кореневский С. Н., 2019. Комплексы с золотыми украшениями IV–III тыс. до н.э. из района Кавказских Минеральных Вод // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47, № 2. С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.024-032>
- Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука. 230 с.
- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М. : Таус. 292 с.
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М. : Наука. 216 с.
- Санжаров С. Н., 1983. Катакомбное погребение близ города Северска (Донецк) // Советская археология. № 3. С. 202–208.
- Усачук А. Н., 2009. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой // Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. Т. 1. М. : Таус. С. 170–174.

- Шинкарь О. А., 2020. Погребение представителей элиты эпохи средней бронзы из Нижнего Поволжья // *Stratum plus*. № 2. С. 135–153.
- Shishlina N., Zazovskaya Å., van der Plicht J., Sevastyanov V., 2012. Isotopes, Plants, and Reservoir Effects: Case Study from the Casplan Steppe Bronze Age // *Radiocarbon*. Vol. 54, iss. 3-4, pp. 749-760. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0033822200047408>

REFERENCES

- Bratchenko S.N., 2001. *Donec 'ka katakombna kul'tura rann'ego etapu* [Donetsk Catacomb Culture of the Early Stage]. Luhansk. 196 с.
- Bratchenko S.N., 2012. *Leventsovskaya krepost'. Pamyatnik kul'tury bronzovogo veka* [Leventsovskaya Fortress. Monument of Culture of the Bronze Age]. Kyiv, Skif Publ. 308 p.
- Gak E.I., 2016. Perekhodnyy period v metalloproizvodstve Predkavkaz'ya i yugo-vostoka Russkoy ravniny na rubezhe ranney i sredney bronzy [The Transitional Period in Metal Production in the Pre-Caucasus and the South-East of the Russian Plain at the Turn of the Early and Middle Bronze Age]. *Istoricheskiy zhurnal: issledovaniya* [History Magazine – Researches], no. 6 (36), pp. 760-769. DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.6.20847>
- Gei A.N., 2011. Spornye voprosy i perspektivy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Catacomb Cultural and Historical Unity: Problems, Discussions, and Prospects of Investigation]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 225, pp. 3-10.
- Gey A.N., Kleshchenko A.A., 2015. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Arpachinskiy III na Nizhnem Donu [Studies of Arpachinsky III Burial Ground in the Lower Don Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 239, pp. 224-239.
- Guguev Yu.K., 2019. Otchet o raskopkakh kurganov v mogil'nikakh Veselyy I i Cherkasov V v Aksayskom rayone Rostovskoy oblasti v 2018 g. T. 1. Mogil'nik Veselyy I [Report on the Excavation of Kurgans in the Cemeteries of Vesely I and Cherkasov V in the Aksai District of the Rostov Region in 2018. Vol. 1. The Cemetery of Vesely I]. *Nauchnyy arkhiv IARAN*, R-1, no. 59463–59467.
- Kiyashko A.V., 1999. *Proiskhozhdenie katakombnoy kul'tury Nizhnego Podon'ya* [The Origin of the Catacomb Culture of the Lower Don Region]. Volgograd, VolSU. 182 p.
- Kiyashko A.V., 2001. O vostochnykh predelakh rasprostraneniya ranneкатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья [On the Eastern Limits of the Early Catacomb Rite in the Territory of the Volga-Don Interfluve]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 93-109.
- Kiyashko A.V., 2002. *Kul'turogenез na vostoке katakombного mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, VolSU. 268 p.
- Kiyashko A.V., 2019. Novye dannye o formirovaniі kurgannого obryada v ehpokhu ehneolita – ranney bronzy na Nizhnem Donu [New Data on the Formation of the Kurgan Rite in the Epoch of the Eneolithic – Early Bronze Age on the Lower Don]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovого veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnого vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of Cultures of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Zone of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Thousand BC]. Orenburg, OSPU, pp. 13-28.
- Kiyashko A.V., 2020. Rasprostranenie katakombного pogrebal'nого obryada v protsesse vzaimodeystviya osedlogo i kochevого naseleniya Evrazii v bronzovom veke [The Spread of the Catacomb Burial Rite in the Process of Interaction Between the Sedentary and Nomadic Populations of Eurasia in the Bronze Age]. *Drevnie i srednevekovye kul'tury Central'noy Azii (stanovlenie, razvitie i vzaimodeystvie urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv): materialy Mezhdunar. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. A. M. Mandel'shtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. I. N. Khlopina (Sankt-Peterburg, 10–12 noyabrya 2020 g.)* [Ancient and Medieval Cultures of Central Asia (The Formation, Development and Interaction of Urbanized and Cattle-Breeding Societies). Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Birth Anniversary of Doktor Nauk in Historical Sciences Anatolii M. Mandelstam and the 90th Birth Anniversary of Doktor Nauk in Historical Sciences Igor' N. Khlopin (St. Petersburg, 10–12 November 2020)]. Saint Petersburg, IHMC RAS. 308 p. DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-09-5-83-85>

- Kiyashko A. V., 2024. Estestvennonauchnyy analiz materialov iz rannekatakombnykh pogrebeniy kurgana 1 mogil'nika Veselyy I u g. Novochoerkasska [Natural-Scientific Analysis of Materials from the Early Catacomb Burials of Kurgan 1 of the Vesely I Cemetery near Novochoerkass]. *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. po arkheologii Severnogo Kavkaza «XXXIII Krupnovskie chteniya»* [Achievements and Prospects of Studying the Archaeology of the North Caucasus in the XX – First Quarter of the XXI Century: Materials of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”]. Moscow, IA RAS, pp. 64-68.
- Klimushina A. I., 2023. Nakhodki metallicheskih toporov i ikh liteynykh form v pogrebeniyakh stepnykh kul'tur ehpokhi sredney bronzy Vostochnoy Evropy [Finds of Metal Axes and Their Foundries in the Burials of Steppe Cultures of the Middle Bronze Age of Eastern Europe]. *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological Notes], iss. 11. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., pp. 114-123.
- Korenevskiy S. N., 2019. Kompleksy s zolotymi ukrasheniyami IV–III tys. do n. e. iz rayona Kavkazskikh Mineral'nykh Vod [Complexes with Gold Ornaments of the 4th – 3rd Thousand BC from the Area of Caucasian Mineral Waters]. *Arkheologiya, ehnoGRAfiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], vol. 47, no. 2, pp. 24-32. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.024-032>
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. *Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'e kak arkheologicheskiy istochnik po ehpokhe bronzovogo veka na stepnoy granitse Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [Bolshoy Ipatovsky Kurgan in Stavropol Region as an Archaeological Source for the Bronze Age on the Steppe Border of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ. 230 p.
- Mimohod R. A., 2009. *Kurgany ehpokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov* [Kurgans of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural and Chronological Attribution of Complexes]. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, vol. 10. Moscow, Taus Publ. 292 p.
- Raevskiy D. S., 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii* [Essays on the Ideology of the Scythian-Saka Tribes. The Experience of Reconstruction of Scythian Mythology]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Sanzharov S. N., 1983. Katakombnoe pogrebenie bliz goroda Severska (Donetsk) [Catacomb Burial near the City of Seversk (Donetsk)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 202-208.
- Usachuk A. N., 2009. Funktsional'nyy analiz kamennykh i kostyanykh izdeliy iz pogrebeniya 5 kurgana 3 mogil'nika Zolotoy [The Spread of the Catacomb Burial Rite in the Process of Interaction Between the Sedentary and Nomadic Populations of Eurasia in the Bronze Age]. Mimokhod R. A. *Kurgany ehpokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov* [Mounds of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural and Chronological Attribution of Complexes]. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, vol. 1. Moscow, Taus Publ., pp. 170-174.
- Shinkar' O. A., 2020. Pogrebenie predstaviteley ehlyity ehpokhi sredney bronzy iz Nizhnego Povolzh'ya [Middle Bronze Age Elite Burials in the Lower Volga Region]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 135-153.
- Shishlina N., Zazovskaya A., van der Plicht J., Sevastyanov V., 2012. Isotopes, Plants, and Reservoir Effects: Case Study from the Casplan Steppe Bronze Age. *Radiocarbon*, vol. 54, iss. 3-4, pp. 749-760. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0033822200047408>

Information About the Author

Alexey V. Kiyashko, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Specialist, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18 Letter A, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, volgodon5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7666-4477>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Кияшко, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий специалист, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18 литера А, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, volgodon5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7666-4477>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>

UDC 902.1
BBC 63.4(2)

Submitted: 04.09.2024
Accepted: 06.11.2024

WARRIOR BURIAL FROM “VYSOKAYA MOGILA – STUDENIKIN MAR” NECROPOLIS: NEW FINDS OF DEFENSIVE ARMOR OF THE SOUTHERN URALS EARLY NOMADS

Sergey V. Sirotin

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Konstantin S. Okorokov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Daria S. Bogachuk

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article publishes a warrior burial from the Southern Urals. In the kurgan with specific features of the South Ural nomads' elite burial rite, a central dromos with an individual burial of a nomadic military nobility representative was studied. In the burial, rich accompanying inventory was found which included elements of weapons, a bronze cauldron and a bronze ladle (bailer). The elements of the defensive armor are of a particular research interest. These are fragments of iron laminar armor and a bronze scaly helmet with an iron laminar backplate. A scaly bronze helmet was found for the first time in the burial complexes of the South Ural nomads. Some of the items from the accompanying inventory in the burial have analogies not only in the complexes of the Filippovka circle in the South Urals, but also in the Scythian burials of the Dnieper region, the Middle and Lower Don, and the North Caucasus. A sacrificial complex in the area around the kurgan with elements of horse equipment is an interesting find. Some of the items from it have no analogues in the Southern Urals and are associated by their origin with the Scythian and Meotian complexes of the Dnieper, Don and Northern Caucasus. Based on the nature of the burial rite and the inventory, the studied complex dates back to the last third of the 4th – early 3rd centuries BC.

Key words: Southern Urals, early nomads, dromos burials, defensive armor, Filippovka circle complexes.

Citation. Sirotin S.V., Okorokov K.S., Bogachuk D.S., 2024. Voinskiy kompleks iz nekropolya «Vysokaya mogila – Studenikin Mar»: novye nahodki zashchitnogo vooruzheniya rannih kochevnikov na Yuzhnom Urale [Warrior Burial from “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis: New Finds of Defensive Armor of the Southern Urals Early Nomads]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 156-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 04.09.2024
Дата принятия статьи: 06.11.2024

ВОИНСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ НЕКРОПОЛЯ «ВЫСОКАЯ МОГИЛА – СТУДЕНИКИН МАР»: НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Константин Сергеевич Окорок

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Дарья Сергеевна Богачук

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуется воинский комплекс из Южного Приуралья. В кургане, обладающем характерными признаками погребального обряда элитных захоронений южноуральских номадов, было исследовано центральное дромосное погребение с индивидуальным захоронением представителя кочевой военной знати. В погребении найден богатый сопроводительный инвентарь. В его состав входили элементы вооружения, бронзовый котел и бронзовый ковш (черпак). Особый интерес вызывают элементы защитного вооружения. Это фрагменты железного ламинарного доспеха и бронзовый чешуйчатый шлем с железным ламинарным назатыльником. Чешуйчатый бронзовый шлем в комплексах южноуральских номадов найден впервые. Часть вещей из сопроводительного инвентаря в погребении имеет параллели не только в комплексах филипповского круга на Южном Урале, но и в скифских погребениях Поднепровья, Среднего и Нижнего Дона, Северного Кавказа. Интересной находкой является жертвенный комплекс в околочурганном пространстве с элементами конского снаряжения. Часть предметов из него не имеет аналогий на Южном Урале и связана своим происхождением со скифскими и меотскими комплексами Поднепровья, Подонья и Северного Кавказа. По характеру погребального обряда и инвентарю исследованный комплекс датируется в пределах последней трети IV – начала III в. до н.э.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, дромосные могилы, защитное вооружение, комплексы филипповского круга.

Цитирование. Сиротин С. В., Огороков К. С., Богачук Д. С., 2024. Воинский комплекс из некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар»: новые находки защитного вооружения ранних кочевников на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 156–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>

Введение

Элементы вооружения в раннекочевнических комплексах Южного Урала широко известны в материалах курганных некрополей. Большую часть из них составляют предметы наступательного вооружения, представленные находками мечей и кинжалов, наконечниками копий, наборами бронзовых и железных наконечников стрел, элементами воинской гарнитур. В результате исследований, которые проводились в конце XX в., а также первые десятилетия XXI в. среди находок в погребениях южноуральских номадов существенным образом возросла доля защитного вооружения. Оно представлено железными чешуйчатыми доспехами, комбинированными (железно-костяными и железно-бронзовыми) доспехами, костяными пластинчатыми панцирями, а также экземплярами цельнометаллического доспеха [Васильев, 2001; Мещеряков, 2011; Дедюлькин и др., 2019; Сиротин, Огороков, 2020]. Подавляющее большинство предметов, относящихся к категории защитного вооружения, происходит из элитных погребений памятников филипповского круга середины IV – начала III в. до н.э. По наблюдениям Д.В. Мещерякова, для предшествующего времени (ко-

нец VI – V в. до н.э.) находки железных пластин от доспеха известны в двух случаях (Покровка II, кург. 2, погр. 1; Кырык-Оба II, курган 2) [Мещеряков, 2011, с. 152]. Цельнометаллические доспехи происходят из комплексов более позднего времени и представлены в материалах могильников Прохоровка и Бердянка V [Мещеряков, 2011, с. 153]. Датируются эти находки второй половиной III – II в. до н.э. [Дедюлькин и др., 2019, с. 71, 76].

Публикуемый в статье воинский комплекс был исследован в 2021 г. Приуральской археологической экспедицией ИА РАН в ходе работ на курганном некрополе «Курганное поле Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье [Сиротин и др., 2023]. Могильник расположен в Оренбургском районе Оренбургской области в 50 км западнее г. Оренбург (рис. 1). В его состав входят пять курганных групп, имеющих свои названия и нумерацию, и которые включают большие курганы филипповского круга и несколько десятков средних и малых [Сиротин и др., 2018; 2020]. Центральное положение в некрополе «Курганное поле “Высокая Могила – Студеникин Мар”» занимает группа 1 «Высокая Могила», названная так по самому большому кургану некрополя (диаметром 140 м и высо-

той более 7 м). Группа 2 «Межевой Мар», раскопки которой проводились в 2021 г. (кург. 4), находится к западу от группы 1 «Высокая Могила» и включает 5 больших курганов (диаметром 44–64 м, высотой 0,8–2,5 м), три маленьких кургана (диаметром 24–35 м, высотой 0,3–0,4 м) и два жертвенно-поминальных комплекса в виде прямоугольных земляных оград размерами 49 × 51 м и 56 × 58 м, высотой оград 0,2–0,4 м.

Археологический контекст и особенности погребального обряда

Курган 4 располагался в западной части группы. Насыпь кургана диаметром 44 м и высотой 0,8 м (рис. 2,1,2) была повреждена грабительскими шурфами и в центральной части представляла собой массив сильно прокаленного грунта с крупными шлаками. В центре подкурганной площадки находилось основное дромосное погребение (погр. 1), вокруг которого из материкового суглинки был насыпан кольцевой округло-овальный валик. Диаметр валика составил 30–32 м, высота 0,5–0,6 м. Ширина валика варьировалась на разных участках от 3 до 5 м.

В южной поле, за пределами кругового валика были обнаружены кости лошади. Среди них были найдены три бронзовых трехлопастных наконечника стрел (рис. 2,3). Отдельные скопления костей, либо целые скелеты лошадей достаточно часто фиксируются на подкурганых площадках в раннежелезные курганах V–IV вв. до н.э., что символизировало присутствие коня в погребальном обряде. Наличие костей лошади на древней поверхности в курганах с дромосными центральными погребениями и «шатровыми» надмогильными конструкциями за пределами кольцевых валиков является характерной чертой в системе организации надмогильного пространства в памятниках филипповского круга, таких как Переволочан 1, Филипповка 1, 2, кургане Яковлевка 2 и др. [Пшеничнюк, 1995; 2012; Сиротин, 2008; 2009; 2010; Очир-Горяева, 2012; Яблонский, 2013; Яблонский и др., 2023]. Прослеживается эта черта погребального обряда во всех исследованных больших курганах некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар»

[Сиротин и др., 2018; Сиротин, Богачук, 2019; Сиротин и др., 2020].

Центральная могила представляла собой овальную камеру размерами 7,8 × 7 м, глубиной от уровня материковой поверхности до 1,3 м, ориентированной длинной осью по линии 3 – В (рис. 2,1, 3,1–6). С юга в камеру заходил дромос длиной 3,5 м. Устье дромоса и южная часть ямы были разрушены грабительскими шурфами. Дромос имел трапециевидную в сечении форму и ровное наклонное к устью дно. На дне могильной ямы в центральной части находился глинобитный алтарь-жертвенник прямоугольной формы размерами 1 × 0,75 м, ориентированный длинной осью по линии 3 – В. На дне, вдоль стенок камеры фиксировались 11 столбовых ям диаметром 0,2–0,4 м, глубиной от дна могильной ямы до 0,4 м. Две столбовые ямы (диаметром 0,15–0,3 м, глубиной до 0,3 м) были выявлены в центральной части камеры. Данные ямы относились к опорной столбовой системе от надмогильной конструкции.

В погребении было совершено индивидуальное мужское (?) захоронение с богатым сопроводительным инвентарем. В западной части могильной камеры найдены несколько обгоревших мелких костей от человеческого скелета, правая и левая голени, пяточная кость и кости стопы левой ноги. Здесь же прослеживались остатки погребального ложа. Судя по сохранившимся фрагментам, деревянная конструкция представляла собой рамный прямоугольник с поперечными перекладинами из плотно подогнанных поперечных плах. Общие размеры погребального ложа 3,2 × 1,6 м. Длинной осью конструкция была ориентирована по линии С – Ю. Судя по найденным костям скелета, погребенный располагался в вытянутом на спине положении и был ориентирован головой на юг. Около костей левой голени были найдены остатки колчана с набором трехлопастных бронзовых наконечников стрел (245 экз.) (рис. 4,1), еще три бронзовых трехлопастных наконечника находились около костей левой стопы (рис. 4,2). Под колчаном находился железный колчаный крючок (рис. 4,3). Около колчана была найдена серебряная ворворка (рис. 4,4). Чуть в стороне был обнаружен набор вещей, включавший в себя железный нож с горбатой спинкой (рис. 4,5),

фрагмент каменного оселка, железную пряжку-сюльгаму (рис. 4,6), железную проколку (рис. 4,7). Между костями правой и левой голени была найдена бронзовая пронизь (рис. 4,10). Около остатков деревянной рамы лежал железный длинновтульчатый наконечник копья (рис. 4,9). Около юго-западного угла алтаря-жертвенника был обнаружен железный вток от копья (рис. 4,8).

В центральной части ямы, в 0,5 м от остатков погребального ложа были найдены фрагменты железного ламинарного доспеха (рис. 6,4).

В юго-восточном секторе ямы, около стенки был найден бронзовый котел и бронзовый ковш (рис. 5,1,2). Нужно отметить, что эта часть камеры в наибольшей степени пострадала от огня. Бронзовый котел был оплавлен и потерял свою первоначальную форму. Кроме того, на дне камеры, прежде всего в ее восточной части, фиксировались бесформенные бронзовые пластины – остатки расплавленных в пожаре вещей из бронзы.

Северная часть камеры меньше пострадала от огня, и здесь был обнаружен *in situ* бронзовый чешуйчатый шлем с железным пластинчатым назатыльником (рис. 6,1–3). Здесь же были найдены остатки деревянной чаши с золотыми гвоздиками и проволочной спиралью (оплетка) (рис. 7,1,2).

По характеру насыпи, планиграфическим особенностям организации подкурганной площадки и надмогильного пространства курган 4 вполне соответствует общим принципам сооружения других больших курганов некрополя, исследованных в предшествующие годы, а также другими известными курганами филипповского круга Южного Урала [Сиротин и др., 2018; Сиротин, Богачук, 2019; Сиротин и др., 2020; Сиротин, 2021].

Дромосные погребальные сооружения в центральной части курганов характерны для элитных комплексов не только в Урало-Илекском междуречье (Урало-Илекский локус), но также для степной полосы восточных предгорий Южного Урала (Урало-Сакмарский локус) и Восточного Оренбуржья (Урало-Орский локус) середины IV – начала III в. до н.э. [Сиротин, 2021].

Практически все они характеризуются сходными принципами архитектурной органи-

зации: центральные погребения с дромосом, кольцевые валики, деревянные надмогильные конструкции, курганное сооружение из деревянных блоков. На подкурганной площадке размещаются жертвенные комплексы, в южной части скопления костей лошади. Курганы с подобной организацией надмогильного пространства и архитектурой исследователи относят к погребениям кочевой знати [Мошкова и др, 2011, с. 165; Мышкин, 2011, с. 168–169; Пшеничнюк, 2012, с. 62–66, 89; Яблонский, 2013, с. 41].

Обращает на себя внимание индивидуальный характер захоронения. В большинстве своем в памятниках филипповского круга центральные дромосные могилы использовались как земляные склепы для коллективных захоронений. Кроме того, вызывает интерес и деревянная надмогильная конструкция. Проследить ее конструктивный характер не представлялось возможным, поскольку она оказалась полностью сгоревшей. Можно лишь предполагать, исходя из количества столбовых ям, что надмогильная конструкция представляла собой достаточное мощное сооружение. В известных памятниках филипповского круга аналогичная конструктивная ситуация прослеживается в кургане Темир [Зданович, Хабдуллина, 1987, рис. 3].

Очевидно, что горение конструкции в кург. 4 происходило в условиях хорошего доступа кислорода, поскольку дерево выгорело полностью, а пожар был такой мощности, что центральная часть насыпи спеклась в крупные глыбы шлаков и прокалилась не только погребенная почва, но и материк. Во всех исследованных в предшествующие годы курганах данного некрополя наблюдается одинаковая картина – выгоревшие полностью надмогильные конструкции, что позволяет сделать вывод о сходной технологии сооружения курганов, в рамках которой предусмотрено тотальное выгорание деревянной надмогильной конструкции при совершении обрядовых действий.

Относительно данной детали, характерной для большого количества курганов филипповского круга у исследователей нет единой точки зрения, о чем уже неоднократно отмечалось в литературе [Пшеничнюк, 2012, с. 66; Таиров, 2014, с. 243; Сиротин и др., 2019,

с. 238]. Одни исследователи считают сгоревшие и обугленные конструкции результатом ограблений [Пшеничнюк, 1995, с. 93–94; 2012, с. 66; Таиров, 2014], другие рассматривают их в контексте погребального обряда [Степи ... , 1989, с. 165]. На наш взгляд сгоревшие или обугленные конструкции в курганах филипповского круга связаны с этнографическими особенностями погребального обряда отдельных групп кочевой знати филипповского объединения [Сиротин и др., 2019, с. 238; 2020, с. 210; Сиротин, 2022, с. 29; Яблонский и др., 2023, с. 20]. В недавней работе по хронологии кургана 1 могильника Филипповка 1 В.Н. Васильевым выдвинута интересная и не лишённая определенных оснований идея о сознательном уничтожении погребальных сооружений и выносе наиболее ценных вещей из погребальной камеры соплеменниками перед миграцией на другие территории [Васильев, 2022, с. 317]. В задачу данной публикации не входит подробный анализ данного явления и различных точек зрения о его природе, однако следует обратить внимание на ряд обстоятельств. В версиях об отсутствии ритуально-обрядового характера горения и его увязки с грабителями или уничтожением комплекса перед миграцией остается открытым вопрос: почему следы горения отмечены не во всех курганах имеющих сходную архитектуру не только в рамках региона или микрорайона, но и расположенных на курганном поле одного некрополя?

В качестве наиболее показательных примеров такой ситуации можно указать на курганы некрополя Филипповка 1, кург. Яковлевка 2, могильника Переволочан 1, кург. Темир и др. [Пшеничнюк, 1995; 2012; Яблонский, 2013; Сиротин, 2009; 2010; Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023; Зданович, Хабдуллина, 1987]. В могильнике Переволочан 1 в кург. 11 конструкция была обуглена [Сиротин, 2010, с. 325], а в расположенных рядом курганах 10 и 12 с дромосными центральными могилами и деревянными конструкциями из радиально уложенных бревен никаких следов огня не зафиксировано [Пшеничнюк, 1995, с. 78; Сиротин, 2020, с. 183]. При определенном сходстве архитектуры кургана Темир и публикуемого комплекса, судя по столбовым ямам в центральных дромосных погребени-

ях, в одном случае никаких следов огня не зафиксировано (Темир), в другом – конструкция выгорела полностью в результате сильного пожара (кург. 4). В центральном погребении кург. 11 некрополя Переволочан 1 по дну могилы вдоль стен фиксировались столбовые ямки, что также архитектурно сближает этот курган с кург. Темир и кург. 4 группы «Межевой Мар». В этом кургане могильная камера была перекрыта радиально уложенными бревнами, которые были лишь обуглены в условиях горения с недостаточным доступом кислорода [Сиротин, 2010, с. 325]. Кроме того, материалы кург. 1, 3, 4 группы «Межевой Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» показывают, что при полностью выгоревшей деревянной надмогильной конструкции центральные дромосные погребения не потревожены и богатый погребальный инвентарь находился на месте. При общей схеме сооружения курганов и их планиграфической организации в контексте филипповских погребальных традиций в ряде курганов обращает на себя внимание особая технология сооружения деревянной конструкции, изначально предназначенной к сожжению. Такая ситуация прежде всего характерна для курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар», где пока во всех случаях зафиксировано тотальное сожжение деревянной конструкции. Варианты обугливания конструкции при недостаточном доступе кислорода в этом могильнике пока также отсутствуют. Внешний вид насыпей всех больших курганов некрополя (куски шлаков, прокаленные участки в центральной части, характерные уплощенные пропорции) позволяет с большой долей вероятности предполагать одинаковую картину во всем некрополе. Тотальное выгорание надмогильных конструкций фиксируется также в некрополе Ивановские 1 курганы – в кург. 2 и 5 [Пшеничнюк, 1983, с. 35, рис. 9; Сиротин, 2022, с. 23, 28, рис. 3, 1, 2], очевидно построенных по сходной технологии и в рамках идентичного погребального обряда, что и в некрополе «Высокая Могила – Студеникин Мар». Эти курганные сооружения отличаются от курганов Филипповки 1, Переволочана 1, кургана Темир и др. В этой связи версия о применении огня и горении надмогильной конструкции в рамках погребальной обрядности, исходя из

этнографических особенностей отдельных групп представителей кочевой знати, является все-таки более убедительной.

Анализ инвентаря и хронология комплекса

Инвентарь, найденный в погребении, по своему составу в целом соответствует набору воинских погребений знатных кочевников из памятников филипповского круга. Набор бронзовых наконечников стрел (рис. 4,1,2) представлен основными типами, бытовавшими у южноуральских номадов во второй половине V – начале III в. до н.э.

Железный колчаный крючок с раскованной спинкой, круглым отверстием и декорированным навершием (рис. 4,3) имеют многочисленные аналогии в комплексах второй половины IV – первых десятилетий III в. до н.э. [Васильев, 2004, рис. 3,1,2,5; Мышкин, 2010, рис. 2,2,5–8,11,15; Пшеничнюк, 1995, рис. 15,7,16,3; Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,3; Сиротин, Окорочков, 2022, рис. 3,4; Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 4,1]¹.

Серебряная ворворка усечено-конической формы (рис. 4,4) имеет аналогии в кург. 10 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, рис. 14,17,18], одиночном кург. Яковлевка 2 [Сиротин, 2009, рис. 327]. Подобные ворворки, изготовленные из золота, известны в кург. 29 могильника Филипповка 1 [Яблонский, 2013, кат. 2806], кург. 5 группы 4 «Богатырские Могилки» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» [Сиротин, Богачук, 2019, с. 52]. Ворворки такой же формы, изготовленные из бронзы, имеются в материалах кург. 8 могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, рис. 24,4,5, 37,3] и др.

Железный нож с изогнутой спинкой (рис. 4,5) относится к первой группе ножей, выделенной М.Г. Мошковой, которые были известны в комплексах IV в. до н.э. и получили более широкое распространение в III–II вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 38].

Обращают на себя внимание железный наконечник копья с длинной втулкой и остролиственным пером (рис. 4,9), а также железный вток копья рюмковидной формы (рис. 4,8), найденный около алтаря-жертвенника. Представительная серия таких предметов найде-

на на Среднем Дону, в комплексах преимущественно второй половины IV – III в. до н.э. [Савченко, 2004, рис. 6; Ворошилов, 2004, рис. 3,15,17–24]. Железные втоки известны в скифских комплексах Поднепровья V–IV вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 45]. Однако в отличие от среднедонских и южноуральских втоков они более простой цилиндрической формы. По своим параметрам и морфологии найденный в погребении вток копья наиболее близок среднедонским экземплярам из комплексов могильников Терновое, Колбино [Савченко, 2004, рис. 6,5,8–10], датирующихся в пределах второй половины IV в. до н.э.

До недавнего времени наличие длинновтульчатых наконечников копий и рюмковидных втоков рассматривалось в качестве локальной особенности Среднего Дона [Савченко, 2004, с. 169; Ворошилов, 2004, с. 209]. Однако находки последних двух десятилетий позволяют считать, что подобные наконечники копий широко представлены не только на Среднем Дону, но и в южноуральских комплексах, которые датируются в пределах второй половины IV – начала III в. до н.э. [Васильев, 2001, с. 58–63; Зданович, Хабдуллина, 1987, рис. 3,1; Пшеничнюк, 1995, рис. 12,12,16,4; Пшеничнюк, 2012, рис. 97,1, 113,2; Яблонский, 2013, кат. 353, 1229, 1304, 1305, 1700, 2884; Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,6; Васильев, Федоров, 2021, рис. 22,1; Сиротин, Окорочков, 2022, рис. 3,9; Яблонский и др., 2023, кат. 9, 190]. Железные втоки копий рюмковидной формы на Южном Урале известны в кургане Яковлевка 2, кург. Темир [Сиротин, Окорочков, 2022, рис. 3,10; Зданович, Хабдуллина, 1987, рис. 3,9].

В числе предметов, имеющих важное значение для определения даты комплекса, необходимо отметить пряжку-сюльгаму (рис. 4,6). Круглорамчатые пряжки с длинным накидным язычком представлены в воинских погребениях Среднего Дона. Они известны в двух вариантах (по типологии А.И. Савченко) и различаются оформлением окончаний. О.Д. Могилов, рассматривая сюльгамы степной Скифии (Нижнее Поднепровье), Днепро-Донецкой лесостепи (бассейн Ворсклы и Северского Донца), Нижнего Поднепровья, Среднего Дона и Северного Кавказа распределяет их по трем типам [Могилов, 2016, с. 42]. Публикуемая

пряжка относится к типу II. Представляет собой округлую рамку из железного прута с несомкнутыми концами, оформленными в виде загнутых в противоположные стороны петелек или колечек. Имеет подвижный язычок в виде иглы, с выступающим за пределы рамки окончанием. Железный прут рамки витой. Для этого типа сьюльгам рамка может быть выполнена как из гладкого прута, так и витого. Наиболее близкой аналогией нашему экземпляру является сьюльгама с витой округлой рамкой из скифского кург. 13 у с. Черемушное и Огульцовского городища [Могилов, 2016, рис. 5,1,2]. По витому оформлению рамки имеется сходство с сьюльгамой из кург. 11 «Частых курганов» [Замятнин, 1946, рис. 29]. При этом следует отметить, что пряжка из «Частых курганов» по зооморфному оформлению окончаний относится к типу I. Морфологически близкие пряжки-сьюльгамы известны в хорошо датированных комплексах третьей четверти IV в. до н.э. могильника Колбино (курганы 5, 7, 14, 18) [Гуляев, Савченко, 1998, с. 125–126, рис. 7,9; Савченко, 2004, рис. 29,7–10] и в кург. 1 могильника «Частые курганы» [Замятнин, 1946, рис. 3]. Кроме того, в числе близких аналогий следует указать пряжки-сьюльгамы из кург. II Мастюгино и кургана 16 могильника Дуровка [Савченко, 2004, рис. 29,3,5]. Даты этих комплексов первоначально определялись широко в пределах V–III вв. до н.э. В настоящее время их датировки пересмотрены. М.Ю. Трейстер датирует кург. 1 в пределах второй половины IV в. до н.э., либо последней четверти IV в. до н.э. [Трейстер, 2021, с. 382, 384]. Кург. 11 могильника «Частые курганы» датируется концом третьей четверти – концом IV в. до н.э. [Володин, 2024, с. 69], кург. II могильника Мастюгино датируется в пределах третьей четверти IV в. до н.э. [Володин, 2022, с. 169]. Есть все основания полагать, что пряжки-сьюльгамы ранее второй половины IV в. до н.э. в среднедонских погребениях не встречаются. В большинстве своем они представлены в комплексах третьей четверти либо второй половины IV в. до н.э.

Данные предметы наряду с некоторыми другими (например, колчаные крючки с зооморфными изображениями медведя, зооморфные уздечные бляхи с синкретическими об-

разами и др.) вполне могут выступать в качестве хроноиндикаторов для погребений второй половины IV – начала III в. до н.э. на Среднем Дону. На Южном Урале они характерны для комплексов последних десятилетий IV – начала (либо первой четверти) III в. до н.э. Железные пряжки-сьюльгамы найдены в одиночном кургане Яковлевка 2 [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 2,5], в кург. 48 могильника Лебедевка V [Железчиков и др., 2006, рис. 45,11].

Одна находка пряжки-сьюльгамы известна в Нижнем Поволжье в могильнике у с. Калиновка [Шилов, 1959, рис. 44,16] в погребении не ранее рубежа IV–III вв. до н.э., судя по фрагменту наверхия костяного гребня [Шилов, 1959, с. 438, рис. 44,3]. Две бронзовых сьюльгамы найдены в боковом погребении кургана Толстая Могила в Нижнем Поднепровье [Мозолевский, 1979, рис. 106,6], дата которого определяется третьей четвертью IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 296]. Экземпляр железной сьюльгамы известен с территории степного Ставрополя [Прокопенко, 2014, рис. 207,А6]. Одна сьюльгама с бронзовой рамкой и железным язычком найдена в кург. 6 некрополя Уляп [Лесков и др., 2005, рис. 40,6]. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датируют этот комплекс в пределах второй – третьей четверти IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 135]. Более поздние экземпляры таких пряжек известны в Закубанье в погребениях Калининской курганной группы [Марченко, 1984, рис. 1,20] и в Предкавказье в комплексах Ханкальского грунтового могильника III–II вв. до н.э. [Виноградов, Петренко, 1984, рис. 2,4,6; Прокопенко, 2014, рис. 197,Б14,Б15]. Этим же временем, вероятнее всего, следует датировать погр. 3 могильника на вершине г. Лехкч-Корт в юго-восточной Чечне с аналогичной бронзовой сьюльгамой [Виноградов, Петренко, 1974, рис. 20,2; Прокопенко, 2014, рис. 197,А13а]. Авторы публикации датируют погребение в широких рамках V–III вв. до н.э. [Виноградов, Петренко, 1974, с. 178]. Учитывая отсутствие сьюльгам этого типа в комплексах ранее второй половины IV в. до н.э., нижняя дата данного погребения V в. до н.э. вызывает большие сомнения. Напротив, более предпочтительной выглядит верхняя дата погребения III в. до н.э., хорошо укладываю-

шаяся в хронологический контекст найденных на Северном Кавказе сьюлгам. Данные находки маркируют верхнюю границу их бытования в комплексах раннесарматского времени.

Примечательной находкой является бронзовый котел, найденный около стенки могильной ямы в юго-восточном секторе (рис. 5,1). Тулово котла в значительной мере пострадало от огня, и было сильно оплавлено. Вместе с тем сохранившиеся части котла позволяют определить его форму как бокаловидную с воронковидным поддоном. По своей форме и основным параметрам котел может быть отнесен к I типу по типологии С.В. Демиденко [Демиденко, 2008, с. 15]. Находки бронзовых котлов этого типа известны в курганах могильника Филипповка 1, курганной группе 4 «Богатырские Могилки» могильника «Высокая Могила – Студеникин Мар», кург. Темир [Пшеничнюк, 2012, рис. 41–43, 71,2; Яблонский и др., 2023, кат. 396; Сиротин и др., 2018, рис. 5; Сиротин, Богачук, 2019, с. 51, 52; Зданович, Хабдуллина, 1987, рис. 6]. Возможно, к этому же типу относится и фрагментированный котел из кург. 30 могильника Филипповка 1 [Яблонский и др., 2023, кат. 562]. Обращает на себя внимание то, что находки бронзовых котлов как I типа, так и близкого к нему II типа по С.В. Демиденко на Южном Урале известны в памятниках филипповского круга. Синхронны с ними комплексы с котлами I типа на Нижнем Дону – курган у пос. Шолоховский и кург. 25 у хут. Сладковский [Максименко и др., 1984, рис. 55,5; Максименко, 1983, рис. 15,1,2]. В памятниках, традиционно относимых к савроматским, подобные находки известны только в материалах Соболевского кургана в Самаро-Уральском междуречье, датированного V в. до н.э. [Смирнов, 1964, рис. 14,6].

Бронзовый ковш (черпак) (рис. 5,2), найденный в погребении рядом с котлом, имеет наиболее близкие аналогии на Южном Урале в материалах кург. 8 могильника Сибай I второй половины – конца IV до н.э. [Васильев, Федоров, 2021, рис. 22,2]. Подобные предметы известны из кург. 29, а также в межкурганном пространстве недалеко от кург. 1 некрополя Филипповка 1 [Яблонский, 2013, кат. 2621, 3178; Яблонский и др., 2023, кат. 354, 550]. Один экземпляр с отверстиями в дон-

ной части найден недалеко от кург. 4 [Яблонский, 2013, кат. 3140]. Помимо этого, бронзовый ковш (черпак) найден на периферии подкурганной площадки кург. 2 группы 4 «Богатырские Могилки» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» [Сиротин и др., 2020, рис. 2,4; Сиротин, 2024, рис. 1,1]. Бронзовые ковши (черпаки) с отверстиями в донной части или имеющие ажурные широкие прорезы по тулову (резервуару) известны в скифских комплексах Поднепровья, Северского Донца, Нижнего и Среднего Дона, Северного Кавказа в погребениях третьей четверти либо второй половины IV в. до н.э. [Канторович, Маслов, 2019, рис. 1, 2, 3,1,3,5–8]. Четыре подобных предмета с отверстиями в донной части известны в ранних комплексах V в. до н.э. Волго-Уралья [Канторович, Маслов, 2019, рис. 3,9–12].

Особый интерес представляют элементы защитного вооружения, найденные в погребении. Бронзовый чешуйчатый шлем с железным пластинчатым назатыльником (рис. 6,1–3) впервые обнаружен в комплексах Южного Урала. В связи с этим необходимо подробнее остановиться на этом предмете. Общие планиграфические размеры находки *in situ* составили 31,6 × 24,5 см. Реконструируемая глубина полусферической тульи шлема – 17 см. Купол шлема состоит из центральной пластины и 13 рядов чешуек, вырезанных из тонкого листа бронзы. Каждая пластина перекрывает соседнюю на 0,7 см. Нижний ряд перекрывает верхний на 0,7 см. Пластины во всех тринадцати рядах, за исключением двенадцатого, набирались слева направо. Круглая центральная пластина диаметром 5,3 см имеет резной край в виде слабо выраженных лепестков, в котором с наружной стороны имеются двенадцать отверстий диаметром 0,3 см. Два отверстия диаметром 0,55 см сделаны в средней части пластины, в 1 см друг от друга. Края чешуек первого ряда заходили на ее кромку.

Двенадцать верхних рядов состоят из небольших пластин одинакового размера – 2,35 × 1,25 см. Форма чешуек пятиугольная, нижний край обрезан прямо, а верхний имеет треугольную форму с неравными сторонами. Края верхнего конца немного загнуты внутрь, что при наложении чешуек друг на друга придает им некоторый объем. Все чешуйки име-

ют одинаковое количество пробитых снаружи отверстий – три на нижнем крае и две на одной длинной стороне. Продетыми через отверстия шнурами или крепкими нитями пластинки крепились к органической основе шлема, скрепляясь между собой только через одно из трех боковых отверстий на нижнем крае. Бронзовых или железных креплений на пластинах этого типа не обнаружено.

Нижний ряд набран из пластин разной длины – $6,8 \times 1,2$ см и $4,2 \times 1,2$ см. Более длинные пластины находятся на боковых сторонах шлема, образуя своеобразные нащечники. Нижний край пластин обрезан прямо, а верхний закруглен и выглядит немного выпуклым, ногтевидным. У всех пластинок по два отверстия на нижнем крае и по меньшей мере три отверстия на одной длинной стороне. Часть пластин этого ряда отсутствует, образуя два значительных промежутка с затылочной стороны и с боков.

Реконструируемый диаметр окружности шлема на стыке двенадцатого и тринадцатого рядов (на уровне висков) 64 см, что соответствует в целом размерам современных обычных головных уборов. Можно сделать вывод о том, что органическая основа-подшлемник была не особо толстая и вся конструкция была довольно легкой. По нижнему ряду с помощью железных стяжек прикреплены горизонтально расположенные железные полосы шириной 1,7 см, маркирующие кромку шлема.

Ламинарный назатыльник изогнут и состоит из двух полос, подвижных относительно друг друга (рис. 6,3). Верхняя полоса имеет прямоугольную форму с размерами $38,5 \times 6,5$ см. Она набрана из четырех пластин шириной 2,1 см. Нижняя полоса имеет широкий выступ посередине, защищающий основание шеи и заходящий на спину. Она набрана из шести пластин (две нижние приходятся на выступ), жестко скрепленными несколькими вертикальными рядами железных скоб. Размеры нижней полосы – $44 \times 7,8$ см. Правый конец полосы отремонтирован тремя железными пластинами размерами 8×2 см.

Горизонтальные пластины каждой полосы набраны сверху вниз и скреплены железными скобами. По краю полос проделаны отверстия, по всей видимости, для пришивания

кожаной подкладки или каймы. С железной окантовкой шлема и друг с другом полосы соединялись шнурами из органического материала (не сохранился).

Технологически данный шлем можно отнести к шлемам второго типа по предложенной И.А. Гараевым и И.В. Цокур типологии [Гараев, Цокур, 2020, с. 148]. Набор пластин у шлемов этого типа происходит сверху вниз от большой плоской круглой или полусферической формы пластины, которая всегда частично перекрывается пластинами первого ряда. Не вполне ясно, чем обусловлен именно такой способ набора чешуек – культурной традицией или производственной школой, возможно, он выработался в процессе поиска технологии наиболее эффективной защиты.

В настоящее время на Южном Урале в кочевнических комплексах известна лишь одна находка шлема. Железный кованый шлем найден в центральном коллективном дромосном погр. 1 (скелет 1) кург. 11 могильника Филипповка 1 [Фризен и др., 2013, рис. 8, 9; Яблонский, 2013, кат. 1311]. Среди инвентаря этого погребения в составе уздечных наборов были найдены также железные налобники с крючковидным навершием [Яблонский, 2013, кат. 1307, 1543, 1544, 1547, 1557], дата которых для южноуральских комплексов определяется второй половиной IV – началом III в. до н.э.² Другие категории инвентаря, найденные около скелета 1 из этого погребения, такие как железный кинжал, бронзовые наконечники стрел, этой дате не противоречат [Яблонский, 2013, кат. 1312, 1315–1495]. Железные остролистные длинновтульчатые наконечники копья [Яблонский, 2013, кат. 1304, 1305], найденные в юго-восточном секторе могильной ямы, также вполне укладываются в этот хронологический диапазон. Они относятся к такому же типу, что и в публикуемом комплексе.

Находки чешуйчатых шлемов в южноуральских погребениях неизвестны. Серия фрагментов чешуйчатых шлемов найдена в скифских комплексах [Мелюкова, 1964, с. 78; Черненко, 1968, с. 97; Горелик, 1993, с. 173]. Относительно хорошей сохранности чешуйчатые шлемы известны в материалах кургана у с. Новорозановка [Шапошникова, 1970, рис. 4; Горелик, 1993, табл. LXII, 23] и грунтового могильника «Волна-1» [Гараев, Цокур, 2020].

Однако по своей конструкции и материалу изготовления эти шлемы отличаются от публикуемого экземпляра.

Найденные в погребении два фрагмента железного доспеха были уложены перпендикулярно один на другой (рис. 6,4). Они были собраны из железных прямоугольных пластин по той же технологии, что и назатыльник публикуемого шлема. Достоверно идентифицировать эти фрагменты довольно затруднительно. Можно лишь предполагать, что они могли являться какой-то частью ламинарного доспеха либо представлять собой отдельный элемент защитного снаряжения. Определенная аналогия известна в Скифии в кург. I у с. Аксютинцы [Мелюкова, 1964, табл. 22,11,12], где была найдена фрагментированная часть доспеха, набранная из похожих железных пластин.

Деревянная посуда с проволочными спиралями (оплетками) (рис. 7,1) на Южном Урале найдена в материалах могильника Переволочан 1, Филипповка 1, Филипповка 2 [Пшеничнюк, 1995, рис. 14,14,15; 2012, с. 79; Коллекции ... , 2018, кат. 268, 586, 587, 896; Яблонский и др., 2023, кат. 240, 187, 188]. Такие спирали (оплетки) могли быть изготовлены из бронзовой, серебряной, либо золотой проволоки. А.Х. Пшеничнюк считал, что они использовались для ремонта деревянной посуды [Пшеничнюк, 1995, с. 88; 2000, с. 78; 2012, с. 79]. Безусловно, полностью исключать эту функцию для них нельзя, что отчасти подтверждает находка в тайнике 1 кург. 1 Филипповки 1 золотой оковки (обкладки) венчика, к нижнему краю которой была прикреплена такая спираль [Коллекции ... , 2018, кат. 268]. Вместе с тем находки таких спиралей по краям остатков деревянных чаш позволяют предположить, что они могли использоваться и в качестве декоративного элемента для венчиков деревянной посуды. Вызывают интерес найденные золотые гвоздики (рис. 7,2). Подобные гвоздики разных размеров также в большом количестве найдены в тайнике 1 кург. 1 Филипповки 1 [Коллекции ... , 2018, кат. 886–892]. Считается, что они предназначались для крепления металлических оковок (обкладок) к деревянной посуде. Вместе с тем в публикуемом комплексе металлических обкладок (оковок) около остатков деревянной чаши не найдено. Возможно, гвоздики могли крепить

какое либо украшение из органики, либо также служили для декорирования деревянных сосудов.

На пахотном поле, в 20–22 м к западу от современной границы кургана был обнаружен жертвенный комплекс. Частично жертвенный комплекс был разрушен в результате пахотных работ и некоторые предметы (уздечные принадлежности) найдены рядом на пашне. Жертвенный комплекс был уложен в неглубокой округлой яме и состоял из трех, возможно четырех уздечных комплектов (рис. 7,3). В состав жертвенного комплекса входили железные удила (рис. 7,5–7), железные стержневидные двудырчатые псалии (рис. 7,4, 8,1–8), железные подпружные пряжки (рис. 8,9,10), детали уздечной гарнитуры и украшения (рис. 9,1–14, 10,1–11), бронзовые налобники (рис. 10,12,13). Всего в жертвенном комплексе выявлено более 50 предметов [Сиротин и др., 2023, с. 90; Сиротин и др., 2024, с. 156–157; Сиротин, 2024, с. 125].

Железные удила были разной степени сохранности и в морфологическом отношении имели стандартную форму, изготовлены из железных стержней с загнутыми в петли окончаниями (рис. 7,5–7). Такие удила широко представлены в кочевнических комплексах степного пояса начиная с VI в. до н.э. и являются типичными для продолжительного времени [Смирнов, 1961, с. 82–83; Очир-Горяева, 2012].

Железные стержневидные псалии с восьмеркообразными либо ромбическими расширениями, простыми окончаниями или оформленными в виде округлых и конических шишечек, плоских шляпок также имеют многочисленные аналогии как в скифских степных и лесостепных комплексах IV в. до н.э., так и южноуральских [Ильинская, 1973; Могилов, 2008; Савченко, 2009; Очир-Горяева, 2012; Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013; Сиротин, 2015; Савельев, 2020]. Следует обратить внимание на короткие псалии с расширяющимися к окончаниям стержнем (рис. 8,5,6). Псалии такого типа представлены в Предкавказье, Прикубанье и Западном Кавказе. Часть экземпляров имеет рельефные пояски по стержню [Прокопенко, 2014, рис. 90Б,12,13; Ждановский, 2006, табл. 4,4; Эрлих, 2010, рис. 7,3]. У некоторых псалиев

рельефными поясками украшены только окончания стержней [Прокопенко, 2014, рис. 90Б,6–9]. Часть псалиев этого типа имеют гладкие стержни без рельефных поясков [Прокопенко, 2014, рис. 90Б,10,11, 90В,3; Галанина, 2005, табл. 1,10,11]. Подобные псалии с рельефными поясками по стержню на Южном Урале известны в кург. 4 могильника Шипово [Савельев, 2020, рис. 2,4]. Типологически к рассмотренной выше серии, вероятно, можно отнести псалии с гладкими стержнями из кургана у пос. Шолоховского на Нижнем Дону, хотя навершия стержней уже в большей степени переходят в плоскую шляпку [Максименко и др., 1984, рис. 58,1].

Обращают на себя внимание железные стержневидные псалии со шляпками на окончаниях (рис. 8,1,3,7,8). Подобные псалии из бронзы или железа с плоскими шляпками разной величины на окончаниях, с рельефными поясками по стержню либо без них (тип IV, второй вариант по Савченко А.И.) имеют аналогии в скифских комплексах Поднепровья [Петренко, 1967, табл. 26,1,2; Ильинская, 1973, рис. 2,1] и Среднего Дона [Савченко, 2009, рис. 2,4,12, 3,3,4, 4,13–16]³. Данный тип псалиев приходит на Южный Урал с территории Среднего Дона и характерен для комплексов второй половины IV – начала III в. до н.э.

Бронзовые чумбурные блоки известны в составе уздечных наборов южноуральских кочевников конца VI – IV в. до н.э. [Очир-Горяева, 2012, рис. 288; Мышкин, 2015]. По форме рамки и скобы, наличию зооморфных изображений В.Н. Мышкин выделяет четыре типа подобных пряжек (чумбурных блоков). Публикуемые в статье блоки (рис. 9, 1–3) относятся ко второму типу, который отличается наличием округлой или овальной рамки без заостренного выступа и прямоугольной или трапецевидной скобы [Мышкин, 2015, с. 533, рис. 1,1,3–7]. Чумбурные блоки этого типа не встречаются в ранних комплексах и представлены в погребениях второй половины V – IV в. до н.э. [Мышкин, 2015, с. 533, 534]. По мнению В.Н. Васильева, они являются более поздней модификацией пряжек с округлой рамкой с заостренным выступом и более короткой скобой [Васильев, 2004, с. 157]. Археологический материал вполне это подтверждает. Наиболее близкие экземпляры найдены в кур-

гане у хут. Веселый I близ с. Ак-Булак [Смирнов, 1964, рис. 38,8], кург. 8 могильника Сибай I [Васильев, 2004, рис. 2,21; Васильев, Федоров, 2021, рис. 35,1], кург. 3 и 30 могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012, рис. 57,6; Яблонский и др., 2023, кат. 628, 631]. Предложенная К.Ф. Смирновым датировка комплекса из кургана у хут. Веселый I близ с. Ак-Булак началом IV в. до н.э., на наш взгляд, является заниженной. Судя по наконечникам стрел, а также железным налобникам с крючковидным навершием, стержневидным псалиям и др. [Смирнов, 1964, рис. 38], дата этого комплекса находится в пределах середины – третьей четверти IV в. до н.э. В хронологическом диапазоне второй половины – конца IV в. до н.э. датируют кург. 8 могильника Сибай I В.Н. Васильев и В.К. Федоров [Васильев, Федоров, 2021, с. 83]. Курганы 3 и 30 имеют датировку в пределах третьей четверти IV в. до н.э. [Мышкин, 2020, с. 179; Яблонский и др., 2023, с. 24]. Таким образом, чумбурные блоки этой серии, имеющие округлую рамку с узкой скобой и длинными окончаниями, являются наиболее поздней модификацией данных изделий. Они отличаются от более ранних экземпляров этого же типа по типологии В.Н. Мышкина [Мышкин, 2015, рис. 1,1,4] и характерны для комплексов второй половины IV в. до н.э.

Примечательной находкой является бронзовая бляшка от нащечного ремня (нащечник) с профильным изображением фигуры волка (рис. 9,4). Точные аналогии найденной бляшке на Южном Урале и сопредельных территориях неизвестны. Похожий нащечник, в виде профильной фигуры хищника, выполненный в подобной стилистической манере, происходит из кург. 11 могильника «Частые курганы» на Среднем Дону [Савченко, 2009, рис. 11,13]. Первоначальная дата этого кургана в широких рамках IV – III в. до н.э. [Савченко, 2009, с. 263], в настоящее время уточнена С.А. Володиным и определяется в пределах конца третьей четверти – конца IV в. до н.э. [Володин, 2024, с. 69]. Следует отметить, что хищник на среднедонской бляшке изображен немного по-другому – в более спокойном состоянии, тогда как на публикуемой бляшке он более распластаный, поэтому сходство этих нащечников достаточно условное. Определенные аналогии здесь прослеживаются в мане-

ре изображений в зверином стиле Северного Кавказа.

Подпружные пряжки разных типов входили в состав конской амуниции кочевников Южного Урала с конца VI – V в. до н.э. [Очир-Горяева, 2012; Мышкин, 2018]. М.А. Очир-Горяева истоки южноуральских подпружных пряжек видит в сакских памятниках раннескифского времени [Очир-Горяева, 2012, с. 264], что справедливо для конской амуниции ранних комплексов. Подпружные пряжки, найденные на Южном Урале в курганах конца VI – V в. до н.э., носят выраженный восточный облик [Очир-Горяева, 2012, рис. 291–294; Мышкин, 2018, рис. 1–7]. Железные подпружные пряжки из публикуемого комплекса (рис. 8, 9, 10) имеют округло-подтреугольную рамку и выступ-фиксатор, относятся по типологии В.Н. Мышкина к типу 7.2 [Мышкин, 2018, с. 51]. Типологически к ним могут быть отнесены экземпляры, найденные в кург. 8 могильника Сибай I [Васильев, 2004, рис. 2, 24–26; Васильев, Федоров, 2021, рис. 24, 2, 37, 1] второй половины – конца IV в. до н.э. [Васильев, Федоров, 2021, с. 83]. Аналогичная пряжка, как и в публикуемом комплексе, была найдена в погр. 3 кург. 15 могильника Филипповка I [Яблонский, 2013, кат. 1887]. Судя по наконечникам стрел, железному стилету, комплекс датируется в пределах второй половины IV в. до н.э. [Яблонский, 2013, кат. 1897–1935, 1936]. Железный кинжал, найденный в погребении, также не противоречит этой дате [Яблонский, 2013, кат. 1894]. Если сравнивать данный тип пряжек с более ранними экземплярами, то нетрудно заметить, что эволюционно он никак не связан с ними. В более ранних комплексах данный тип пряжек, так же как и его вероятные прототипы, не встречается. Вместе с тем похожие пряжки с небольшими отличиями в оформлении выступа-застежки имеются в комплексах Среднего Дона [Савченко, 2009, рис. 7, 2–4, 14]. Помимо этого, подобные пряжки широко представлены в скифских курганах Поднепровья IV в. до н.э. [Савченко, 2009, с. 246]. Очевидно, что южноуральские экземпляры пряжек такого типа имеют свои истоки в скифских наборах конской амуниции. По мнению В.Н. Васильева, этот тип пряжек был исходной формой для более поздних серий, представлен-

ных в комплексах III–I вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157].

Примечательными находками являются бронзовые уздечные пронизи из околочурганного пространства в виде скульптурного изображения головы хищника (волка) и петель с тыльной стороны (6 экз.) (рис. 9, 11–14, 10, 1, 2). Изображение объемное с хорошо проработанными деталями. Голова хищника с характерной, сужающейся к носу мордой и оскаленной пастью с треугольными клыками, вертикально торчащими ушами подтреугольной формы [Сиротин и др., 2023, с. 90; Сиротин и др., 2024, рис. 3, 7; Сиротин, 2024, рис. 5, 7]. На Южном Урале такие пронизи в составе инвентаря из погребений пока неизвестны. В межкурганном пространстве могильника Филипповка 2 были обнаружены две похожие пронизи [Яблонский и др., 2023, с. 159, кат. 342]. Аналогии этим пронизям имеются в материалах центрального погребения кург. 1 группы «Частые курганы» II на Нижнем Дону [Максименко и др., 2001, рис. 4, 1–4]. С территории Предкавказья известны две случайные находки, предположительно найденные в окрестностях с. Аллерой – долине Аксая [Прокопенко, 2014, рис. 184, 4–5].

Особый интерес вызывают бронзовые пронизи со скульптурным изображением головы фантастического животного с торчащими треугольными ушами, горбоносой мордой и оскаленной пастью (9 экз.) (рис. 10, 3–11) [Сиротин, 2024, рис. 5, 8]. На Южном Урале подобные пронизи в настоящее время неизвестны. Определенное стилистическое сходство голова фантастического животного имеет со скульптурным окончанием бронзового псаля из кургана-святилища 5 Уляпского могильника на Северном Кавказе. Курган-святилище использовался в первой половине – третьей четверти IV в. до н.э. [Лесков и др., 2013, с. 56, 129, рис. 27, 4].

Помимо этого, в составе жертвенного комплекса были найдены бронзовые налобники [Сиротин, 2024, рис. 5, 9]. Один из них найден на пашне рядом с комплексом (рис. 10, 12), второй найден *in situ* (рис. 10, 13). Щитки налобников представляют собой пластину неправильной вытянутой овальной формы. Верхняя часть лицевой пластины украшена скульптурным изображением головы фантастического

животного в той же стилистической манере, что и пронизи. Прямых аналогий в южноуральских комплексах этим налобникам также не найдено.

Определенные типологические и стилистические параллели имеются в скифских курганах Поднепровья, таких как Мелитопольский курган, Огуз, Толстая могила [Ильинская, 1973, рис. 4, 4; Очир-Горяева, 2012, рис. 94; Мозолевский, 1979, рис. 27, 28]. Эти комплексы датируются третьей – началом четвертой четверти IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 296–297]. Помимо этого, типологически похожий налобник известен в Левобережном Поднепровье, в кург. 6 возле Старинской птицефабрики [Ильинская, 1966, рис. 6], который датируется IV в. до н.э., вероятнее всего, в пределах середины – третьей четверти этого столетия⁴.

Таким образом, в Южном Приуралье был исследован богатый воинский комплекс кочевой знати. Погребальный обряд, планиграфия и архитектура кургана имеет параллели с курганами некрополя Филипповка 1, Переволочан 1, кург. Темир и др. Сопроводительный инвентарь также соответствует богатым погребениям памятников филипповского круга. Особый интерес вызывают предметы, имеющие аналогии в комплексах Поднепровья, Среднего и Нижнего Дона, Северного Кавказа. Датировка исследованного кургана определяется последней третью IV в. до н.э. – началом III в. до н.э. Показательно, что для

южноуральских комплексов середины IV – начала III в. до н.э. фиксируется наибольшее количество предметов, связанных со скифскими и меотскими территориями. Прежде всего, это касается предметов вооружения и конского снаряжения, что может свидетельствовать не только о восточном и южном, но и ярко выраженном западном векторе связей южноуральских номадов в филипповское время.

ПРИМЕЧАНИЯ

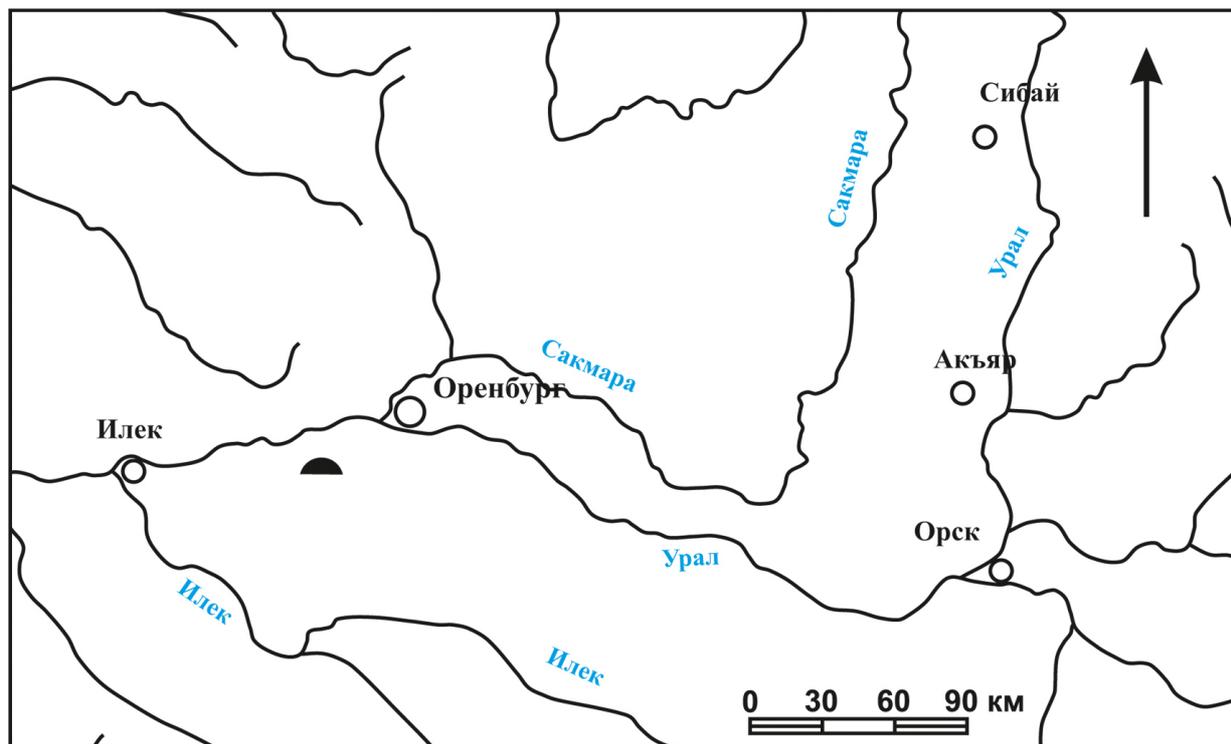
¹ Более подробно аналогичные крючки рассматриваются в статье С.В. Демиденко и С.В. Сиротина «Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале» в этом же номере журнала.

² Вопрос о датировках железных налобников с крючководным навершием на Южном Урале рассматривается в статье С.В. Демиденко и С.В. Сиротина «Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале» в этом же номере журнала.

³ Смотри подробнее в статье С.В. Демиденко и С.В. Сиротина «Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале» в этом же номере журнала.

⁴ О датировке этого комплекса смотри в статье С.В. Демиденко и С.В. Сиротина «Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале» в этом же номере журнала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

● - могильник Курганное поле «Высокая Могила - Студеникин Мар»

Рис. 1. Карта расположения могильника Курганное поле «Высокая Могила – Студеникин Мар» на Южном Урале

Fig. 1. Map of the location of the Kurgannoye Pole «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» necropolis in the Southern Urals

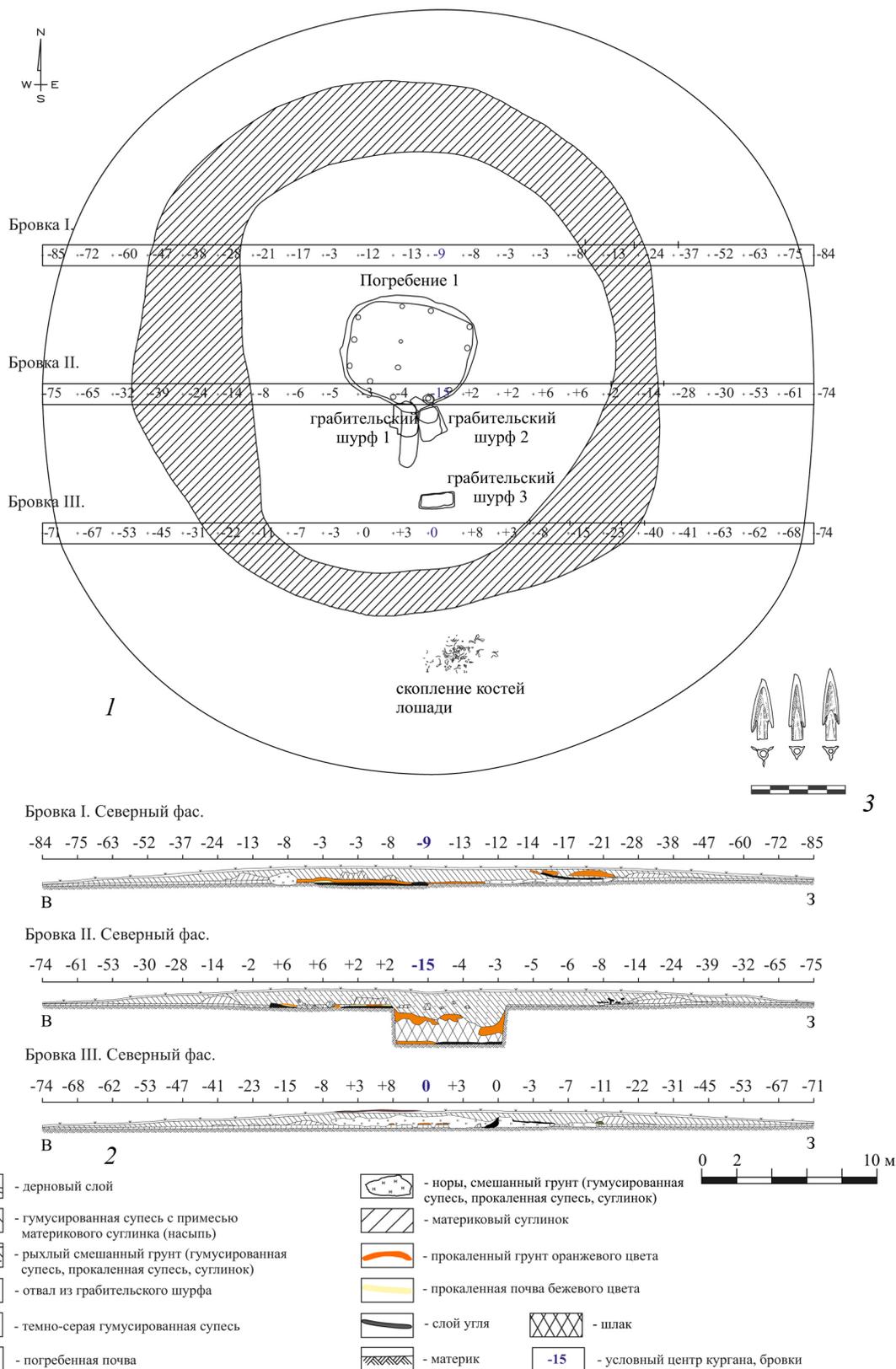

Рис. 2. План кург. 4, профили контрольных бровок и находки в насыпи:

1 – план кург. 4; 2 – профили контрольных бровок; 3 – бронзовые наконечники стрел

Fig. 2. Plan of kurgan 4, profiles of control edges and finds in the mound:

1 – plan of kurgan 4; 2 – profiles of control edges; 3 – bronze arrowheads

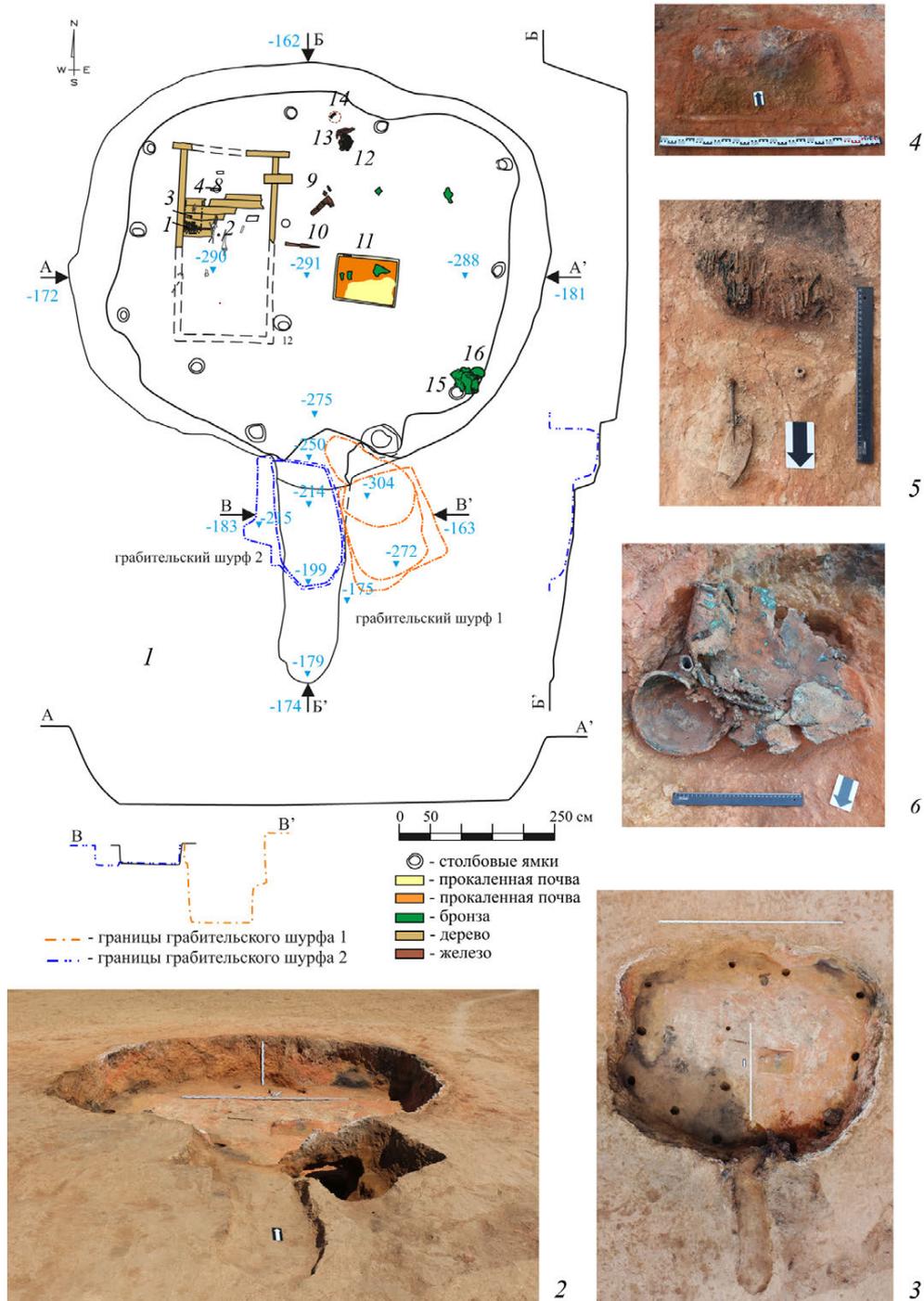

Рис. 3. План погр. 1:

1 – план и разрезы погр. 1: 1,1 – наконечники стрел, 1,2 – пронизь, 1,3 – колчанный крючок, 1,4 – ворворка, 1,5 – нож, 1,6 – проколка, 1,7 – точильный (?) камень, 1,8 – пряжка-сюльгама, 1,9 – фрагмент доспеха, 1,10 – наконечник копья, 1,11 – вток копья, 1,12 – чешуйчатый шлем, 1,13 – назатыльник шлема, 1,14 – остатки деревянной чаши с проволоочной спиралью и гвоздиками, 1,15 – бронзовый котел, 1,16 – бронзовый ковш (черпак); 1,1, 1,2, 1,15, 1,16 – бронза; 1,3, 1,5, 1,6, 1,8, 1,9, 1,10, 1,11, 1,13 – железо; 1,12 – бронза, железо; 1,14 – дерево, золото; 2, 3 – фото погр. 1; 4–6 – детали погр. 1; 2–6 – фото С.В. Сиротина

Fig. 3. Plan of burial 1:

1 – plan and sections of burial 1: 1,1 – arrowheads, 1,2 – piercer, 1,3 – quiver hook, 1,4 – vorvorka, 1,5 – knife, 1,6 – piercer, 1,7 – whetstone (?), 1,8 – syulgama buckle, 1,9 – fragment of armour, 1,10 – spearhead, 1,11 – spear butt, 1,12 – scaly helmet, 1,13 – helmet backplate, 1,14 – remains of wooden bowl with wire spiral and nails, 1,15 – bronze cauldron, 1,16 – bronze ladle; 1,1, 1,2, 1,15, 1,16 – bronze; 1,3, 1,5, 1,6, 1,8, 1,9, 1,10, 1,11, 1,13 – iron; 1,12 – bronze, iron; 1,14 – wood, gold; 2, 3 – photo of burial 1; 4–6 – details of burial 1; 2–6 – photo by S.V. Sirotin

Рис. 4. Инвентарь погр. 1:

1, 2 – наконечники стрел; 3 – колчаный крюк; 4 – ворворка; 5 – нож; 6 – пряжка-сюльгама; 7 – проколка;
8 – вток копья; 9 – наконечник копья; 10 – пронизь; 1, 2, 10 – бронза, 3, 5–9 – железо; 4 – серебро;
3–10 – фото К.С. Окорокова; рисунки К.С. Окорокова

Fig. 4. Inventory of burial 1:

1, 2 – arrowheads; 3 – quiver hook; 4 – vorvorka; 5 – knife; 6 – syulgama buckle; 7 – piercer;
8 – spear butt; 9 – spearhead; 10 – ringlet; 1, 2, 10 – bronze, 3, 5–9 – iron; 4 – silver;
3–10 – photo by K.S. Okorokov; drawings by K.S. Okorokov

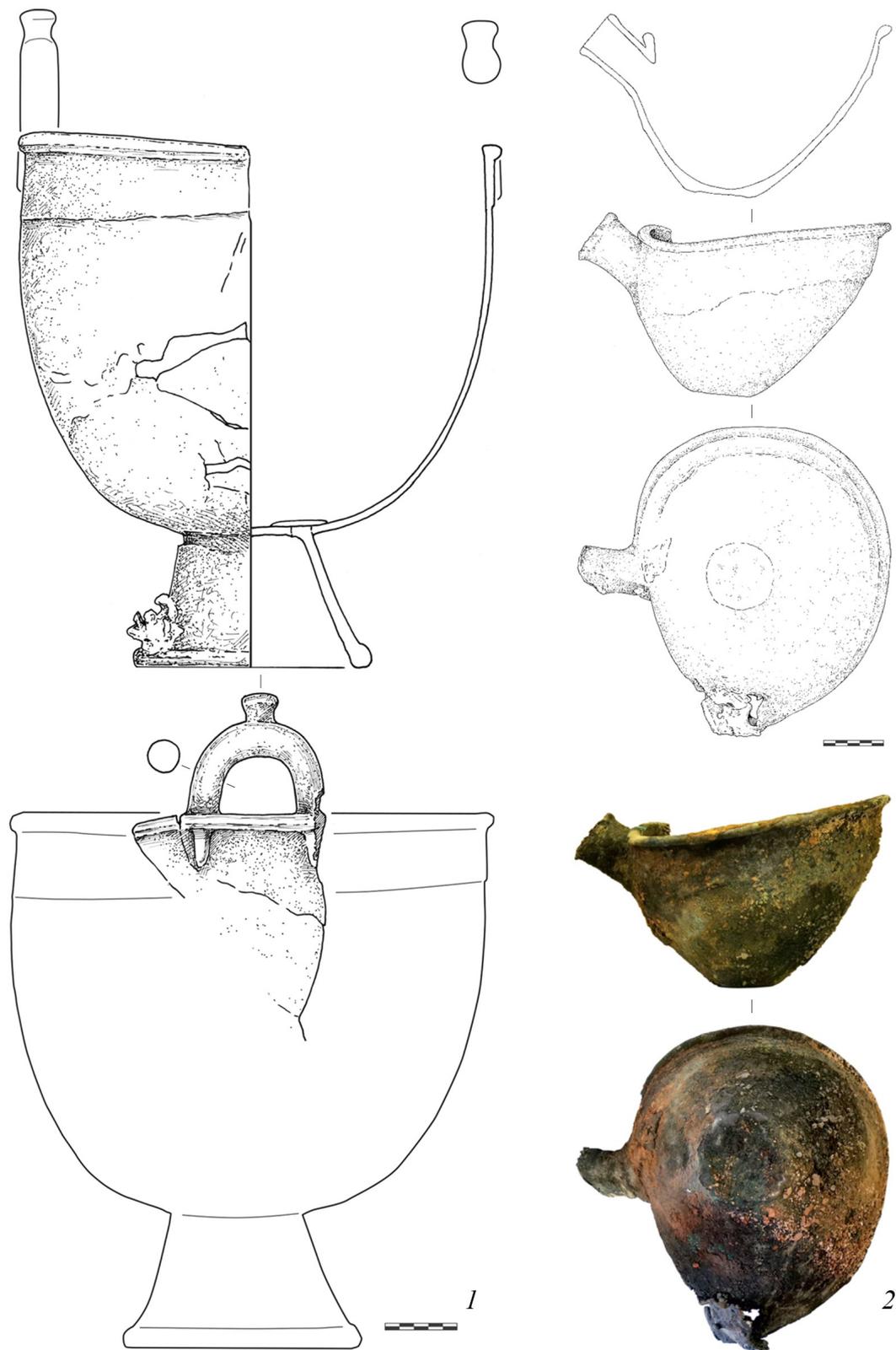

Рис. 5. Инвентарь погр. 1:

1 – котел; 2 – ковш (черпак); 1, 2 – бронза; фото и рисунки К.С. Окорочкова

Fig. 5. Burial inventory 1:

1 – cauldron; 2 – ladle (bailer); 1, 2 – bronze; photo and drawings by K.S. Okorokov

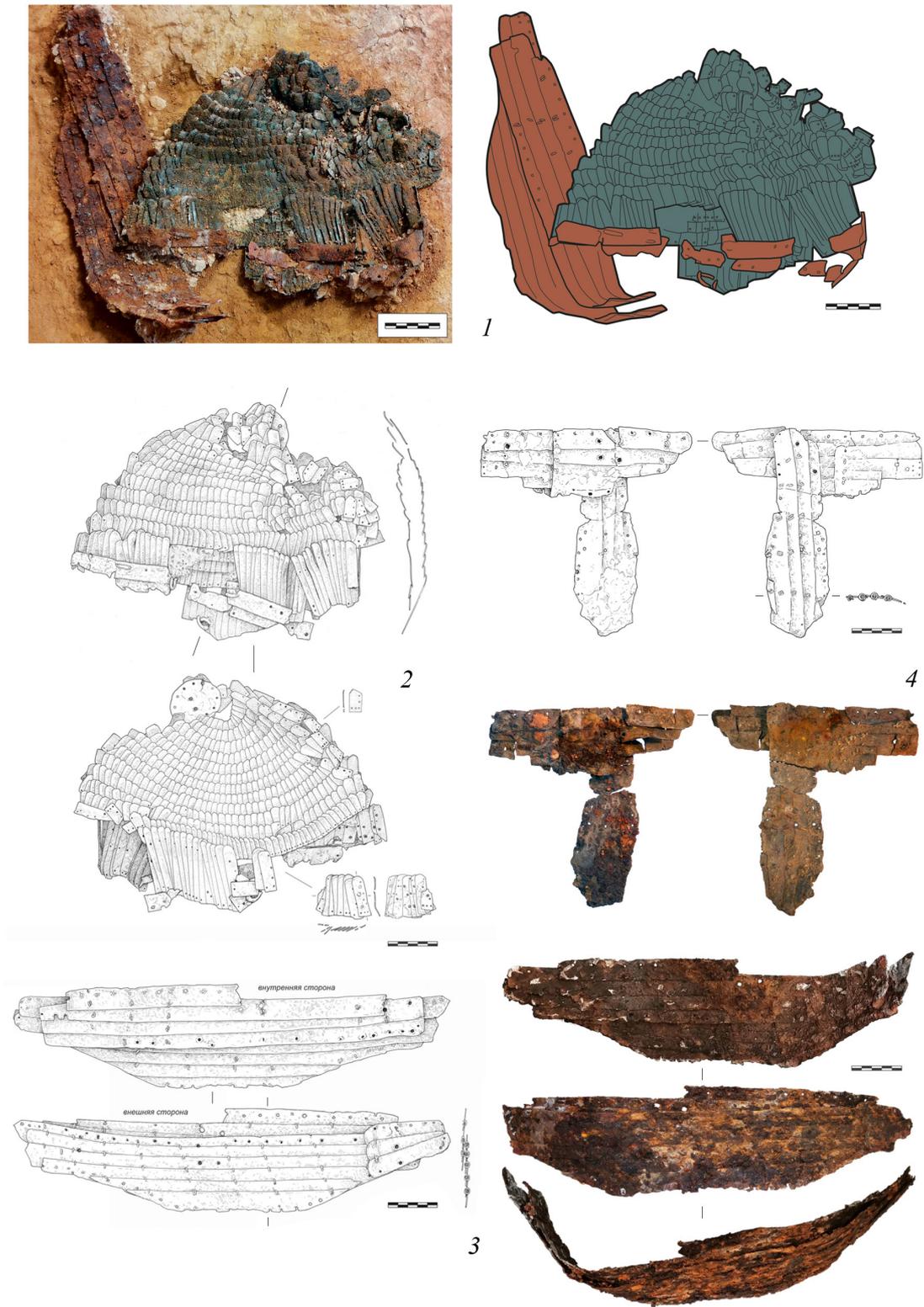

Рис. 6. Инвентарь погр. 1:

1 – шлем с наатыльником; 2 – шлем; 3 – наатыльник; 4 – фрагмент доспеха; 1, 2 – бронза, железо; 3, 4 – железо;
1 – фото С.В. Сиротина; 3, 4 – фото К.С. Окороква; рисунки К.С. Окороква

Fig. 6. Inventory of burial 1:

1 – helmet with back plate; 2 – helmet; 3 – back plate; 4 – fragment of armor; 1, 2 – bronze, iron; 3, 4 – iron;
1 – photo by S.V. Sirotnin; 3, 4 – photo by K.S. Okorokov; drawings by K.S. Okorokov

Рис. 7. Инвентарь погр. 1 и уздечные принадлежности из жертвенного комплекса:

1 – проволочная спираль; 2 – гвоздики; 3 – жертвенный комплекс; 4 – псалии; 5–7 – удила; 1, 2 – золото; 4–7 – железо; 1, 2, 4–7 – фото К.С. Окорок; 3 – фото С.В. Сиротина; рисунки К.С. Окорок

Fig. 7. Inventory of burial 1 and bridle accessories from the sacrificial complex:

1 – wire spiral; 2 – nails; 3 – sacrificial complex; 4 – cheekpieces; 5–7 – bits; 1, 2 – gold; 4–7 – iron; 1, 2, 4–7 – photo by K.S. Okorok; 3 – photo by S.V. Sirotin; drawings by K.S. Okorok

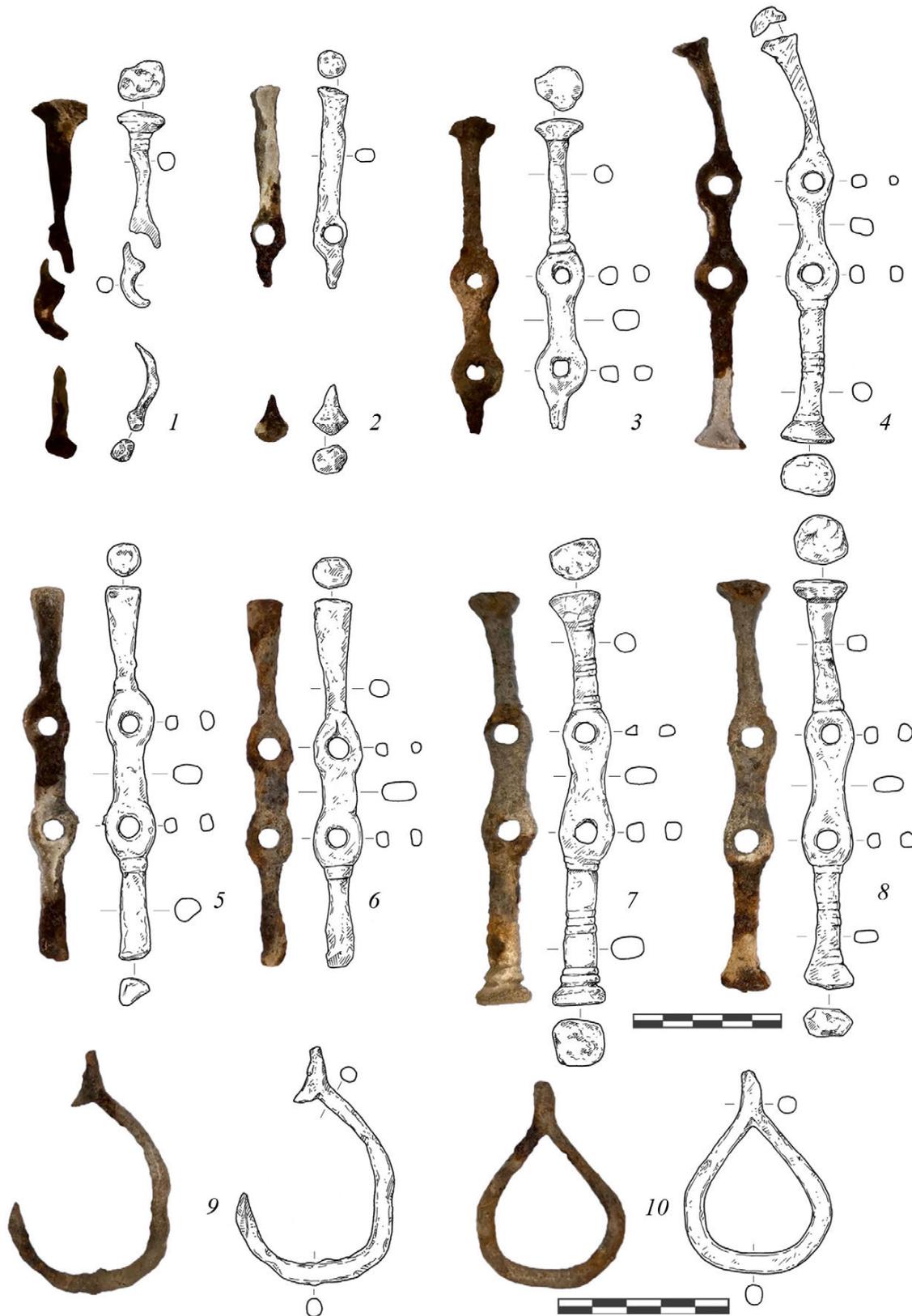

Рис. 8. Уздечные принадлежности из жертвенного комплекса:

1–8 – псалии; 9–10 – подпружные пряжки; 1–10 – железо; все фото и рисунки К.С. Окорокова

Fig. 8. Bridle accessories from the sacrificial complex:

1–8 – cheekpieces; 9–10 – girth buckles; 1–10 – iron; all photos and drawings by K.S. Okorokov

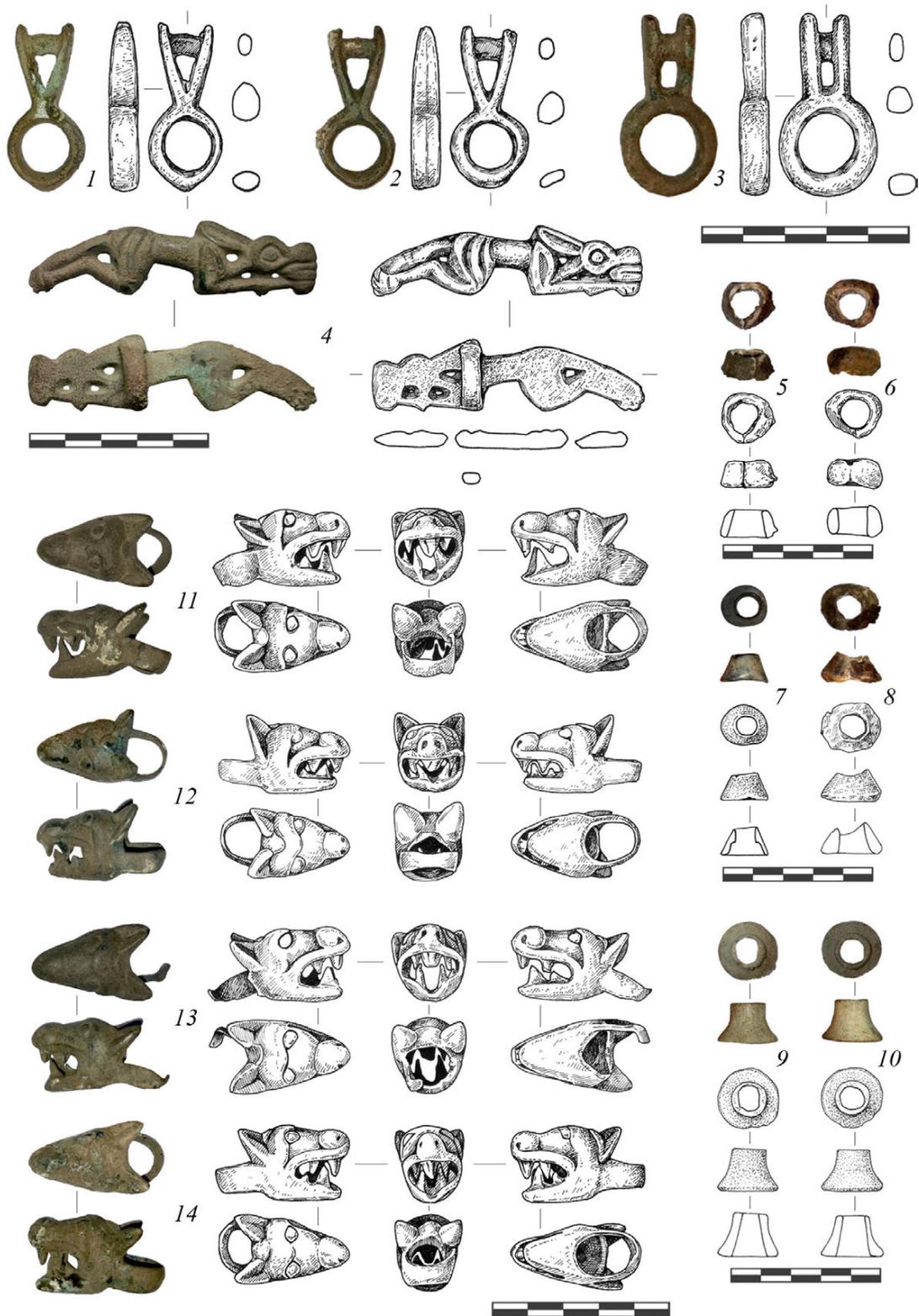

Рис. 9. Уздечные принадлежности из жертвенного комплекса:

1–3 – чумбурные блоки; 4 – уздечная бляшка (нащечник); 5–10 – ворворки; 11–14 – зооморфные пронизы;
1–14 – бронза; все фото и рисунки К.С. Окорочкова

Fig. 9. Bridle accessories from the sacrificial complex:

1–3 – chum-bur blocks; 4 – bridle plaque (cheek guard); 5–10 – vorvorkas; 11–14 – zoomorphic beads;
1–14 – bronze; all photos and drawings by K.S. Okorokov

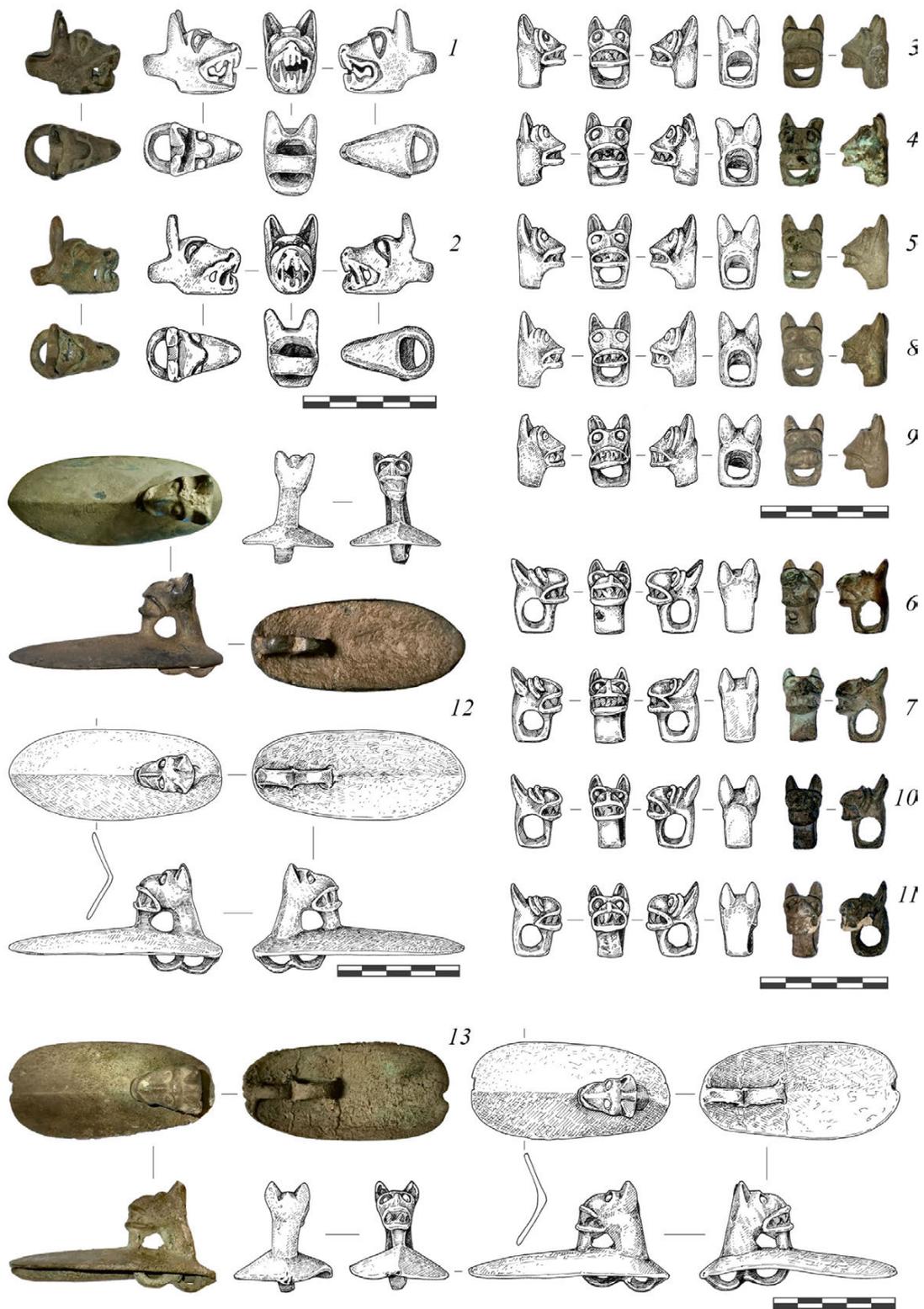

Рис. 10. Уздечные принадлежности из жертвенного комплекса:

1–11 – зооморфные пронизи; 12–13 – налобники; 1–13 – бронза;
все фото и рисунки К.С. Окоорокова

Fig. 10. Bridle accessories from a sacrificial complex:

1–11 – zoomorphic beadings; 12–13 – forehead pieces; 1–13 – bronze;
all photos and drawings by K.S. Okorokov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–VI вв. до н.э. СПб. : Изд-во ГЭ. 410 с.
- Васильев В. Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа : Гилем. 153 с.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., 2022. К хронологии кургана I Филипповского могильника // Призвание – археология : сб. воспоминаний и науч. ст. (к 85-летию со дня рождения А.Х. Пшеничноюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа : Диалог. С. 309–321.
- Васильев В. Н., Федоров В. К., 2021. Курганы Южного Зауралья. Кн. II. Уфа : Диалог. 132 с.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1974. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт // Советская археология. № 1. С. 171–180.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1984. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 15–36.
- Володин С. А., 2022. Золотые бляшки с изображением головы кабана из погребальных памятников Среднего Подонья скифского времени // Актуальная археология : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб. : ИИМК РАН. С. 167–170.
- Володин С. А., 2024. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя как хронологический индикатор // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и средние века : сб. ст. памяти О.В. Шарова. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34. М. : ИА РАН. С. 57–75.
- Ворошилов А. Н., 2004. Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж : ВГПУ. С. 202–213.
- Галанина Л. К., 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. СПб. : Изд-во ГЭ. С. 97–108.
- Гараев И. А., Цокур И. В., 2020. Чешуйчатый шлем из грунтового могильника «Волна-1» (Темрюкский район, Краснодарский край) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 1. С. 139–153.
- Горелик М. В., 1993. Оружие древнего Востока, IV тысячелетие – IV в. до н. э. М. : Наука. 349 с.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) // Российская археология. № 4. С. 115–132.
- Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещеряков Д. В., 2019. Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // Stratum plus. № 3. С. 51–88.
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : ЛКИ. 328 с.
- Ждановский А. Н., 2006. Курган № 30 у аула Нечерзий // Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 87–100.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. 159 с.
- Замятнин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // Советская археология. Вып. VIII. С. 9–51.
- Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 45–65.
- Ильинская В. А., 1966. Скифские курганы у г. Борисполя // Советская археология. № 3. С. 152–171.
- Ильинская В. А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев : Наукова думка. С. 42–63.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2019. Бронзовый черпак из могильника Новозаведенное-III на Ставрополье // SCYTHIA et SARMATIA. М. : МАКС Пресс. С. 89–99.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М. : Наука. 192 с.

- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М. : ГМВ. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 6. Краснодар : КубГУ. С. 134–151.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 224 с.
- Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И., 1984. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона // *Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М. : Наука. С. 124–141.
- Максименко В. Е., Ключников В. В., Гуркин С. В., 2001. Исследование могильника Частые курганы II на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация) // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. М. : ИА РАН. С. 220–225.
- Марченко И. И., 1984. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани // *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 37–71.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1–4. М. : Наука. 91 с.
- Мещеряков Д. В., 2011. Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Ростов-на-Дону, Кагальник, 11–15 мая 2011 г.)*. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 152–154.
- Мозолевський Б. М., 1979. Товста могила. Київ : Наукова думка. 252 с.
- Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам’янець-Подільський : ИА НАНУ. 439 с.
- Могилов О. Д., 2016. Про один із різновидів пряжок скіфського часу // *Археологія*. № 2. С. 40–59.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. III. Оренбург : Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1–10. М. : Из-во АН СССР. 91 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Ростов-на-Дону, Кагальник, 11–15 мая 2011 г.)*. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Мышкин В. Н., 2010. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. М. : ТАУС. С. 262–279.
- Мышкин В. Н., 2011. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Ростов-на-Дону, Кагальник, 11–15 мая 2011 г.)*. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 168–178.
- Мышкин В. Н., 2015. Чумбурные блоки из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 17, № 3 (2). С. 532–536.
- Мышкин В. Н., 2018. Подпружные застёжки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени // *Археология ранних кочевников Евразии*. Самара : Кн. изд-во. С. 41–62.
- Мышкин В. Н., 2020. О дате кургана 3 могильника Филипповка 1 // *Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения»*. М. : МАКС Пресс. С. 173–188.
- Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М. : ТАУС. 472 с.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д1–4. М. : Наука. 180 с.
- Прокопенко Ю. А., 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь : Изд-во СКФУ. 726 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // *Курганы кочевников Южного Урала*. Уфа : Гилем. С. 62–96.

- Пшеничнюк А. Х., 2000. Деревянная посуда ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 76–93.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2020. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья : конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. № 3. С. 31–52.
- Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 151–277.
- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2008. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 136–139.
- Сиротин С. В., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 38018-38019. 218 с.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей. С. 247–256.
- Сиротин С. В., 2020. Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 258. С. 181–200.
- Сиротин С. В., 2021. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала: вопросы хронологии // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 160–168.
- Сиротин С. В., 2022. Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>
- Сиротин С. В., 2024. Северокавказские, Донские и Поднепровские импорты в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье // Теория и практика археологических исследований. Т. 36, № 2. С. 120–139.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие». С. 207–217.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С., 2018. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : ИА РАН. С. 334–339.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С., 2020. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». М. : МАКС Пресс. С. 203–217.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С., 2023. Воинский комплекс с элементами защитного вооружения раннепрохоровского времени из Южного Приуралья // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 02–04 октября 2023 г.). Астрахань : Сорокин Роман Васильевич. С. 87–92.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Огороков К. С., 2024. Предкавказские, прикубанские и донские параллели в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье // Следы явлений и процессов в археологических памятниках : материалы Междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 8–10 апреля 2024 г.). Ставрополь : Печатный двор. С. 155–168.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Огороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма «Салта ЛТД». С. 234–243.

- Сиротин С. В., Богачук Д. С., 2019. Курганы ранних кочевников в Южном Приуралье // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое. М. : ИА РАН. С. 50–53.
- Сиротин С. В., Окорок К. С., 2020. Костяные и металлические доспехи кочевников Южного Урала (по материалам некрополей Переволочан I, Филипповка 1, 2, Высокая Могила – Студеникин Мар) // Труды VI (XXII) Археологического съезда в Самаре. Т. II. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 111–113.
- Сиротин С. В., Окорок К. С., 2022. Два деревянных сосуда с носиком-сливом из погребений ранних кочевников Южного Урала // Призвание – археология : сб. воспоминаний и науч. ст. (к 85-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа : Диалог. С. 438–454.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : Наука. 161 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М. : Наука. 464 с.
- Таиров А. Д., 2014. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань : Отечество. С. 241–243.
- Трейстер М. Ю., 2021. Македонская (фракийская?) бронзовая патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. С. 380–403.
- Фризен (Куринских) О. И., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2013. Шлем из могильника Филипповка 1 // Вестник древней истории. № 4. С. 156–173.
- Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев : Наукова думка. 192 с.
- Шапошникова О. Г., 1970. Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация) // Советская археология. № 3. С. 208–213.
- Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. МИА. № 60. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР. С. 323–523.
- Эрлих В. Р., 2010. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 73–106.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. кол. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского 2009–2014 гг. : кат. кол. Кн. II. М. : ИА РАН. 356 с.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu., 2003. *Hronografiya Evropeyskoy Skifii VII–VI vv. do n.e.* [Chronography of European Scythia in the 7th – 6th Centuries BC]. Saint Petersburg, State Hermitage Museum. 410 p.
- Vasilyev V.N., 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery* [Weaponry and Military Affairs of the Nomads of the Southern Urals in the 6th – 2nd Centuries BC]. Ufa, Gilem Publ. 153 p.
- Vasilyev V.N., 2004. К хронологии раннепрокхоровского комплекса [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 153–172.
- Vasilyev V.N., 2022. К хронологии кургана I Филипповского могил’ника [On the Chronology of Kurgan I of the Filippovsky Burial Ground]. *Prizvanie – arheologiya: sb. vospominaniy i nauch. st. (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.H. Pshenichnyuka i 35-letiyu nachala issledovaniya Filippovskih kurganov)* [Calling Archaeology: Collection of Memoirs and Scientific Articles (for the 85th Anniversary of the Birth of A.Kh. Pshenichnyuk and the 35th Anniversary of the Beginning of the Study of the Filippovsky Kurgans)]. Ufa, Dialog Publ., pp. 309–321.
- Vasilyev V.N., Fedorov V.K., 2021. *Kurgany Yuzhnogo Zaural’ya* [Kurgans of the Southern Trans-Urals]. Book II. Ufa, Dialog Publ. 132 p.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1974. Mogil’nik sarmatskoy epohi na gore Lekhkch-Kort [Burial Ground of the Sarmatian Era on Mount Lekhkch-Kort]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 171–180.

- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1984. Pogrebeniya sarmatskogo vremeni iz Hankal'skikh mogil'nikov [Burials of the Sarmatian Period from the Khankala Burial Grounds]. *Arheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar, KubSU, pp. 15-36.
- Volodin S.A., 2022. Zolotyie blyashki s izobrazheniem golovy kabana iz pogrebal'nykh pamyatnikov Srednego Podon'ya skifskogo vremeni [Golden Plaques with the Image of a Boar's Head from Burial Monuments of the Middle Don Region of the Scythian Period]. *Aktual'naya arheologiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchennykh* [Actual Archeology: Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 167-170.
- Volodin S.A., 2024. Srednedonskie zoomorfnye kryuchki s izobrazheniem medvedya kak hronologicheskii indikator [Middle Don Zoomorphic Hooks with a Bear Image as a Chronological Indicator]. *Polevoy dnevnik. Vostochnaya Evropa v antichnoe vremya i srednie veka: sb. st. pamyati O.V. Sharova* [Field Diary. Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: A Collection of Articles in Memory of O.V. Sharova]. Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy, vol. 34. Moscow, IA RAS, pp. 57-75.
- Voroshilov A.N., 2004. Kop'ya naseleniya srednedonskoy kul'tury skifskogo vremeni [Spears of the Population of the Middle Don Culture of the Scythian Time]. *Arheologicheskie pamyatniki basseyna Dona* [Archaeological Monuments of the Don Basin]. Voronezh, VSPU, pp. 202-213.
- Galanina L.K., 2005. Kubanskoe uzdechnoe snaryazhenie IV v. do n.e. [Kuban Bridle Equipment of the 4th Century BC]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 37. Saint Petersburg, State Hermitage Museum, pp. 97-108.
- Garaev I.A., Tsokur I.V., 2020. Cheshuychatyy shlem iz gruntovogo mo-gil'nika «Volna-1» (Temryukskiy rayon, Krasnodarskiy kray) [A Scaly Helmet from the Necropolis of Volna-1 (Temryuk District, Krasnodar Territory)]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 1, pp. 139-153.
- Gorelik M.V., 1993. *Oruzhie drevnego Vostoka, IV tysyacheletie – IV v. do n. e.* [Weapons of the Ancient East, 4th Millennium – 4th Century BC]. Moscow, Nauka Publ. 349 p.
- Gulyaev V.I., Savchenko E.I., 1998. Novyy mogil'nik skifskogo vremeni na Srednem Donu (itogi issledovaniy 1996 – 1997 gg.) [Results of Studying a Scythian Age Burial Ground near the Village Ternovoe-Kolbino in the Middle Don]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 115-132.
- Dedyulkin A.V., Kayumov I.F., Meshcheryakov D.V., 2019. Ellinisticheskie zheleznye kirasy iz Yuzhnogo Priural'ya [Hellenistic Iron Cuirasses from the South Ural Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 51-88.
- Demidenko S.V., 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n. e. – III v. n. e.)* [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of Lower Volga Region and South Urals (5th c. BC – 3rd c. AD)]. Moscow, LKI Publ. 328 p.
- Zhdanovsky A.N., 2006. Kurgan № 30 u aula Necherziy [Mound No. 30 Near the Village of Necherziy]. Raev B.A., Bespalyy G.E. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [A Mound of Scythian Times on the Burial Ground of the IV Novolabinsk Settlement]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 87-100.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd Centuries BC)]. Moscow, Vost. lit. Publ. 159 p.
- Zamyatnin S.N., 1946. Skifskiy mogil'nik «Chastyie kurgany» pod Voronezhem [The Scythian Burial Ground “Chastyie kurgany” near Voronezh]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], vol. VIII, pp. 9-51.
- Zdanovich G.B., Khabdulina M.K., 1987. Kurgan Temir [Kurgan Temir]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 45-65.
- Ilyinskaya V.A., 1966. Skifskie kurgany u g. Borispolya [Scythian Kurgans near the City of Boryspol]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 152-171.
- Ilyinskaya V.A., 1973. Skifskaya uzda IV v. do n.e. [Scythian Bridle of the 4th Century BC]. *Skifskie drevnosti* [Scythian Antiquities]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 42-63.
- Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2019. Bronzovyy cherpak iz mogil'nika Novozavedennoe-III na Stavropol'e [Bronze Ladle from the Novozavedennoe-III Burial Ground in Stavropol]. *SCYTHIA et SARMATIA*. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 89-99.
- Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFICTs RAN* [Collections of Filippovsky Burial Mounds from the Funds of the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute

- of Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2018. Ufa, Kitap Publ. 400 p.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlich V.R., 2005. *Meoty Zakuban'ya v seredine VI – nachale III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Pogrebal'nye komplekсы* [Meotians of Transkuban Region in the Middle of the 6th – Beginning of the 3rd Centuries BC. Necropolises near the Village of Ulyap. Burial Complexes]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlich V.R., 2013. *Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы* [Meotians of Trans-Kuban Region 4th – 3rd Centuries BC. Necropolises near the Aul of Ulyap. Shrines and Ritual Places]. Moscow, The State Museum of Oriental Art. 184 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i hronologiya kuril'nits iz meotskih mogil'nikov Prikuban'ya [Typology and Chronology of Incense Burners from Meotian Burial Grounds in the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of Kuban], iss. 6. Krasnodar, KubSU, pp. 134-151.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromats and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-on-Don, Rostov University. 224 p.
- Maksimenko V.E., Smirnov K.F., Gorbenko A.A., Lukyashko S.I., 1984. Bogatyie rannesarmatskie komplekсы pravoberezh'ya Dona [Rich Early Sarmatian Complexes of the Right Bank of the Don]. *Smirnov K.F. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii* [Smirnov K.F. Sarmatians and the Establishment of Their Political Dominance in Scythia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 124-141.
- Maksimenko V.E., Klyuchnikov V.V., Gurkin S.V., 2001. Issledovanie mogil'nika Chastye kurgany II na Nizhnem Donu v 2000 godu (predvaritel'naya publikatsiya) [Study of the Burial Ground Chastye Kurgany II on the Lower Don in 2000 (Preliminary Publication)]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 220-225.
- Marchenko I.I., 1984. Vpusknye sarmatskie pogrebeniya Pravoberezh'ya Kubani [Sarmatian Burials on the Right Bank of the Kuban]. *Arheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar, KubSU, pp. 37-71.
- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzhenie skifov* [Scythian Weapons]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1–4. Moscow, Nauka Publ. 91 p.
- Meshcheryakov D.V., 2011. Voinskie dospekhi v pogrebal'nom obryade rannih sarmatov [Military Armor in the Burial Rite of the Early Sarmatians]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (Rostov-na-Donu, Kagal'nik, 11–15 maya 2011 g.)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (Rostov-on-Don, Kagalnik, 11–15 May 2011)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 152-154.
- Mozolevsky B.M., 1979. *Tovsta mogyla* [Tovsta Grave]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 252 p.
- Mogylov O.D., 2008. *Sporyadzhennyya konya skifs'koyi doby u Lisostepu Skhidnoyi Yevropy* [Equipment of a Horse of the Scythian Era in the Forest Steppe of Eastern Europe]. Kyiv, Kamianets-Podilskyi, IA NANU. 439 p.
- Mogylov O.D., 2016. Pro odyn iz riznovydiv pryazhok skifs'kogo chasu [On One of Varieties of Scythian Period Buckles]. *Arheologiya* [Archeology], no. 2, pp. 40-59.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prohorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorov” Burials of the V Berdianskiy Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], no. III. Orenburg, Printing House “DIMUR”, pp. 124-146.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Monuments of the Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1–10. Moscow, Nauka Publ. 91 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya v savromatskoe i rannesarmatskoe vremya [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals in the Sauromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (Rostov-na-Donu, Kagal'nik, 11–15 maya 2011 g.)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (Rostov-on-Don, Kagalnik, 11–15 May 2011)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 162-167.

- Myshkin V.N., 2010. Kolchannye kryuchki kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona VII–I vv. do n.e. [Quiver Hooks of Nomads of the Samara-Ural Region of the 7th – 1st c. BC]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 262-279.
- Myshkin V. N., 2011. Pogrebal'naya obryadnost' social'noj elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI – V vv. do n.e. (k probleme formirovaniya prohorovskoy kul'tury) [Funeral Rites of the Social Nobility of the Samara-Ural Region Nomads in the 6th – 5th Centuries BC (To the Problem of the Formation of the Prokhorov Culture)]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (Rostov-na-Donu, Kagal'nik, 11–15 maya 2011 g.)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (Rostov-on-Don, Kagalnik, 11–15 May 2011)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 168-178.
- Myshkin V.N., 2015. Chumburnye bloki iz kochevnicheskikh kurganov skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [A Blocks of Rein to the Horse from Nomadic Burial Mounds of Scythian Times in the Southern Urals]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3 (2), pp. 532-536.
- Myshkin V.N., 2018. Podpruzhnye zastezhki iz kurganov kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifskogo vremeni [Girth Buckles from Barrows of Nomads of the Southern Urals of Scythian Time]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of the Early Nomads of Eurasia]. Samara, Kn. izd-vo Publ., pp. 41-62.
- Myshkin V.N., 2020. O date kurgana 3 mogil'nika Filippovka 1 [About the Date of the Mound 3 of the Filippovka 1 Burial Ground]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya»* [Early Nomads of the Southern Urals and Lower Volga Region. Materials of the Round Table “Archaeology of Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”]. Moscow, MAKSS Press Publ., pp. 173-188.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii* [Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes]. Moscow, TAUS Publ. 472 p.
- Petrenko V.G., 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n.e.* [The Right Bank of the Middle Dnieper in the 5th – 3rd Centuries BC]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. Д1–4. Moscow, Nauka Publ. 180 p.
- Prokopenko Yu.A., 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e.* [Scythians, Sarmatians and Tribes of the Koban Culture of the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC]. Stavropol, NCFU, vol. 2. 726 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochan Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of the Southern Urals Nomads]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.Kh., 2000. Derevyannaya posuda rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Wooden Utensils of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 2, pp. 76-93.
- Pshenichnyuk A.Kh., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Savelev N.S., 2020. Skifskaya uzda v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: konechnaya tochka zapadnogo impulsa [The Scythians Horse Harness in the Forest-Steppe of Southern Cis-Urals: The End Point of the Western Impulse]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 31-52.
- Savchenko E.I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and Equipment of the Population of the Scythian Time on the Middle Don]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 151-277.
- Savchenko E.I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arheologicheskii istochnik [The Equipment of the Horse of the Scythian Period at the Middle Don as an Archeological Source]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu yepohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Age]. Moscow, IA RAS, pp. 221-325.
- Sirotnin S.V., 2008. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii v 2007 g. (predvaritel'noe soobshchenie) [Research at the Burial Mound of Perevolochan in Trans-Ural Bashkiria in

- 2007 (Preliminary Report)]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshih arheologicheskikh otkrytiy»*, Orenburg, 21–25 apr. 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Proceedings of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, OSPU, pp. 136-139.
- Sirotin S.V., 2009. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Haybullinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2009 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 38018-38019. 218 p.
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 323-337.
- Sirotin S.V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypay kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from Mounds of Mounds of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Excavations from 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-256.
- Sirotin S.V., 2020. Dromosnoe pogrebenie IV v. do n.e. iz kurgana 12 nekropolya Perevolochan I na Yuzhnom Urale [The Dromos Burial of the Fourth Century BC from Kurgan 12 at the Perevolochan I Cemetery in the South Urals Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], no. 258, pp. 181-200.
- Sirotin S.V., 2021. Dromosnye pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala: voprosy khronologii [Dromos Burials of the Early Nomads of the South Urals: the Problems of Chronology]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 21, no. 1, pp. 160-168.
- Sirotin S.V., 2022. Kurgan 5 nekropolya «Ivanovskie I kurgany» na Yuzhnom Urale: hronologiya kompleksov [Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 21-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>
- Sirotin S.V., 2024. Severokavkazskie, Donskie i Podneprovskie importy v uzdechnykh naborakh iz kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» v Yuzhnom Priural'e [North Caucasian, Don and Dnieper Imports in Bridle Sets from the Barrows of the “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis in the Southern Urals]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], vol. 36, no. 2, pp. 120-139.
- Sirotin S.V., Treister M. Yu., 2014. Pogrebenie s blizhnévostochnymi (?) i tsentral'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) and Central Asian Imports from the Barrow-Mound Yakovlevka II]. *Sarmaty i vnesniy mir. Materialy VIII Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World. Proceedings of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Ufimskiy arheologicheskij vestnik, iss. 14. Ufa, IHLL USC RAS, Heritage Center, pp. 207-217.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskie mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast', Orenburgskiy rayon) [Kurgan Group Bogatyrskie mogilki No. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017* [Cities, Settlements, Burial Grounds. Excavations 2017]. Materialy spatatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy, vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2020. Filippovskie paralleli v pogrebal'nom obryade bol'shih kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» [Filippovska Parallels in the Funeral Rite of Large Mounds of the Necropolis Vysokaya Mogila – Studenikin Mar]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya»* [Early Nomads of the Southern Urals and Lower Volga Region. Materials of the Round Table “Archeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 203-217.
- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2023. Voinskiy kompleks s elementami zashchitnogo vooruzheniya ranneprophorovskogo vremeni iz Yuzhnogo Priural'ya [Military Complex with Elements of Defensive Weapons of the Early Prokhorovsky Time from the Southern Urals]. *Sbornik materialov VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arheologicheskoy konferentsii (Astrahan', 02–04 oktyabrya 2023 g.)* [Collections of

- Materials of the VII All-Russian Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, October 02–04, 2023)]. Astrakhan, Roman Vasilievich Sorokin Publ., pp. 87-92.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2024. Predkavkazskie, prikubanskije i donskie paralleli v uzdechnyh naborah iz kurganov nekropolja «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» v Yuzhnom Priural'e [Ciscaucasian, Kuban and Don Parallels in Bridle Sets from the Burial Mounds of the Vysokaya Mogila – Studenikin Mar Necropolis in the Southern Urals]. *Sledy yavleniy i protsessov v arheologicheskikh pamyatnikah: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Pyatigorsk, 8–10 aprelya 2024 g.)* [Traces of Phenomena and Processes in Archaeological Monuments: Proceedings of the International Scientific Conference (Pyatigorsk, April 8–10, 2024)]. Stavropol, Pechatny Dvor Publ., pp. 155-168.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nyh konstruksiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolja Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Materials of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., 2019. Kurgany rannih kochevnikov v Yuzhnom Priural'e [Kurgans of Early Nomads in the Southern Urals]. *Novye arheologicheskie proekty. Vossozhdavaya proshloe* [New Archaeological Projects. Recreating the Past]. Moscow, IA RAS, pp. 50-53.
- Sirotnin S.V., Okorokov K.S., 2020. Kostyanye i metallicheskie dospekhi kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam nekropolja Perevolochan I, Filippovka 1, 2, Vysokaya Mogila – Studenikin Mar) [Bone and Metal Armor of the Nomads of the Southern Urals (Based on the Materials of the Necropolises of Perevolochan I, Filippovka 1, 2, Vysokaya Mogila – Studenikin Mar)]. *Trudy VI (XXII) Arheologicheskogo syezda v Samare* [Materials of the VI (XXII) Archaeological Congress in Samara], vol. II. Samara, SSSPU, pp. 111-113.
- Sirotnin S.V., Okorokov K.S., 2022. Dva derevyannyh sosuda s nosikom-slivom iz pogrebeniy rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Two Wooden Vessels with a Spout-Drain from the Burials of Early Nomads of the Southern Urals]. *Prizvanie – arheologiya: sb. vospominaniy i nauch. st. (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A.H. Pshenichnyuka i 35-letiyu nachala issledovaniya Filip-povskih kurganov)* [Calling – Archaeology: Collection of Memoirs and Scientific Articles (For the 85th Anniversary of the Birth of A.Kh. Pshenichnyuk and the 35th Anniversary of the Beginning of the Study of the Filippovsky Kurgans)]. Ufa, Dialog Publ., pp. 438-454.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Sauromat Armament]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 101. Moscow, AS USSR. 161 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time], 1989. Moscow, Nauka Publ. 464 p.
- Tairov A.D., 2014. Sozhzhenie kak rezul'tat ogrableniya (po materialam Yuzhnogo Zaural'ya) [Burning as a Result of Robbery (Based on Materials from the Southern Trans-Urals)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. 2. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 241-243.
- Treister M.Yu., 2021. Makedonskaya (frakiyskaya?) bronzovaya patera iz kurgana № 1/1910 gruppy «Chastye kurgany» na Srednem Donu [A Macedonian (Thracian?) Bronze Patera from the Burial-Mound No. 1/1910 of the Chastye Kurgany-Group in the Middle Don Region]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 13, pp. 380-403.
- Friesen (Kurinskikh) O.I., Shemakhanskaya M.S., Yablonsky L.T., 2013. Shlem iz mogil'nika Filippovka 1 [A Helmet from the Barrow-Ground Filippovka 1]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 4, pp. 156-173.
- Chernenko E.V., 1968. *Skifskij dospekh* [Scythian Armor]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 192 p.
- Shaposhnikova O.G., 1970. Pogrebenie skifskogo voina na r. Ingul (predvaritel'naya publikatsiya) [Burial of a Scythian Warrior on the Ingul River (Preliminary Publication)]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 208-213.
- Shilov V.P., 1959. Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik [Kalinovsky Cemetery]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [Antiquities of the Lower Volga Region], vol. 1. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 60. Moscow, AS USSR, pp. 323-523.

- Erlikh V.R., 2010. Uzda Kolhidy i Tsentral'noy Gruzii antichnoy epohi: k probleme vydeleniya traditsiy [The Bridle of Colchis and Central Georgia of the Ancient Era: to the Problem of Identifying Traditions]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredelnyh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 73-106.
- Yablonsky L.T., 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdoy. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): kat. kol.* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IARAS. 232 p.
- Yablonsky L.T., Bogachuk D.S., Volodin S.A., Maslov V.E., Sirotin S.V., 2023. *Zoloto sarmatskih vozhdoy. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2. Po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L.T. Yablonkogo: kat. kol.* [Gold of Sarmatian Nobility. Burial Grounds Filippovka 1 and Filippovka 2. The Materials of the Excavations of the Pre-Ural Expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Directed by L.T. Yablonsky. Campaigns 2009–2014. The Catalogue], vol. II. Moscow, IARAS. 356 p.

Information About the Authors

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Konstantin S. Okorokov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Daria S. Bogachuk, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, BogachukDS@iaran.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3084-6222>

Информация об авторах

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Константин Сергеевич О कोरोков, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Дарья Сергеевна Богачук, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, BogachukDS@iaran.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3084-6222>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.8>

UDC 930.26(100):94(369.1)
LBC 63.48(0)-3

Submitted: 20.05.2024
Accepted: 06.11.2024

FOLLOWING THE RESEARCH

*Part II*¹

Irina P. Zasetskaya

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is the second part of a critical review of the works from no. 2 (volume 18) of the Lower Volga Archaeological Bulletin, published in 2019 and dedicated to the anniversary of Prof. I.P. Zasetskaya. This research considers articles whose subjects are connected with the Migration Period.

Key words: Migration Period, discussion, Huns, post-Hunnic period, grave goods.

Citation. Zasetskaya I.P., 2024. Po sledam issledovaniy. Chast' 2 [Following the Research. Part II]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 189-208. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.8>

УДК 930.26(100):94(369.1)
ББК 63.48(0)-3

Дата поступления статьи: 20.05.2024
Дата принятия статьи: 06.11.2024

ПО СЛЕДАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Часть II*¹

Ирина Петровна Засецкая

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой вторую часть критического обзора работ из № 2 (том 18) Нижневолжского археологического вестника, который вышел в свет в 2019 г. и был посвящен юбилею И.П. Засецкой. В данном исследовании рассматриваются статьи, тематика которых связана с эпохой Великого переселения народов.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, дискуссия, гунны, постгуннский период, погребальный инвентарь.

Цитирование. Засецкая И. П., 2024. По следам исследований. Часть II // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.8>

Данная статья, как явствует из ее названия, является продолжением рецензии на № 2 (том 18) журнала «Нижневолжский археологический вестник», выпущенный в 2019 г. к мо-

ему юбилею. В ответ на проявленное ко мне уважение со стороны многих моих коллег и друзей, которые приняли участие в этом номере, мне захотелось написать небольшие от-

звы на эти работы, отметив их достоинства и те дискуссионные вопросы, которые, по моему мнению, требуют дальнейшего изучения.

Напомню, что работа «По следам исследований. Часть I» [Засецкая, 2023] была посвящена статьям, связанным со скифо-сарматским периодом (VII в. до н.э. – II в. н.э.); вторая часть, как и было изначально запланировано, – эпохе Великого переселения народов (конец IV – V в. н.э.).

В первую очередь мне хотелось бы остановиться на работе **Александра Ильича Айбабина «Гунны в равнинном Крыму»** [Айбабин, 2019], которая посвящена проблемам датировки проникновения гуннов на территорию Крымского полуострова. В качестве доказательной базы автор использует письменные источники и археологические предметы, обнаруженные в гуннских погребениях, расположенных на равнинных землях Крыма.

Хочу подчеркнуть, что завоевательные походы гуннов продолжались в течение короткого периода, но привели к радикальному изменению этнокультурного ландшафта в Крымском регионе: как сообщает Аммиан Марцелин, нашествие гуннов в Европу было устрашающим. Сначала напав на сарматов и аланов, населявших южнорусские степи, они уничтожили местное население, в результате чего на данных территориях навсегда прекратило свое существование многовековое объединение сармато-аланских племен. Под натиском гуннов бежали на запад готские племена, населявшие Поднепровье (остготы) и Поднестровье (везиготы) [Засецкая, 1994, с. 132–161].

Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот сирийских источников, которые были опубликованы Н.В. Пигулевской в 1941 г. [Айбабин, 2019, с. 49; Пигулевская, 1941, с. 40–41]. Признаюсь, мне данная работа действительно не была известна. Однако в связи с этим возникает вопрос: по какой причине «большинство археологов», например В.Ф. Гайдукевич, А.Л., Якобсон, Д.Б. Шелов, В.Д. Блаватский [Айбабин, 2019, с. 48, 57–58], игнорировали столь интересные свидетельства? Были ли они им также неизвестны, или вышперечисленные ученые счи-

тали их не вполне достоверными? Полагаю, что следовало подробнее остановиться на анализе самих материалов из статьи Н.В. Пигулевской и указать причины, по которым их не принимали во внимание. Вместе с тем новая дата – 395 год, предложенная Н.В. Пигулевской, которая, по мнению А.И. Айбабина, является более реалистичной, не вносит принципиальных изменений в историю появления гуннов в Крыму, поскольку хронологические рамки этого события всегда определялись шире, чем предположительный период 370–378 гг., а именно – последней четвертью IV века.

В этой связи особый интерес представляет комплекс вещей, обнаруженных в тайнике склепа 145 на Боспорском некрополе, где были обнаружены серебряные и золотые вещи, в том числе исполненные в технике перегородчатой инкрустации [Засецкая, 1993, табл. 12–20], а именно: серебряная чаша, изготовленная в честь 20-летия цезарства Констанция II (343 г.), предметы конского снаряжения, золотые навершия мечей, пластины от ножен, а также бронзовые позолоченные умбоны и серебряные рукояти воинских щитов. Среди находок была обнаружена индикация монеты Валентиниана II (375–392), что ограничивает время создания тайника, который не мог быть сооружен раньше 375 г., но, по моему суждению, вряд ли намного позднее 392 года. В любом случае причиной сокрытия, предположительно родственниками умершего, ценных вещей должно было послужить какое-то надвигающееся катастрофическое событие. И скорее всего, это было связано с угрозой, приближающейся со стороны степей, – нашествием гуннов.

Теперь обратимся к вопросу датировки памятников, связанных с пришествием гуннов в равнинный Крым, которую приводит А.И. Айбабин: IV–V вв. н.э. [Айбабин, 2019, с. 50]. Прежде всего, бросается в глаза, что выделенные им захоронения представляют собой одиночные памятники, разбросанные по всей территории равнинного Крыма (см. рис. 1), от Черноморья до Керчи. При этом он отмечает одну общую особенность выявленных захоронений юношей-подростков: для их погребения были использованы уже существовавшие античные склепы, скифские подбойные могилы и т. п.

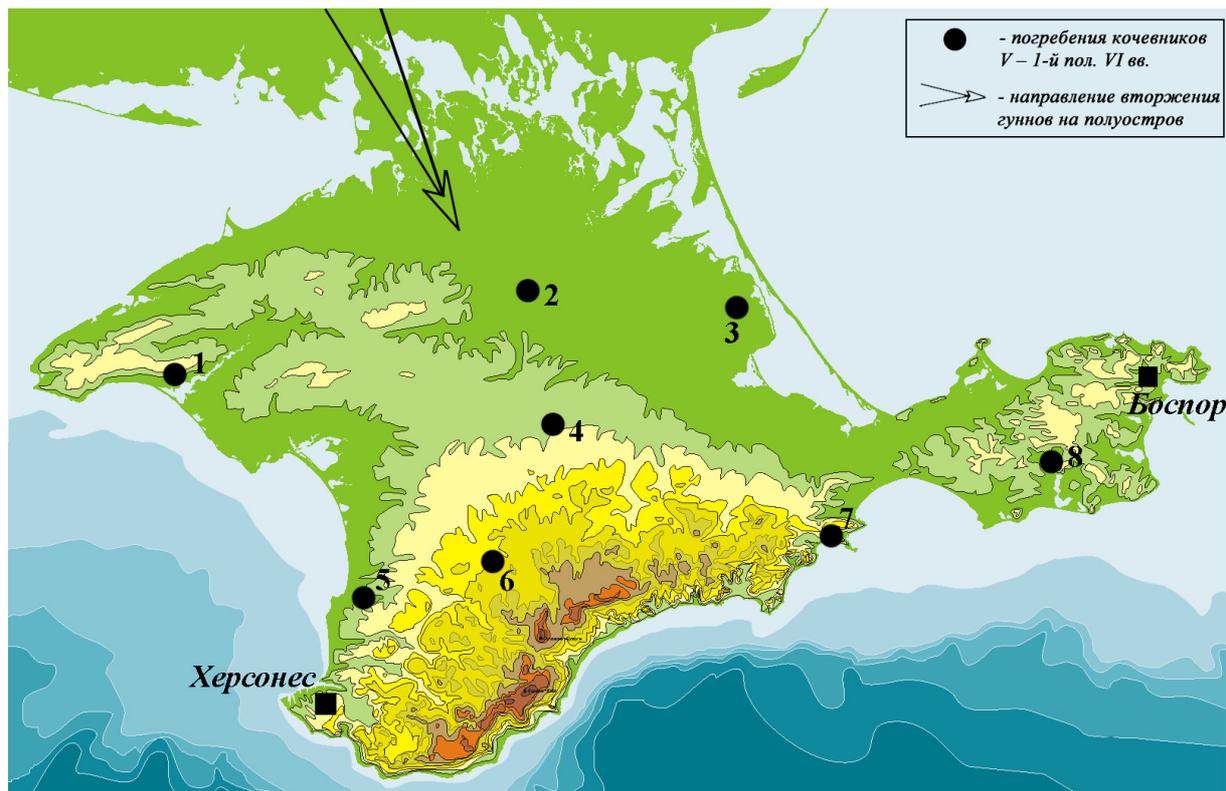

Рис. 1. Крым в V – начале VI в. (по: [Айбабин, 2019, с. 52, рис. 1])

Fig. 1. Crimea in the 5th – early 4th centuries (after: [Aibabin, 2019, p. 52, fig. 1])

Подобную картину дисперсии гуннских погребений мы наблюдаем и на территории южнорусских степей (от Поднепровья до Нижнего Поволжья), что, вероятно, можно объяснить сравнительно недолгим существованием племенного объединения гуннов (375–453 гг.), по сути распавшегося со смертью Атиллы. Часть погребений А.И. Айбабин датирует концом IV – первой половиной V века. Исключением является погребение у с. Чикаренко, которое на основе обнаруженной там амфоры автор совершенно справедливо датирует первой половиной VI в., то есть относит ко времени, когда гуннский союз уже прекратил свое существование.

Второй половиной V в. он также датирует захоронения у городища Беляус и погребение у д. Марфовка в Керчи. В свое время оба эти памятника были датированы мною первой половиной V в. [Засецкая 1994, с. 112–113]. Особый интерес представляет захоронение у д. Марфовка, где был найден гарнитур головного украшения знатных женщин гуннской эпохи: диадема, два колта и два кулона. Более подробно комплекс женских украшений гуннской

знати был мною описан в главе «Украшения полихромного стиля» книги «Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху» [Засецкая, 1994, с. 50–67], а также – в статье «Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи» [Засецкая, 2001] (см. рис. 2). Необходимо указать, что такого рода вещи бытовали в течение очень короткого периода времени: они появились только с приходом гуннов в южнорусские степи и исчезли после распада гуннского племенного союза. Разумеется, нельзя исключать того, что время захоронения у Марфовки более позднее, нежели время изготовления комплекса украшений, погребенных вместе с их владелицей. Однако два колта, подобные височным украшениям из погребения у д. Марфовка, также были обнаружены в погребении у с. Здвиженское, которое определенно датируется первой половиной V в., поэтому предложенная мною в 1994 г. датировка представляется более убедительной. Начиная со второй половины V в. и далее, в период VI–VII вв., на территориях южнорусских степей, находившихся в указанный период под властью тюркских племен, бытовали другие

Рис. 2. Реконструкция женских гарнитуров гуннской эпохи (по: [Засецкая, 2001, с. 56])

Fig. 2. Reconstruction of women's sets of the Hunnic era (after: [Zasetskaya, 2001, p. 56])

формы височных подвесок [Засецкая и др., 2007, с. 16, рис. 2].

В завершение отмечу, что безусловным достоинством статьи А.И. Айбабина является впервые предпринятая автором попытка обобщения всех известных археологических памятников, которые отражают движения гуннов на территории равнинного Крыма в первой половине – середине V века.

Статья Анны Владимировны Мастыковой «О браслетах с зооморфными окончаниями из могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму (эпоха Великого переселения народов)» [Мастыкова, 2019] посвящена анализу бронзовых позолоченных браслетов, найденных в катакомбном захоронении в могильнике Джурга-Оба в некрополе города Китея. Погребение было разрушено, но, судя по найденным в нем вещам, можно предположить, что здесь были как мужское, так и женское захоронения. Из последнего происходит престижный женский убор, состоящий из двух подвесок и двух перстней, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, золотых бляшек-городков от одежды

и упомянутых выше парных браслетов, которые и позволяют датировать этот комплекс второй половиной V в. н.э.

Браслеты состоят из проволочного кольца с зооморфными окончаниями в виде голов «дракона», уши и глаза которых акцентированы вставками красного камня в напаянных гнездах; застежкой каждого браслета служит шарнирный замок в виде диска с орнаментом *cloisonné*.

Опираясь на очень широкий круг историко-сравнительных материалов, автор анализирует историю появления, территорию распространения (Средиземноморье, Восточная Европа, Средняя Азия, Сибирь и др.) и локальные разновидности двух групп украшений. Во-первых, с замками в виде дисков с шарнирным устройством, связанных, по мнению А.В. Мастыковой, с ювелирной традицией Средиземноморья III–VII вв., а во-вторых, имеющих зооморфные окончания, демонстрирующих, как отмечает автор, также наследие античной традиции: «Среди шарнирных браслетов особый интерес для нашей темы представляют украшения с зооморфными окончаниями, которые, несомненно, восходят к античной традиции» [Мастыкова, 2019, с. 171].

Указывая на раннее распространение «шарнирных браслетов» в Восточной Европе,

Анна Владимировна упоминает в качестве ближайших аналогов браслетам из Джурга-Оба подобные украшения – из Боспорского некрополя, а именно парные золотые браслеты с шарнирными замками в виде диска с орнаментом из перегородчатой инкрустации из «двух склепов 24 июня 1904 г.» [Мастыкова, 2019, с. 171] (рис. 3).

Здесь мне бы хотелось сделать небольшое отступление. Автор выражает сожаление о необходимости ограничения датировки памятников «общими хронологическими рамками гуннского времени», так как оба склепа были разграблены [Мастыкова, 2019, с. 171]. Однако тайник из склепа 145.1904 – не грабительский схрон, он был сооружен до проникновения грабителей в склеп, что следует из описания автора раскопок В.В. Шкорпила: «Под низким порогом входа оказался тайник,

не замеченный грабителями, потому что место над ним оказалось засыпано землей, когда грабители проникали из дромоса в камеру...» [Шкорпил, 1907, с. 32–33].

Далее, анализируя присущее браслетам сочетание технологических и художественно-стилистических особенностей, А.В. Мастыкова совершенно верно отмечает сходство изображенных на браслетах звериных голов с аналогичными изображениями на браслете, обнаруженном у ст. Сенная близ Фанагории на Таманском полуострове [Мастыкова, 2019, рис. 5,5], и на золотом браслете из указанных выше двух склепов. Хотелось бы отметить, что подобное изображение присутствует и на происходящей отсюда же гривне [Засецкая, 1993, табл. 22,82, 24,77] (рис. 4).

Аналогичный образ дракона характерен для памятников гуннской эпохи и встречается

Рис. 3. Золотой браслет с шарнирным замком в виде диска из двух склепов 24.06.1904 г., Боспорский некрополь

Fig. 3. Gold bracelet with a hinged lock in the form of a disk from two crypts 24.06.1904, Bosporan necropolis

Рис. 4. Гривна (1, 2) и браслет (3, 4) из двух склепов 24.06.1904 г., Боспорский некрополь

Fig. 4. Hryvnia (1, 2) and bracelet (3, 4) from two crypts 24.06.1904, Bosporan necropolis

ся как в Северном Причерноморье, так и на востоке, в частности в казахстанских степях. К таковым относятся пара наконечников гривен из женского погребения у с. Кара-Агач в Казахстане и золотой наконечник из погребения в балке Каряжке у с. Татарки близ Ставрополя [Скалон, 1962] (рис. 5).

В завершение мне бы хотелось процитировать фрагмент из работы К.М. Скалон, которая рассматривала формирование образа «дракона» как результат взаимовлияния / синтеза двух культурных традиций: «Фигуры драконов из Кара-Агача связываются со всем кругом изделий, выполненных в своеобразном “полихромном стиле”, столь характерном для искусства сармато-аланских племен IV–V вв. <...> Большую роль в его развитии играли, с одной стороны, традиции античного искусства, с другой – воздействие, которое оно испытывало со стороны искусства окружающих его сармато-аланских племен» [Скалон, 1962].

Несмотря на то что А.В. Мастыкова безусловно права, характеризуя браслеты из Джурга-Оба как примеры памятников средиземноморско-византийской традиции эпохи

Великого переселения народов (V в. н.э.), может быть, следует чуть более акцентировать, что сама эта традиция формировалась не только на основе античной культуры.

Статья Михаила Михайловича Казанского «Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе» [Казанский, 2019] носит обобщающий характер и посвящена рассмотрению наиболее значимых категорий вещей, бытовавших во второй половине V – VI в. в Восточной Европе. Как справедливо отмечает М.М. Казанский, памятники Восточной Европы данного времени «заполняют лауну между гуннским периодом и горизонтом “геральдических поясов”», или «горизонтом Суханова» [Казанский, 2019, с. 106].

Среди вещей, представленных в работе М.М. Казанского, значительную часть занимают предметы из Морского Чулека, которые в свое время были опубликованы в одноименной коллективной монографии, где М.М. Казанский

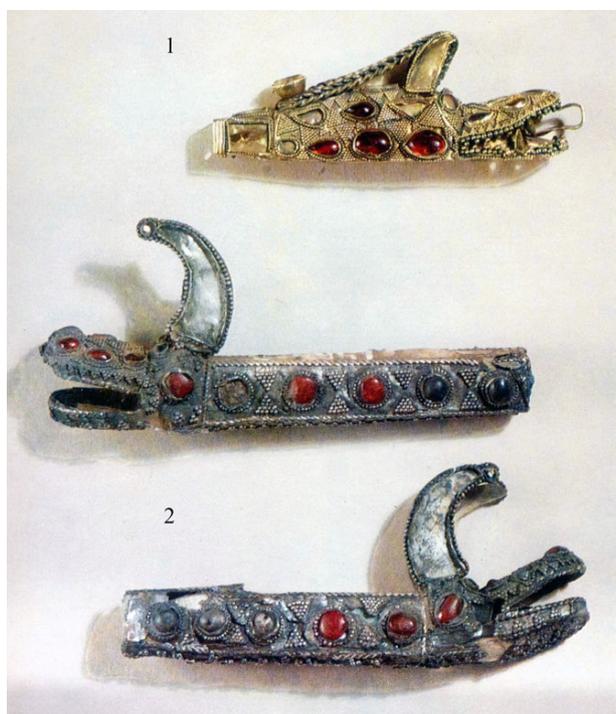

Рис. 5. Наконечники гривен (по: [Засецкая, 1975, табл. II]):

1 – Каряжское городище, с. Татарка, Ставропольская обл.; 2 – урочище Кара-Агач, Акмолинский уезд, Казахстан

Fig. 5. Tips of hryvnias (after: [Zasetskaya, 1975, table II]):

1 – Karyazhskoye settlement, Tatarka village, Stavropol region; 2 – Kara-Agach tract, Akmol district, Kazakhstan

был одним из ведущих авторов. Памятники постгуннской эпохи в южнорусских степях представлены незначительным количеством, что объясняется историческими событиями, имевшими место после распада гуннского племенного союза. «Южнорусские степи превратились в коридор для новых племен – сарагуров, урогов и оногуров, которые, как сообщают письменные источники, вытеснили господствующее здесь племя акациров. Сами они были вытеснены из родной земли савирами, а те в свою очередь аварами... В качестве потомков гуннов рассматриваются и племена утигуров и кутригуров, упоминание о которых имеется лишь у двух византийских авторов – Прокопия Кессарийского и Агафия Миренейского» [Засецкая, 1994, с. 149]. С этими племенами, а именно с утигурами, я ассоциирую и погребение Михаэльсфельд, некоторые предметы из которого рассматриваются М.М. Казанским.

Обзор материала автор начинает с характеристики длинных мечей с инкрустированными гардами (перекрестиями), обнаруженных на территориях Северного Причерноморья. Ранее

М.М. Казанский уже подробно описывал их в монографии «Морской Чулек» [Засецкая и др., 2007, с. 101–121]. Далее он останавливается на описании кинжалов с р-образной портупейной скобой, в частности на находках у озера Боровое в Казахстане и Керим-Ло в Южной Корее. История реконструкции декоративного оформления ножен кинжала из Борового подробно описана в моей монографии «Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху», опубликованной в 1994 г. [Засецкая 1994, с. 124–125]. Декор ножен кинжала из Борового мною был восстановлен на основании архивных данных (рис. 6).

Затем М.М. Казанский рассматривает металлические накладки на седла. Классификация седельных накладок гуннской и постгуннской эпох впервые была также разработана мною и представлена в работе 1994 г. [Засецкая, 1994, с. 40–49, рис. 9–10; Засецкая и др., 2007, с. 144, рис. 56].

Следующая группа предметов – декоративные накладки конской сбруи из комплекса Морской Чулек, погр. 2, которые автор статьи

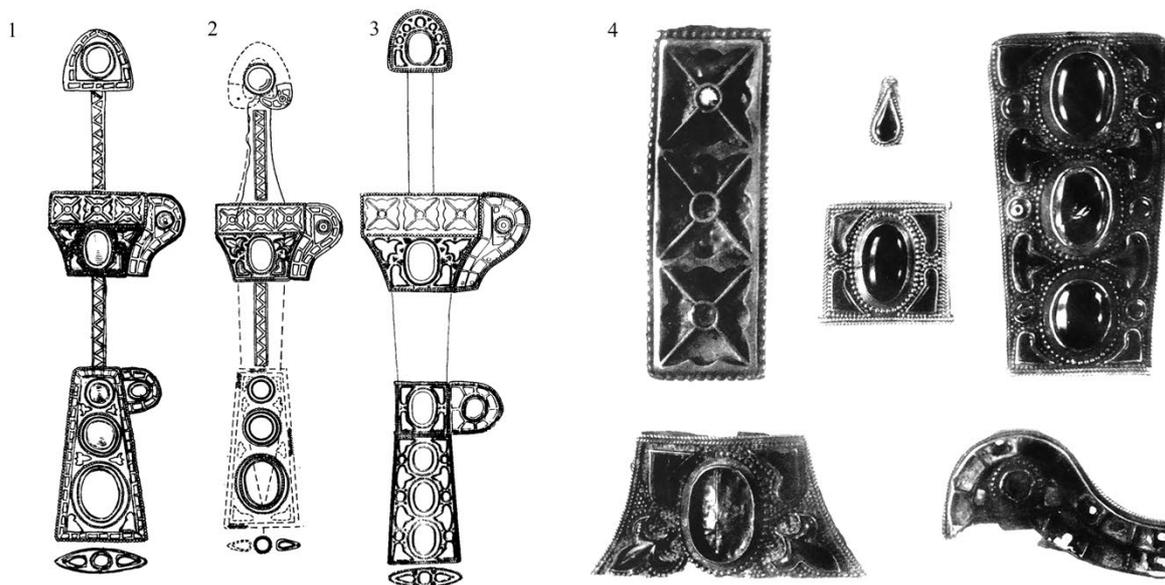

Рис. 6. Реконструкции декоративного оформления ножен кинжала из погребения у озера Боровое (по: [Засецкая, 1994, рис. 28]):

1 – реконструкция А. Аназавы; 2 – реконструкция А. Амброза; 3 – реконструкция И. Засецкой;
4 – детали украшения (архивные фотографии) (по: [Засецкая и др., 2007, с. 87, рис. 31])

Fig. 6. Reconstruction of the decorative design of a dagger sheath from a burial near Lake Boroovoe (after: [Zasetskaya, 1994, fig. 28]):

1 – reconstruction by A. Anazava; 2 – reconstruction by A. Ambroz; 3 – reconstruction by I. Zasetskaya;
4 – decoration details (archival photographs) (after: [Zasetskaya et al., 2007, p. 87, fig. 31])

относит к работам византийских мастеров. Реконструкция этого набора была выполнена И.Р. Ахмедовым в монографии «Морской Чулек» [Засецкая и др., 2007, с. 63, рис. 27].

Далее М.М. Казанский рассматривает предметы одежды и украшения: пряжки, пекторальные цепи, височные подвески. Эволюция и хронология этих предметов представлена в не раз упомянутой монографии «Морской Чулек» [Засецкая и др., 2007, с. 16, рис. 2, с. 41, рис. 13]. В целом я солидарна с характеристикой и выводами по представленным в работе М.М. Казанского материалам, относящимся к постгуннскому периоду. Однако я не могу согласиться с определением постгуннского периода как «шиповского горизонта». Подобное наименование подразумевает, что предметы данного типа должны быть распространены по всей территории Восточной и Западной Европы. В действительности же погребальные комплексы, обнаруженные в двух курганах у станции Шипово в Оренбургской области, насыпи которых соединены друг

с другом, могут быть дополнены только четырьмя находками на территории южнорусских степей: 1 – курган 17 у г. Покровска; 2 – погребение из колхоза «Восход» близ г. Покровска в Саратовской области; 3 – курган 4, с. Владимирское (Куйбышевская область); 4 – могила VII, с. Новогригорьевка (Запорожская область) [Засецкая, 1994, с. 165, табл. 6, с. 183–184, табл. 31–32, с. 186–187, табл. 35, с. 188–190, табл. 40–42]. Характерной особенностью погребений так называемого шиповского типа является наличие бронзовых пластин от конской узды, обтянутых золотым листом с зерновидным и катушечнообразным орнаментом. Наиболее полно они представлены в мужском погребении кургана 3 у ст. Шипово. В других перечисленных выше погребениях кроме упомянутых пластин были найдены бронзовые, обтянутые золотым листом изображения личин (рис. 7)

Я также не согласна с атрибуцией М.М. Казанского шиповских пряжек как «цельнолитых изделий» [Казанский, 2019,

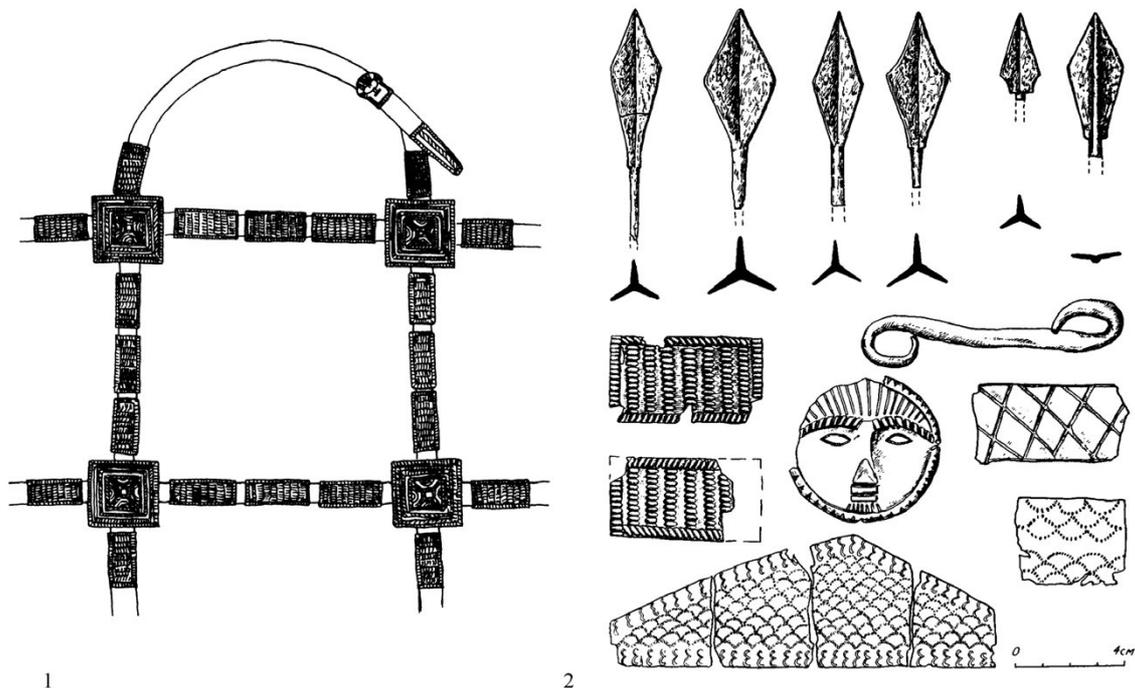

Рис. 7. Погребальный инвентарь из погребальных комплексов эпохи Великого переселения народов:

1 – реконструкция уздечного набора из погребения в кургане у ст. Шипово второй половины V в. н.э. (по: [Засецкая, 1994, рис. 8]); 2 – вещи из погребения в кургане 4 у с. Владимирское (по: [Засецкая, 1994, табл. 35])

Fig. 7. Grave goods from burial complexes of the Migration Period:

1 – reconstruction of a bridle set from a burial in a kurgan near the station Shipovo, second half of the 5th century AD (after: [Zasetskaya, 1994, fig. 8]); 2 – items from the burial in kurgan 4 near the village Vladimirskoye (after: [Zasetskaya, 1994, table 35])

с. 109]. В действительности они «изготовлены из целой тонкой бронзовой пластины техникойковки и чекана» (подробное описание техники изготовления пряжек шиповского типа см.: [Засецкая, 1994, с. 90–91]).

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть важность работы М.М. Казанского, которая, по сути, представляет собой свод значимых археологических памятников, характеризующих постгуннский этап (вторая половина V – первая половина VI в.) эпохи Великого переселения народов.

Статью моего коллеги Ильи Рафаэлевича Ахмедова «Некоторые замечания о происхождении одного из образов раннесредневекового искусства» я прочла с огромным интересом [Ахмедов, 2019].

По собственному признанию автора, «отправной точкой этого исследования» стал анализ «изображений на накладках на петли для крепления портупейных ремней однолезвийного меча с кольцевым навершием, найденного в погребении 936 Шокшинского могильника, наиболее восточного памятника рязано-окских финнов (Теньгушевский район, Республика Мордовия)» середины – второй половины VII в. [Ахмедов, 2019, с. 26, 33, рис. 1, 1–2].

Наверное, следует поблагодарить Илью Рафаэлевича за то, что он заставил меня вновь обратиться к истории эволюции иконографических образов морских монстров античности (гиппокампа и кетоса), сасанидских сенмурвов, китайских и буддийских «драконов» и других им подобных полиморфных существ – обитателей мифологических миров народов Евразии [Засецкая, 2019, с. 95–100, 115–120]. Однако, не будучи востоковедом или специалистом в области истории религиозного искусства индуизма, буддизма, греко-буддизма Бактрии, зороастризма и т. п., я не берусь судить о том, насколько правильны выводы И.Р. Ахмедова о морфологическом и стилистическом сходстве изображений фантастических существ Восточного Туркестана с образами «морских монстров» Гандхары, Согда, Восточной Европы эпохи раннего Средневековья. Тем не менее мне лично версия И.Р. Ахмедова «о центральноазиатском происхождении “тюркского кетоса”» [Ахмедов, 2019, с. 32]

показалась весьма убедительной, достойной пристального внимания исследователей.

По моему мнению, главная ценность работы И.Р. Ахмедова заключается в том, что на примере эволюции образа «морского монстра» он напоминает нам о радикальных и необратимых переменах, произошедших в сфере межкультурных (кросс-культурных) контактов населения Афроевразии в эпоху эллинизма.

Соглашусь с автором: как бы ни было велико влияние западного – античного мира на традиционное искусство восточных и североафриканских этнокультурных общностей, нельзя забывать о мощном воздействии восточноазиатской философии и религии на цивилизационные процессы народов Европы, особенно в сопредельных регионах, в частности в Волго-Уральском, со смешанным населением, имеющим финно-угорские и тюркские корни.

Добавлю, самобытный культурно-религиозный синкретизм античного и восточноазиатского миров, зародившийся в период империи Александра Македонского, отразился на принципах творческого подхода при создании художественных образов. С этого времени, возможно, впервые у художника (в широком смысле этого слова) появилась возможность выбора средств выразительности, право трактовки художественного образа на основе предпочтений, обусловленных местными традициями изобразительного искусства и стилистическими новациями, а также – возможность заимствования чужеродного сюжета и переосмысления его содержания в духе собственной системы мировоззрения.

Таким образом, если образ кетоса в качестве посредника между мирами, обладающего охранительными функциями, был, как предполагает И.Р. Ахмедов, ссылаясь на находки в Жалтырак и Шиловке, близок космологическим представлениям тюрков, то он вполне мог быть заимствован ими у соседних родственных центральноазиатских народов «и войти в образную систему степного искусства» [Ахмедов, 2019, с. 31].

Несомненно, заслуживает внимания дискуссионная работа Алексея Геннадьевича Фурасьева «Зооморфные накладки

начала V в. в технике клуазоне из Керчи: назначение и семантика» [Фурасьев, 2019].

Напомним читателю, что речь идет о двух накладках, датированных мной последней четвертью IV – первой половиной V в. [Засецкая, 1993, с. 36–37], «которые полностью идентичны друг другу... и, без всякого сомнения, образуют пару, возможно изначально – парную композицию. Накладки изображают сдвоенные (горизонтально-симметричные) фигурки козлов, точнее их протомы, вследствие чего изображенное таким образом существо у специалистов получило заслуженное обиходное название “Тяни-Толкай”» [Фурасьев, 2019, с. 182] (рис. 8).

В самом начале работы А.Г. Фурасьев отмечает, что данные наклейки по какой-то причине до сих пор не становились объектом досконального изучения исследователей: «Если вопрос функционального назначения этих накладок хотя бы вкратце затрагивался в данных работах, то проблема семантики изображенных здесь фигур животных остается по-прежнему вне поля пристального внимания специалистов» [Фурасьев, 2019, с. 182]. Дальнейший текст статьи посвящен обоснованию

гипотезы автора о функциональной принадлежности памятника: «Накладки, найденные в склепах “24 июня 1904 года”, также являлись эмблемами какого-либо из римских легионов, крепившимися на кожаной обивке щита» [Фурасьев, 2019, с. 182], а также трактовке образа «Тяни-Толкай», в котором он опознает Козерога. Ни с первым, ни со вторым утверждением Алексея Геннадьевича я категорически не согласна.

Во-первых, государственно-военная геральдика, в частности дигматы с изображениями животных-покровителей на штандартах и парадных щитах воинских подразделений, категорически не допускала возможность двусмысленного истолкования образа. Во-вторых, речь идет о парадном щите, то есть о предмете, предназначенном для всеобщего обозрения, включая простых солдат и горожан; в этом контексте приоритетными качествами эмблемы должны были быть четкость и «узнаваемость» изображения. Поэтому не совсем понятно, зачем «представитель местной боспорской аристократии, возможно даже последний независимый правитель, тесно связанный с Римской империей» [Засецкая, 1993,

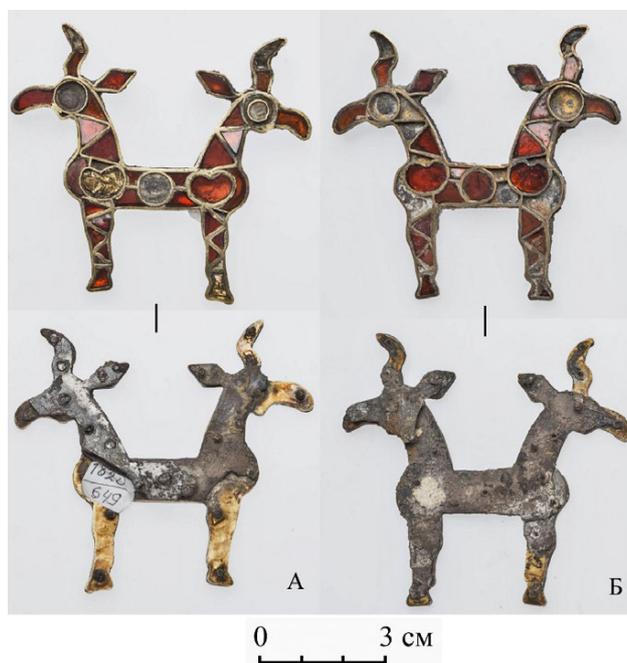

Рис. 8. Декоративные наклейки из Керчи, два склепа 24.06.1904 г.:

1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона

Fig. 8. Decorative overlays from Kerch, two crypts 24.06.1904:

1 – front side; 2 – reverse side

с. 38] решил украсить свое оборонное оружие фигурками существа, весьма напоминающего «обычного козла» [Фурасьев 2019, с. 184], не обладающего каноническими «видовыми» признаками Каприкорна (Capricorn)?

Еще больше вопросов вызывает реконструкция парадного щита, которая представлена автором в статье (рис. 9). Первая накладка расположена сверху над умбоном щита, вторая размещена под умбоном внизу щита таким образом, что «Тяни-Толкай» оказывается лежащим на спине, кверху животом / брюхом, с поднятыми вверх ногами, то есть в позе побежденного животного, сдавшегося на милость победителя [Фурасьев 2019, с. 193, рис. 6]. Какой должна быть реакция солдат и прочих людей, присутствующих на празднично-обрядовом мероприятии, при виде своего военачальника со щитом, где изображено «существо, весьма напоминающее обычного козла» в позе побежденного? А если их кто-то уведомил, что это «существо» –

Козерог, что само по себе невероятно, то логично предположить, что воин-аристократ решил таким образом дискредитировать честь римского воинства, императора, а заодно и себя самого. Разумеется, данная идея абсурдна. Тогда в чем же причина столь тщательной маскировки Козерога? Мне бы очень хотелось получить ответ А.Г. Фурасьева на этот вопрос.

Владелец щита не мог быть настолько невежественным, чтобы не знать каноны изображения Козерога, включая «композиции в виде сдвоенного Козерога» [Фурасьев, 2019, с. 181] хотя бы на упомянутых «монетах Тита 79–81 гг.» [Фурасьев, 2019, с. 191, рис. 4,2], где отчетливо виден маленький плавник и согнутые в коленных суставах передние ноги, символизирующие, по моему мнению, не находящегося в «прыжке» животного, как считает А.Г. Фурасьев [Фурасьев, 2019, с. 184], а плывущего в воде, то есть находящегося в среде обитания морского зверя – Каприкор-

Рис. 9. Возможная реконструкция римского щита первой половины V в. с эмблемами по находкам из керченских склепов 24.06.1904 г. (по: [Фурасьев, 2019, с. 193, рис. 6])

Fig. 9. Possible reconstruction of a Roman shield from the first half of the 5th century with emblems, based on finds from Kerch crypts 24.06.1904 (after: [Furasiev, 2019, p. 193, fig. 6])

на. Остальные же «видовые» иконографические признаки, общие для греко-римского Козерога и керченского «Тяни-Толкая»: **козлиные** копыта и голова, ромбовидная форма ушек, волнистый изгиб рогов» [Фурасьев, 2019, с. 184], являются в той же мере и «видовыми» иконографическими признаками Козла, поскольку Козерог, будучи знаком зодиака, представляет собой соединение козла и рыбы, что можно рассматривать как воплощение союза земли и воды.

Напомним, что образ козла широко представлен в искусстве так называемого звериного стиля кочевников южнорусских степей, Приуралья и Сибири в скифо-сарматскую эпоху (VII в. до н.э. – I в. н.э.) [Королькова, 2006, с. 46–51]. При этом в ряде случаев он выступает в качестве почитаемого священного жи-

вотного. Так, например, на парадной секире из Келермесского кургана имеются изображения ритуальных сцен с участием пары козлов, стоящих по обеим сторонам от древа жизни на задних ногах с вытянутыми перед собой передними [Алексеев, 2012, с. 72–79] (рис. 10). Участие козла в ритуальных действиях представлено также и на сарматских памятниках I–II вв. н.э. Например, на знаменитой диадеме из кургана Хохлач изображено шествие священных животных к древу жизни (см. рис. 11, I). Сходная сюжетная композиция украшает бронзовые накладки от головного убора из ст. Усть-Лабинская Краснодарского края: к древу жизни друг за другом направляются трое священных животных – олень, козел, заяц. Особого внимания в последней из описанных сцен заслужива-

Рис. 10. Детали парадной секиры из Келермесского кургана, Северо-Западный Кавказ, Закубанье (по: [Алексеев, 2012, с. 79])

Fig. 10. Details of the ceremonial ax from the Kelermes Kurgan, North-Western Caucasus, Trans-Kuban region (after: [Alekseev, 2012, p. 79])

ют изображения птиц, сидящих на верхних ветвях дерева, символизирующих небо; в качестве их семантической оппозиции (см.: небо – земля) выступают протомы козлов, в виде которых смоделирована прикорневая часть ствола дерева жизни [Засецкая, 2019, с. 136, кат. 3] (рис. 11,2).

Возможно, в «научной литературе вопрос интерпретации и семантики этого зооморфного образа никем не рассматривался» [Фурасьев, 2019, с. 184], потому что ни у кого не возникло сомнений, что это Козел. Собственно, единственным базовым аргументом в пользу интерпретации «Тяни-Толкая» как образа Козерога является предположение А.Г. Фурасьева о функциональном назначении этих пластин в качестве накладок на щит.

С этой целью автор предпринимает попытки сравнить схему расположения протом «Тяни-Толкая» со схемами эмблем воинских подразделений, где изображены обращенные головами в разные стороны пары собак, волков и др., используя рисунки из *Notitia Dignitatum* (чрезвычайно ценного, но дискуссионного источника. – И. 3.) [Фурасьев, 2019, с. 192, рис. 5]. Однако, как это ни парадоксально, рассматриваемые схемы – реконструкции А.В. Банникова [Банников, 2018, прил. 3] могут быть использованы и в качестве контраргументов. Например, изображения быков на эмблеме Второго счастливого Валентинова (легиона), которые упираются прямыми ногами в землю, невидимую за гранью круга эмблемы. В данном случае прямые ноги быков

Рис. 11. Изображения козлов на предметах торевтики скифо-сарматской эпохи:

- 1 – деталь фриза на золотой диадеме из кургана Хохлач (по: [Засецкая, 2019, табл. II,а]);
2 – накладки головного убора, курган 46 могильника Золотое кладбище, ст. Усть-Лабинская (по: [Засецкая, 2019, табл. III,а])

Fig. 11. Images of goats on toreutics objects of the Scythian-Sarmatian era:

- 1 – detail of the frieze on a golden diadem from the Khokhlach Kurgan (after: [Zasetskaya, 2019, table II,а]);
2 – headdress overlays, kurgan 46 of the Zolotoe Kladbische Cemetery, Ust-Labinskaya (after: [Zasetskaya, 2019, table III,а])

указывают на сакральную связь животного со стихией Земли. Так же крепко стоит на прямых ногах и пресловутый «Тяни-Толкай»; это наводит на размышления о том, что его основная среда обитания – стихия Земли, то есть перед нами изображение козла земного, а не морского.

Столь же несостоятельным, на мой взгляд, оказывается анализ конструктивного решения накладок, сделанный А.Г. Фурасевым при желании доказать их связь со щитом. Прежде всего, этому противоречат маленькие размеры накладок (6,5 см × 7,0 см), технология изготовления и стилистические особенности композиции. Напомним, техника изготовления, подробно описанная в статье А.Г. Фурасева [Фурасев, 2019, с. 183], в целом совпадает с ранее представленной мною характеристикой [Засецкая, 1993, с. 68, кат. 176]. Каждая накладка состоит из двух серебряных пластин, верхней и нижней, и при этом верхняя обтянута золотым листом с напаянными на нем перегородками, образующими гнезда. Все три пластины соединялись между собой с помощью штифтов, количество которых, судя по всему, несмотря на то что часть из них была потеряна (на одной накладке сохранилось 21), соответствовало количеству гнезд. Эти штифты вбивались со стороны золотой пластины, после чего каждое гнездо заполнялось белой массой, покрытой сверху кусочком золотой фольги, на которую накладывалась гранатовая вставка. Между скрепленными таким образом пластинами оставался небольшой промежуток, в который могла поместиться ткань или кожаный ремень. При этом материал мог быть размещен внутри накладок. Учитывая способ изготовления и конструктивные особенности керченских накладок, представляется невозможным их соединение со щитом, обнаруженным в том же погребении. Щит более одного метра в длину, вероятно деревянный, был обтянут кожей, декорированной тиснеными изображениями птиц (павлинов?) и сценами охоты и боя, а по краям – геометрическим орнаментом [Засецкая, 1993, табл. 31, 33, 34]. В центре щита помещался бронзовый позолоченный умбон, диаметром 19,1 см и высотой 15,8 см, который крепился к щиту при помощи массивных гвоздей [Засецкая, 1993, табл. 32]. Про-

тив соединения керченских накладок со щитом говорит также их художественный стиль. Древние мастера никогда не нарушали стилистическое единство в декоративном оформлении того или иного предмета. Возвращаясь к функциональному назначению этих накладок, можно предположить, что они служили украшением конской сбруи, о чем свидетельствует их стилистическое сходство с найденными в том же погребении деталями уздечного набора – парой колец с двумя зажимами, выполненными в той же технике (две серебряные пластины, верхняя из которых обтянута золотым листом) и украшенными вставками граната в технике клуазоне, при этом форма гнезд у них с формой гнезд на накладках совпадает (см. рис. 12). Это очень важный признак функционального назначения накладок.

Если я права и накладки были украшениями конской сбруи, то гипотеза А.Г. Фурасева о Козероге, скрывающемся под обликом «Тяни-Толкай», оказывается несостоятельной.

В заключение мне хотелось бы сказать, что я понимаю, насколько интересная гипотеза может увлечь исследователя и даже заставить его немного пофантазировать. Если Алексей Геннадьевич не согласен с моими аргументами, я бы рекомендовала ему обратиться за консультацией к специалистам по оборонному оружию позднеримской эпохи IV–V веков. Кстати, непонятно, почему в своей статье он не упоминает о единственном дошедшем до наших дней изображении Козерогов на щите, которое можно увидеть на Триумфальной арке в городе Оранж на юго-востоке Франции. Большинство исследователей склоняются к тому, что она была сооружена во время правления императора Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) на Агриппиевой дороге в честь ветеранов Галльских войн и II Августова легиона (*Legio II Augusta*), покровителем которого и был Козерог. На одном из барельефов виден воин со щитом, где присутствует каноническое изображение Каприкорна, который обращен головой к умбону, а рыбьим хвостом к боковой стороне щита (см. рис. 13). Согласно реконструкции, вторая парная фигура Козерога, расположенная по закону осевой симметрии, должна была находиться по другую сторону от центрального умбона. Данные фотографии и

Рис. 12. Детали уздечного набора: Удила (1) и декоративные накладки (2) из двух склепов 24.06.1904 г., Керчь
 Fig. 12. Details of the bridle set: Bit (1) and decorative overlays (2) from two crypts 24.06.1904, Kerch

арки, и барельефа, и реконструкции имеются в свободном доступе в интернете.

В ноябре 2021 г. пришла печальная весть о том, что безвременно ушел из жизни мой коллега – талантливый ученый-исследователь **Олег Васильевич Шаров**. В 2020 г. он отпраздновал 60-летний юбилей – для ученого это возраст расцвета творчества. А через год его не стало... Пользуясь случаем, хочу выразить свои соболезнования всем его близким: родственникам и друзьям. Хочу отметить, что Олег Васильевич был неординарно мыслящим исследователем, его интересы часто выходили за рамки археологии. Многие его работы носили культурологический характер [Шаров, 1997; 2013]. Часто создавалось впечатление, что ему было

тесно в рамках статьи, содержание которой подразумевало дальнейшее фундаментальное исследование. Классическим примером такой работы может служить публикация «**Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи**» [Шаров, 2019], где автор в широком пространственно-временном диапазоне анализирует генезис и эволюцию предметов полихромного стиля позднеримского времени. В результате Олег Васильевич выделяет пять групп ювелирных изделий, отличающихся друг от друга по художественно-орнаментальной стилистике, формирование которой было обусловлено многими историко-культурными факторами, а также – применением особых (новых) технологий. Общим для всех групп изделий, как явствует из названия статьи, было использование художественного приема полихромии, который в свою очередь также видоизменялся в зависимости от стиля ор-

1

2

3

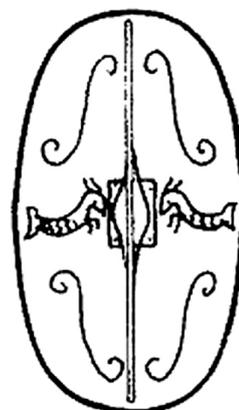

Рис. 13. Барельеф (1) Триумфальной арки в г. Оранж, Франция, фрагмент барельефа (2) с изображением Каприкорна на щите II Августова легиона и реконструкция щита (3) с изображением Каприкорна на щите II Августова легиона, сделанная на основе барельефа Триумфальной арки в г. Оранж. Фотографии в свободном доступе в интернете: [Щиты республиканского и императорского Рима; Roman Triumphal Arch: North Facade]

Fig. 13. Bas-relief (1) of the Arc de Triomphe in Orange, France, a fragment of the bas-relief (2) with the image of Capricorn on the shield of the II Augustan Legion and a reconstruction of the shield (3) with the image of Capricorn on the shield of the II August Legion, made on the basis of the bas-relief of the Arc de Triomphe in Orange. After: [Shchity republikanskogo i imperatorskogo Rima; Roman Triumphal Arch: North Facade]

наментальной композиции и технического исполнения. К сожалению, формат статьи не позволил автору более подробно и полно осветить все аспекты эволюции пяти художественных стилей. В связи с этим я хотела было выразить надежду на появление в недалеком будущем монографии автора, но, увы, после смерти Олега Васильевича – это неуместно. Однако хочется верить в то, что у него появятся последователи, которые сумеют воплотить идеи и гипотезы выдающегося ученого в своих трудах. Мне бы хотелось обратить внимание на формулировку в названии статьи «**Полихром-**

ные стили...», которая вступает в противоречие с содержанием и формулировками самого автора в тексте статьи: «Под полихромным стилем позднеримской эпохи понимается сочетание следующих признаков: устойчивый набор элементов орнамента, техника нанесения орнамента (тиснение, басма, напаянные зернь и филигрань) и вставки полудрагоценных камней / стекла в напаянные или вырезанные гнезда. Для позднеримской эпохи можно выделить пять стилистических групп полихромных изделий, выполненных в различных орнаментальных стилях» [Шаров, 2019, с. 197].

Если мы обратимся к изделиям, которые рассматривает О.В. Шаров, то мы увидим, что для выделения стилистических групп автор опирается на особенности художественно-орнаментальной композиции, а не на различия в полихромии, о разнообразии которой, а не полихромных стилей, мы и можем говорить. Например, в своей статье, посвященной ножнам трех кинжалов из погребений сарматской эпохи, я отмечаю, что, относясь к полихромному стилю в каждом случае «по-разному решена цветовая гамма: золотые обкладки ножен и рукояти кинжала из Тилля-Тепе украшены исключительно бирюзовыми вставками; в декоре кинжала из Дачи наряду с бирюзой широко используется сердолик, составляющий 1/3 от всего количества вставок, а на экземпляре из Горгиппии вставки из бирюзы сочетаются со вставками из альмандина». Все три кинжала украшены изображениями, исполненными в зверином стиле, и именно сочетание этих двух стилистических особенностей декора и принято называть звериным полихромным стилем [Засецкая, 2015, с. 217–218] (рис. 14).

Рассматриваемые же Олегом Васильевичем в этой статье материалы принадлежат к разным эпохам, разным культурам и разным территориям и даже разным этносам, и каждый из них на самом деле требует специального исследования, что мы оставляем другим.

Работы 2019 г., собранные в номере Нижневолжского археологического вестника к моему юбилею, посвящены различным темам эпохи Великого переселения, многих из которых я касалась ранее.

Мне очень приятно, что современные исследователи обращаются к вопросам, которые интересовали и интересуют меня до сих пор. У нас получаются научные дискуссии, которые растянулись на многие десятилетия, что не может не радовать.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Окончание статьи. Начало см.: Засецкая И. П., 2023. По следам исследований. Часть I // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 308–328. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.15>

Рис. 14. Три кинжала с боковыми выступами; ножны и рукояти покрыты декоративно оформленными золотыми пластинами:

1 – кинжал из некрополя Тилля-Тепе; 2 – кинжал из некрополя в Горгиппии; 3 – кинжал из кургана Дачи (по: [Засецкая, 2015, ил. 26])

Fig. 14. Three daggers with side projections; the scabbard and handles are covered with decorative gold plates: 1 – dagger from the Tillya-Tepe; 2 – dagger from the necropolis in Gorgippia; 3 – dagger from the Dacha kurgan (after: [Zasetskaya, 2015, fig. 26])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., 2019. Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 47–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.3>
- Алексеев А. Ю., 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 271 с.
- Ахмедов И. Р., 2019. Некоторые замечания о происхождении одного из образов раннесредневекового искусства // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 25–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.2>
- Банников А. В., 2018. Военное дело римлян накануне Великого переселения народов. СПб. : Евразия. 400 с.
- Засецкая И. П., 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л. : Аврора. 80 с.
- Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь : Таврия. С. 23–105.
- Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб. : Эллипс Лтд. 224 с.
- Засецкая И. П., 2001. Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи (конец IV – V вв. н.э.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара : Самар. обл. историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. С. 32–56.
- Засецкая И. П., 2015. О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 40. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 189–231.
- Засецкая И. П., 2019. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Симферополь : Антиква. 184 с.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 212 с.
- Казанский М. М., 2019. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточное Европе // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.7>
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб. : Петербургское Востоковедение. 272 с.
- Мастыкова А. В., 2019. О браслетах с зооморфными окончаниями из могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму (эпоха Великого переселения народов) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.11>
- Пигулевская Н. В., 1941. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XLI. М. ; Л. : АН СССР. 170 с.
- Скалон К. М., 1962. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII. С. 40–43.
- Фурасев А. Г., 2019. Зооморфные накладки начала V в. в технике клуазоне из Керчи: назначение и семантика // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 181–196. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.12>
- Шаров О. В., 1997. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. СПб. : Нестор-История. С. 95–106
- Шаров О. В., 2013. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар : ЮНЦ РАН. С. 118–155.
- Шаров О. В., 2019. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 197–220. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.13>
- Шкорпил В. В., 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 25. СПб. : Тип. гл. упр. уделов. С. 1–66.
- Щиты республиканского и императорского Рима. URL: <https://sculptandpaint.com/threads/schity-respublikanskogo-i-imperatorskogo-rima.49/>
- Roman Triumphal Arch: North Façade. URL: <https://homepages.bluffton.edu/~sullivanm/france/orange/arch/tiberius2.html>

REFERENCES

- Aybabın A.I., 2019. Gunny v ravninnom Krymu [The Huns in the Plains of the Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 47-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.3>
- Alekseev A.Yu., 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha* [The Gold of the Scythian King in the Hermitage Collection]. Saint Petersburg, State Hermitage. 271 p.
- Ahmedov I.R., 2019. Nekotorye zamechaniya o proiskhozhdenii odnogo iz obrazov rannesrednevekovogo iskusstva [Some Remarks on the Genesis of One of the Images of Early Medieval Art]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 25-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.2>
- Bannikov A.V., 2018. *Voennoe delo rimlyan nakanune Velikogo pereseleniya narodov* [Military Affairs of the Romans on the Eve of the Great Migration of Peoples]. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 400 p.
- Zasetskaya I.P., 1975. *Zolotyie ukrasheniya gunnskoj epohi. Po materialam Osoboy kladovoy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Gold Jewelry of the Hunnic Era. Based on the Materials of the Special Storeroom of the State Hermitage Museum]. Leningrad, Avrora Publ. 80 p.
- Zasetskaya I.P., 1993. Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV – pervoy poloviny V vv. n.e. [Materials of the Bosporan Necropolis of the Second Half of the 4th – first half of the 5th Centuries AD]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. III. Simferopol', Tavriya Publ., pp. 23-105.
- Zasetskaya I.P., 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epohu* [Culture of Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic Era]. Saint Petersburg, Ellips Ltd Publ. 224 p.
- Zasetskaya I.P., 2001. Zolotyie ukrasheniya kostyuma znatnykh zhenshchin gunnskoj epohi (konets IV – V vv. n.e.) [Gold Decoration of the Costume of Noble Women of the Hunnic Era (Late 4th – 5th Centuries AD)]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n.e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD (From the History of Costume)], vol. 1. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore named after P.V. Alabin, pp. 32-56.
- Zasetskaya I.P., 2015. O stilicheskikh osobennostyakh tryokh kinzhalov sarmatskoj epohi I veka do novoy ery – II veka novoy ery [On the Stylistic Features of Three Daggers of the Sarmatian Era of the 1st Century BC – 2nd Century AD]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 40. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 189-231.
- Zasetskaya I.P., 2019. Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoj epohi (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.) [The Art of the Animal Style of the Sarmatian Era (2nd Century BC – early 2nd Century AD)]. Simferopol', Antikva Publ. 184 p.
- Zasetskaya I.P., Kazanskiy M.M., Ahmedov I.R., Minasyan R.S., 2007. *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epohu* [Morskoy Chulek. Burials of the Nobility from the Sea of Azov Region and their Place in the History of Tribes from the North Black Sea Coast in the Post-Hun Epoch]. Saint Petersburg, State Hermitage. 212 p.
- Kazanskiy M.M., 2019. Hronologicheskie indikatory stepnykh drevnostey postgunnskogo vremeni v Vostochnoy Evrope [Chronological Indicators of Post-Hunnic Steppe Antiquities in Eastern Europe]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 105-124. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.7>
- Korol'kova E.F., 2006. *Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n.e.)* [Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals in the Scythian Era (7th – 4th Centuries BC)]. Saint Peterburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 272 p.
- Mastykova A.V., 2019. O brasetlah s zoomorfnymi okonchaniyami iz mogil'nika Dzhurga-Oba v Vostochnom Krymu (epoha Velikogo pereseleniya narodov) [About Bracelets with Zoomorphic Ends from Dzhurga-Oba Necropolis in Eastern Crimea (Great Migration Period)]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.11>
- Pigulevskaya N.V., 1941. Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR [Syrian Sources on the History of the Peoples of the USSR]. *Trudy Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences], vol. XLI. Moscow, Leningrad, AS USSR. 170 p.

- Skalon K.M., 1962. Izobrazhenie drakona v iskusstve IV–V vekov [Depiction of a Dragon in the Art of the 4th – 5th Centuries]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage], iss. XXII, pp. 40-43.
- Furas'ev A.G., 2019. Zoomorfnye nakladki nachala V v. v tekhnike kluazone iz Kerchi: naznacheniye i semantika [Cloisonné Zoomorphic Mounts of the Early 5th Century from Kertch: Function and Meaning]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 181-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.12>
- Sharov O.V., 1997. Gibel' Ermanariha: istoriya i epos [The Ruin of Hermanarich: History and Epos]. *Stratum: struktury i katastrofy* [Stratum: Structures and Catastrophes]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 95-106.
- Sharov O.V., 2013. V poiskah strany «Oyum»: epos ili real'nost'? [In search of the Country “Oium”: Epic or Reality?]. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus], iss. 1. Krasnodar, SSC RAS, pp. 118-155.
- Sharov O.V., 2019. Bospor. Polihromnye stili pozdnerimskoy epohi [Bosporus. Polychromic Styles of the Late Roman Period]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 197-220. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.13>
- Shkorpil V.V., 1907. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1904 g. [Report on Excavations in Kerch in 1904]. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], iss. 25. Saint Petersburg, Tipografiya glavnogo upravleniya udelov Publ., pp. 1-66.
- Shchity respublikanskogo i imperatorskogo Rima* [Shields of Republican and Imperial Rome]. URL: <https://sculptandpaint.com/threads/schity-respublikanskogo-i-imperatorskogo-rima.49/>
- Roman Triumphal Arch: North Façade*. URL: <https://homepages.bluffton.edu/~sullivanm/france/orange/arch/tiberius2.html>

Information About the Author

Irina P. Zasetskaya, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Emb., 34, 194000 Saint Petersburg, Russian Federation, krokochnka1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3502>

Информация об авторе

Ирина Петровна Засецкая, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, 194000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, krokochnka1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3502>

www.volsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ПОЛЕЗНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>

UDC 930.26

LBC 63.4(2)

Submitted: 15.10.2024

Accepted: 06.11.2024

NEW DATA ON THE MIDDLE PALEOLITHIC SITE CHELYUSKINETS II (BASED ON 2024 FIELDWORK RESULTS)¹

Aleksander K. Otcherednoy

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Stanislav O. Remizov

Historical, Ethnographical and Architectural Museum-Reserve "The Old Sarepta",
Volgograd, Russian Federation

Yaroslav D. Ivanov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Vasilisa S. Smolkina

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Ekaterina M. Kezina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Redzhep N. Kurbanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Idris A. Idrisov

Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of field work of the Lower Volga Paleolithic Expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, organized within the framework of the integrated Lower Volga expedition of the Institute for the History of Material Cultures of the Russian Academy of Sciences in 2024. During the season, the study of the Middle Paleolithic site Chelyuskinets II, located in the Pichuga gully of the Dubovsky area of the Volgograd region, was continued. The work of 2024 was aimed at studying the chronostratigraphic position of two Cultural Horizons discovered in the previous year in a new section of the site, as well as clarifying the area of their distribution.

Key words: Lower Volga, Chelyuskinets II, Middle Paleolithic, Micoquian/KMG, ochre concretions.

Citation. Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Smolkina V.S., Kezina E.M., Kurbanov R.N., Idrisov I.A., 2024. Novye dannye o srednepaleoliticheskom pamyatnike Chelyuskinets II (po rezul'tatam rabot 2024 g.) [New Data on the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II (Based on 2024 Fieldwork Results)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 209-218. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>

УДК 930.26
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 15.10.2024
Дата принятия статьи: 06.11.2024

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ ЧЕЛЮСКИНЕЦ II (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2024 г.)¹

Александр Константинович Очередной

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Станислав Олегович Ремизов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Ярослав Дмитриевич Иванов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Василиса Сергеевна Смолкина

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Екатерина Михайловна Кезина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Реджеп Нурмурадович Курбанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Идрис Абдулбугаевич Идрисов

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты полевых работ Нижневолжского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН, организованного в рамках комплексной Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН в 2024 году. В течение сезона было продолжено изучение среднепалеолитического памятника Челюскинец II, расположенного в балке Пичуга Дубовского района Волгоградской области. Работы 2024 г. были направлены на изучение хроностратиграфического положения двух культуросодержащих горизонтов, обнаруженных в предыдущем году на новом участке памятника, а также на уточнение площади их распространения.

Ключевые слова: Нижняя Волга, Челюскинец II, средний палеолит, микок/КМГ, конкреции охры.

Цитирование. Очередной А. К., Ремизов С. О., Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Кезина Е. М., Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., 2024. Новые данные о среднепалеолитическом памятнике Челюскинец II (по результатам работ 2024 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 209–218. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>

Среднепалеолитический памятник Челюскинец II был открыт в 1983 г. краеведом из г. Волжского В.И. Куфенко в отложениях правого борта разветвленной балочной систе-

мы реки Пичуга, расположенной в Дубовском районе Волгоградской области (рис. 1). Он относится к группе пичужинских памятников каменного века, среди которых доминируют

местонахождения подъемного материала. Самыми крупными и стратифицированными памятниками являются Челюскинец II и Заикино Пепелище. Оба были изучены экспедициями под руководством Л.В. Кузнецовой во второй половине 1980-х гг. прошлого века [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006].

Челюскинец II является единственным стратифицированным памятником на участке из трех соседних мысов, разделенных оврагами глубиной до 30 м. Борты оврагов отличаются крутизной в 40 и более градусов. Разделенные ими мысы в целом образуют единую поверхность. На мысах зафиксированы различные зоны концентрации подъемного материала и условно выделены еще два памятника – Челюскинец I и Челюскинец III. Вместе с этими двумя местонахождениями Челюскинец II образует группу памятников. Это единственный памятник правобережья Пичуги, который был изучен систематически и комплексно. Раскоп был расположен на правом борту мыса и расширен за три года работ (с 1985 по 1987) до 117 кв. м [Кузнецова, Сергин 1999, с. 100–101]. Кроме разборки культуросодержащих отложений, по результатам которой была высказана идея о полной переотложенности культурного слоя стоянки, на памятнике были отобраны серии образцов на палинологический анализ и несколько образцов для определения абсолютного возраста термолуминесцентным методом. Четыре образца предоставили датировки, в нынешней номенклатуре соответствующие различным эпохам от МИС 5b до МИС 7c. Наиболее достоверной датировкой Л.В. Кузнецова считала дату в $145\ 000 \pm 18\ 000$, а точнее, ее верхний предел в 127 000 (МИС 5e) [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103; Кузнецова, 2006]. Соответственно, положение культуросодержащих отложений Челюскинца II приходится на начало верхнехазарского этапа Каспия [Kurbanov et al., 2024]. Этот факт, а также наличие в коллекциях фауны остатков ранней формы мамонта позволили предположить, что Челюскинец II представляет собой остатки среднепалеолитической стоянки достаточно раннего возраста, старше Сухой Мечетки. При этом палинологический анализ не дал результатов, которые могли бы способствовать его уточнению [Кузнецова, Сергин, 1999]. В коллекции каменных изделий Челюскинца II, полученной во время раскопок 1980-х гг. и дополненной сборами подъем-

ного материала, очень мало целых орудийных форм – всего два скребла. Все остальные орудия (19 экз.) представлены фрагментами, среди которых следует выделить найденный на склоне оврага обломок двусторонне обработанного орудия без проксимальной части. Массовый материал представлен незначительным для вскрытой площади количеством сколов (всего во время раскопок был обнаружен 61 скол), в первую очередь отщепов [Кузнецова, 2006]. По мнению Л.В. Кузнецовой, облик памятника определяет мустьерская типологическая группа, при подчиненном положении верхнепалеолитической и зубчатой [Кузнецова, 2006] или, другими словами, коллекция является мустьерской, с нелеваллуазским расщеплением и с бифасиальной традицией [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103], что вместе с достаточно ранними датировками позволяет считать Челюскинец II среднепалеолитическим комплексом начала микулинского межледниковья и оценивать его в контексте свидетельств раннего заселения Поволжья и перехода от ашеля к мустье [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006].

Новый этап полевых работ на Челюскинце II был начат в 2023 г., с обнажения западной стенки раскопа 1987 г. для демонстрации участникам всероссийской палеогеографической конференции «Каспий в плейстоцене и голоцене: эволюция природной среды и человек», проходившей с 18 по 24 сентября 2023 г. [Очередной и др., 2023].

Во время работ по подготовке памятника был дополнительно обследован как сам мыс, так и склоны прилегающих оврагов. В ходе этих работ был обнаружен новый участок памятника. Он расположен на левом борту мыса, где была заложена небольшая расчистка Челюскинец II-2 (наименование Челюскинец II-2 обозначает второй, новый участок уже известного памятника) для демонстрации стратиграфии этого борта мыса участникам конференции. Площадь расчистки составила до 3 кв. м. Левый (западный) борт мыса находится в 15 м от раскопа 1987 года. Полевое обследование обоих бортов мыса показало его сложное строение, так как структура отложений на противоположных бортах существенно отличалась. Был сделан вывод о том, что в разрезах верхней части мыса отмечаются следы как достаточно спокойного, так и динамичного осад-

конакопления. Эти особенности предварительно были связаны с наличием разнообразных форм погребенного рельефа, вскрытых в разных частях мыса. В этой связи обнаружение во вскрытой толще нового западного участка с культурными остатками, залегающими на определенных уровнях, послужило прекрасным и неожиданным дополнением к выявленной стратиграфической variability.

Культуросодержащие отложения, обнаруженные в расчистке Челюскинец II-2, представлены голубовато-серыми тяжелыми окarbonаченными суглинками и слоистыми средне- и крупнозернистыми песками. Отложения в разной степени дислоцированы склоновыми процессами, развитыми в условиях существования палеорельефа. Каменные изделия и фаунистические остатки залегают на глубине в 1,5 м от дневной поверхности. Каменные изделия насчитывают двенадцать предметов из кремня и окварцованного песчаника, среди которых были в том числе и выразительные односторонние орудия – простые боковые скребла, конвергентное скребло, остроконечник и пластина с ретушью. Фаунистические остатки были представлены в основном мелкими неопределимыми фрагментами трубчатых костей, однако самыми важными находками стали целый позвонок мамонта и фрагмент лопаты рога оленя (определения канд. биол. наук, ведущего науч. сотр. ЮНЦ РАН В.В. Титова). Из обоих участков памятника – Западной стенки раскопа 1987 г. и Восточной стенки участка Челюскинец II-2 – была отобрана серия образцов на ОСЛ датирование. Предварительные результаты оказались близки полученным в 1980-х гг. в МГУ им. М.В. Ломоносова и, следовательно, подтверждают мнение Л.В. Кузнецовой о достаточно древнем возрасте памятника, связанном с ранними этапами микулинского межледниковья [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006]. Таким образом, разведочные работы 2023 г. продемонстрировали хороший потенциал изучения Челюскинца II и позволили планировать его дальнейшее исследование.

Продолжение работ на левом западном борту мыса в 2024 г. было задумано в первую очередь для спасения от разрушения активным оврагом участка, выявленного в 2023 году. Кроме того, работы были сосредоточены на получении более полной картины состава от-

ложений, вмещающих культурные остатки, а также на изучении площади распространения культуросодержащих отложений вдоль всего левого борта мыса, длина которого составляет около 200 метров².

Для выявления стратиграфии по левому борту, кроме расчистки Челюскинец II-2 2023 г., были заложены еще две расчистки: Челюскинец II-3 ближе к основанию мыса в 11,5 м южнее расчистки 2023 г. и Челюскинец II-4 ближе к концу мыса в 24,5 м севернее расчистки 2023 г. (рис. 2). Таким образом, удалось не только уточнить стратиграфические характеристики всего мыса, но и получить предварительные сведения о распространении культуросодержащих отложений в пределах его левого борта. Для всех трех расчисток характерна практически одинаковая последовательность выявленных пачек отложений – сверху вниз это: сильно эродированные покровные суглинки, мощностью до 1 м, которая возрастает в восточном направлении к правой части мыса и раскопу 1987 г., эти же суглинки фрагментарно залегают на прилегающих участках других мысов; голубовато-серые окarbonаченные суглинки, мощностью до 2,5 м, местами слоистые за счет включения прослоев и линз разнозернистых песков; далее залегает толща монотонных красноватых суглинков, мощность которой может составлять до 1,5 м; наконец, в основании залегает толща светлых крупнозернистых песков ергенинской свиты, видимая мощность которых составляет до 5 м. Мощность выделенных слоев возрастает в южном направлении, где они полностью заполняют древний эрозионный врез, глубина которого оценивается до 10 м. В этом же направлении возрастает доля песчаных прослоев. Крайняя южная расчистка (Челюскинец II-3) вскрыла почти полностью песчаные отложения. В их основании, особенно в пределах погребенного эрозионного вреза, встречаются базальные хорошо окатанные галечники поперечником до 15 см. Все отложения в пределах мыса и сопредельных участков подстилаются мощными толщами белых кварцевых песков ергенинской свиты (плиоцено-ранний плейстоцен).

Находки были зафиксированы в обеих новых расчистках. Однако условия их залегания и состав принципиально различны. Расчистка

Челюскинец II-4 расположена ближе к оконечности мыса, в 24,5 м к северо-западу от расчистки 2023 г. (рис. 3). Здесь, на глубине 1,7 м от дневной поверхности, в основании толщи голубовато-серых тяжелых окарбонированных суглинков, аналогичных зафиксированным в расчистке Челюскинец II-2 в прошлом году (рис. 3,А), были обнаружены фаунистические остатки и несколько мелких каменных изделий, включая медиальную часть мелкой пластины из сливного песчаника (рис. 3,В). Находки, среди которых выделяется крупный позвонок, принадлежащий, предположительно, бизону (рис. 3,С), залегают на одном уровне и продолжают в восточную стенку расчистки, то есть явно распространяются в глубину отложений, формирующих мыс. В расчистке Челюскинец II-3, расположенной ближе к основанию мыса, в 11,5 м к юго-востоку от расчистки Челюскинец II-2, были обнаружены два неопределимых фрагмента костей очень плохой сохранности, залегающих в приповерхностной части склонового чехла. При дальнейшем углублении расчистки Челюскинец II-3 ни одной находки не обнаружено. Различается и стратиграфическое строение расчисток: если в восточной стенке расчистки Челюскинец II-4 была обнаружена толща слоистых голубовато-серых суглинков, залегающих почти горизонтально, то стратиграфия расчистки Челюскинец II-3 практически аналогична западной стенке раскопа 1987 г. и демонстрирует свидетельства склонового смещения голубовато-серых суглинков с прослойками светлых разнозернистых песков.

Расчистка 2023 г. Челюскинец II-2 была расконсервирована и расширена на один метр к северу, по направлению к расчистке Челюскинец II-4 (рис. 4). В 2023 г. в расчистке было выявлено два культуросодержащих горизонта (далее – КСГ), верхний залегал в голубовато-серых суглинках, а нижний – на поверхности сильно ожелезненных крупнозернистых песков, залегающих с резким наклоном с северо-востока на юго-запад. Разборка первого тогда была прекращена после фиксации серии фаунистических и кремневых находок, маркировавших верхний уровень КСГ 1. Второй КСГ был зафиксирован в борту обрыва при подготовке расчистки, сведения о его распространении в глубину отложений мыса также получены не были. В 2024 г. на площади

прирезки было решено проверить справедливость выделения двух разновременных КСГ. Общая площадь культуросодержащих отложений, изученная в расчистке Челюскинец II-2 составила до 8 кв. м. При продолжении разборки КСГ 1 в голубовато-серых суглинках были зафиксированы следующие его характеристики: разнесенность находок по вертикали, доходившая до 25 или 30 см; наличие зон концентраций находок отдельных типов, например мелких неопределимых трубчатых костей или крупинок древесного угля; незначительное количество каменного инвентаря – было обнаружено одно выразительное боковое скребло на толстом отщепе и несколько мелких сколов; незначительное количество чешуек; из крупных фаунистических находок отметим лишь таранную кость какого-то крупного копытного. В низах голубовато-серых суглинков постепенно возрастает опесчаненность вплоть до перехода суглинков в достаточно тонкие линзы разнозернистого ожелезненного песка. Находки, зафиксированные на границе голубовато-серых суглинков и песков, были условно выделены в КСГ 2. Они залегают намного компактнее по вертикали (разброс составляет до 15–20 см) и фактически образуют хорошо прослеживаемый уровень. Здесь были обнаружены несколько десятков каменных изделий, среди которых несколько выразительных кремневых и кварцитовых отщепов и небольших истощенных нуклеусов. Особое внимание привлекают находки многочисленных мелких неопределимых обломков трубчатых костей и серии мелких (до 2 см в поперечнике) отдельностей охры малиново-терракотового спектра. На этом же уровне, но в отложениях голубовато-серых суглинков в северо-восточном углу расчистки был обнаружен еще один крупный позвонок копытного хорошей сохранности и залегающий субгоризонтально.

Таким образом, изученная в 2024 г. площадь распространения обоих условно выделяемых КСГ в расчистке 2 подтвердила наличие выразительных уровней концентрации находок, связанных с низами голубовато-серых суглинков и зоной их контакта с нижележащими ожелезненными песками. Справедливость их разделения на два разных КСГ находится под вопросом – не исключено, что при расши-

рении исследуемой площади на восток, в глубину отложений мыса, в итоге будет зафиксирован один выразительный культурный слой.

Результаты работ 2024 г. свидетельствуют в пользу сложной картины распространения КСГ в пределах очевидно одного (локализованного на небольшом узком мысу) среднепалеолитического памятника Челюскинец II. В целом отложения связаны с погребенной формой рельефа, где они накапливались на бортах и в осевой части. Предварительно среди них можно выделить аллювиально-пролювиальные, склоновые и озерные отложения, перекрытые маломощным эродированным чехлом покровных суглинков. Если по правому борту мыса во время раскопок 1980-х гг. состояние культуросодержащих отложений отражало результат смещения или даже переотложения какого-то культурного слоя [Кузнецова, Сергин 1999; Кузнецова 2006], то уровни с находками, зафиксированные в расчистках 2 и 4 по левому борту мыса, скорее, свидетельствуют об обратном. Для уточнения количества, положения и степени сохранности культуросодержащих отложений на Челюскинце II необходимо как минимум расширить изучаемые площади расчисток 2 и 4, а в перспективе заложить раскоп между расчисткой 2 и западной стенкой раскопа 1987 года.

Хронологическое положение культуросодержащих отложений также нуждается в дополнительном изучении. Значительной проблемой для определения хронологии памятника является фрагментарное развитие осадочных отложений, перекрывающих культуросодержащие горизонтально слоистые суглинки. В частности, они отсутствуют на наиболее эродированных частях мыса, то есть зачистках Челюскинец II-2 и Челюскинец II-4. В отличие от абсолютного большинства стратиграфических разрезов региона Нижней Волги (напр.: [Янина и др., 2017; Таратунина и др., 2023]), в строении системы мысов на участке локализации челюскинских памятников отсутствует подробная колонка отложений валдайской эпохи, а сходный гипсометрический уровень бровок системы мысов мо-

жет свидетельствовать об условно единовременном размыве перекрывающих отложений. Также отсутствуют данные о времени формирования погребенной эрозионной формы и в целом реконструкции истории развития долины реки Пичуга в среднем-позднем плейстоцене. Для изучения состава отложений и определения их возраста в каждой из расчисток были отобраны образцы на литолого-геохимический и палинологический анализы, а также серия из 15 образцов на ОСЛ-датирование.

Дальнейшие работы на Челюскинце II будут направлены на исследование вариабельности состояния культуросодержащих отложений, их количества и определения их хронологической позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда – грант № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)».

Research was carried out with financial support by Russian Science Foundation (Project № 24-18-00941) “Paleolithic of the Ponto-Caspian region: changes in material culture and natural environment during the Pleistocene (archeology, chronology, paleogeography)”.

² Выражаем благодарность за помощь в проведении работ Комитету государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, администрации Пичужинского сельского поселения Дубовского района Волгоградской области, жителям хутора Челюскинец и первооткрывателю памятника В.И. Куфенко. Вовлечение в работы Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН памятников Пичужинской группы стало возможным благодаря постоянной поддержке Л.В. Кузнецовой и консультациям с ней. Работы были проведены при активном участии студентов второго и третьего курса кафедр археологии и истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ С.А. Жамбровской, К.Е. Князева и И.И. Носкова. Обеспечением штатного хода работ Нижневолжская экспедиция во многом обязана И.Е. Макридину. В работах принимали участие П.Г. Клименко, Е.В. Казаков и М.В. Ельцов, за что авторы также выражают им крайнюю признательность.

ПРИЛОЖЕНИЯ

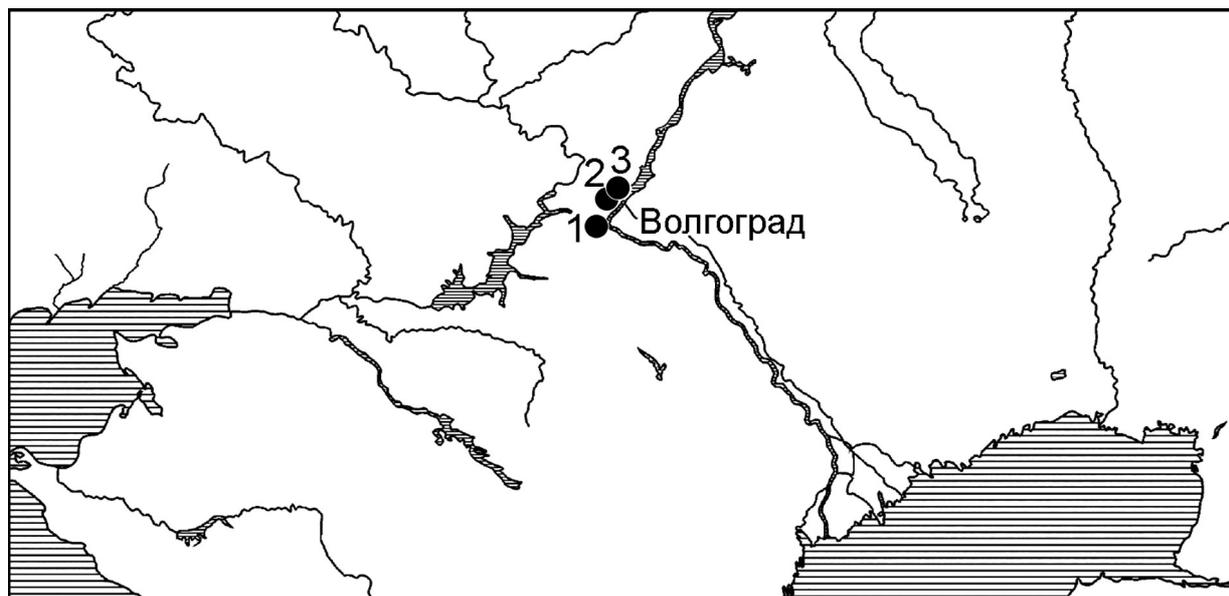

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья и расположение среднепалеолитических памятников:

1 – Сухая Мечетка; 2 – Челюскинец II; 3 – Заикино Пепелище

Fig. 1. Map of the Lower Volga region and location of the Middle Paleolithic sites:

1 – Sukhaya Mechetka; 2 – Chelyuskinets II; 3 – Zaikino Pepelische

Рис. 2. Овражно-балочная система правобережья р. Пичуги в районе локализации памятника Челюскинец II и распределение расчисток 2024 г., вид с северо-запада

Fig. 2. Ridge-and-ravine terrain of the right bank of the Pichuga River in the area of the Chelyuskinets II site and the distribution of sections in 2024, view from the northwest

Рис. 3. Расчистка Челюскинец II-3:

A – Восточная стенка расчистки и положение находок; *B* – медиальный фрагмент мелкой пластины;
C – позвонок бизона

Fig. 3. Section Chelyuskinets II-3:

A – Eastern profile of the section and position of finds; *B* – medial fragment of a small quartzite blade; *C* – bison vertebra

Рис. 4. Расчистка Челюскинец II-2 и положение культуросодержащих горизонтов, выявленных в 2023 и 2024 гг., вид с юго-запада

Fig. 4. Section Chelyuskinets II-2 and position of Cultural Horizons identified in 2023 and 2024, view from the southwest

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецова Л. В., Сергин В. Я., 1999. Местонахождение Челюскинец II // Археологический Альманах. № 8. Донецк : Центр. С. 99–108.
- Кузнецова Л. В., 2006. Местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 22–27.
- Очередной А. К., Иванов Я. Д., Кривошеев М. В., Ремизов С. О., 2023. Разведочные исследования на среднепалеолитических памятниках Нижней Волги в 2023 году // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 333–341. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.18>
- Таратунина Н. А., Рогов В. В., Стрелецкая И. Д., Янина Т. А., Курчатова А. Н., Курбанов Р. Н., 2023. Хронология и условия развития криогенеза в лессово-почвенных сериях Нижнего Поволжья // Геоморфология и палеогеография. Т. 54, № 3. С. 49–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2949178923030118>
- Янина Т. А., Свиточ А. А., Курбанов Р. Н., Мюррей А. С., Ткач Н. Т., Сычев Н. В., 2017. Опыт датирования плейстоценовых отложений Нижнего Поволжья методом оптически стимулированной люминесценции // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 1. С. 21–29.
- Kurbanov R., Murray A., Yanina T., Buylaert J. P., 2024. Dating the Middle and Late Quaternary Caspian Sea-Level Fluctuations: First Luminescence Data from the Coast of Turkmenistan // *Quaternary Geochronology*, vol. 83, art. 101599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101599>

REFERENCES

- Kuznetsova L.V., Sergin V.Ya., 1999. Mestonakhzhdeniye Chelyuskinets II [Chelyuskinets II Site]. *Arheologicheskii Almanakh* [Archaeological Almanac], no. 8. Donetsk, Tsentrl Publ., pp. 99-108.
- Kuznetsova L.V., 2006. Mestonakhzhdeniya Chelyuskinets II i Zaikino Pepelishche [Chelyuskinets II and Zaikino Pepelishche Site]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya* [The Archaeology of Lower Volga Region]. Vol. 1. The Stone Age. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, pp. 18-22.
- Otcherednoy A.K., Ivanov Ya.D., Krivosheev M.V., Remizov S.O., 2023. Razvedochnye issledovaniya na srednepaleoliticheskikh pamyatnikah Nizhney Volgi v 2023 godu [Exploration Studies at the Middle Paleolithic Sites of the Lower Volga River in 2023]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 333-341. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.18>
- Taraturina N.A., Rogov V.V., Streletskaya I.D., Yanina T.A., Kurbanov R.N., 2023. Hronologiya i uslovia razvitiya kriogeneza v lessovo-pochvennih seriyah Nizhnego Povolzhya [Chronology and Development of Cryogenesis in Loess-Paleosol Sequence in the Lower Volga Region]. *Geomorfologiya i Paleogeografiya*, vol. 54, no. 3, pp. 49-66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2949178923030118>
- Yanina T.A., Svitoch A.A., Kurbanov R.N., Murray A.S., Tkach N.T., Sychev N.V., 2017. Opyt datirovaniya pleystotsenovykh otlozheniy Nizhnego Povolzh'ya metodom opticheski stimulirovannoy lyuminestsentsii [Paleogeographic Analysis of the Results of Optically Stimulated Luminescence Dating of Pleistocene Deposits of the Lower Volga Area]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Lomonosov Geography Journal], no. 1, pp. 21-29.
- Kurbanov R., Murray A., Yanina T., Buylaert J.P., 2024. Dating the Middle and Late Quaternary Caspian Sea-Level Fluctuations: First Luminescence Data from the Coast of Turkmenistan. *Quaternary Geochronology*, vol. 83, art. 101599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101599>

Information About the Authors

Aleksander K. Otcherednoy, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. acad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, mr_next@rambler.ru, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Stanislav O. Remizov, Researcher, Historical, Ethnographical and Architectural Museum-Reserve “The Old Sarepta”, Izobilnaya St, 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Yaroslav D. Ivanov, Laboratory Assistant, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Vasilisa S. Smolkina, Laboratory Assistant, Laboratory for Experimental Traceology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, smolkinavasilisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5281-2297>

Ekaterina M. Kezina, Master’s Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, kezinaem@my.msu.ru, keziunchik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6572-6659>

Redzhep N. Kurbanov, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Idris A. Idrisov, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Laboratory of Hydrogeology and Geoecology, Institute of Geology, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Yaragskogo St, 75, 367009 Makhachkala, Russian Federation, idris_gun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7880-9016>

Информация об авторах

Александр Константинович Очередной, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела археологии каменного века, Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, mr_next@rambler.ru, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Станислав Олегович Ремизов, научный сотрудник, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Ярослав Дмитриевич Иванов, лаборант отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Василиса Сергеевна Смолкина, лаборант экспериментально-трасологической лаборатории, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, smolkinavasilisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5281-2297>

Екатерина Михайловна Кезина, магистрант географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, kezinaem@my.msu.ru, keziunchik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6572-6659>

Реджеп Нурмурадович Курбанов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Идрис Абдулбутаевич Идрисов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гидрогеологии и геоэкологии, Институт геологии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, ул. Ярагского, 75, 367009 г. Махачкала, Российская Федерация, idris_gun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7880-9016>

IN MEMORY OF MARINA GLEBOVNA MOSHKOVA (1929–2024)

ПАМЯТИ МАРИНЫ ГЛЕБОВНЫ МОШКОВОЙ (1929–2024)

10 августа 2024 г. на 96-м году ушла из жизни Марина Глебовна Мошкова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, ведущий специалист в области сарматоведения.

Марина Глебовна родилась в г. Киеве 30 июля 1929 года. В 1952 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по кафедре археологии, в 1956 г. – аспирантуру ИА АН СССР, после чего она начинает трудовую деятельность в Институте археологии АН СССР (РАН) (мл. науч. сотр., ст. науч. сотр., ведущий науч. сотр., зав. отделом, гл. науч. сотр.). В том же 1956 г. под руководством К.Ф. Смирнова ею была защищена кандидатская диссертация «Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья». В 1989 г. – докторская диссертация в виде научного доклада «Пути и особенности развития “савромато-сарматской” культурно-исторической общности».

Научные интересы Марины Глебовны были связаны с археологией ранних кочевников евразийских степей – савроматской и сарматскими культурами. В своих многочисленных работах М.Г. Мошкова затрагивала различные аспекты археологии и истории ранних кочевников Волго-Уралья, последовательно развивая идеи своих учителей – Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова. Перу Марины Глебовны принадлежат более 130 научных работ, многие из которых стали классическими в вопросах изучения савроматской и сарматских культур и вошли в золотой фонд отечественной археологии.

Одной из ключевых проблем в ее работах становится происхождение раннесарматской культуры. В монографической работе, вышедшей в свет в 1974 г., Марина Глебовна, развивая идеи

Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, сформулировала мысль о том, что раннесарматская (прохоровская) культура формировалась на основе генетически родственной ей савроматской культуры и пришлого иноэтнического компонента в результате их активного взаимодействия. В 1989 г. в своем научном докладе на соискание ученой степени доктора наук Марина Глебовна приходит к оформлению новой научной дефиниции – «савромато-сарматская культурно-историческая общность», закрепляя идеи эволюционной последовательной смены сарматских культур. Помимо теоретических проблем М.Г. Мошкова в своих работах рассматривала вопросы, касающиеся многих аспектов, связанных с погребальным обрядом, вещевым комплексом и генезисом данных культур, то есть являлась «системообразующим» специалистом в области раннекочевнической археологии.

Необходимо отметить широкую географию полевых работ М.Г. Мошковой. Она принимала участие в экспедиционных работах на Украине, в Дагестане, на территории Нижнего Поволжья, Подонья, Южного Приуралья, Западного Казахстана, руководила отрядами в составе экспедиций К.Ф. Смирнова, впоследствии возглавляла Оренбургскую (Южно-Уральскую), Багаевскую, Западно-Казахстанскую экспедиции. Под руководством Марины Глебовны были раскопаны такие известные памятники ранних кочевников, как Аландские курганы, Ново-Кумакский курганный могильник, курганы Лебедевского некрополя и др., ставшие опорными для изучения раннекочевнических древностей Волго-Уралья. Исследованные М.Г. Мошковой курганные некрополи степной полосы Южного Урала стали ключевыми не только для изучения раннекочевнических древностей Волго-Уралья, но и для создания хронологических схем и реконструкций культурно-исторических процессов степей Евразии.

В 1980–2000-е гг. Марина Глебовна выступает в качестве ответственного редактора многочисленных тематических сборников и монографий, в числе которых такое фундаментальное издание, как «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время».

Кроме активной научной работы М.Г. Мошковой осуществлялась плодотворная научно-организационная деятельность. В 1993–2002 гг. Марина Глебовна являлась заведующей отделом скифо-сарматской археологии. Она была автором и руководителем ряда проектов и грантов, в частности совместного с зарубежными коллегами проекта «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии». Под научным руководством М.Г. Мошковой были подготовлены четыре выпуска изданий, посвященных савроматской, раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культурам.

Она входила в состав Ученого совета, Диссертационного совета ИА РАН, одного из Диссертационных советов исторического факультета МГУ, редакционного совета журнала «Российская археология». Помимо этого, М.Г. Мошкова в составе оргкомитетов активно занималась организацией и подготовкой многочисленных конференций, посвященных древней истории Евразии, была одним из инициаторов ее создания, членом постоянного оргкомитета конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», а также долгие годы активным ее участником. Большое внимание уделялось научной подготовке специалистов-сарматоведов, а также установлению научных связей с региональными археологическими центрами Волго-Уралья, где в настоящее время трудятся ее ученики. М.Г. Мошкова являлась Почетным доктором Волгоградского государственного университета. При ее активной поддержке в рамках НИИ археологии Нижнего Поволжья при Волгоградском университете был организован Центр изучения истории и археологии сарматов, работа которого имеет важное значение для разработки ряда методических и методологических вопросов, касающихся археологии сарматских древностей. М.Г. Мошковой осуществлялось научное руководство кандидатскими диссертациями Б.Ф. Железчикова и И.В. Сергацкова. Тесное научное сотрудничество М.Г. Мошковой с А.С. Скрипкиным позволило создать в Волгограде творческий коллектив археологов, активно работающий по различным направлениям сарматской археологии. Плодотворное научное сотрудничество осуществлялось М.Г. Мошковой с сарматологами Оренбурга, Уфы, Челябинска. На современном этапе, во многом благодаря научной и научно-педагогической деятельности Марины Глебовны, ее активной творческой работе с

сарматологами Москвы и региональных центров, отечественная сарматская археология динамично развивается.

Марина Глебовна была признанным лидером российского сарматоведения, и с ее уходом отечественная наука понесла невосполнимую утрату. Отраднo, что одна из улиц г. Орска Оренбургской области носит имя М.Г. Мошковой.

Светлая память о Марине Глебовне навсегда сохранится в сердцах ее коллег, друзей и учеников.

С.В. Демиденко, В.Ю. Малашев, С.В. Сиротин

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

33 >

9 772587 812000